

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07919868 9

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. Говорскимъ.

ЯНВАРЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

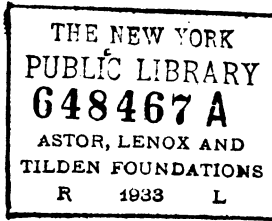
ТОМЪ III.

КИЕВЪ.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

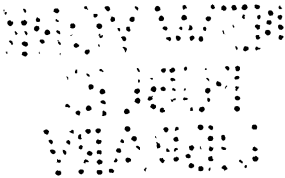
1863.

Printed in Russia,

Печатать дозволяется. Киевъ. 27 Февраля 1863 года.

Цензоръ **Малышевскій.**

И.

№ 21.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОНЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ВЪ БЫВШИХЪ ПОДЪ ВЛАСТІЮ ПОЛЬШИ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ (1).

Выпись изъ варшавской королевской канцеляріи о гвалтовномъ нападеніи уніатскаго Генеральнаго инстингатора Андрея Глинскаго на мошногорскихъ числомъ пятнадцати монаховъ, между коими былъ одинъ Іеромонахъ и шесть работниковъ на земли правомъ наданной монастырю княземъ Любомирскимъ во время просянычъ живовъ съ своими казаками, изъ коихъ поймавъ двѣнадцать монаховъ въ числѣ коихъ Іеромонахъ былъ а прочіе бѣгствомъ спаслись, велѣлъ забрать козакамъ одѣяніе монашеское, книгъ, воловъ двѣнадцать, каждой по пятнадцать рублей, коней четыре по четырнадцать рублей а одинъ шестьнадцать рублей, возовъ воловыхъ шесть а конскихъ два, воловы по два рубли а конскихъ по одному, канатовъ и другихъ хозяйственныхъ припасовъ на востѣмъ рублей, казановъ (котловъ) мѣдныхъ два цѣна двенадцать рублей, проса молоченнаго забрато возовъ два, а сноповъ сто двадцать копъ по забратіи монаховъ пропало; а когда тѣхъ монаховъ възанныхъ до Корсуна представлено, Офиціалъ Григорій Мокрицкій велѣлъ закинуть въ тюрьму а потомъ всѣхъ заковавъ по два въ желѣза, отослалъ въ митрополитанскій радомышлскій консисторъ, въ которомъ его братъ ксендзъ Василій Мокрицкій засѣдателемъ велѣлъ тотъ жиду обрѣзать бѣднымъ монахамъ на послѣднее уничиженіе на головахъ и бородахъ волоса и

(1) Доставлено А. Е. Зайкевичемъ.

бить розгами безъ пощады, такъ что каждаго водою отливали, и такъ умученныхъ въ темницахъ содержалъ въ которыхъ едва мало выздоровѣли, вѣрно тачками на валы землю возить, но его работою обременяемы были безъ одѣвiя и босы чрезъ лѣто и зиму, по забратii монаховъ и скота монастырь остался вовсѣ опустошенъ и крайнѣ разоренъ, ибо оставшимся въ монастырѣ монахамъ застрахъ отъ нюдъ опротестоватся невозможно было, какъ же свѣдано, что росiйскiя войска вступили въ польскiя границы, да при томъ призгашено отъ Его королевскiй милости и свѣтлѣйшей рѣчи посполитой ея императорскаго величества установлецiю безъ препятственнаго исповѣданiя каждому своей религii, выпроважены тѣ монахи митрополитанскими казаками тайными изъ Радомишля въ свой монастырь дорогами, чтобъ случайно не встрѣтились съ росiйскимъ войскомъ, тогда игумень Герасимъ Дубровскiй прибывшу въ Варшаву всеподданнѣйше опрестостовалъ нанесенную монахамъ обиду въ 1767 году.

№ 22.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РАЗДѢЛЕНIЯ ПОЛЬШИ.

ПРИБАВЛЕНIЕ КЪ ВАРШАВСКОЙ ГАЗЕТЪ.

№ 41, 23 мая 1792 года

(Переводъ съ польскаго.)

Изъ Варшавы, 23 Мая. *Декларация русскаго Двора*, представленная нашему Двору, 18 числа настоящаго мѣсяца, чрезвычайнымъ посланникомъ и уполномоченнымъ министромъ ея императорскаго величества, Г. Булаковымъ, а 21 того же мѣсяца читанная на *сеймовой сессии*, въ присутствii Гг. *представителей* (arbitrów), эта декларация заключается въ слѣдующемъ:

ДЕКЛАРАЦIЯ.

Свобода и независимость свѣтлѣйшей Рѣчи посполитой польскоi всегда и для всѣхъ ея сосѣдей были предметомъ особенной заботливости и ея величество императрица всѣй Россii,

1891 DEC 14 1931

соединенная; кромѣ того, съ Рѣчью-посполитой *натуральными* и *формальными* союзами; тѣмъ болѣе считала своею обязанностию тщательно заботиться о невинновновенномъ сохраненіи этихъ двухъ дорогихъ правъ, изъ которыхъ слагается ея политическій бытъ.

Эта-то постоянная и великодушная заботливость ея величества императрицы, возникающая столько же изъ любви къ порядку и справедливости, сколько тѣ ея доброжелательства тому народу, который такъ дорогъ въ ея глазахъ и по единству первоначальнаго происхожденія и языка и по многимъ другимъ натуральнымъ связямъ съ ея народомъ, эта заботливость не гармонировала, конечно, съ честолюбивыми тенденціями магистоловцевъ: недовольные той долей власти, какую дали имъ мѣстныхъ права, они стремились къ расширенію ея путемъ нарушенія этихъ же мѣстныхъ правъ. Для такихъ честолюбивыхъ цѣлей, люди эти не пренебрегали ни чѣмъ, что могло бы, съ одной стороны, ослабить дѣятельное вниманіе ея величества императрицы къ сохраненію правъ и прерогативъ почтеннаго польскаго народа, а съ другой—помрачить чистоту и благотворность ея намѣреній, давая имъ значеніе, совершенно противоположное ея тенденціямъ: они вѣроломно успѣли представить и изъяснить, какъ тяжелое и позорное иго тотъ актъ, по которому Россія гарантируетъ права и легальную конституцію польскаго народа, между тѣмъ какъ самая могущественная держава, въ томъ числѣ и Имперія Нѣмецкая, не только никогда не отвергали подобныхъ гарантій, напротивъ думали, старались объ нихъ и принимали ихъ, какъ самую прочную опору своихъ правъ и своей независимости.

Впрочемъ, свѣжо еще событіе, болѣе чѣмъ всѣ аргументы, показываетъ, на сколько эта гарантія можетъ быть полезна и необходима, оно показываетъ, что безъ нея Рѣчь-посполитая, павъ подъ ударами домашнихъ враговъ, не имѣла бы другихъ правъ на свое возстановленіе и покровительство со стороны ея величества императрицы, кромѣ ея дружбы и великодушія.

Тѣмъ не менѣе, люди издавна задумавшія уничтожить священную вѣками народную свободу и ободренные успѣхомъ, съ какимъ удалось имъ увлечь вѣкоторую часть народа столькими обманами и распространенными ложными началами, выжидали только благоприятной минуты для исполненія своихъ

страшныя замыслы: они думали найти ее во время двухъ войнъ, которыми Россія была сразу обезпокоена. Въ это самое время собрался сеймъ въ Варшавѣ. Инструкціи, данныя всѣмъ воеводствами своимъ послали, показываютъ, что эти воеводства желали видѣть въ немъ сеймъ свободный и обыкновенный; однакожь онъ варугъ и безъ всякой причины дѣйствительной или мнимой принять характеръ конфедерации. Обнародованный актъ этой конфедерации заключалъ въ себѣ тѣ предметы, которые, какъ самыя важныя, должны были въ особенности затруднять сеймъ, именно: сохраненіе свободнаго республиканскаго правительства, сохраненіе магистратовъ съ ихъ должностями и наконецъ сохраненіе собственности помѣщиковъ. Пусть же теперь самъ польскій народъ судить, какъ далеко уклонился сеймъ отъ этихъ предметовъ, предложенныхъ общественному довѣрію, своими послѣдующими дѣйствіями, діаметрально противоположными первымъ.

Не входя здѣсь въ подробный разсказъ о всѣхъ противо-законныхъ дѣйствіяхъ, о всѣхъ нарушеніяхъ правъ и цѣлостности Рѣчи-посполитой, какія позволилъ себѣ этотъ сеймъ — конфедерация или, лучше, преобладавшая на немъ партія, достаточно сказать, что присвоивши и, такъ сказать, воплотивши въ себѣ все власти, — которыхъ соединеніе въ одной рукѣ никогда не можетъ мириться съ формами республиканскими, — онъ злоупотребилъ каждою изъ нихъ самымъ страшнымъ образомъ, продолжилъ свое существованіе болѣе, чѣмъ на три съ половиною года, — продолженіе не имѣющее примѣра въ исторіи польской, — и наконецъ завершилъ все свои печальныя предпріятія совершеннымъ разрушеніемъ въ одинъ день. 3 Мая 1792 года, всего правительственнаго строя, при которомъ столько и такъ благополучно существовала Рѣчь-посполитая. Возвысившаяся на его развалинахъ монархія представляетъ въ своихъ новыя и, по видимому, ограничивающихъ правахъ только претиворѣчіе однихъ другимъ, не сообразность ихъ съ правами древними и совершенную недостаточность сравнительно со всѣми другими формами; она не оставляетъ полякамъ даже тѣни той свободы, о которой они всегда заботились. Престолъ польскій изъ избирательнаго сдѣланъ наследственнымъ, законъ о престолонаслѣдіи, который продиктовала мудрость ихъ предковъ, и которымъ за-прецещается при жизни короля думать объ избраніи его наслѣд-

ника, этотъ законъ нагло нарушентъ, подобно всѣмъ другимъ законамъ, обезпечивавшимъ непрерывное существованіе Рѣчи-посполитой. Самые средства, употребленныя для исполненія столькихъ противозаконныхъ дѣйствій, указываютъ на насильственный революціонный характеръ послѣднихъ: крѣпость и сеймовая палла наполняются варшавскимъ посполитствомъ; сюда же вводится людъ, вооруженный выдвинутыми изъ арсенала пушками; для содѣйствія посполитству собираютъ полкъ артиллеріи и литовскую гвардію; возбуждаютъ въ народѣ ярость противъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ боязливо ожидали оппозиціи; многими посылать, депутатамъ, неизмѣннымъ въ своихъ патрістическихъ чувствахъ, грозятъ лишеніемъ жизни. Посолъ калышскій, Сухоржевскій, униженно ползавшій предъ престоломъ, чтобы напомнить королю святость клятвъ, данныхъ имъ въ *Pactis conventis*, въ атомъ святомъ и неварушимомъ союзѣ съ народомъ жестоко ноше-рается ногами, съ презрѣніемъ священнаго характера его, какъ представителя народнаго и къ соблазну каждаго поляка, еще не вполне потерявшаго чувство чести и свободы. И эту-то революцію, вызванную такимъ насильственнымъ образомъ, ея агитаторы стараются представить какъ свободное и единодушное выраженіе народной воли.

Однакожь для нихъ недостаточно было этихъ внутреннихъ бѣдствій, внесенныхъ въ свое отечество, они старались еще навлечь на него несчастья вѣшнія, вводя его въ ссоры и даже въ открытую войну съ Россією, въ свою старую союзницу, а самымъ лучшимъ и самымъ постояннымъ другомъ Рѣчи-посполитой и народа польскаго. Только великодушіе императрицы, а въ особенности справедливость и совершенство ума, дающія ей возможность отличить дѣло интриги отъ дѣла общенароднаго, могли сдержатъ тѣ рѣшительныя дѣйствія, къ которымъ она была постоянно побуждаема. Краткій очеркъ событій ясно покажетъ справедливость этого представленія.

Когда Оттоманская Порта объявила войну Россіи, посланникъ великой императрицы представилъ министрамъ Рѣчи-посполитой ноту, извѣщая о переходѣ русскихъ войскъ чрезъ Польшу и предлагая назначить комиссаровъ въ воеводства, ближайшія къ позиціи этихъ войскъ; комиссаровъ, съ которыми бы можно было совместно условиться и распорядиться относительно платежа, заготовленія жизненныхъ припасовъ и сугража,

предложеніе дружеское, выгодное для обеихъ сторонъ, не смотря на возникшія и уже замѣтныя въ то время непріязненныя отношенія. Но какъ скоро сформировался сеймъ, какъ скоро прокътъ объ увичтоженіи Рѣчи посполитой сталъ обозначаться ясно и переселилъ всѣ стремленія къ сохраненію внутренняго и внѣшняго спокойствія, тогда не только начали настоятельно требовать удаленія всѣхъ русскихъ войскъ, не исключая и лишняго числа оберегавшихъ запасныя магазины, отъ границъ польскихъ; но и всячески старались препятствовать снабженію ихъ необходимыми жизненными припасами, не позволяли строить новыхъ магазиновъ, напротивъ требовали, что бы и прежде построенные были перенесены за предѣлы Рѣчи-посполитой. По этому государственная комиссія заявила противно всякой справедливости желаніе, чтобы съ этихъ магазиновъ, вывозимыхъ за границу, и устроенныхъ съ такими издержками для Россіи и съ такими выгодами для польскихъ владѣльцевъ платима была повинна на Днѣстрѣ. Подобныя требованія далеко не соответствуютъ тѣмъ отношеніямъ, какія должны существовать между двумя соедѣнными государствами, соединенными, кромѣ того, узлами дружбы племяннаго родства и мира. Всякаго рода стѣсненія, придуманныя для подданныхъ императрицы, дошли наконецъ до того, что нѣкоторыхъ изъ жившихъ въ областяхъ Польши часто для спекуляцій, —которыя они вели на основаніи трактатовъ и международнаго права, —обвиняли въ возбужденіи мѣстныхъ жителей въ бунту, подъ этимъ предлогомъ брали ихъ и сажали въ тюрьму, судьи, не находя ни какихъ слѣдовъ навязаннаго имъ преступленія, мученіями старались выпудить у нихъ признанія своей вины и, за это принужденное сознаніе, осуждали ихъ съ полною жестокостію на казнь и съ какою же жестокостію позволяли исполнять ее. Это первое проявленіе несправедливости негуманности и жестокости открыло пути всякаго рода инквизиціямъ, которыя всею своею тяжестію падали въ особенности на дворянъ тѣхъ провинцій, гдѣ исповѣдывали православно-греческую религію. Епископъ переиславскій и, вмѣстѣ, игуменъ саяцкій, подданный императрицы, палъ также жертвою этого преслѣдованія: не смотря на высокую степень, на какой стоялъ онъ среди духовенства, не смотря на чистоту нравовъ и строгость правилъ, этотъ епископъ обвиненъ въ преступленіяхъ (которыя необходимо было изобрѣтать въ каждый мѣ-

ментъ злобы и стремленія къ безпорядку). схваченъ и увезенъ въ Варшаву, гдѣ и доселѣ держатъ его въ тяжеломъ плѣну. Не болѣе сохранены были международныя права по отношенію къ министрамъ императрицы въ самой столицѣ польскаго государства; ихъ церковь, составляющая, по видимому, часть занимаемаго ими дворца, представляетъ, по выставленному на ней русскому гербу, мѣсто привилегированное, и однакожь она была осквернена: польскій солдатъ, впаавъ на эту церковь, насильно вытащилъ одного изъ принадлежавшихъ къ ней и представилъ его, безъ всякой причины, въ судъ, къ которому онъ нисколько не былъ подчиненъ. Когда же русскіе министры потребовали справедливости въ этомъ дѣлѣ, имъ отказали подъ благовидными предлогами,—словомъ, не только нарушены были всѣ, самыя торжественныя трактаты, какіе Россія заключала, и притомъ въ самыхъ важныхъ пунктахъ, но, въ добавокъ ко всему этому, отправлено чрезвычайное посольство къ Портѣ, во время открытой войны ея съ Россіей, съ предложеніемъ наступательнаго союза, направленаго исключительно противъ Россіи: очевидныя доказательства этого можно найти въ архивѣ министерскихъ корреспонденцій варшавскаго кабинета. Среди голосовъ, раздававшихся на сеймовыхъ сессіяхъ, не было сохранено даже уваженіе къ особѣ и столь знаменитому достоинству императрицы, и это легкомысленное неприличіе, вмѣсто заслуженнаго порицанія, встрѣтило еще одобреніе со стороны предводителей той партіи, которая ниспровергла право и правительство Рѣчи-посполитой.

Самая малая изъ этихъ обидъ, далеко неравная тѣмъ, которая опускаются здѣсь для краткости показанія, достаточна, однакожь, сама по себѣ для оправданія предъ Богомъ и иностранными государствами дѣйствій ея величества императрицы, какія бы ни предприняла она для ея удовлетворенія; но ея мысль далека отъ этого, свойственная ей справедливость не позволяетъ сливать весь народъ польскій съ тою его частію, которая измѣнила обществу доврѣю, она, напротивъ вполне убѣждена, что большинство этого народа нисколько неприкосновенно ко всему происходившему въ Варшавѣ, и направленному противъ ней и противъ Рѣчи-посполитой, ея стараго друга. Ея величества готова оставить свой справедливый гнѣвъ, надѣясь, — и эта надежда болѣе соотвѣтствуетъ ея благороднымъ

и миролюбивымъ чувствамъ, — что всё эти оскорбительныя для нея дѣйствія уже исправлены созваніемъ другаго сейма, болѣе вѣрнаго своимъ инструкціямъ и кореннымъ, неизмѣннымъ правамъ страны, чѣмъ сеймъ нынѣшній, который нарушилъ самымъ очевиднымъ образомъ всё эти права, и самъ собою, нелегально и съ презрѣніемъ всёхъ законовъ, опредѣлилъ свои дѣйствія.

Но если ея величество такъ равнодушна къ своимъ личнымъ оскорбленіямъ, она не можетъ, однакожъ, быть также равнодушна къ тѣмъ жалобамъ, какія занесены къ ней многими поляками, въ томъ числѣ нѣкоторыми, столькоже извѣстными своимъ знаменитымъ происхожденіемъ и общественнымъ значеніемъ въ Рѣчи посполитой, сколько своимъ благороднымъ патріотизмомъ и способностями къ служебной дѣятельности въ отечествѣ. Движимые чистою и похвальною ревностію къ спасенію своего отечества, къ возстановленію его прежней свободы и независимости, эти люди соединились между собою для образованія законной конфедераціи, какъ чрезвычайнаго средства, необходимаго для противодѣйствія тѣмъ бѣдствіямъ, какія наложила на народъ конференція варшавская, — конфедерація незаконная, управляемая силою, а не правомъ. Она желала, для этой цѣли, содѣйствія и опоры со стороны императрицы, и она обѣщала имъ то и другое, движима дружескими чувствами и благожеланіемъ Рѣчи посполитой, а болѣе всего заключенными съ ней трактатами,

Для исполненія этого обѣщанія императрица приказала одной части своихъ войскъ двинуться въ области Рѣчи-посполитой: они вступаютъ въ нихъ какъ друзья, для совмѣстнаго возстановленія Рѣчи-посполитой въ ея правахъ и прерогативахъ. И всё тѣ, которые признаютъ такими эти войска, будутъ обезпечены въ неприкосновенности своихъ личностей и собственности. Ея величество императрица льститъ себя надеждою, что каждый полякъ, истинно любящій свое отечество, сумѣетъ оцѣнить ея намѣренія, убѣдиться у себя дома въ ихъ чистотѣ и за тѣмъ искренно, вопли съочувствовать всёмъ усиліямъ, какія подняты будутъ ею, съ общаго согласія всёхъ истинныхъ патріотовъ, для возвращенія Рѣчи-посполитой ея свободы, ея правъ и прерогативъ, отнятыхъ мнимою конституціей 3 мая: каждый полякъ, дѣйствующій такимъ образомъ, будетъ служить своему собственному благу, своимъ интересамъ. Если кого при-

водитъ въ недоумѣніе и нерѣшительность присяга, данная имъ по принужденію, или вынужденная силою и обманомъ, тотъ пусть знаетъ, что та только присяга свята и справедлива, которая внушаетъ сохранять и заперещать, хотя бы-то съ потерю самой жизни, свободное и древнее республиканское управленіе, и что возстановленіе этой старой присяги представляетъ единственное средство къ исправленію недавней ложной присяги. Но если кто останется непреклоненъ въ своихъ разрушительныхъ началахъ, которыми онъ допустилъ опутать себя, и будетъ противодѣйствовать благотворнымъ стремленіямъ императрицы и своихъ согражданъ, тотъ пусть самъ себя винить за тѣ несчастія и ту строгость, какою онъ подвергаетъ себя, тѣмъ болѣе, что отъ него же зависѣло уклониться отъ этихъ несчастій путемъ скораяго, искренняго раскаянія и исправленія.

Нижеподписавшійся чрезвычайный посланникъ и уполномоченный министръ имѣетъ порученіе довести о такихъ намѣреніяхъ ея величеству императрицы, и имѣетъ съ тѣмъ признать почтенный народъ польскій къ возложенію всей своей надежды на великодушіе и безкорыстіе, которыя управляютъ дѣйствіями ея величеству и вызываютъ въ ней самое живое желаніе скорѣйшаго утвержденія Рѣчи-посполитой въ ея коронныхъ началахъ многоразумнаго равновѣсія, какъ самаго вѣрнаго средства къ сохраненію внутренняго и внѣшняго спокойствія, къ скрѣпленію добрыхъ сосѣдственныхъ отношеній и мира со всѣми своими сосѣдами.

Дано въ Варшавѣ, 1792 года, 7/18 мая.

На подлинномъ написано: *Яковъ Булаковъ.*

№ 23

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

648467 A

РѢЧЬ, ПРОИЗВЕСЕННАЯ ПОКОЙНЫМЪ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ I ВЪ ВАРШАВѢ, ВЪ ЛАЗЕНКОВОМЪ ДВОРЦѢ

16 октября 1835 года, по случаю аудіенціи польскихъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій города.

Повелѣвъ войти депутаціи города въ особую залу, его величество, въ присутствіи находившагося здѣсь генераль фельдмаршала, намѣстника царства, когда одинъ изъ нихъ началъ отъ лица всѣхъ говорить рѣчь, прервалъ ее, сказавъ: «довольно!»

«Я знаю, господа, что вы хотѣли мнѣ сказать, я даже знаю содержаніе вашей рѣчи и остановилъ ее, чтобы не допустить васъ до лжи; ибо я знаю, что чувства ваши не такія, какими вы хотите представить ихъ мнѣ. Да, и могу ли повѣрить имъ, когда вы тоже самое говорили мнѣ на канунѣ мятежа.»

«Не вы ли сами говорили мнѣ, назадъ тому 5 лѣтъ, о вѣрности и преданности и обнаруживали предо мною самую непоколебимую приверженность? Какія же послѣдствія того? Имъ нарушили клятву, вы произвели ужасныя дѣйствія.

«Императору Александру I, который сдѣлалъ для васъ болѣе, нежели долженъ былъ сдѣлать императоръ россійскій (я это говорю потому, что такъ думаю), который осыпалъ васъ благодѣяніями, давалъ вамъ преимущества болѣе, нежели собственнымъ своимъ подданнымъ и сдѣлалъ васъ народомъ счастливѣйшимъ и цвѣтущимъ; императору Александру вы заплатили самую постыдную неблагодарностію, вы никогда не могли довольствоваться самымъ выгоднымъ положеніемъ и, наконецъ, сами же разрушили ваше счастье.»

«Я говорю вамъ здѣсь истину, для объясненія нашего взаимнаго положенія и чтобы вы хорошо знали чего держаться, потому что вижу васъ и говорю вамъ въ первый разъ послѣ возмущенія.»

«Господа! нужны ваши дѣйствія, а не слова, раскаяніе должно происходить отсюда (указывая на сердце); я говорю вамъ хладнокровно, вы видите меня спокойнымъ. я не злопамятенъ и буду благотворить вамъ противъ вашей воли. Фельдмаршалъ, котораго видите здѣсь, выполняетъ мои намѣренія, содѣйствуетъ мнѣ въ моихъ видахъ и заботится о вашемъ благосостояніи (при этихъ словахъ, всѣ члены депутаціи поклонились фельдмаршалу). Императоръ возразилъ: а это что, господа? Что доказываютъ эти поклонны?—Вовсе ничего! Прежде всего вамъ должно исполнять свои обязанности, должно вести себя, какъ честнымъ людямъ.

Вамъ, господа, предлежатъ два пути или упорствовать въ вашихъ мечтахъ о независимой Польшѣ, или жить спокойно и, какъ вѣрнымъ подданнымъ, подъ моимъ правленіемъ. Если станете упорствовать въ вашихъ призракахъ объ утопіи отличительной народности, независимой Польнѣ и всѣхъ этихъ химерахъ, то только можете навлесть на себя большія бѣдствія. Я построилъ здѣсь александровскую цитадель, и объявляю вамъ, что, при малѣйшемъ возмущеніи, я велю разрушить городъ, я истреблю Варшаву и, конечно, не я восстановлю ее.»

«Мнѣ весьма прискорбно такъ говорить вамъ, весьма больно монарху обходиться такимъ образомъ съ своими подданными. Но я говорю вамъ это для вашего собственнаго блага. Вы господа должны подумать о томъ, чтобы заслужить забытіе прошедшаго, и поступками вашими и преданностью правительству можете только достигнуть этого.»

«Мнѣ извѣстно, что между вами есть сношенія съ заграничными злоумышленниками, что сюда пересылаются зловредныя сочиненія, чѣмъ стараются испортить духъ народа, но никакая въ свѣтѣ полиція, при такой границѣ, какова ваша, не можетъ воспрепятствовать тайному сношенію. Вамъ самимъ нужно наблюдать за этимъ и отклонять зло, воспитывая дѣтей нашихъ въ благонравіи, вливая въ нихъ правила религіи и вѣрности государю ихъ, такимъ образомъ вы можете достигнуть счастья. Среди всѣхъ смятеній, возмущающихъ Европу, и всѣхъ ученій, вездѣ потрясающихъ общественное зданіе, одна Россія остается сильною и неприкосновенною. Повѣрьте мнѣ, господа, что принадлежать къ этой имперіи и пользоваться ея покровительствомъ есть истинное счастье. Увѣряю васъ, что я буду благодѣтельствовать вамъ противъ вашей воли. Если вы будете вести себя хорошо, если вы будете исполнять ваши обязанности, отеческое попеченіе мое распространится на всѣхъ васъ, не взирая на все прошедшее, правительство мое всегда будетъ заботиться о вашемъ счастьи, о вашемъ благосостояніи.»

«Помните хорошо все, что я вамъ говорилъ.»

Образчикъ еще неспорченного польскимъ влияніемъ древняго русскаго языка, временъ короля Сигизмунда 1-го, на которомъ говорили и писали наши предки, обитавшіе на всемъ пространствѣ западной Россіи, доказывающій тождественность съ общерусскимъ (такъ называемымъ нынѣшнимъ малоросійскимъ филологами великорусскимъ) языкомъ до петровскихъ временъ.

Жалованная подтвердительная грамота короля Сигизмунда 1-го городу Витебску на права и вольности, дарованныя сему городу прежними королями. 1509 г. февраля 18.

(Извлечена изъ книги привиллей, находившейся въ архивѣ витебской градской думы.

Сигизмонть Божю милостию король польски, велики князь литовски, руски, княже пруское, жомойдски, мазовецки и ипыхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ кто на него посмотритъ, або зъ его чтучи слышитъ нынешнимъ и напотымъ будущимъ, кому будетъ потреба ведати. Били намъ чоломъ князи и бояре витебскіе и вси мещане места витебского и вся земля витебская и поведели передъ нами штожь пришедши злодеи зъ Великаго Новгорода, покрали у нихъ церковь Пречистые Богоматери и въ той церкви привеле и ихъ украли, которыхъ они отъ отца нашего короля его милости и ковию того привилею предъ братомъ нашимъ королемъ Александромъ клали, и его милость на то имъ свой привилей далъ а тотъ оный привилей предъ нами указали и били намъ чоломъ абыхмо имъ на то нашъ листъ привилей дали, потомуужъ ино мы зъ ласки наше за ихъ къ намъ верную службу пожаловали есмо ихъ етымъ, дали есмо нашъ листъ. Потомуужъ яко онъ нашъ король его милость имъ былъ далъ и такъ тежъ и привилей брата нашего Александра короля его милости выписано, чтобъ намъ въ дома церковныя, въ домъ Божій Святое Богородицы и въ домъ Божій Святаго Духа и тежъ въ домъ Божій Благовѣщеня Пречистое и во инвыи церкви неступатися и въ купленны,

которые будутъ куплены зъ нашими дозволенемъ и въ безар-
 щинѣ и въ отмѣрицзны (1) витебскіе тежъ не маемъ вступна-
 тися и жонъ ихъ силой замужъ издавати. А которы Витебля-
 нинъ умираю откажетъ кому остатокъ своего имѣнія и въ то
 намъ не вступатися (2). Ани въ подводи коней вгородскихъ лю-
 дей спосельскихъ путныхъ (3) не обрати А холопу и рабе веры
 поняты, а обиды и sprawy дати. А продковъ нашихъ вели-
 кихъ князей судовъ непосужовати, чинити намъ съ Витебляни
 по испросу, а безъ спросу Витеблянина неказнити, а своихъ
 судовъ непосужовати (4). А вина придетъ ино намъ ихъ по-
 виненъ казнити, а чоломъ битъ намъ у Витеблянъ прыймати,
 и черезъ паруку въ железа ихъ не сажаючи, а ни въ которую
 муку, а отчинъ у нихъ неотнимати. Такожъ въ села ихъ, въ
 поля кѹплениыя не вступатися, а на заочныя поведѣнія не вери-
 ти, а хто имѣти ихъ обмовляти, того намъ Витеблянѣмъ объ-
 явити. А въ zostаву (5) нигде Витеблянъ не сажати. А на вой-
 ну быти имъ посполъ зъ нами готовымъ. А по волости Ви-
 тебской Воеводе пашому не ѣздити, а поѣдетъ въ ловы ино его
 посланомъ не дарити. А станется у котораго Витеблянина татба
 и дочуетя лицомъ татбы ино Витеблянину татба вся лицомъ
 вернути. А чого лицомъ недочуетя, которые татбы ино всу
 съ татиного дому зъ жонюю его и детми заплатити гибель его,
 а въ томъ тати оны вольны, а небудеть у тати чимъ платити
 татбы, ино его всу выдати и где его исхочеть тамъ его де-
 нетъ. А сябровъ (6) городскихъ у приговъ не гнати, ани въ
 подвѣды въ ловы, такъ тежъ и у вѣсы витебскіе, ани въ локти
 намъ не вступоватися. А коли которы Витеблянинъ у вѣса про-

(1) *Отмѣрицзна*, отъ слова мѣрить, отмѣривать, означаетъ пош-
 линну, собираемую съ городскихъ мѣръ, которыми продавцы
 отмѣривали покупателямъ зерновой хлѣбъ, крупу и проч.

(2) Дозволяется умирающему отказывать свое имѣніе, кому онъ
 захочетъ.

(3) Путный—походный, дорожный.

(4) Отмѣняется узаконеніе прежнихъ князей литовскихъ, по кото-
 рому мѣщане судились въ судахъ шляхты, но теперь будутъ
 судимы только судомъ королевскимъ.

(5) Застава—сторожка, караульня; посадить въ zostаву значить
 взять подъ арестъ.

(6) Сябрь—товарищъ, согражданинъ.

ступитъ, або въ лѣкти, ино Витеблянномъ самимъ казнити виноватого по своему праву и намъ въ то не вступатися. А въ которого Витеблянина забрѣяють воскъ въ Ризѣ, або где индой, а приѣдетъ до Витебска, ино Витеблянномъ самимъ казнити виноватого, а намъ въ то не вступатися. А где чья отчина ослѣца, рѣни, або озера, намъ и въ то не вступатися, а Витеблянномъ вынми рѣкъ и озеръ пѣтаити, а хто потаити ино намъ тыхъ карати. Витебляны намъ не даритися никому. Также семо имъ и мыта ⁽¹⁾ отпустили по всей нашей отчинѣ въ чьѣ пожаловали есмо ихъ. Придали есмо имъ на сѣдубу и на выгонъ Колитынъ вѣоръ, а Михайловски вѣоръ Заручевски вѣоръ ⁽²⁾. Тежъ которые Витебляне побьются межи собою а за Децкымъ ⁽³⁾ поѣднאותся, ино намъ куница шерстію, ⁽⁴⁾ змирцизна ⁽⁵⁾, а коли о чомъ посварятся и выдаюця въ колѣцъ, то вина на насъ, а выдасца одинъ а други невыдаецся за то ихъ намъ не казнити, а закладную куницу на насъ брати по десяти грошей, а борцу ⁽⁶⁾ по два грошы, якъ тежъ и децкованя отъ рубля по чотыре грошы, а на милоу по грошу, а владычному служе и боярскому потомужъ децкованіе и тежъ Владыцъ на поѣхъ витебскихъ зборная куница, якъ тежъ и намъ давати.

(1) Мыто,—пошлина, каковую собирали на заставахъ за проѣздъ, или съ товаровъ,

(2) Вѣоръ,—пашня, взоранное поле.

(3) Децкій, дѣтскій—княжескій или королевскій посланецъ въ извесный городъ или село съ судною грамотою или какимъ либо государевымъ повелѣніемъ, обязанный притомъ наблюдать и настоять о исполненіи оногo. Въ Россіи въ древности, дѣтскіе выбираемы были изъ боярскихъ дѣтей и служили при Дворѣ, отправляя разныя должности; изъ нихъ опредѣляли въ разныя чины и должности придворныя, иногда и военныя... «Уерьте ео дѣтскій ео сирѣчь дворецкій и повѣда ему млола.» Ник. Лѣт. ч. 2. 20.

(4) Куница или кунныя деньги. 1, Урочная подать, каковая была платима женихомъ за невѣсту помѣщику, или въ казну. 2, подать, пошлина и пеня, взимаемая въ казну или пользу судей за разныя преступленія, а въ тяжбахъ за примиреніе. Подать эта обыкновенно вносилась звѣриными шкурками, въ недостатокъ же таковыхъ—денъгами.

(5) Змирцизна—мировая.

(6) Борецъ сборщикъ податей.

Воеводу *по старому* по ихъ воли. (¹) А которы имъ будетъ неподобать Воевода, а обмовать его передъ нами, ипо намъ Воеводу имъ вного дати. по ихъ воли. А прїѣхавши Воеводѣ нашему первого дня къ Витебску цѣловати ему крестъ (²) и Витеблянномъ на томъ что безъ права ихъ неказнити поводомъ ни въ чомъ. Также Витеблянномъ жити у Витебску добровольнѣ всякому по старому покуда исхочеть хто, а которому Витеблянину одъ насъ будетъ насильно, а будетъ ему нелюбо, намъ его силою недержати, ипо ему путь чистъ куды исхочеть безъ всякое зацепки, а пойти ему въ нашу отчину въ Литву петайно, Святому Благовѣщенію чоломъ ударивши и нашему Воеводѣ обвѣстившися и своей брати и мужомъ Витеблянномъ, а въ своемъ имѣнію волець во всемъ иди прочъ продасть або откажетъ, намъ вто неуступатися. Якожь которы отъ насилы жаловати будутъ намъ Витебляни наши прїѣхавъ въ Литву и безъ исца намъ на него Децкаго неслати, зъ Литвы давати ему нашъ листъ къ нашему Воеводѣ, хотябы о смертной винѣ, а ему судити по цѣлованію нашимъ судомъ досмотрети права зъ князи и бѣяри и зъ мещаны, а осудивши его казнити по ихъ праву у Витебску. Тежъ которы будетъ князь, або бояринъ, або слуга, або мѣщанинъ што выслужилъ на продкахъ нашихъ великихъ князей, того намъ у Витеблянъ нестымати по грамотамъ тыхъ князей. А местичовъ витебскихъ зъ города Витебска невести вошь. Такожъ которы будутъ Литвинъ або Ляхъ крещены были у рускую вѣру, а кто съ того роду и теперь живеть, того намъ нерушыти, права ихъ крестіанскаго ни въ чымъ не ламати. А на твердость тыхъ всихъ речей и печать вашу казалисмо привесити къ тому нашему листу. Писанъ въ Городне въ лѣто седмое тысячи седмоенадесять (т. е. отъ Р. Х. 1509 г.) Мсца Февраля восемнадцаты день, Индикта второгонадесять. НВ. Грамота эта была подтверждаема и преемниками Сигизмунда I. именно: Сигизмундомъ II. Баторіемъ и Сигизмундомъ III.

(¹) По *старому* Воеводы въ Витебскѣ были по выборамъ мѣщанъ, а не по королевскому назначенію.

(²) *Цѣловать крестъ*—присягать.

1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

ИИ.

ХАРАКТЕРЪ

ЦЕРКОВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ ПРЕДЪ БРЕСТСКОЮ УНІЕЮ.

(Окончаніе.)

III.

Всюду злу свобода,
Права непризнание,
Съ жизнью духъ народа,
Въ вѣчномъ отрицаньи!.....

Послѣ краткаго времени междуцарствія, по смерти Стефана Баторія, на польскій престолъ призванъ былъ (1588 г.), сынъ шведскаго короля, Сигизмундъ III, возлюбленнѣйшій сынъ іезуитовъ. Воспитанный триумvirатомъ лучшихъ въ то время, въ Польшѣ, іезуитовъ—своего духовника Бернарда Голыньскаго, проповѣдника Петра Скарги и Андрея Боболи, короннаго подкоморьяго, стоявшаго едвали не выше первыхъ двухъ, Сигизмундъ III находился постоянно подъ такою непосредственною опекою своихъ учителей, что въ ихъ рукахъ онъ былъ настоящимъ ребенкомъ, безъ всякаго значенія и самостоятельности. Безъ ихъ совѣта Сигизмундъ никогда ничего не предпринималъ важнаго и безъ ихъ согласія ничего не дѣлалось въ Польшѣ, но все что ни дѣлалось, никогда не могло быть хуже (1). Іезуиты, разъ поставивъ Сигизмунда на ту дорогу, по ко-

(1) Увія Зубрицкаго стр. 10, Chronicon gestorum in Europa singularium. Cracov. 1645 p. 358.

торой имъ хотѣлось, чтобы онъ шелъ, такъ искусно умѣли провести его по ней чрезъ все тридцатилѣтнее его царствованіе, что онъ, подъ ихъ руководствомъ дѣйствительно не пошатнулся ни направо, ни налево.

Въ царствованіе Сигизмунда III внутреннее состояніе Польши находилось въ самомъ жалкомъ положеніи. Почти каждая страница его царствованія наполнена бессмысленными сѣздами своевольной шляхты, вооруженными сборищами и мятежами. Всякій, кто только былъ силенъ и краснорѣчивъ, кто считалъ себя оскорбленнымъ отказомъ короля въ староствѣ или въ другомъ какомъ-нибудь прибыльномъ мѣстѣ, — сейчасъ же устраивалъ сѣздъ, называвшійся впоследствии *конфедераціею*; около него собиралась толпа пьянаго панства, гулякъ и разнаго рода бѣдняковъ, подъ громкимъ именемъ *вольной* шляхты. Предводители ихъ выбирали изъ среды себя маршалка, совѣтниковъ, витій, издавали свои законы и опредѣленія, нарушали и уничтожали права, постановленные голосомъ народа на сеймѣ, налагали по своему произволу подати и повинности, посылали пословъ къ королю, который спокойно долженъ былъ выслушивать ихъ требованія и упреки и давать имъ отвѣты чрезъ своихъ канцлеровъ, вмѣсто того, чтобы посадить ихъ въ тюрьму. (1). Видимая законность сталкивалась въ это время въ Польшѣ съ самымъ крайнимъ своеволіемъ и произволомъ личностей. Каждый магнатъ, даже частный владѣлецъ былъ полнымъ королемъ въ своихъ владѣніяхъ: онъ завѣдывалъ и распоряжался всеми дѣлами духовными, рѣшительно неопасаясь силы суда королевскаго. Ничто такъ не нравилось тогдашнему магнату, какъ вольность: она вынаруживалась дома, на сеймахъ и въ дѣлахъ государственныхъ. Магнатъ считалъ себя несвободнымъ, даже въ самой зависимости себя отъ статута: онъ тогда только былъ свободенъ, по его понятію, когда всякое желаніе находило у него полное удовлетвореніе, безъ всякихъ препятствій. Панскій *гоноръ* на сеймовыхъ совѣщаніяхъ въ это время доходилъ до смѣшнаго абсурда. Вспомнимъ при этомъ дѣйствіи великопольскихъ пановъ во время нашествія татаръ и турокъ на Польшу и южную Русь въ 1589 г. Турки и татары грабятъ Русь,

(1) Чтеніе въ Импер. общ. ист. и древ. россійскихъ 1848 г. N 7. стр. 6

жгутъ и опустошаютъ села и вездѣ распоряжаются какъ у себя дома, а вельможнымъ панамъ какъ будтобы нѣтъ до этого никакого дѣла. Львовскій архиепископъ Суликовскій обращается къ рѣликопольскимъ панамъ и проситъ помочь Руси деньгами, войскомъ и оружіемъ, съ которой они пользовались такими огромными доходами. Несчастье отчины какъ будтобы дѣйствительно становится близкимъ къ ихъ сердцу и они собираются для разсужденія объ этомъ съ Ленчицѣ, но здѣсь, послѣ долгихъ споровъ и несогласій, они краснорѣчиво откладываютъ просьбу бискупа до будущаго сейма (1), какъ будтобы въ самомъ дѣлѣ татары и турки, въ силу такого опредѣленія, станутъ дожидаться сейма вельможныхъ пановъ и оставятъ свои опустошительныя дѣйствія?... Въ это время, какъ говоритъ Бандтке, вошло въ обычай въ Польшѣ много совѣщаться, а ничего не дѣлать (2); король хлопоталъ о католичествѣ, а паны о вельможной вольности.

Сигизмундъ III, смотря глазами іезуитовъ на различныя ереси въ Польшѣ, какъ на величайшее несчастье, а на исповѣдующихъ православную вѣру, какъ на главныхъ враговъ своихъ, онъ нисколько не заботился о томъ, что его край былъ безъ всякой обороны отъ внѣшнихъ враговъ, а казна безъ денегъ, такъ что онъ не въ состояніи былъ доѣхать на свой счетъ къ отцу въ Швецію. Его нисколько не тревожило то, что часъ отъ часу усиливалось своеволие буйной шляхты: все это для него ничего не значило, лишь-бы только торжествовалъ католицизмъ и во всемъ можно было-бы угодить іезуитамъ. За то іезуиты, какъ бы съ посмѣяніемъ, приказывали королю вѣрить, что, находясь во власти шляхты и будучи ихъ слугою, которые въ свою очередь были слугами духовенства, онъ можетъ назвать себя наравнѣ *ego servus servorum* (3).

Къ Польшѣ со всѣхъ сторонъ начали прививаться теперь разлагающія начала католичества и вопросъ католической пропаганды сталъ выше всѣхъ интересовъ государственныхъ. По внушенію іезуитовъ и римскаго двора, польское правительство

(1) Чтеніе въ книгѣ общ. ист. и древ. рос. 1848 г. № 7 стр. 10.

(2) Бандтке ист. пол. госуд. т. III, стр. 99.

(3) Olszewski w kazaniu: srodek Zygmunda III-go, Maciejewski, Polska do pierwszej połowy XVII wieku i. t. d. IV p. 102.

думало, что ему самою судьбою назначено было это время, чтобы привести къ подножію римскаго трона всѣ славянскія племена. Духовенство, противъ котораго недавно возстадало польское дворянство, теперь было могущественнѣйшею партіею въ Польшѣ. Католическое духовенство, понимая по своему народное благо и благо отечества, все направляло къ одной цѣли: къ утвержденію и распространенію католичества на югозападѣ Руси, всевозможными путями характера іезуитскаго. Поляки, глубоко приверженные къ католицизму, немогли не вѣрить своему духовенству или вооружаться противъ его плановъ; потому что ихъ бискупы-сенаторы были прирожденные поляки, слѣдовательно не было оснований, по которымъ можно было бы упрекнуть ихъ въ недлюбви къ отечеству. Все это давало полную свободу дѣйствіямъ іезуитовъ и они радовались, что въ ихъ рукахъ былъ теперь король и все польское правительство, принадлежавшее къ ихъ ордену. Имъ казалось, что они всего достигнутъ однимъ разомъ, но жизнь не такъ легко подчиняется всѣмъ выводамъ и теоріямъ, придуманнымъ въ глуши ученыхъ кабинетовъ: разумная жизнь нелюбитъ крутыхъ поворотовъ, а тѣмъ болѣе насилія. Вотъ въ какомъ состояніи было внутреннее устройство Польши при настроеніи польско-католическихъ умовъ, когда югозападному православному населенію нужно было защищать свою вѣру отъ насилій и хитростей іезуитскихъ и большей части своего духовенства! —

Но посмотримъ, что теперь дѣлаютъ іезуиты, а вмѣстѣ съ ними и югозападные іерархи, руководимые совѣтами и нази-даніями *braciszków iezusowych*.

Ихъ дѣятельность направляется прямо къ развязкѣ, такъ давно начатой ими драмы. Мудрая предусмотрительность Іереміи II, какъ будто обезопасила югозападную церковь отъ той страшной грозы, которая такъ близка была разразиться надъ нею и теперь еще она висѣла черной тучей. Чего, кажется, нужно было-бы лучшаго? Недостойные пастыри низложены, а тѣмъ изъ нихъ которые еще скрывались въ толпѣ, угрожала таже участь. Ежегодные соборы, на которые должны были собираться лучшіе пастыри и народные представители, строгій и единодушный надзоръ за всѣмъ ходомъ дѣлъ церкви и ея пастырей — братствъ, которые густою сѣтью раскинулись по всему югозападному краю, все это въ скоромъ времени должно

было очистить плевелы отъ пшеницы; главные іерархи избраны были самимъ патриархомъ, единодушнымъ голосомъ народа и лучшихъ представителей его патроновъ. Все это было такъ, все видимо направлялось въ православной церкви къ новому, лучшему порядку вещей, но все это, скажемъ словами братства, начато было поздно. »Поздно мы послѣдовали, говорятъ они, спасительному примѣру христіанъ апостольскихъ, поздно восхотѣли прозрѣть къ свѣту благоразумія, пробудившись отъ долговременнаго нерадія и мрачной суеты мірской (1). Да, поздно! Внутреннее неустройство церкви, двусмысленныя отношенія между самими пастырями (2), безчиніе и развратъ между христіанами, все это такія явленія, которыя способствовали не къ уничтоженію задуманнаго іезуитами плана, но еще болѣе возбуждали у нихъ энергіи и давали имъ средства привести его въ исполненіе. Львовское братство, которое взяло на себя попеченіе слѣдить за внутреннимъ состояніемъ церкви и заботиться объ исправленіи ея недостатковъ, занято было теперь почти исключительно борьбою съ своимъ епископомъ Гедеономъ, за свои права и его притѣсненія.

Враждебныя отношенія Гедедона къ львовскому братству, чѣмъ далѣе, дѣлались все сильнѣе, несмотря ни на напоминанія, ни на убѣжденія, ни на угрозы Патриарха Іереміи (3), прервать эту вражду, такъ соблазнительную для церкви. Въ 1590 г. на соборѣ въ Брестѣ Литовскомъ братство принесло жалобу на своего епископа и обвиняло его въ томъ, что онъ приказалъ священника благовѣщенской церкви Симеона, публично привязать къ столбу, а богоявленскаго монаха, братскаго типографа *Мину* вытащить изъ Онуфріевского монастыря, заковать въ кандалы и отвести въ Галичь; послѣ, выпустивши его на волю, опять схватилъ и привязать его къ повозкѣ; преслѣдовалъ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ ученыхъ мужей: учителю Кирилѣ за то, что предъ патриархомъ говорилъ апологію по гречески, приказалъ вырвать бороду; въ церквахъ предавалъ братство анаемѣ и проч. (4). Такія отношенія Гедедона къ братству, ясно показывали, что для него недорого

(1) Пам. кiev. ком. т. 11, отд. 1. стр. 33-34.

(2) А. З. Р. т. IV. N 21.

(3) Лѣт. львов. брат. годъ 1590 г.

(4) Лѣт. львов. брат. стр. 59-60.

было православіе и что онъ былъ уже на сторонѣ враговъ его католиковъ и іезуитовъ. Другихъ епископовъ преслѣдованіями (1), угрозами лишенія сана вслѣдствіе суда патріаршаго и усиливающейся власти братствъ, влветами на патріарховъ и на все состояніе югозападной церкви, которой епископы будтобы неимѣли никакого значенія, а были только слугами народа, іезуиты дотого расположили въ свою пользу въкоторыхъ епископовъ, что въ 1591 г. на соборѣ въ Брестѣ Литовскомъ, добровольно согласились и подписались на унію епископы: Кирилль Луцкій, Геденъ Львовскій, Леонцій Пляскій и Діонисій Холмскій (2). Въ грамотѣ, предложенной королю въ соглашеніи на унію и въ признаніи своимъ верховнымъ пастыремъ папу римскаго, подписавшіеся епископы ничего неупоминаютъ о согласіи на это народа: здѣсь онъ для нихъ какъ будтобы не существуетъ; а между прочимъ, какъ видно изъ грамоты, они подчиняютъ главенству папы и весь народъ, потому что просятъ короля, чтобы оставлены были неприкосновенными все церемоніи, службы и порядки, какъ ихъ восточная церковь издавна держала. Король съ особенною благосклонностію и радостію принимаетъ грамоту епископовъ, согласившихся на унію и даетъ имъ свою привилегію въ 1592 г., въ которой общаетъ приумножить къ нимъ свою ласку, общаетъ не отнимать у нихъ епархій и другимъ при жизни ихъ не отдавать ни по какимъ обвиненіямъ и клятвамъ, и что еслибы кто вибудь изъ патріарховъ или митрополитовъ наложилъ на нихъ клятву, то эта клятва ни въ-чемъ небудетъ вредить имъ, общаны также вольность и свобода такая, какю пользовалось римское духовенство какъ имъ такъ и каждому, кто склонился къ уніи (3). — Ежегодные соборы и строгій надзоръ братствъ за ходомъ дѣлъ церковныхъ, заставляють епископовъ рѣшать вопросъ объ уніи тайнымъ образомъ.

Іезуиты какъ будто-бы старались тамъ находить средства для достиженія своихъ цѣлей, гдѣ православные думали найти лучший исходъ изъ своего незавиднаго положенія: они какъ будтобы посмѣивались надъ-югозападною церковью въ томъ,

(1) Арх. югованал. Р. т. 1 ч. II N 69—72.

(2) Автидолитъ стр. 56—57.

(3) Апокрыв. ст: 7; Supplementum; Synopsis' стр. 19.

что ничего незначать всё ея предохранительныя мѣры. Они идутъ къ достиженію своей цѣли тѣмъ-же тайнымъ путемъ интригъ и хитростей, на которой вступили съ самаго начала задуманнаго ими плана. Они начинаютъ уже почти открыто ухаживать около православныхъ іерарховъ церкви, хлопочуть о томъ, какъ-бы лучшихъ изъ нихъ уговорить хитростію и обѣщаніями на принатіе уніи. Весь-же католическій міръ, послѣ собора 1590 г., гдѣ разсмотрѣны были всѣ стороны жизни церковной, опредѣлены и утверждены всѣ постановленія вѣдскаго собора и положено было принять всѣ средства къ возвышенію вѣры и церкви, весь, говоримъ, католическій міръ варугъ, по всѣмъ концамъ югозападной церкви, какъ-бы по известному сигналу іезуитовъ, выступаетъ на преслѣдованія и мученія православнаго народа. Преслѣдованія принимаютъ теперь характеръ неслыханной жестокости и глубокаго презрѣнія къ святынь (¹). Іезуиты какъ прежде, такъ и теперь необращали и не обращаютъ никакого вниманія на внутреннюю жизнь народа и его требованія: это было не въ ихъ духъ и не входило въ ихъ планъ. Народъ, какъ нѣчто живое и дѣятельное, для нихъ несуществовалъ. Наука и жизнь, по правиламъ іезуитскимъ, никогда не имѣли никакой связи съ характеромъ и убѣжденіями народа, и развѣ тогда только сливались у нихъ, когда въ слѣдствіе іезуитскихъ возней, истиннѣтъ и требованія народныхъ дѣлались нечистыми, т. е. когда между наукою и жизнью іезуитскою, и истиннѣтъ и требованіями народными устанавливались таже связь и такое единство, какое бываетъ между зломъ и зломъ (²). На народъ они смотрѣли какъ на слѣпое орудіе власти духовенства, который всегда долженъ идти вслѣдъ за своими пастырями, склонивъ смиренно свою голову, не спрашивая зачѣмъ и куда они его поведутъ (³).

Іезуиты слишкомъ надѣялись на себя, а современное разстроенное состояніе церкви, давало ихъ дѣйствіямъ еще больше смѣлости и дерзости. Вотъ напримѣръ, что говоритъ львовское братство о церковномъ состояніи въ своемъ посланіи къ

(¹) Арх. Югос. Рос. Т. I. Ч. 1. Стр. XXXIX-XLVIII. Suppl. ad hist. Rus. Monum. p. 153—154.

(²) Hist. Szkół. w Kor. i W. X. Litew. Zuluszewicza. t. I str. 232—266.

(³) А. Э. Р. Т. IV. N 114; Анонр. стр. 67.

патріарху константинопольскому 1592 г: «Прежде всего да вѣдаеть твоя святыня, что мнѣшїеся у насъ быти святители, на самомъ дѣлѣ сущїи сквернители, вопреки иноческому обѣту съ женами не возбранно живутъ; нѣкоторые многобрачни святительствуютъ, другїе съ блудницами дѣтей прижили. Если такіе святители, то каковы должны быть простые священники? Когда митрополитъ открыто началъ облачать на соборѣ священниковъ и требовалъ, что-бы они отказались отъ священства, священники отвѣчали ему:» Пусть прежде святители откажутся отъ своего святительства, послушаютъ закона, тогда и мы ихъ послушаемъ. Когда же зашелъ вопросъ о монастыряхъ, то оказалось, что епископы похитили себѣ архимандритства и игуменства и ввели въ монастыри родню свою и урядниковъ мірскихъ; имѣнія все церковныя пограбили, иночество испразднили, коней и псовъ въ монастыри ввели... Инокъ необрѣтается въ монастыряхъ, мірскїе священники иногда совершаютъ тамъ службу. Православная церковь исполнена всякаго зловѣрія и зловонїа, простой народъ находится въ какомъ-то смущенномъ недоумѣніи, какъ будто-бы настало время погибать ему... Безначаліе во многоначалїи нашемъ обрѣтается, законы отеческіе поправы и ложь, православіемъ лицемѣрствующихъ учителей; покрыла церковь» (1). Въ такомъ-же безотрадномъ положенїи представляетъ намъ состояніе югозападной церкви и князь Константинъ Острожскїй, въ своемъ письмѣ къ Ипатію Поцѣю:» извѣстно всемъ вашимъ милостямъ, что люди нашей религіи упали нравственно, что господствуетъ у нихъ лѣность и нерадѣніе къ благочестію: нетолько не исполняютъ они своихъ христіанскихъ обязанностей, не защищаютъ церкви Божїей и своей старинной вѣры, но еще сами многіе, насмѣхаясь надъ нею, разбѣгаются по разнымъ сектамъ. Епископы несмотрятъ за своими пастырями, а пастыри, по своей лѣности и нерадѣнію, не проповѣдуютъ слова Божїя. Нѣтъ у насъ учителей, нѣтъ проповѣдниковъ слова Божїя, нѣтъ наукъ; отъ этого наступило истощенїе славы Божїей въ церкви его, наступилъ голодъ слушанїа слова Божїя, началось отступленїе отъ вѣры и закона; такъ что для простаго народа все равно, чтобы ему не говорили. Суевѣріе и волшебство вотъ главное, на что у нихъ обра-

(1) Ар. З. Р. Т. IV. N 33.

щею вниманіе и чемъ они живутъ. Дошло до того, что нѣтъ ничего, чѣмъ бы могли мы утѣшиться въ законѣ своемъ. Имѣемъ право сказать словами пророческими: » кто дастъ очамъ нашимъ источникъ слезъ, чтобы мы могли оплакивать: упадокъ, истощеніе вѣры и закона своего день и ночь? Все несвероятно и упало, со всѣхъ сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда, и если дальше такъ пойдетъ, то Богъ знаетъ, что съ нами на- конецъ будетъ (1)?!.. »

Но напрасно Константинъ Острожскій, этотъ великій поборникъ православія, съ такою глубокою болью и горечью сердца указывалъ на современные недостатки церкви. Не тѣмъ заняты были теперь высшіе іерархи, чтобы исправлять эти недостатки; своею дѣятельностію и отношеніемъ къ братству, они какъ будто-бы заботились о томъ, чтобы еще больше увеличить эти недостатки. » Безпрестанными бѣдами томить насъ. Гедеоны епископъ львовскій, говорятъ львовское братство въ своей грамотѣ къ патріарху, людей раздѣлилъ и на братство наше вооружилъ, приказалъ всѣмъ подь клятвою отвращаться отъ насъ; монастырь Св. Онуфрія, ставропигіонъ нашъ ктиторскій, подь благословеніемъ митрополита находящійся, пограбилъ, игумена обезчестилъ. Архіепископъ съ епископами утвердили, что-бы впрядь священники братства львовскаго были подь благословеніемъ архіепископскимъ и подь защитою всего собора; но епископъ, по древнему своему противленію, и теперь противится, и всюду между всякихъ чинновъ людьми клевететь, что мы не можемъ ни церкви строить, ни школы заводять и проч. и проч. » (2). — Глубокая привязанность народа; а особенно братствъ къ патріарху константинопольскому, довѣренность патріарха къ братствамъ, высокое значеніе братствъ въ церкви, влияніе ихъ на народъ и внимательный надзоръ ихъ за жизнь и дѣйствіями своихъ пастырей, вотъ тѣ причины, которыя побуждали епископовъ ускорить дѣло уніи и ввести ее въ югозападную церковь такъ-или иначе. Они видѣли что имъ много не достаетъ для той роскошной и независимой жизни, какою пользовалось римское духовенство и что достигнуть этого, при настоящемъ участіи братствъ въ ходѣ дѣла церкви;

(1) А. З. Р. т. IV 45.

(2) Ibid N 33.

рѣшительно невозможно. Вотъ, наприм., что пишетъ хитрый и пронырливый Терлецкій къ Поцѣю, чтобы его сильнѣе расположить къ уніи: » на заску князя Острожскаго полагаться опасно: ко мнѣ былъ ласкавъ, а теперъ презираетъ. Патриархи будутъ часто ѣздить въ Москву за милостынею, а ѣдучи назадъ, насъ не минуютъ; Іеремія уже свергнулъ одного митрополита, братства установилъ, *которые будутъ и уже суть гонители владыкъ*: чего и нѣтъ, и то взведутъ и овлеветаютъ; *удастся имъ свергнуть кого-нибудь изъ насъ съ епископіи*, — *самъ посуди, какое безчестіе!* Господарь король даетъ должность до смерти, и не отбираетъ ни за что, кромѣ уголовного преступленія, а патриархъ по пустымъ доносамъ обезчеститъ и самъ отниметъ: самъ посуди, какая неволя! А когда поддадимся подъ римскаго папу, то не только будемъ сидѣть на епископіяхъ нашихъ до самой смерти, но и въ кресла сенаторскія засядемъ, вмѣстѣ съ римскими епископами и легче отыщемъ имѣнія отъ церквей отобранныя ⁽¹⁾. Отъ уніи: непрочъ былъ и Константинъ Острожскій, но его унія была римскою и исправленіе существовавшихъ недостатковъ въ православной церкви, безъ всякаго измѣненія существенныхъ обрядовъ и догматовъ православія при содѣйствіи римскаго духовенства и польскаго правительства. Но это дѣло уніи или, правильнѣе сказать, примиренія онъ хотѣлъ вести иначе какъ съ согласія и при посредствѣ царства московскаго и волоховъ ⁽²⁾. » Терлецкій и Поцѣй, главные дѣятели при введеніи уніи, видѣли, что вутемъ сношеній и соглашеній съ восточною церковью и восточною Русью, никогда не существовать уніи, но что достигнуть этого можно только рѣшительнымъ шагомъ со стороны духовенства, убѣжденіемъ, а если можно и обманомъ вліятельныхъ лицъ, насиліемъ и преслѣдованіемъ простаго народа. Съ этими мыслями приступлено было къ рѣшительному введенію уніи и 1594 г. 21 мая Терлецкій съ соборнымъ духовенствомъ, явился въ луцкій урядъ съ объявленіемъ, что по волѣ Бога, въ Троицѣ славимаго, по старанію короля, его милости, пановъ и сенаторовъ духовныхъ и свѣтскихъ, совершилось такъ давно желанное соединеніе и возстановленіе братской любви между восточною и западною церквами, съ признаніемъ

(1) А. З. Р., т. IV. N 50.

(2) Ibid N 45.

папскаго главенства въ церкви, — для окончательнаго-же утверждения этого соединенія и засвидѣтельствованія покорности папѣ, Терлецкій вмѣстѣ съ Поцѣмъ отправляются въ Римъ, по приказанію самаго короля. Сколько благовидности въ этомъ объявленіи, но еще больше лжи, коварства и святотатства. Чтобы получить права политическія, подобно римскимъ епископамъ, они ложно указываютъ на общее согласіе въ униі!... Въ томъ же году, 2 декабря, Ипатій Поцѣй, Михайль Перемышльскій, Терлецкій и другіе, въ родѣ Іоны Гоголя, даютъ клятву дѣйствовать за одно въ присоединеніи къ униі всего народа и духовенства — убежденіемъ и другими средствами (1).

Православные епископы какъ будтобы не хотѣли даже и думать о томъ, какія могутъ быть послѣдствія отъ такого образа введенія униі. Преслѣдуя въ желанной униі свои личные интересы, они забыли, что есть еще интересы народа, котораго жизнь, полная силы и свѣжести, жила въ новоустроенныхъ братствахъ. — Часть православнаго духовенства, согласившагося на унию, стала теперь на точку зрѣнія чистаго католицизма: оно слишкомъ уже увлеклось теоріями, а еще больше общаніями иезуитизма. Своими поступками епископы отвергаютъ права личнаго разума и думаютъ воплотить непогрѣшимость церкви въ своей корпораціи. Вѣрованія и убѣжденія, по ихъ понятію, должны переходить сверху внизъ во все религиозное общество, безъ всякой самостоятельной оцѣнки ихъ. Но достигнуть этого въ обществѣ начинавшемъ развиваться самостоятельно и сознавшемъ уже разъ свободу мыслей и личности, чрезвычайно было трудно. Возвести такое деспотическое притязаніе въ принципъ было легко, да оно уже было готово въ той церкви, къ которой они теперь примкнули, рѣшительно не по глубокому убѣжденію въ истинности ея вѣрованія: они цѣлкомъ взяли свой взглядъ на церковь и на свое отношеніе къ народу изъ католическаго бюкратизма; но доставить этому взгляду дѣйствительное господство надъ умами и совѣстью цѣлаго общества, было не только трудно, но даже и невозможно. Львовское братство въ борьбѣ съ своимъ епископомъ Гедеономъ еще больше создало свои права въ церков-

(1) А. З. Р. т. IV № 53.

номъ управленіи, — права, признавныя за нимъ, патриархами и на соборахъ защищаемыя своими святителями, хотя подписавшимися уже на унію. Епископы, начавшіе дѣло уніи, видѣли всю силу братствъ, при ихъ настоящемъ положеніи подъ покровительствомъ патриарховъ восточныхъ, но эту силу они надѣялись сломать за разъ властію королевскою, какъ силу народа большею частію посполитаго, котораго права въ это время магнатство уничтожало безнаказанно. Кромѣ того, хотя эти права даны были братствамъ патриархами, съ вѣдома короля, но іезуиты научили теперь православныхъ епископовъ клеимить восточныхъ патриарховъ всевозможными преступленіями, чтобы лишить всякой законности ихъ распоряженія въ югозападной церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить и права братствъ, признанныя за ними патриархами.

Установивъ такой взглядъ на существовавшее внутреннее устройство церковнаго управленія, епископы, согласившіеся на унію, стараются прежде всего, чрезъ посредство польскаго правительства, уничтожить всякое вліяніе восточныхъ патриарховъ на дѣла югозападной церкви и въ тоже время начинаютъ запутывать, затемнять, прикрывать хитростію и обманами, начатое уже рѣшительно ими дѣло уніи, предъ лучшими въ то время патронами — Острожскимъ и Скуминимъ, воеводою новогрудскимъ, чтобы освободить себя такимъ образомъ отъ всякаго подозрѣнія въ уніи, хоть до извѣстнаго времени.

Но посмотримъ, какъ они будутъ приводить въ исполненіе свои планы, при существовавшей власти братствъ въ церковномъ управленіи, чтобы видѣть всю нелогичность ихъ дѣйствій по отношенію къ правамъ братства и патроновъ, а послѣ того, мы уже увидимъ, какъ отсюда, по необходимости, должно было явиться особенное устройство церковнаго управленія, такъ рѣзко высказавшееся предъ брестскою уніею въ различныхъ взглядахъ на духовенство и на отношеніе народа ко всей дѣятельности перваго.

На брестскомъ соборѣ 1594 г. мы находимъ въ первый разъ, что здѣсь присутствуютъ депутаты отъ всѣхъ братствъ: виленскаго, львовскаго, берестейскаго, красноставскаго, гольшанскаго, городецкаго, галицкаго, бѣльскаго, и многихъ другихъ (1). Львовское братство требовало здѣсь, чтобы его дѣло

(1) А. З. Р. т. IV. № 48.

съ епископомъ Гедеономъ разбиралъ соборъ ⁽¹⁾, и чтобы яснѣ и точнѣ разграничены были его права и власть отъ правъ и власти его іерархіи. Всѣ вмѣстѣ требовали также, чтобы опредѣлены были ихъ отношенія къ духовнымъ мѣстностямъ и указанъ былъ-бы опредѣленный кругъ ихъ дѣятельности ⁽²⁾. Чтобы на будущее время неимѣть неприятныхъ столкновений съ своими епископами, виленское братство предложило даже, чтобы въ Литвѣ былъ постоянный патріаршій экзархъ и освободиться такимъ образомъ изъ-подъ-зависимости мѣстныхъ епископовъ ⁽³⁾. Митрополитъ, епископы и все духовенство «священническаго и иноческаго чину», признаютъ за братствами всѣ права, данныя имъ патріархами и на будущее время обѣщаютъ учреждать подобныя братства отъ всѣхъ епископовъ *ухваленныя* ⁽⁴⁾.

И такъ мы видимъ, что голосъ братствъ уважается на соборѣ наравнѣ съ гласомъ епископовъ и духовная власть ихъ въ церкви признается законною и даже необходимою: но такое уваженіе къ братству оказывалось епископами только въ торжественныхъ случаяхъ— на соборахъ и въ официальныхъ къ нимъ посланіяхъ, на самомъ же дѣлѣ на власть братства и его значеніе въ церкви они смотрѣли какъ на случайное и временное явленіе. Они видѣли что братства стоятъ на пути къ достиженію ихъ цѣли и они думаютъ уничтожить его власть, совершенно. Въ томъ же году они просятъ короля запретить восточнымъ патріархамъ даже являться въ русскую землю, чтобы они неимѣли надъ ними ни какой власти, потому что они своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла церковныя только отнимаютъ у нихъ власть, надавая различныя привилейныя листы на братства, «такъ тежъ на *размаитыя sprawy межи люди посполитые*, съ чего намножилося размаитыхъ (различныхъ) ересей и сектъ: *иже бы тоє все знесено было* ⁽⁵⁾». Въ слѣдующемъ году Кириллъ Терлепкій, Михаилъ Копыстенскій, Гедeonъ Балабанъ и Діонисій Збируйскій, объявивъ соборною грамотою о своемъ соглашеніи на унию, предаютъ про-

(1) Лвт. Дѣлов. Брат, подъ 1594 г.

(2) А. З. Р. т. IV. N 48.

(3) Synopsis подъ 1594 г.

(4) А. З. Р. т. IV. N 48.

(5) Ibid. N 55.

клятвѣ всѣхъ, кто воспротивится этому дѣлу. — Простой народъ, по ихъ понятію, не долженъ вмѣшиваться въ религиозные вопросы, потому что «посполитый народъ мірскаго сана по своей простотѣ и великому неразумію много вредить своимъ вмѣшательствомъ духовнымъ распоряженіямъ и различнаго рода дѣламъ церковнымъ». Въ силу грамоты короля, данной имъ въ Краковѣ, они опредѣлили: «единодушно поставляемъ мы въ епископіяхъ нашихъ—луцкой, перемышльской, львовской и хельмской и въ силу епископской нашей власти, хотимъ, чтобы никто изъ мірскихъ не вмѣшивался во sprawy духовныя и сего постановленія нашего не думалъ—бы никто уничтожать или противиться ему подъ страхомъ анаемы. Каждый же противящійся будетъ отлученъ отъ таинъ Христовыхъ и да не входитъ во храмъ Божій, и какъ членъ противящійся верховной власти, совершенно долженъ быть отлученъ (!)». Кто въ этомъ грозномъ и не христіанскомъ опредѣленіи, безусловнаго требованія покорности себѣ, не узнаетъ духа іезуитскаго и деспотизма католической церкви?!.. Зарза папства перешла всецѣло въ духъ вельможныхъ православныхъ епископовъ этого времени и они думаютъ господствовать надъ свободою совѣсти и мыслями всѣхъ непрекословно. Глубокія и вѣковыя убѣжденія югозападнаго народа они думаютъ уничтожить насиліемъ и замѣнить ложью. Такія деспотическія отношенія духовенства къ народу, сжившемуся съ свободою, совершенно отчуждали пастырей отъ народа. Жизнь духовенства, сосредоточенная въ немъ одномъ, не могла уже имѣть ничего общаго съ жизнью народною. — Но чего хотѣли достигнуть нѣкоторые епископы насиліемъ и рѣшительнымъ шагомъ, все это уничтожалъ и признавалъ незаконность такого дѣйствованія слабый, нерѣшительный и трусливый митрополитъ Михаилъ Рогоза, постоянно колебавшійся, до послѣдняго брестскаго собора, между православіемъ и униєю. Тогда какъ окатоличившіеся епископы, руководимые іезуитами, требуютъ непрекословнаго повиновенія мірянъ своимъ распоряженіямъ. — Рогоза въ письмахъ къ Теодору Скумину, обвиняя епископовъ, согласившихся на унию, и оправдываясь въ своей невинности, говоритъ: «что я никогда не могу согласиться на унию безъ согласія и воли на это ва-

*) А. З. Р. т. IV N 52.

шей милости, моего милостиваго пана и собратія моея, и по-
воленія посполитыхъ людей, боясь для церкви нашей под-
ступу и прелести (1). » Извѣщая Константина Острожскаго о
поѣздкѣ Терлеянаго и Поцѣя въ Римъ, Рогоза говоритъ, что
онъ послалъ къ нимъ нарочитыхъ, чтобы они не дѣлали этого, «
иначе въ нашемъ народѣ христіанскомъ долженъ быть великій
бунтъ, а чего добраго и кровопролитія ожидать можно (2).
Трусливый митрополитъ, хотя и желалъ униі и далъ уже на
нее согласіе, что бы получить тѣ льготы, которыя обѣщаны
были королемъ, но онъ все таки не могъ не признать правъ
народа въ дѣлахъ вѣры и церкви, народа, которымъ онъ былъ
избранъ на митрополью каедрю. Такой противорѣчащій взглядъ
пастырей церкви на права народныя, раскрывалъ еще больше
народу всю недобросовѣстность и несостоятельность па-
стырей и заставлялъ его поглубже сосредоточиваться въ себѣ
самомъ, чтобы найти дѣйствительныя противодѣйствія всѣмъ
незаконнымъ притязаніямъ.

Какъ дѣйствовали православные епископы, также нелогично
поступало и польское правительство, дѣйствуя вмѣстѣ подъ
вліяніемъ однихъ и тѣхъ же, неокрѣпшихъ еще въ своей хи-
трости, іезуитовъ. Сигизмундъ, который такъ недавно далъ
патріарху грамоту, призналъ въ ней всѣ распоряженія его въ
югозападной церкви законными и позволилъ ему учредить брат-
ство, съ извѣстными намъ уже правами, — теперь, подъ влія-
ніемъ іезуитскихъ взглядовъ и требованій, какъ будто-бы опом-
нился отъ прежней своей ошибки и запрещаетъ, чтобы никакая
мірская особа не вмѣшивалась въ дѣла религіозныя (3). Онъ
убѣждаетъ даже Константина Острожскаго, а съ нимъ вмѣстѣ
и всѣхъ православныхъ, согласиться на унию, о которой уже
порѣшили пастыри (sic!). »Мы, говоритъ онъ, устами іезуи-
товъ, должны идти за пастырями своими, неспрашивая ихъ
куда; мы должны дѣлать то, чему они насъ учатъ: *ихъ далъ
намъ Духъ Святый* чтобы они были нашими руково-
дителями въ жизни«. Сигизмунду нехочется, чтобы объ униі
были народныя разсужденія и совѣты ихъ съ пастырями; по-

(1) А. З. Р. т. IV N 69.

(2) Ibid. N 80.

(3) А. З. Р. т. IV. N 82.

тому что это только затруднить дѣло и безъ нихъ уже давно порѣшенное (1). Съ такимъ же характеромъ убѣжденія онъ выступаетъ и въ окружной своей грамотѣ ко всему югозападному народу: ему запрещается признавать своими верховными пастырями восточныхъ патриарховъ и безпрекословно принять то, что рѣшено пастырями на брестскомъ соборѣ (2).

Какъ мелко было въ настоящее время католичество и польское правительство, въ сравненіи съ народами югозападными! Иезуитское католичество XVI в., не хотѣло понять и уяснить себѣ внутренней жизни югозападнаго народа и того характера церковнаго управленія, который, съ устройствомъ братствъ, началъ развиваться въ югозападной церкви. Что бы ввести унию, они думаютъ дѣйствовать главнымъ образомъ чрезъ пастырей: имъ казалось, что если они привлекутъ на свою сторону іерарховъ, то народъ уже будетъ весь ихъ. Эта странная, древне-языческая мысль могла опять выступить въ жизни только на западѣ, въ средніе вѣка христианства, гдѣ вся церковь сосредоточивалась въ ея представителяхъ и во всей ея дѣятельности господствовалъ духъ принужденія и насилія. Духъ и направленіе иезуитизма этого времени показывалъ ясно, что такое было католичество и чѣмъ оно можетъ быть въ послѣдующемъ своемъ развитіи, когда оно достигнетъ своего апогея.

Не такъ понималъ живыя истины христианства югозападный народъ въ отношеніи къ своему спасенію, не такъ тупо смотрѣлъ онъ на современный порядокъ вещей, какъ это казалось католическому польскому правительству, а вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторымъ православнымъ епископамъ. Въ его жизни были совершенно другія требованія и иныя отношенія къ своей вѣрѣ и церкви, чѣмъ въ католичествѣ. Его жизнь тѣсно была связана съ жизнью церкви и вѣры и онъ никогда немогъ отдѣлится отъ нея, какъ и другіе славянскія племена — сербы и болгары, подобно ему развивавшіяся. Въ ученіи православной церкви югозападный народъ видѣлъ основу своей жизни и народности. Подъ руководствомъ этой церкви развивался и укрѣпился его племенной характеръ: здѣсь онъ получалъ свою силу и живучесть, какую онъ далъ теперь и жизни

(1) Ibid. N 71.

(2) Ibid. N 114.

церкви въ характерѣ ея управленія.— Когда со всѣхъ сторонъ выступило насиліе польскаго католичества чтобы отказаться отъ православія, югозападный народъ немогъ теперь нестоять за свою вѣру, потому что сущность православія вполне сродна была съ требованіями его свободнаго славянскаго духа и его бытовыхъ отношеній. Онъ чрезъ это какъ-то инстинктивно и тѣмъ сильнѣе привязывался къ нему, когда замѣчалъ, что истина божественной вѣры не только непротиворѣчить формамъ его общественнаго устройства, но напротивъ еще болѣе способна развить ихъ; укрѣпить и оградить неприкосновенность ихъ высшимъ не земнымъ авторитетомъ. Такъ понято было православіе и патриархомъ Іереміемъ II, какъ жизненный элементъ въ югозападной народности, когда онъ отдалъ братству церковно-административный характеръ.—Югозападный народъ доказалъ, на сколько онъ приверженъ къ православію еще въ XIV в., когда свирѣпый католикъ Ягайло воздвигъ на него гоненіе, по своей жестокости, равнявшееся гоненіямъ Домедіана (1). Гоненія католичества всегда вѣрнаго своей идеѣ, начавшіяся теперь, (1595 г.) (2) чрезъ два вѣка послѣ этого, поставили православныхъ между двумя крайностями: или они должны были дать преимущество католицизму предъ православіемъ, или отказаться отъ перваго и терпѣть всѣ жестокости средневѣковаго фанатизма и поруганіе надъ своею вѣрою и церковью. Полякъ-католикъ началъ развивать теперь, что православіе есть достояніе одного только плебея (3), а часть православнаго высшаго духовенства, какъ бы въ доказательство мысли іезуитской отпала отъ вѣры своихъ предковъ. Іезуит-

(1) Kraszew. t. II. str. 496 и 514. Kronika Pol. Strykow. t. II. str. 149.

(2) Supp. adhist. Rus. M. p. 153 и 154.

(3) Поляки и теперь называютъ православіе *вѣрою хлопскою*, но кажется они не понимаютъ того, что этимъ названіемъ они возвышаютъ православіе въ ущербъ панскому католицизму. Нашъ простолюдинъ—жлобурецъ, когда зайдетъ разговоръ о православіи и католициствѣ, онъ непремѣнно назоветъ свою православную вѣру *мужицкою вѣрою* и высказываетъ это съ какою-то гордостью. Мы даже не желаемъ никогда, чтобы наше православіе развило въ себѣ когда нибудь хоть каплю аристократизма.

Нѣтъ г. Поляки! мы необижаемся, а гордимся тѣмъ, что наша вѣра, какъ вы говорите *сѣйорска*. Православіе въ своей идеѣ стремится осуществить заповѣдь Спасителя равенства, братства, любви и единства. Въ православной церкви никто несканжетъ простолюдину:» ноги прочь! отъ тебя волнеть дегтѣмъ, ты колбасы объѣлся.» какъ это приходилось намъ слышать въ костелѣ отъ вѣдомыхъ павень и павовъ.

скія проповѣди, сочиненія, сближенія, различныя хитрости и угнетенія, увлекали на ихъ сторону также много знатныхъ, но слабыхъ лицъ. (1)

Аристократія вообще какъ-то скоро способна дѣлаться безразличною къ интересамъ религіи и вѣковымъ преданіямъ народной старины, если это кажется почему либо выгоднымъ для ея сословныхъ и родовыхъ интересовъ: для нея гораздо тяжелѣе отказаться отъ послѣднихъ, чѣмъ отъ первыхъ. Кромѣ того русскіе вельможи неимѣли между собою надлежащей сплоченности и жили розно, каждый для себя. Ихъ интересы были внѣ своего народа: ихъ сословный кругъ былъ довольно широкъ, но чтобы занять приличное мѣсто въ этомъ кругѣ имъ нужно было примкнуть къ католичеству. И такъ какъ православное югозападное магнатство составляло только часть, меньшинство въ сравненіи съ магнатствомъ всей Польши, — то естественно, что первое стремилось приноровиться къ большинству, принадлежавшему къ иной вѣрѣ и иной народности. Ихъ обособленность ставила ихъ часто въ какое-то неловкое и невыгодное положеніе, въ отношеніи къ католическому панству, — а вельможному пану этого времени, хоть и православному, ни какъ не хотѣлось переносить какихъ-нибудь пустыхъ насмѣшекъ и бессмысленныхъ замѣчаній; потому что онъ немогъ осмыслить своей жизни, при ограниченности своего кругозора. Не понимая интересовъ своей народности и будучи не въ состояніи поглубже приглядѣться къ тому, во что онъ вѣровалъ, или лучше сказать, неимѣя основательныхъ убѣжденій въ вѣрѣ и глубокой внутренней привязанности къ ней, они, безъ всякой сердечной боли, переходили въ католичество, отказываясь отъ своего роднаго православія.

Но если іезуиты находили успѣхъ здѣсь, если къ религіознымъ убѣжденіямъ аристократіи они весьма легко могли примѣшивать свои, совершенно противоположныя, — то не такъ легко было приступить съ этимъ къ народу, который всегда глубоко держался православія (2). Въ немъ то исключительно жили и развивались коренныя начала югозападной народности и неразрывнаго съ нею православія, а потому онъ немогъ недорожить имъ.

(1) Obr. Litw. t. II. str. 76.

(2) Obr. Litw. jarosz. t. III. str. 77.

Рѣшеніе вопроса между двумя крайностями, замѣло конечно не столько отъ догматическихъ споровъ, которые не совсѣмъ доступны были народу, сколько отъ внутренняго строя жизни общественной и церковной. Югозападный народъ долженъ былъ стоять за вѣрованія своей церкви и защищать ихъ; потому что въ этомъ хранились его общественныя права, тамъ онъ видѣлъ все свое счастье и идеалъ своей общественной жизни. Безконечно-разнообразныя явленія общечеловѣческой жизни и каждаго человѣка въ частности, опредѣляются отношеніями двухъ вѣчно-совмѣстныхъ и соприкасающихся началъ: прирожденной свободы всякому лицу и общественнаго мнѣнія, которое полагаетъ границы всякой безграничной свободѣ или невыясненнымъ еще стремленіямъ и желаніямъ и даетъ имъ направленіе, своеобразное извѣстной идеѣ. Въ православной церкви югозападный русскій народъ нашелъ и то и другое: онъ увидѣлъ тамъ всецѣло себя.

Югозападный народъ въ своей жизни всегда стремился къ тому, чтобы согласить эти два начала человѣческой жизни, не внѣшнимъ авторитетомъ, а внутреннимъ образомъ, и это есть существенная особенность его духа и его бытовыхъ проявленій, каковы на примѣръ братства въ церкви и сельскія общины въ народномъ управленіи. Югозападный народъ не хотѣлъ ограничивать личной свободы внѣшнимъ авторитетомъ аристократическаго права, нѣкоторыхъ членовъ этого общества, какъ думали теперь ограничить его права въ церкви нѣкоторые изъ его пастырей, при помощи польскаго правительства: онъ искалъ ограниченія личной свободы каждаго члена общества въ нравственномъ авторитетѣ и единодушной волѣ всѣхъ ея членовъ; свобода и единомысліе, вотъ стихіи этого народа. Не находя себѣ достаточнаго удовлетворенія среди внѣшнихъ условій и въ томъ обществѣ, съ которымъ онъ входилъ въ соприкосновеніе, — онъ ищетъ себѣ убѣжища въ сферѣ, недоступной этимъ условіямъ и находитъ его въ ученіи православной церкви.

Но пора намъ лучше обратиться къ самой исторической жизни и послушать живаго голоса самаго народа, у котораго думали теперь отнять силу все, что только было выработано имъ до-сего времени свободною жизнію.

Теперь нужно было кому-нибудь начать борьбу съ іерархами церкви, согласившимися на унию, чтобы показать имъ всю несостоятельность ихъ дѣйствій, при существовавшемъ устрой-

ствѣ жизни общественной и церковной въ томъ народѣ, который они хотѣли теперь вести, какъ они думали, къ лучшей жизни новыми путями и при новыхъ началахъ.

Константинъ Острожскій первый выступаетъ на открытую и рѣшительную борьбу съ своими іерархами. Получивъ письмо отъ хитраго Поцѣя (16 іюня 1595 г.), въ которомъ онъ, стараясь оправдать себя и своихъ сообщиковъ въ замыслахъ относительно уніи, а между тѣмъ убѣждаетъ его согласиться на соединеніе съ римскою церковью (1). Константинъ Острожскій пишетъ (24 іюня 1595 г.), въ слѣдствіе этого, окружное посланіе ко всемъ православнымъ христіанамъ, убѣждая ихъ твердо стоять за православіе. Это окружное посланіе отъ начала до конца проникнуто живымъ и теплымъ чувствомъ любви и убѣжденія въ истинѣ православной вѣры, любви, готовой даже на страданія за вѣру. Искреннее религиозное чувство великаго подвижника православія было глубоко оскорблено двоедущіемъ Поцѣя и вообще *облудными и подступными пастырями* какъ выразился о нихъ Федоръ Скуминъ, воевода новгородскій, въ своемъ письмѣ къ Константину Острожскому (2). Но послушаемъ самаго Константина Острожскаго. Въ его посланіи высказанъ тотъ свѣтлый взглядъ на церковь и на отношеніе народа къ высшимъ іерархамъ, который скоро выступитъ еще сознательнѣе и обширнѣе: это посланіе есть какъ бы итогъ, слѣдствіе, той недостойной дѣятельности пастырей, которая высказалась до настоящаго времени. »Отъ преименитыхъ благочестивыхъ родителей ея младу я воспитанъ былъ въ казаніи истинной вѣры, въ которой и теперь, укрѣпленъ Божіею помощію, пребываю. Извѣстился я Божіею благодатію и увѣрился въ томъ, что кромѣ единой истинной вѣры, насажденной во Іерусалимѣ, нѣтъ другой вѣры. Но теперь, злохитрыми кознями вселукаваго діавола, самые главные истинной вѣры нашей начальники, прельстившись славою міра сего и охотою сластолюбія поирачившіеся, мнимые наши пастыри, митрополить съ епископами, въ волковъ претворились, отверглись истинной вѣры святой восточной церкви, отступились святѣйшихъ патріарховъ, пастырей и учителей нашихъ вселен-

(1) А. З. Р. т. IV N 70.

(2) Ibid. N 34.

»скихъ и приложились къ западнымъ. А между тѣмъ, при-
»крывая свою волчью кожу овечью шерстью и скрывая въ себѣ
»внутренняго волка, они не открываются, тайно согласившись
»другъ съ другомъ окаянныя, какъ хриstopродавецъ Иуда съ жидами,
»задумали всѣхъ благочестивыхъ съ собою въ погибель вверг-
»нуть, какъ объ этомъ говорятъ самыя пагубныя и скрытыя
»ихъ писанія. Но человѣколюбецъ Богъ не попуститъ совер-
»шиться въ конецъ ихъ лукавому умыслу, если только ваша
»милость въ любви христіанской и повинности своей пребудете.
»Здѣсь идетъ дѣло не о тлѣнномъ имѣніи и преходящемъ
»богатствѣ, но о вѣчной жизни, о безсмертной душѣ, дороже
»которой ничего не можетъ быть. Многіе изъ обывателей здѣш-
»ней области, святой восточной вѣры послушники, считаютъ
»меня въ здѣшнемъ краю начальникомъ православія, хотя я
»самъ себя считаю не большимъ, но равнымъ каждому, въ
»правовѣрнн стоящему, то, изъ боязни, чтобы не взять на
»себя вины предъ Богомъ и предъ вами, даю знать вашимъ
»милостямъ о предателяхъ христовой церкви и хочу съ вами
»за одно стоять, чтобы за помощію Божіею и вашимъ стара-
»ніемъ, они сами впали въ тѣ сѣти, которыя для насъ гото-
»вятъ... Можетъ ли быть что нибудь безстыднѣе и незакон-
»нѣе, какъ ихъ дѣла! Шестъ или семь злонравныхъ человѣкъ
»злодѣйски согласились на унию, своихъ пастырей, святѣйшихъ
»патріарховъ которыми поставлены, отверглись, и считая насъ
»правовѣрныхъ безсловесными, своевольно осмѣлились оторвать
»насъ отъ истины и за собою низвергнуть въ пагубу: но у
»насъ есть свой разумъ, своя воля!.. Какая намъ отъ нихъ
»польза? Въмѣсто того, чтобы быть свѣтомъ міру, они сдѣлались
»тьмою и соблазномъ для всѣхъ. Если татары, жида, армяне
»и другіе въ нашемъ государствѣ хранятъ свою вѣру не нару-
»шимо, то не съ большимъ ли правомъ должны мы сохранить
»свою вѣру, истинныя христіане, *если только всѣ будемъ*
»*стоять твердо за одно*. Еслибы даже всѣ пастыри оста-
»вили насъ, мы и тогда должны сохранить истину православія,
»взирающе на начальника вѣры и совершителя Иисуса Христа,
»онъ глава нашей церкви. Подражайте Спасителю нашему
»Иисусу Христу, который пострадалъ отъ неблагодарныхъ иу-
»деевъ и послушайте апостола, который говоритъ: »терпѣли-
»востію да течемъ на предлежащій намъ подвигъ, взирающе на

»начальника вѣры и совершителя спасенія Иисуса, который, »за предлагающую ему радость принялъ смерть и распятіе, о »грамотѣ же недумалъ!» А я, какъ до сихъ поръ служилъ »восточной церкви трудомъ и имѣніемъ своимъ, въ разпо- »женія священныхъ книгъ и прочими благочестивыми вѣщами, »такъ и до конца моея жизни всѣми моими силами *общаюсь »служить на пользу братій моихъ* (¹).«

Вопросъ объ уни сталъ уже всѣмъ теперь извѣстенъ. Ея сообщники, такъ долго скрывавшіеся и хитрившіе другъ предъ другомъ, были открыты совсѣми своими планами. Гедеонъ, умирившись съ братствомъ, отказался отъ дѣйствій въ пользу уни и началъ обвинять, въ судѣ владимирскомъ, въ недобросовѣстности Кирилла Терлецкаго и Поцѣя, которые, на подписныхъ бланкетахъ, вмѣсто просьбъ къ королю, написали согласеніе на унию (²). Проповѣдникъ Стефанъ Зизаній, перешедшій изъ Львова въ Вильно, во время преслѣдованій Гедеона, волновалъ своими проповѣдями православныхъ этого города, убѣждая ихъ вооружаться противъ митрополита и епископовъ измѣнниковъ » Великую войну велъ съ римлянами зизаній, говоритъ лѣтописецъ, не только на ратушахъ и при рынкѣ по дорогамъ, но и посреди церкви святой (³). Митрополитъ Михаилъ, вслѣдствіе этого обружною грамотою увѣряетъ всѣхъ мірскихъ и духовныхъ, что онъ не участвуетъ въ замыслахъ на принятіе уни, убѣждая и ихъ твердо стоять за истину православія. Волненіе поднятое въ Вильвѣ устрасило трусливаго Рогозу не вшутку и онъ посылаетъ членамъ виленскаго братства, чрезъ своего протонотарія Григорія, грамоту, въ которой, увѣряя ихъ, что онъ непричастенъ уни, въ тоже время грозитъ своимъ духовнымъ судомъ виленскому братству, а особенно Зизанію, за распространеніе объ немъ ложныхъ слуховъ (⁴). Эта рѣзкость отношенія, смѣшанная съ недобросовѣстностію, вызываетъ посланіе виленскаго братства къ князьямъ Скумину и Острожскому, съ приложеніемъ документовъ, что митрополитъ дѣйствительно пристрасть уже къ уни вмѣстѣ съ другими владыками (⁵). Они жалуются, что ихъ

(¹) А. З. Р. т. IV. N 71.

(²) Руск. Бесѣда 1858 г. в. III. Науки стр. 39—41.

(³) Сборникъ Синод. библ. № 790.

(⁴) А. З. Р. съ в. N 72.

(⁵) Ibid. N 74.

владыки, собираясь на тайные соборы, дѣлають тамъ распоряженія и соглашенія отъ всего народа и духовенства; перечисляють пять тайныхъ соборовъ (въ Брестѣ, Соколѣ, Красноставѣ, Кобринѣ и опять въ Брестѣ), на которыхъ они порѣшили дѣла унїи безъ ихъ согласія и участія. Католики въ своихъ костелахъ говорятъ уже открыто, что они должны согласиться на все это; потому что *ихъ владыки и митрополитъ соизволили согласиться на это*. Въ слѣдствіе чего они писали къ митрополиту и требовали, чтобы онъ *объяснилъ предъ ними, какъ и почему онъ согласился на унїю?* О томъ, что ихъ владыки и митрополитъ *списались предать ихъ католичеству* они протестовали предъ Богомъ и всѣмъ народомъ христіанскимъ, потому что все это сдѣлалось, «безъ вѣдома своихъ старшихъ и насъ меньшихъ всего духовенства и безъ вѣдомости вашихъ милостей, нашихъ милостивыхъ пановъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, сами, только четыре альбо пять особъ тое справують?....» Но, предлагаютъ они, пусть себѣ отступаютъ высшіе пастыри, если имъ угодно; духовенство и народъ успокоиваютъ себя словами писанія: отступать нѣщны отъ вѣры...и отъ васъ самихъ встануть мужіе, глаголюще развращенная (1 Тими. 4 Дѣян. 20 30) (1).

Въ слѣдъ за виленскимъ, львовское братство высказало все недовольство на существовавшій порядокъ вещей въ церкви и на недостойныхъ пастырей своихъ. Въ духовномъ сословіи, говоритъ оно, умножились безпорядки при худомъ пастырствѣ Кіевскаго и Галицкаго митрополита Онисифора Дѣвочка, двоеженца и человека вѣры сомнительной. Онъ позволялъ епископамъ быть двоеженцамъ, а инымъ епископамъ быть съ женами, не смотря на монашескіе обѣты, и намножилъ нѣсколько сотъ поповъ двоежнецевъ, подозрѣваемыхъ въ разныхъ преступленіяхъ».

«Вселенскій патріархъ Іеремія, съ разрѣшенія его королевскаго величества, находясь въ Вильнѣ, митрополита низложилъ и на его мѣсто другаго отца Михаила Рогозу поставилъ и посвятилъ, приказавъ ему, подъ страхомъ лишенія сана и гибели души, негодныхъ владыкъ и поповъ отъ церкви отлучить, чего онъ не исполнилъ, хотя патріархъ строго ему подтверждалъ. Такіе владыки, по тайному между собою согласію, избѣгая

(1) Ibid.

церковнаго наказанія, поддаются папѣ римскому, будто бы для соединенія церквей, а собственно для того, чтобы покрыть свое недостоинство. Производя соблазнъ между нами овцами христовыми...они, съ своими пріятелями, роскошествуютъ въ имѣніяхъ церковныхъ, святой перкви не приносятъ нималѣйшей пользы; всё неудобноносимыя тяжести возлагаютъ на простой народъ, а сами нехотятъ и перстомъ коснуться ихъ. Заграждая людямъ царство небесное, сами невходятъ и намъ возбраняютъ. Монаховъ женятъ, монахинь выдаютъ замужъ; сами владыки живутъ съ женами, и *мясо ѣдятъ* вопреки монашескихъ правилъ, да еще насъ, невинныхъ людей, предають проклятію; наши дома и сундуки съ имуществомъ печатають, затрудняя тѣмъ ходъ нашихъ дѣлъ и домашнюю жизнь, а поповъ нашихъ духовныхъ принуждаютъ къ свѣтскимъ обязанностямъ и тѣмъ лишаютъ насъ всёхъ церковныхъ и свѣтскихъ правъ нашего древняго православія и проч. и проч...» (1). Въ началѣ 1596 г. какъ православная югозападная церковь, такъ и польско-католическая были въ какомъ-то особенномъ, не нормальномъ состоянію. Католическая—съ лихорадочною дѣятельностію хваталась за всё незаконныя средства, въ наележдѣ поскорѣ достигнуть такъ давно желанной цѣли,—православные—съ нетерпѣніемъ ждали выхода изъ своего нерѣшительнаго и загадочнаго положенія въ которое они были поставлены своими іерархами. Они съ нетерпѣніемъ желаютъ собора, какъ послѣдняго судьи въ поднятомъ теперь вопросѣ (2). Виленское братство просить князей Скумина и Острожскаго хлопотать предъ королемъ о соборѣ, гдѣ бы міряне съѣхались вмѣстѣ съ своими пастырями для суда (3). Братство и всё міряне югозападной церкви стали теперь лицомъ къ лицу съ вопросами—объ отношеніи мірянъ къ пастырямъ церкви; о правѣ участія первыхъ въ рѣшеніи вопросовъ церковныхъ; объ отношеніи низшихъ пастырей къ высшимъ, а также,—объ отношеніи власти королевской вообще къ пастырямъ церкви. Съ этими вопросами неопредѣленно выступавшими въ церковной жизни на югозападѣ Руси, мы сталкиваемся постоянно съ появленіемъ братствъ, съ церковно-административнымъ ха-

(1) Ж. М. Н. Пр. Май. стр. 82—84. Объявленіе львов. братства.

(2) Ekthejis. л. 3.

(3) А. З. Р. т. IV. N 90.

ракторомъ, и эти, не установившіеся еще окончательно вопросы, всегда выступали, въ борьбѣ братства съ духовенствомъ, на первомъ планѣ,—брестская-же унія должна была рѣшить ихъ окончательно такъ-или иначе, потому что съ этихъ вопросовъ завязывается теперь вся полемика объ уніи.

Мы еще прежде видѣли, какъ Сигизмундъ III, глазами іезуитовъ, смотрѣлъ на участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви. При рѣшеніи этого вопроса теперь—должно ли дѣло уніи состояться съ согласія мірянъ, или безъ нихъ,—іезуиты не могли долго задуматься: они видѣли, что братства съ своими правами, главнымъ образомъ стоятъ имъ на пути къ достиженію ихъ цѣли. Они рѣзко начали отдѣлять барашковъ отъ овечекъ и высказывались прямо противъ собора, на которомъ участвовали бы міряне,—потому что отъ него они не ждали для себя ничего утѣшительнаго.—Сигизмундъ III далъ приказъ пограничнымъ старостамъ, чтобы ни подъ какимъ условіемъ не пропускать въ Литву патріаршихъ пословъ (¹); а князю Острожскому онъ прямо говоритъ: «Несчитаемъ нужнымъ, чтобы, для рѣшенія вопроса объ уніи, былъ какой-нибудь съѣздъ, о которомъ просили насъ сами епископы ваши: дѣла, относящіяся къ душевному спасенію, подлежатъ власти ихъ папской, а мы должны повиноваться рѣшенію папскихъ, *которыхъ намъ духъ папскій* (²) *далъ за вожи до живота* (³).—Но напрасно такъ думали и хлопотали іезуиты, а съ ними и польское правительство! Народъ не могъ уже остановиться предъ разъ созданнымъ идеаломъ церкви.—Братство, въ силу патріаршей грамоты, имѣло право слѣдить за поведеніемъ и религиозными убѣжденіями своихъ епископовъ и вообще всего духовенства. Это право народа перешло уже въ убѣжденіе и народъ поставилъ теперь для себя обязанностію свои убѣжденія, облеченныя правомъ, доказать самимъ дѣломъ.—Борьба, препятствія и безпомощность, заставили его искать помощи въ самомъ себѣ, въ своихъ внутреннихъ силахъ и поглубже призадуматься надъ тѣми вопросами, которые приходилось ему теперь отстаивать. Іерархическая жизнь церкви, какъ мы уже видѣли, не давала ему для борьбы никакихъ нравственныхъ началъ: его обружала одна только безиравствен-

(¹) А. З. Р. т. IV. N 75

(²) Господній.

(³) Ibid. N 76.

ность, коварство и недобросовѣтность. Народъ желалъ видѣть лучший порядокъ въ устройствѣ церковномъ и прямо это высказывалъ: »нѣкоторые, говорятъ львовское братство, желавшіе возвратиться къ своему правосѣрію, теперь отвращаются, порицая церковное безчиніе, люди же всѣ, единогласно восклицая, говорятъ: если только неустроится церковное развращеніе, разойдемся вконецъ, пристанемъ къ римской церкви и будемъ тамъ жить покойно и безмятежно (1)». Иерархи церкви потеряли всякое уваженіе въ глазахъ народа, когда онъ увидѣлъ, что—они своею безнравственною жизнью какбы насмѣиваются надъ тѣми божественными истиннами вѣры, предъ которыми онъ благоговѣлъ. Мнящіеся быти святители сущіиже по истинѣ сквернители, иночествати общавшіеся, и съ жонами невозбранно живущие: многобрачнїи святительствуютъ, прочіе же съ блудницами дѣтей родили и проч. и проч.....И эти—то пастыри хотятъ теперь, чтобы народъ ввѣрилъ имъ неограниченную власть церкви и призналъ за ними не цорѣшимый авторитетъ въ дѣлѣ религіи!?

Окончательное рѣшеніе вопроса объ уніи взяло на себя польское правительство. Что—бы придать нѣкоторую законность беззаконной уніи, король снисходилъ къ требованіямъ народа и дозволяетъ всѣмъ православнымъ съѣхаться на соборъ въ Брестъ-Литовскъ. Отвергнутое недавно право народа, признается польскимъ правительствомъ опять какъ бы законнымъ. Михаилъ Рогоза, по приказанію короля, пишетъ окружное посланіе ко всѣмъ духовнымъ, сановникамъ и *посполитому народу*, приглашая всѣхъ ихъ для совѣщанія о вѣрѣ. Здѣсь же онъ жалуется на Терлецкаго и Поцѣя, которые, *безъ концесу* (безъ согласія) *рѣши посполитой*, порѣшили уже въ Римѣ вопросъ объ уніи (2).—Соборъ состоялся въ назначенномъ мѣстѣ 6-го октября 1596 года. На сторонѣ православія были только два югозападныхъ епископа—Гедеонъ львовскій и Михаилъ перемышльскій, греческій архимандритъ Никифоръ Туръ и низшее духовенство, извѣстные намъ уже два епископа и митрополитъ—увяты, не хотѣли явиться на соборъ, хотя недавно измѣнявъ митрополитъ приглашалъ всѣхъ духовныхъ, сановниковъ и мірянъ» для

(1) А. З. Р. т. IV. стр. 43, на 2-мъ столбцѣ.

(2) Ibid. N N 89. 100.

прислушиванія и обмысливанія» дѣль церковныхъ (¹). Когда соборъ православныхъ потребовалъ ихъ къ себѣ третій разъ, они отвѣтили: «—Что сдѣлано, то сдѣлано уже разъ на всегда; хорошо ли, дурно ли мы сдѣлали, предавшись римскому папѣ, только теперь передѣлать этого рѣшительно невозможно.» Такъ какъ митрополитъ и епископы—увіяты нехотѣли послушать ихъ *каноннаго позову* и нехотѣли стать предъ ними *на синодѣ*, чтобы дать отвѣтъ въ сводѣхъ *безбожныхъ поступкахъ*, которые они осмѣлились учинить,—то соборъ православныхъ отлучаетъ ихъ отъ церкви и не признаетъ ихъ больше своими пастырями (²). 9-го октября выданъ былъ соборный декретъ, въ которомъ сказано, что отступники отъ православія осуждены голосомъ патріарха, митрополита греческаго, епископами, архимандритами, игуменами, протопопами и пресвитерами числомъ 106; а также *папами и послами съ обѣихъ панствъ и огуломъ всеми православными христіанами* (³).—Власть народная въ церкви высказалась прямо и рѣшительно на соборѣ; они, отвергнувъ непріятную для нихъ унію, поступили противъ воли правительства, которое такъ усердно хлопотало объ уніи и покровительствовало епископамъ, низложеннымъ и отвергнутымъ теперь голосомъ народа. Православной сторонѣ предстѣяла теперь борьба и борьба ужасная. Имъ нужно было отстаивать свои народныя права и защищать законность своихъ поступковъ, противъ незаконно поступившихъ іерарховъ церкви.—

Что же мы видимъ далѣе?

Извѣстный историческій фактъ, что чѣмъ глубже начинаетъ проникать нравственная порча въ извѣстное общество, и когда оно становится безнравственнѣе и пошлѣе, въ это время особенно выступаютъ нѣкоторыя глубоко нравственныя личности съ глубокимъ сознаніемъ, съ сильною жаждою и потребностью новыхъ, высшихъ началъ для общества. Это тѣ генія, тѣ спасители общества, которые сильною внутреннею борьбою съ безнравственными насущными явленіями и всецѣлымъ погруженіемъ въ самое себя, выработываютъ и выясняютъ жизненныя начала для изживающагося общества и даютъ будущему новому поко-

(¹) А. З. Р. т. № 100.

(²) Ibid. N 104.

(³) Ibid. № 106.

лѣнію силу, мощь и крѣпость. Правда, бываетъ часто, что при усиленной борьбѣ нравственнаго общества съ противоположными началами глубоко нравственными, въ первомъ выступаютъ личности экзальтическія, которыя заражая цѣлое общество крайнимъ направленіемъ своихъ началъ, постепенно истощаютъ внутреннія силы общества и чѣмъ далѣе, тѣмъ блѣднѣе и слабѣе выступаютъ на поприще передовыя личности: борьба времени кладетъ на нихъ особенную печать какъ бы отъ рожденія и въ ихъ дѣятельности является запутанность и недовѣрчивость къ своимъ собственнымъ силамъ. Порывы ихъ воодушевленія не производятъ уже ничего сильнаго и всѣ ихъ нравственныя мученія разрѣшаются лишь одними дихорадочными судорогами. Требованія нравственности, стремленіе къ чему то лучшему у нихъ есть, но оно является чѣмъ то невыясненнымъ, крѣпость убѣжденій и художественность проявленія ихъ исчезаетъ и они, изнеможенные, падаютъ подъ давящимъ ихъ гнетомъ. Но подобныя безотрадныя явленія бывають только тогда, когда самыя начала, за которыя ратуетъ извѣстное общество бывають слабы, а еще болѣе, когда эти начала, для своей постановки и развитія, неимѣють твердой почвы и начинаютъ смѣшиваться съ другими нечисто нравственными началами, такъ что при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, само собою выступаетъ вся ихъ неустойчивость и шаткость.

Совершенно противоположное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ намъ югозападная православная церковь. Испорченность въ самомъ обществѣ православномъ, безнравственность и несостоятельность польско-католическаго правительства и всего общества, выдвигаетъ на борьбу и защиту началъ православной церкви братство, общество, основавшееся на чистыхъ началахъ христіанской нравственности, любви и всеобщаго братства. И тогда, какъ католичество стало противодѣйствовать его направленію и развитію, всю мелочность латинской схоластики, и современной западной казуистики, православное общество сразу вступило на твердую почву древне-исторической жизни христіанской церкви: оно стало защищать себя не софизмами, но историческимъ смысломъ, духомъ евангельскаго и апостольскаго ученія и живою дѣятельностію всей церкви. Братства, съ напряженнымъ вниманіемъ обращаются теперь къ Востоку; ихъ дѣятельность усиливается: они начинаютъ совѣмъ вниманіемъ прислушиваться къ святому голосу церкви первыхъ вѣковъ христі-

анства и находятъ тамъ удовлетворительные отвѣты на все свои вопросы, желанія, стремленія и требованія. Вся лучшая дѣятельность греческихъ отцовъ церкви на поприщѣ православія, всецѣло наследуется ими и въ этомъ источникѣ истины они начинаютъ провѣрять все свои мысли и чувства. Чистый элементъ греческой начинаетъ родниться съ натурою славянина и приближается къ ней въ высокомъ сознаніи свободы личностей.—Прежній упадокъ просвѣщенія вызываетъ у нихъ жажду къ наукѣ; усилившееся зло, раждаетъ твердую рѣшимость уничтожить его въ церкви и *возвыситъ ее до образа первобытной церкви Христовой* (¹). Все школы и училища принимаютъ характеръ и направленіе греческаго образованія, и лучшіе мужи Востока являются на югозападѣ для просвѣщенія юношества, съ чистою любовію къ наукѣ и безкорыстнымъ желаніемъ подать помощь своимъ братьямъ по вѣрѣ. Взаимныя бѣдствія сближаютъ единодушнымъ сочувствіемъ всехъ членовъ общества, и они всею твердостью духа идутъ навстрѣчу всемъ противопоставляемымъ опасностямъ и препятствіямъ.—потому что *законы отеческіе были поправки*, а учителя лицемѣрствуя православіемъ, покрыли церковь ложью (²). Поднятыя на нихъ гоненія и жертвы, павшія отъ католическаго фанатизма, еще болѣе воодушевляютъ ихъ въ твердости и непоколебимости въ вѣрѣ (³). Поднятое знамя братской любви и единства развертывается все шире и шире и дѣлается наконецъ знаменіемъ цѣлаго православнаго юго-западнаго народа, соединеннаго въ одно цѣлое, неразрывное братское общество. Аристократы забываютъ свои родовыя преимущества и достоинства и возстаютъ вмѣстѣ съ народомъ на защиту церкви и все ея управленіе берутъ въ свои руки. Ихъ роскошные дома обращаются теперь въ ученые кабинеты, гдѣ рядомъ съ знаменитымъ вельможею трудится простой мірянинъ и смиренный инокъ для духовнаго просвѣщенія своей братіи (⁴). Лучшіе аристократы этого времени, не по одному только богатству и знатному происхожденію, но и по глубокимъ убѣжденіямъ какъ религіознымъ, такъ и нравственнымъ, наковы были: Константинъ Острожскій,

(¹) А. З. Р. т. IV. N 45.

(²) Ibid. №33.

(³) Ibid. стр. 103 1-й столбецъ.

(⁴) *Obraz. Bitw. Jarogz. t. II, str. 82.*

Федоръ Скуминъ, Друцкій Горскій и другіе, — подають руку послѣднему плебею и убѣждаютъ ихъ стать вмѣстѣ съ ними на защиту своей вѣры и за право народности. Въ своихъ протестаціяхъ, представляемыхъ въ судъ королевскій, они говорятъ, что епископы своимъ соглашеніемъ на унію, безъ согласія всѣхъ духовныхъ и *насъ всѣхъ* греческой религіи, *какъ дворянства*, такъ и *посполитаго народа*, а безъ согласія старшихъ своего духовенства, патриарховъ восточныхъ, — нарушили права рѣчи посполитой и свободу данную народу привилегіями прежнихъ королей и привилегією короля, его милости, Сигизмунда III.

Неокатоличившіеся епископы недумаютъ таки отказываться отъ прежней своей власти надъ народомъ: они, по внушенію іезуитовъ, надѣются подчинить его себѣ силою своей папской власти и начинаютъ дѣйствовать еще болѣе нелогически, чѣмъ прежде. Митрополитъ Михаилъ, такъ недавно со всею силою защищавшій права братства, данныя патриархами, теперь, уже подъ вліяніемъ взглядовъ, жалуется, подобно прочимъ епископамъ измѣнникамъ, на патриарховъ греческихъ, что они заклеили себя святотатствомъ, униженіемъ и отнятіемъ у нихъ власти, давъ власть и право вмѣшиваться въ дѣла церкви простымъ *холопамъ* (sic!) (¹). Въ Новогрудкѣ, на соборѣ, онъ уничтожаетъ всѣ прежнія рѣшенія свой и соборы, по дѣлу Старопиги съ Гедеономъ Балабаномъ, — признаетъ послѣдняго невиновнымъ, подчиняетъ ему городскую Львовскую церковь и Онуфріевскій монастырь и присуждаетъ братство къ уплатѣ всѣхъ, повесенныхъ по этому процессу убытковъ. Но это ни къ чему не повело: ни братство, ни епископъ не обратили на это никакого вниманія (²). Польское правительство вмѣстѣ съ іезуитами увидѣло теперь, что отнята власть у братства силою, чтобы ослабить его вліяніе на народъ, не такъ легко какъ имъ казалось, и они думаютъ привлечь ихъ на свою сторону хитростію. Король поручаетъ львовскимъ бурмистрамъ и радцамъ употребить всѣ средства, чтобы склонить братство на сторону уніи. Магистратъ, съ небывалою вѣжливостію, приглашаетъ старшихъ братчиковъ въ Ратушу; каждый Бурмистръ и Радца въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ представляя, что вступленіемъ въ унію

(¹) А. З. Р. т. IV № 110.

(²) Жур. М. В. Пр. дѣл. Львов. брат. мон. стр. 74.

братчики обезпечать себя и своему потомству доставить покой и счастье и будутъ на равнѣ со всѣми пользоваться правами—отправленіемъ торговли и ремесль. Молча, съ покорностію слушали русины соблазнительныя для нихъ рѣчи, кланялись, ни отказывались, ни соглашаясь, и ушли домой (1). Подобныя обѣщанія не имѣли теперь для нихъ никакой цѣны. Православные со всѣхъ сторонъ слышали теперь голоса своихъ братьевъ твердо стоять за вѣру и искать себѣ счастья не гдѣ нибудь, но въ одной только истинѣ православія; они съ востока слышали теперь наставленія, въ какомъ отношеніи они должны стоять къ своимъ пастырямъ и указывалось имъ высокое ихъ значеніе въ церковномъ управленіи. «охраняйте, пишетъ къ князю Острожскому и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ югозападной церкви инокъ» Аѳонскій, Іоаннъ Вишенскій, охраняйте, православные, дѣтей «своихъ отъ католической латинской отравы; теперь вы явно пострадали, когда на латинскую и мірскую мудрость разлакомились... На священническую степень по правилу святыхъ отецъ «да всходятъ, а не по своему желанію, не ради имѣнія и панства санъ восхищаютъ; не принимайте того кто самъ наскваквиваетъ, королемъ назначается безъ *вашего избранія*; изгоняйте и проклинаяте такого, потому что вы не въ папу крестились и не въ королевскую власть, чтобы вамъ король давалъ «волковъ и злодѣевъ; ибо луче не вамъ безъ владыкъ и безъ поповъ, отъ діавола поставленныхъ, въ церковь ходить и православіе хранить, нежели съ владыками и попами, не отъ Бога «званными въ церквахъ быть, ей ругаться и православіе попирать. «Вы пастырей себѣ такъ избирайте: прежде назначьте нѣсколько «особъ, отъ житія и разумія засвидѣтельствованныхъ, потомъ «опредѣлите день и постъ, сотворите бдѣніе въ церкви и молитесь Богу, да дастъ вамъ и откроетъ пастыря, котораго жребіемъ искушайте. Богъ милостивый моленія вашего не презритъ, вамъ пастыря дастъ и объявитъ; послѣ этого уже обращайтесь къ свѣтской власти, къ королю, чтобы подтвердилъ «вамъ владыку, если же не захочетъ подтвердить, то увидите, «что оглохнетъ и пропадетъ; потому что поставленъ судъ правый «судить, а не прелестямъ своею вѣры потворствовать» (2).

(1) Ibid. 75.

(2) Истор. Соловьева т. X. въ доп. и прибав. къ X. тому.

Отъ тогоже инока Юанна, въ другомъ его обличительномъ посланіи, еще сильнѣе и энергичнѣе раздался голосъ о той безнравственности, какую полна была въ то время польская земля. »Гдѣ теперь въ польской землѣ вѣра, гдѣ надежда, гдѣ любовь? Гдѣ правда и справедливость суда? Гдѣ покорность, гдѣ евангельскія заповѣди? Гдѣ апостольская проповѣдь, гдѣ свѣтскіе законы? Гдѣ непорочное священство? Гдѣ крестопосное житіе иноческое? Гдѣ благовѣрное и благочестивое христіанство?! .. Нынѣ въ польской землѣ священники всѣ, какъ нѣкогда Іезавелины жрецы, чревомъ, а не духомъ службу совершаютъ; паны надъ подручными своими сдѣлались богами, высшими Бога, вознеслись судомъ беззаконнымъ надъ Творцомъ. вмѣсто евангельской проповѣди, апостольской науки и святаго закона, нынѣ поганскіе учителя, Аристотели, Платоны и другіе имъ подобныя мошкарники и комедійники водворахъ Христа Бога владычествуютъ. вмѣсто вѣры, надежды и любви,—безвѣріе, отчаяніе, ненависть, зависть и мерзость владычествуютъ. Турки некрещенные честнѣе предъ Богомъ въ судѣ и правдѣ, нежели крещенные ляхи; а вы, православные христіане, не скорбите; Господь съ вами и я съ вами; имѣйте вѣру и надежду на Бога жива, на вановъ же вашихъ русскаго рода, на сыновъ челоувѣческихъ не надѣйтесь, въ нихъ нѣтъ спасенія: они отъ живаго Бога и отъ вѣры отъ его отступили. Да будутъ прокляты владыки, архимандриты, игумены, которые монастыри заустошили и фольварки себѣ изъ мѣстъ святыхъ подѣлали; гроши собираютъ съ доходовъ, данныхъ богомольцами христовыми, дочерямъ своимъ приданное готовятъ, сыновей одѣваютъ, женъ украшаютъ, слугъ умножаютъ, кареты дѣлаютъ, лошадей сытыхъ и одношерстныхъ запрягаютъ, а въ монастырѣ вмѣсто иноческаго чина, вмѣсто бдѣнія, пѣснопѣнія и молитвъ, псы воютъ. Владыки безбожны, вмѣсто правилъ книжнаго ученія и поученія во законъ Господень, день и ночь надъ статутомъ сидятъ и во лжи весь вѣкъ свой упражняются (1)».

Сильный былъ голосъ отвѣтъ, но неменѣе сильно и дѣятельно защищались и сами православные на югозападѣ отъ всѣхъ нападеній и хитростей іезуитскихъ, видя сами все то, на что такъ живо и рѣзко указывали ему другіе. Мы уже ска-

(1) Истор. Сочинѣна т. X. стр. 60—61.

зали съ какою ревностію югозападный русскій народъ принялся теперь выяснять себѣ свое положеніе и осмыслять ту исключительность, въ которую онъ былъ поставленъ своими іерархами. Отвергнутые имъ іерархи громили его проклятіями, доказывая ему, при помощи іезуитскихъ сочиненій, что онъ долженъ быть безгласенъ предъ своими пастырями; папское правительство тоже заставляетъ его подчиниться тѣмъ же требованіямъ, какъ своихъ подданныхъ. На всѣ эти возгласы и требованія народъ долженъ былъ дать свой отвѣтъ.

По мнѣнію Скарга о соединеніи церквей ненужно было бы даже и объявлять мірянамъ, такъ-какъ это дѣло пастырей. Скарга смотритъ на пастырей церкви, особенно на представителей ея епископовъ, какъ на прямыхъ посредниковъ между Богомъ и людьми, которые въ слѣдствіе этого никогда немогутъ погрѣшить. «Толковать о членахъ вѣры и изъяснять спасительный ихъ смыслъ, могутъ одни только духовные и епископы; ибо какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ, повелѣно слушать однихъ только духовныхъ властей и слѣдовать ихъ вѣрѣ, а свѣтскимъ, какъ овцамъ, идти за пастырями безпрекословно. И это справедливо. Они заблудить не могутъ: а если бы и заблудили, *чего быть не можетъ*, то слушатели ихъ были бы оправданы, а они осуждены. Ибо, если Богъ повелѣлъ слушать ихъ и вѣрить имъ, то самъ бы ихъ обманулъ, если бы приказалъ слушать заблуждающихъ (1)». Вотъ мудрость іезуитско-католической схоластики!.. На это авторъ Апокрисиса говоритъ: «если однимъ пастырямъ ввѣрено охраненіе истинъ вѣры и заботливость о спасеніи стада ихъ, а мірскіе должны только безпрестанно слѣдовать за ними,—то пастыри церкви, сей часъ-же, какъ только узнали, что въ православной церкви ложь и заблужденіе, должны были объявить объ этомъ мірянамъ прежде, чѣмъ ози отправились въ Римъ, что бы умирающіе въ это время, не отходили отъ этой жизни безъ спасительной вѣры, если же они этого не сдѣлали, то правы ли они въ спасеніи людскомъ?..—Моисей, мірской человекъ, не только разсуждалъ о Богослуженіи, но установилъ весь порядокъ, чинъ его и самъ Богъ поручилъ учредить это не Аарону іерею, но мірскому человекъ. По смерти Моисея Богъ

(1) Апокр. стр. 67.

повелѣлъ вторично обрѣзать сыновъ израилевыхъ не Елеазару іерею, но мірскому челоѣку, отъ колѣна Ефремова, Іисусу Навину. Но эти доводы касательно власти мірскихъ людей въ церкви очень слабы: ибо велика разность между временами ветхаго и новаго завѣта, между евреями, бывшими подъ закономъ и сѣнью и между христіанами, живущими подъ благодатью истинною. Тамъ одно только колѣно левитское призвано было къ служенію іерейскому; здѣсь же, вѣрою во Іисуса Христа, царями и іереями Богу Отцу всѣ учинены (Апок. 1. 26). Тамъ одна только часть служила Богу и во одномъ только храмѣ іерусалискомъ, здѣсь же всѣ христіане освящены во всемъ житіи, на всякомъ мѣстѣ, на всякое время, во всѣхъ дѣлахъ и судахъ на славославіе Христово, и чтобы они славили Бога и служили ему не только духомъ, но и тѣломъ, поелику они уды Христовы и приобрѣтеніе Св. Духа. «Въ доказательство своихъ мыслей авторъ Апокрисиса приводитъ свидѣтельства Августина и Іеронима (1).

Народъ остановился теперь на нравственномъ уваженіи личностей и слушалъ одного только голоса нравственныхъ требованій, а не тѣхъ, которые занимали высшія мѣста въ іерархической лѣстницѣ. На всѣ возгласы и требованія правительства и отверженныхъ имъ іерарховъ, народъ не обращаетъ никакого вниманія: ему противнымъ кажется этотъ голосъ, какъ голосъ людей, неимѣющихъ въ себѣ нравственныхъ началъ.

Соборныя опредѣленія окатоличившихся пастырей, неимѣли для народа каноническаго значенія: онъ покорялся теперь не власти въ дѣлахъ вѣры, а голосу древней церкви и единомыслію всѣхъ членовъ церкви, соединенныхъ между собою единодушіемъ и любовью христіанскою. Теперь онъ уже не вѣрилъ въ судъ епископскій, какъ это было прежде, потому только, что *судъ бо есть епископскій*. — Народъ видѣлъ, что его православная вѣра не только неимѣетъ представительства въ Польшѣ, но даже не признаютъ за нею никакой исторической, законной опоры для существованія его въ югозападномъ краѣ: все противъ нея и слово и дѣло (2). Отого-то мы видимъ, что не

(1) *ibid.* стр. 67—70.

(2) Читай у Нѣмцевича стр. 13—17; здѣсь показано все это очень ясно. Совѣтъ Rugges, не хуже совѣтовъ Посевана или другихъ въ то время іезуитовъ.

число присутствующих на соборѣ епископовъ, ни власть, а требование короля покориться уніи, ни согласіе на унію старшихъ епископовъ, никакія наконецъ внѣшнія доказательства истинности собора и его рѣшеній, — не въ силахъ убѣдить народъ въ томъ, что этотъ соборъ имѣетъ характеръ православнаго. Православіе онъ не такъ понимаетъ: для него нужно не внѣшнее, а внутреннее доказательство истины, которая имѣла бы въ своей основѣ нравственность. Взглядъ на значеніе власти епископской въ церкви и вообще духовенства на соборѣ у него былъ таковъ: *общее мнѣніе должно быть судьей собора, а соборъ есть только выраженіе духовно-нравственнаго единства* (1). «Совершенѣйшій соборъ, говоритъ авторъ Апокрисиса, не есть судилище однихъ только епископовъ. Кто того не знаетъ, что есть различныя дарованія Божія и что между свѣтскими бываетъ много людей благочестивыхъ, одною простотою могущихъ сдѣлать многое? Много бываетъ между ними ученыхъ, а особенно въ настоящее время, болѣе разумнѣйшихъ нежели епископы, — тѣ говорю, епископы, которые кромѣ титла, облаченій, гордости и богатства, поистинѣ ничего неимѣютъ епископскаго, и о нихъ то можно сказать словами Св. Іеронима: » не всѣ епископы, суть епископы». Одному простому мірянину, неимѣющему посвященія, но знающему писаніе, надобно вѣрить больше въ поученіяхъ, нежели самому папѣ, больше вѣрить надобно одному мірянину изъ писанія доказывающему, нежели всему собору (2)». Изъ соборовъ апостольскихъ, вселенскихъ и помѣстныхъ доказывается теперь, что голосъ народа всегда уважался въ церкви и на соборахъ (3). — Пастыри не должны управлять совѣстію мірянъ такъ, чтобы стѣснять своими требованіями ихъ свободу: пастыри обязаны только наблюдать за ихъ дѣлами и совѣстію и соглашать ихъ и свою жизнь съ закономъ евангельскимъ и постановленіями церкви. Въ церкви голосъ даже одного ея члена долженъ быть уважаемъ. Необратить на него вниманія невозможно, — въ противномъ случаѣ будетъ стѣсненіе совѣсти вѣрующаго и пренебреженіе имъ, а въ слѣдствіе этого отверженіе его на погибель безъ всякой разумной причины. Что касается

(1) Апокр. стр. 62.

(2) Ibid. стр. 64.

(3) Ibid. стр. 60—63.

блага всѣхъ и спасенія души,—это должно быть всеми постановлено съ общаго согласія и тогда уже принято (¹). Каждый мірянинъ, если онъ только истинно содержитъ вѣру и вмѣшивается въ дѣла и суды церковные съ доброю цѣлю, не только не заслуживаетъ порицанія но достоинъ похвалы и одобренія (²). Въ силу грамоты Сигизмунда III, дозволившей Іереміи II учредить въ церкви братства,—за всеми мірянами признается право присутствовать на соборахъ. Но это присутствіе не должно быть однимъ только страдательнымъ, иначе оно nebude имѣть ни какого смысла.—Если же дѣла соборныя надлежатъ до всѣхъ мірянъ, то до нихъ подлежатъ и осужденіе и лишеніе достоинствъ тѣхъ духовныхъ властей, которые отступили отъ вѣры (³). Далѣе:—мірскимъ людямъ принадлежитъ право избранія епископовъ и священниковъ: а кто избираетъ, тотъ имѣетъ право и низвергать (⁴). Въ подтвержденіе этихъ мыслей авторъ Апокрисиса приводитъ довольно характерное мѣсто изъ 4 письма 1 кн. Кипріяна: » простой народъ, слушая повелѣній епископскихъ и боясь Бога, долженъ отлучаться худаго властелина и не прикасаться приношеніямъ святотатца іерея, поелику онъ больше всѣхъ имѣетъ власти избирать достойныхъ іереевъ, а недостойныхъ избѣгать. Это вытекаетъ, продолжаетъ авторъ Апокрисиса, изъ особеннаго благоговѣнія къ Богу, когда избраніе іерея совершается въ присутствіи цѣлаго народа, предъ глазами всѣхъ и достойный и способный іерей утверждается послѣ того общимъ голосомъ.—Міряне признаютъ за собою не отъемлемое право избирать достойныхъ іерарховъ и никто противъ ихъ воли не долженъ поставляться, на основаніи антиохійскаго собора (⁵). Кромѣ того, пастыри церкви избираются для народа, для него и надъ нимъ поставляется духовная власть, потомуто онъ долженъ и избирать ихъ самъ изъ среды себя, поелику только ему одному можетъ быть извѣстна жизнь избираемаго и его благочестіе (⁶).

(¹) Апокр. стр. 62—63. А. З. Р. т. IV. N 122.

(²) Ibid. стр. 66.

(³) Ibid. стр. 81. А. З. Р. т. IV. N 106. Арх. Югоз. Р. т. 1. N 123.

(⁴) Ibid. N 104.

(⁵) Апокр. стр. 84.

(⁶) Ibid. стр. 82.

Но признавая законнымъ участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви и утверждая за мірянами права, данныя патриархами—смотрѣть за поведеніемъ іерархіи,—братства далеки были отъ того, что-бы свою власть уравнивать съ властію пастырей церкви (¹). Ихъ права въ церкви уравнивались съ правами высшихъ іерарховъ только въ голосѣ и дѣлахъ, касавшихся управленія ея церкви. Авторъ Апокрисиса гиворитъ: «мірскіе, согрѣшившихъ пастырей церкви и достойныхъ отлученія, неимѣютъ права проклинать, ни приговора надъ ними произносить, но согласовать, необнародовая своихъ постановленій о пастыряхъ, но свидѣтельствовать и наблюдать должны, чтобы не было учинено что-нибудь не справедливо, безрасудно по скорости и гнѣву (²).

За низшими монастырями признавалось законное право и такая же сила голоса на соборѣ и вообще въ управленіи церковью, какъ и за епископами, потому что» и ихъ, говоритъ авторъ Апокрисиса, Духъ Святой поставилъ устроить церковь Божію и Св. Апостолъ Петръ поручаетъ имъ пасти стадо Христово также какъ епископамъ. Св. Павелъ, управлять церковью Господа Бога, заповѣдуетъ равно епископамъ и пресвитерамъ и недѣлаетъ между ними ни какого раздѣленія, почитая ихъ за одно (³). «Голосу священника въ дѣлахъ вѣры, на соборахъ дается сила равная голосу епископа и на отступника епископа священникъ имѣетъ право изречь проклятіе, потому что одинъ отъ другаго различаются только правомъ рукоположенія. Если священникамъ дано право пасти стадо Христово, гов. Авторъ Апокрисиса, то отсюда само собою должно слѣдовать право охраненія отъ опасности потерять кого-нибудь изъ этого стада; если-же угрожаетъ его стаду видимая опасность,—то онъ долженъ принимать извѣстныя средства, чтобы предотвратить ее (⁴).

Власть королевская по отношенію къ церкви опредѣляется

(¹) А. Э. Р. т. IV. N 104.

(²) Апокр. стр. 86. *Примѣч. Редакціи.* «Извѣстно впрочемъ, что авторъ Апокрисиса не вездѣ точенъ и правъ въ опредѣленіи характера участія мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ. Поспѣшность съ какою писано было это довольно объемистое сочиненіе въ разгарѣ полемики, необходимость защищаться противъ іерарховъ—отступниковъ, дружественныя отношенія и сдѣлки православныхъ съ протестантами для отпора общему врагу,—все это условило тѣ промахи, какія допустилъ авторъ Апокрисиса.»

(³) Ibid. стр. 65. Ibid. стр. 84.

(⁴) Ibid. стр. 65.

такъ: «король имѣеть только награждать пастырей церкви землями и угодьями, можетъ и отнимать ихъ, но не больше.» Что-же касается духовной власти въ церковномъ управленіи, — король не имѣеть здѣсь ни какого права (¹). Духовные представители по мимо короля отрѣшаются отъ должностей духовныхъ и народъ имѣеть право отказываться отъ повиновенія этимъ представителямъ, не обращая вниманія ни на какія приказанія короля, если только они дѣлаютъ принужденіе совѣсти — въ догматахъ ли вѣры, или обрядахъ церкви (²).

Д. Симицкий.

(¹) О невмѣшательствѣ королей въ вопросы религіозные и во внутреннее устройство православной церкви было еще нѣчто подобное постановлено 1509 г. на соборѣ вселенскомъ, который признанъ и утвержденъ закономъ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ. Тамъ говорится: «если государь, или кто нибудь изъ вельможъ или свѣтскихъ властей дерзнетъ нарушить хоть одно изъ постановленій виленскаго собора, безъ замедленія должны всѣ съѣхатся на свой счетъ къ митрополиту или епископу и просить государя, чтобы не нарушать ничего изъ постановленнаго. Если-же кто изъ епископовъ или митрополитъ nebudeтъ защищать права церкви, да будетъ лишенъ сана.» (Опис. Кіев. Собор. Соб. Прилож. № 10). Въ заключеніи грамотъ, данныхъ братствамъ патріархами Іоакимомъ и Іереіею, мы находимъ тоже самое.

(²) Апокр. Стр. 14.

ГОЛОСЪ

СЛУЖИВАГО, ЦАРСТВОВАНІЯ НИКОЛАЯ 1-го (').

Нашъ вѣкъ прогресса, когда русскіе передовые люди, озаренные лучами просвѣщеннаго запада,—стремятся, по образцу его,—дать направленіе и жизни русскаго народа, отраднo встрѣтить мнѣнія тѣхъ скромныхъ дѣятелей въ нашей современной литературѣ, которые, хотя не менѣе передовыхъ людей сочувствуютъ всему полезному, вводимому современными преобразованіями въ Россіи, но съ энергіей отстаиваютъ многое и изъ своего прошедшаго, безъ котораго неможетъ быть понятно и естественно предстоящее—будущее Россіи.

-
- (') Въ нѣкоторыхъ періодическихъ, заграничныхъ изданіяхъ распространяются иногда такіа жалкія мнѣнія и прямыя клеветы о лицахъ и событіяхъ въ нашемъ отечествѣ, что не знаешь чему отдать преимущество—невѣжеству ли или наглости ихъ распространителей. Эти извѣстія, при всей своей не состоятельности, не только вводятъ въ заблужденіе Европу, возбуждаютъ тамъ и здѣсь презрѣніе либо негодованіе къ Россіи, но, къ стыду нашему, находятъ между нашими же поклонниками всего чужаго, людей которые сочувствуютъ подобнымъ мнѣніямъ. Эта зараза особенно легко прилипаетъ къ незрѣлымъ умамъ такъ назвавшейся молодой, передовой Россіи.

Въ числѣ лицъ, по разнымъ личнымъ причинамъ особенно не нравившихся нѣкоторымъ заграничнымъ прессамъ, едва-ли не чаще, не безпричиннѣ другихъ подвергалось клеветѣ и униженію незабвенное для русскаго имя покойнаго императора Николая 1. Какъ для разсѣянія этихъ клеветъ и установленія вѣрнаго взгляда на услуги, оказанныя Россіи Николаемъ 1, такъ и потому, что мысль и дѣятельность его чаще и заботливѣй останавливалась на улучшеніи быта западнаго края Россіи, мы считаемъ себя обязанными дать этой статьѣ мѣсто на страницахъ нашего изданія.

Ред.

Слѣдя за современной литературой и я служивый царствованія Николая 1-го, былъ пріятно удивленъ при чтеніи статей г-на М. С. о памятникѣ тысячелѣтію Россіи и дополненія къ ней Н. В. Ю. въ Кіевскомъ Телеграфѣ 1862 года № 1 и другіе.

Привѣтствуя отъ всей (искренности) души, честныхъ я благородныхъ дѣятелей на поприщѣ исторической правды и я полагаю мою лепту на жертвенникъ великимъ двигателямъ судьбы Россіи.

Да, нельзя неподивиться промаху составителей проекта памятнику тысячелѣтія Россіи, почему періодъ времени отъ Іоана 1-го до Іоана IV включительно, не выразился въ одной приличной эмблемѣ на памятникѣ; вѣдь это періодъ сплоченія русской земли и цѣлый рядъ великихъ князей московскихъ этого періода нашей исторіи названъ собирателями русской земли.

Какой народъ можетъ похвалиться, чтобы непрерывный рядъ государей одной династіи, могъ такъ единодушно преслѣдовать одну мысль и собирать въ одно цѣлое, отечественную землю? А. Іоанъ IV покоритель царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, не ужели эта личность не имѣетъ значенія въ исторіи Россіи?—Эта личность опредѣлена подвластнымъ ему и терпѣвшимъ отъ него русскимъ народамъ: «грозный царь» посланъ намъ отъ Бога для наказанія насъ за наши грѣхи и потому онъ молился и терпѣлъ.—

Умирая Іоанъ IV могъ смѣло сказать: я царь русскій, я наложилъ печать на сплоченіе Руси и кто осмѣлится сорвать эту печать?—

Іоанъ IV смѣсь добра и зла, челоуѣкъ судьбы.—Подобные люди посылаются свыше,—черезъ нихъ совершается не обходимый историческій процессъ жизни цѣлыхъ народовъ —

Смуты междущарствія, послѣдовавшія послѣ смерти Грознаго, неразрушили дѣла собирателей русской земли,—вотъ лучшее доказательство великой заслуги, оказанной Россіи династіей отъ Іоана Калиты до Іоана Грознаго,—окончательно утвердившаго единство Россіи и слѣдовательно давшаго ей новый путь для ея исторической жизни.—

Исторія не вправѣ выключить этого событія изъ своихъ страницъ; оно служитъ одною изъ самыхъ крѣпкихъ ея основъ.

Но что сказать о не помѣщеніи на памятникѣ тысячелѣтію Россіи Николая 1-го?

Чтобы понять и оцѣнить заслуги оказанныя Россіи императоромъ Николаемъ 1-мъ, необходимо хотя поверхностно обратить вниманіе на внутреннее состояніе Россіи при его воцареніи.—

Извѣстно-ли составителямъ проекта памятника тысячелѣтія Россіи въ какомъ состояніи у насъ находилось законовѣдѣніе до 1826 года?

Извѣстно-ли имъ, что до Николаевскихъ временъ, участь честныхъ людей часто зависела отъ секретаря самоучки или старшаго писаря потому только, что эти личности были единственными нашими законовѣдами, играли законами по произволу и рѣшали дѣло въ пользу того кто больше дастъ?—

Извѣстны-ли имъ въ какомъ состояніи, находились наши учебныя заведенія вообще не исключая даже университетовъ, и что произвела наша академія художествъ до Николаевского вѣка?

Извѣстно-ли имъ какъ управлялись и продовольствовались наши арміи, въ какомъ составѣ и порядкѣ былъ нашъ флотъ?—

Извѣстно-ли имъ, какія были у насъ заводы, фабрики, въ какомъ состояніи находилась наша торговля и наше основное хозяйство—земледѣліе?

Извѣстны-ли имъ пути сообщенія, существовавшія въ нашемъ отечествѣ до 1826 года.—

Извѣстно-ли имъ, въ какомъ состояніи находились переправы на большихъ рѣкахъ и по направленіямъ самыхъ жизненныхъ дорогъ для Россіи,—какъ относительно продовольствія цѣлаго народа, такъ и движенія войскъ?—

Въ какомъ видѣ находились города: Кіевъ, Черниговъ, Полтава, Житомиръ, Минскъ и многіе другіе въ великороссіи, на кавказской линіи, за кавказомъ и въ сибіри.—

Извѣстно-ли имъ, что въ губерніяхъ возвращенныхъ отъ польши помѣщики большихъ имѣній, а подъ ихъ эгидой и простая шляхта, ржондцы, экононы и тому подобная челядь, по собственному произволу располагали собственностію простаго православнаго русскаго народа, лишали его всѣхъ человѣческихъ правъ и часто и самой жизни?—

Извѣстно ли имъ, что еще въ царствованіе Александра 1-го православное духовенство платило многимъ помѣщикамъ католикамъ десятину отъ земли, ульями пчель и всякой всаचीной; извѣстно-ли имъ, что въ этомъ-же возвращенномъ краѣ, кромѣ

Кіева, не существовало школъ въ которыхъ бы предметы были читаны на русскомъ языкѣ и даже очень во многихъ, не смотря на громадную численность православнаго народонаселенія даже не преподавали русскаго языка и православнаго закона Божія?—И мало-ли что еще можно спросить составителей проекта!; но перечислить всего невозможно.—

Николай 1-й при воцареніи своемъ, встрѣтилъ двухъ страшныхъ противниковъ великимъ своимъ предначертаніямъ для блага и славы Россіи, эти враги были:—1-е, западный революціонный духъ разлитый въ слояхъ русскаго общества обломками великой арміи Наполеона 1-го. Цѣлыя толпы бродячихъ французовъ, оставшихся въ предѣлахъ имперіи въ 1812 году, проникла въ самыя отдаленнѣйшія губерніи; вездѣ ихъ принимали съ распростертыми объятіями, предлагали имъ свое славянское гостепримство, а доморощенные маркизы и бароны въ разноколиберныхъ мундирахъ, исправлявшіе обязанности въ полкахъ: поваровъ, музыкантовъ и даже простые солдаты, послѣ вороньяго супу, пресыщаясь вкусными блюдами велеко думныхъ руссаковъ, предлагали себя имъ въ гувернеры, въ образователи русскаго юношества, и подшучивая надъ неожиданнымъ вниманіемъ къ себѣ своихъ хозяевъ, осмѣивали отсталость ихъ отъ запада, внушали имъ уваженіе и любовь къ его цивилизаціи и презрѣніе ко всему своему русскому. — Кому неизвѣстно, что эти отребіи великой арміи Наполеона 1-го составляли блистательныя партіи въ Россіи?—

Надобно присоединить ко всему этому еще то обстоятельство, что кромѣ войнъ 13 и 14 годовъ, увлекшихъ наши войска за границу, гдѣ они озарились лучами просвѣщеннаго запада, одинъ изъ корпусовъ русской арміи, вызванный въ 1815 году во Францію стодневной компаніей Наполеона 1-го и возвратившійся въ предѣлы имперіи,—со всеми внѣшними атрибутами и внутренними убѣжденіями въ пользу цивилизаціи запада, усилилъ мнѣніе высшаго русскаго общества, что Россія отстала и что необходимо ее просвѣтить по образцу великой націи.—

Весь русскій народъ, обладающій средствами къ роскоши, бросился за границу для просвѣщенія, увозя съ собою огромныя капиталы русскихъ денегъ, этого жизненнаго рычага для устройства народнаго хозяйства. Изъ всего этого вмѣстѣ взята-

го, составилъся олицетворенный первый врагъ, который предсталъ предъ глаза воцарившемуся Николаю 1-му.

2) Другой врагъ и быть можетъ еще страшнѣе, это была польская пропганда, которая подъ руководствомъ потомковъ Игнатія Лойоллы, принявши только иной характеръ, не утомимо работала о ниспроверженіи православія и русской народности въ югозападныхъ предѣлахъ Россіи.—

Не угодно-ли кому нибудь (составителямъ проекта памятника тысячелѣтія Россіи), прочитатъ выписку изъ польскаго журнала »Юная Польша« № «19-мъ» (1).

Вотъ она: »Литва стала по духу польскою странюю въ то самое время, какъ въ административномъ отношеніи она сдѣлалась русскою провинціей. Главнымъ орудіемъ употребленнымъ провидѣніемъ къ развитію революцонной наклонности Литвы, было университетское воспитаніе. Въ этомъ отношеніи (2) Чарторійскій и Чацкій, были главнѣйшими заговорщиками въ Литвѣ, они были великими магистрами занѣманскаго патриотизма. Мохнацкій (3) представилъ свѣту, какимъ образомъ въ Литвѣ наука, сдѣлалась поэзіею, поэзія вѣрою, а вѣра братствомъ; — какъ братство преобразилось въ апостольство, а сіе послѣднее въ тайное общество, какъ воспитанники университета разсѣяли по цѣлому краю сѣмена свободы, полученныя въ Вильно и Кременцѣ.— и какимъ образомъ наконецъ трехъ ученическихъ поколѣній было достаточно, для провинновенія всей массы одинадцати милліоннаго народа«.—Вотъ что писали сами поляки, умалчивая, разумѣется, о томъ, что свобода, о которой они говорятъ, была далеко не то, что долженъ понимать подъ этимъ благороднымъ словомъ каждый образованный человекъ, что это было продолженіе прежней злоумышленной системы вторгшихся въ южную русь поляковъ—развить до послѣднихъ предѣловъ свое могущество и деспотически поработить во всѣхъ отношеніяхъ цѣлые милліоны православнаго южно-русскаго народа.

Немного надобно было времени для собранія данныхъ, что-

(1) Журналъ—Юная Польша выходилъ въ Парижѣ съ 1 января 1838 года.

(2) Чарторійскій былъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ императору Александру 1-му.

(3) Извѣстный публицистъ польскій.

бы удостовѣриться въ ошибкахъ своихъ предшественниковъ на чиная отъ Петра 1-го.—Неисчисляя этихъ ошибокъ отъ начала и послѣдовательно до Александра 1-го включительно, назовемъ только нѣкоторыя изъ нихъ, сдѣланныя послѣднимъ императоромъ.—

Александръ 1-й Агамемнонъ въ ареонагѣ европейскихъ монарховъ, по великодушію своему.—

а.) Даровалъ границы Австріи и Пруссіи въ явный вредъ Россіи. Уступка праваго берега р. Сана Австріи и праваго берега р. Нѣмана Пруссіи, положила начало ввоза контрабанды въ наши границы въ ущербъ нашей торговли.—Чтобы остановить контрабанду, по крайней мѣрѣ на границѣ Пруссіи, предположено было провести каналъ по сухопутному пограничному рубежу отъ Юрбурга къ Балтійскому морю;—но потративъ многіе милліоны на это дѣло.—бросили его, какъ неудобно-исполнимое.—На обѣихъ сухопутныхъ границахъ началась кордонная война, точно такъ, какъ на кавказской линіи.—

На границѣ Пруссіи постоянно содержится цѣлый пѣхотный полкъ, а иногда употреблялась цѣлая бригада пѣхоты съ донскими казаками въ помощь пограничной таможенной стражѣ,—но это не останавливаетъ контрабандистовъ.—Какихъ это стоитъ издержекъ,—и нѣтъ надежды на возстановленіе порядка?—На Кавказѣ,—конецъ кордонной войны—положить покореніе горцевъ; а на границѣ Австріи и Пруссіи продолжится она на неопредѣленное время.—

б.) Въмѣсто присоединенія или лучше сказать возвращенія къ Россіи червонной Руси,—Галиціи, императоръ Александръ 1-й взялъ себѣ Польшу, даровалъ ей конституцію и осчастливилъ ее на счетъ Россіи, (1) не только возстановилъ ту Польшу, которая съ сорокатысячнымъ корпусомъ своихъ войскъ, помогала французамъ громить Москву,—но еще позволилъ полякамъ держать въ своихъ рукахъ все южно-русское народонаселеніе. А сколько Польша доставила французамъ матеріальныхъ средствъ для войны; и за все это—Польша возстановлена, и подѣ

(1) Выказано ясно императоромъ Николаемъ 1-мъ въ откровенной и правдивой своей рѣчи при приемѣ польскихъ депутатовъ въ Лазенковскомъ дворцѣ 4/10 Октября 1835 года.

покровительствомъ польскихъ войскъ въ Варшавѣ и литовскаго корпуса въ Вильно, Чарторійскій съ своими подручными: Чацкииъ на Волынѣ, Подолин и Кіевѣ и Колонтаемъ въ Литвѣ— въ Вильно по день смерти Александра 1-го, сдѣлалъ такой переворотъ въ пользу польской пропаганды, какого клерикалы и не ожидали. —

Они во всей Югозападной Россіи устраивали школы, въ которыхъ предметы читались на польскомъ языкѣ и внушались воспитанникамъ извѣстные правила пропаганды.—По всюду воздвигались великолѣпные костелы, а православныя церкви систематически приводились въ самое бѣдное положеніе, чтобы показать простому народу разницу панской вѣры отъ хлопской. Лучшимъ доказательствомъ всему этому, могутъ служить города и мѣстечки кievской губерніи, бывшія вѣкогда мѣсто-пробываніемъ малороссійскихъ гетмановъ; эти города и мѣстечки, въ продолженіи четырехъ вѣковаго плѣненія Югозападной Россіи Польшею, отстояли свою самобытность, т. е. Православіе и русскую народность, — въ нихъ можно сказать, — духа польскаго не было, а въ царствованіе Александра 1-го Чарторійскій и Чацкій украсили ихъ костелами и подчинили совершенно польской пропагандѣ. —

в.) Александръ 1-й дозволилъ водворенію езуитовъ въ Россіи; — въ С.-Петербургѣ они имѣли свою коллегію, захватывали по всюду въ свои руки воспитаніе высшаго класса русскаго общества и, хотя въ 1815 году они были выселены изъ обѣихъ столицъ, но имѣя въ Полоцкой академіи центръ своей администраціи, продолжали во всѣхъ своихъ школахъ безконтрольно дѣйствовать, и только въ 1820 году окончательно выселены изъ Россіи за границу. — Впрочемъ они оставили въ католической пропагандѣ достойныхъ себѣ пріемниковъ. —

Къ несчастію Россіи, съ воцареніемъ Николая 1-го начались войны: Персидская, Турецкая, польскій мятежъ, — устраненіе которыхъ, независимо отъ императора, (1) — и его админист-

(1) По вмѣшательству въ венгерскую войну, Николай 1-й созналъ свою ошибку, въ извѣстномъ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ генераль-адъютантовъ при проѣздѣ мимо памятника поставленнаго Собѣскому въ г. Варшавѣ.

ративная дѣятельность для преобразованій внутри имперіи, должна была раздѣлиться на внутреннюю и вѣшнюю.

Окончивъ борьбу съ первымъ врагомъ печальной драмой 14 декабря, и сознавая въ душѣ своей всю тягость предстоящихъ ему трудовъ, Николай 1-й вполне предался имъ для возвеличенія Россіи.—За основаніе своихъ дѣйствій, Императоръ принялъ. *»Православіе и русскую народность«*. Для совершенія переворотовъ въ видахъ этой двойственной идеи, необходимы были единая власть и сила воли; эти качества сосредоточилъ онъ въ самомъ себѣ,—но самодержавную свою власть Императоръ Николай 1-й употреблялъ на дѣло общаго блага.

Произволъ самыхъ могущественныхъ въ правительственномъ отношеніи прежнихъ лицъ—рушился. Служа самъ примѣромъ для всѣхъ и во всемъ, онъ строго требовалъ честной службы и отъ своихъ подданныхъ,—начиная отъ собственныхъ Августѣйшихъ дѣтей.

За то замѣченные имъ честные слуги не боялись превратностей своей судьбы; за то они были отличаемы и одушевляемы на поприщѣ службы, только со свойственными одному Императору привѣтами, которые отзывались всѣмъ тѣмъ, что близко сердцу русскаго человѣка.—За то простой народъ и войско, видя въ его дѣйствіяхъ свое родное,—называли его, наше красное солнышко—и готовы были по слову своего православнаго царя батюшки—на подвиги самоотверженія; доказательство этихъ народныхъ чувствъ къ нему,—последняя восточная война.

Съ перваго можно сказать дня его воцаренія, началась та самоотверженная дѣятельность Императора для блага и славы Россіи, которая неуклонно, неослабно продолжалась до самой его смерти.

Бросимъ же краткій взглядъ на эту дѣятельность Императора Николая 1-го и посмотримъ, достигнулъ ли онъ предположенной имъ цѣли?

Оставимъ безъ разбора ходъ военныхъ дѣйствій, скажемъ только, что онѣ окончены блистательно; орлы русскіе развивались до *Куфланку* и Забалканами, и если мы были слабы для занятія Константинополя и рѣшенія восточнаго вопроса въ 1829 году, то въ ослабленіи войскъ нашихъ, было причиною себя любіе частныхъ людей. Все это разоблачить,—предстоитъ безпри-

страстному историку; но нельзя, въ военномъ отношеніи, пропустить здѣсь двухъ обстоятельствъ,—событій, которыя принадлежатъ къ блистательнымъ страницамъ исторіи царствованія Николая 1-го, я разумію здѣсь, мѣры принятыя покойнымъ Императоромъ, для покоренія Кавказа и разширенія Сибири, чрезъ занятіе сирь—дарьинской линіи и при амурскаго края.

Наскучивъ медленнымъ и не рѣшительнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ при баронѣ Розенѣ, Головинѣ и Нейдгартѣ, Императоръ приказалъ усилить войска Кавказскаго корпуса, болѣе нежели пятидесятью тысячами штыковъ, и начать рубить просѣки (*) чрезъ вѣковые дремучіе лѣса, для свободного движенія войскъ къ тѣмъ заповѣднымъ мѣстамъ, которые по мнѣнію горцевъ—должны были оставаться на всегда не приступными. Въ этомъ распоряженіи покойнаго Императора заключается секретъ покоренія лѣваго крыла Кавказа.

А что сказать про Сибирь? тамъ занята пространства земли громадныя и брошены сѣмена на ней для будущей дѣятельности и жизни русскаго народа; пріобрѣтены замѣчательныя гавани для свободной и безопасной стоянки русскаго флота, и открытъ—забайкальскому краю водяной путь къ поселеніямъ на Амурѣ и въ восточный Океанъ,—и тамъ гдѣ нѣкогда азіатскіе завоеватели, воздвигали себѣ для памятниковъ,—пирамиды изъ

(*) Генералъ лейтенантъ Фрейтагъ, бывшій въ 1843 и 1848 начальникомъ лѣваго фланга, офицеръ съ отличнѣйшими способностями, изучивъ, до своего назначенія, характеръ кавказской войны,—началъ прорубать просѣки чрезъ дремучіе лѣса съ Чечнѣ и Ичкеріи, для свободныхъ движеній войскъ какъ между укрѣпленіями нашими, такъ и къ стратегическимъ пунктамъ находившимся въ районѣ жилищъ горцевъ, пользуясь каждой экспедиціей. Робертъ Карловичъ Фрейтагъ, въ 1845 году во время даргасской экспедиціи,—предпринятой княземъ Воронцовымъ, спасъ отъ погибели даргосской отрядъ и князя Воронцова со всѣмъ его штабомъ отъ плѣна. Преждевременная смерть этаго офицера, въ званіи Генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи въ Варшавѣ, лишила русскую армію прекрасныхъ надеждъ. Офицера Генеральнаго штаба и вообще знакомые и уважавшіе искренно Роберта Карловича за его просвѣщенный умъ, русскій патриотизмъ,—приказавъ налітографировать его портретъ, сдѣлали подъ нимъ надпись: Нѣмецъ каковыхъ русскихъ мало.

костей человѣческихъ, тамъ покойный Императоръ Николай 1 и положилъ начало мирной торговли и по державному его слову проповѣдывается слово евангелія, слово любви и мира.

Въ параллель военныхъ дѣйствій вѣдъ предѣловъ имперіи, начались внутри ея работы, преобразованія по свѣмъ отраслямъ управленія.

Скажите мнѣ, передовые русскіе люди, много ли вы найдете примѣровъ въ исторіи народовъ, что могущественнѣйшій властелинъ пространнѣйшей въ мірѣ имперіи, болѣе строгъ былъ къ себѣ въ своей домашней жизни какъ Николай 1-й? Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова спартаецъ по пищѣ, спалъ на соломѣ и одѣвался въ шинель почти изъ солдатскаго сукна.

Много ли онъ посвящалъ часовъ въ сутки для необходимаго, по природѣ человѣческой, отдыха и для развлечения въ кругу своего семейства? Императоръ спалъ шесть часовъ въ сутки, а во время обѣда и чаю бесѣдовалъ съ своимъ семействомъ, остальное время было посвящено тяжкимъ трудамъ—служенію Россіи.

Много ли насчитаете годовъ въ жизни царствованія Николая 1-го, въ которые бы онъ не объѣзжалъ своей имперіи, ежегодно проникая въ отдаленнѣйшія губерніи; увѣчья полученныя имъ, по путямъ разѣздовъ, не останавливали его дѣятельности; зная, что безъ его взгляда все коснѣетъ, онъ хотѣлъ лично все видѣть, искоренять или по крайней мѣрѣ уменьшать по возможности ошибки и грѣхи, вкравшіеся при предшественникахъ его, и дать по возможности лучшее направленіе жизни русскаго народа.

Необходимо было заставить русское общество оглянуться на свое прошедшее, дурное оставить, а чистые, естественные выводы, истекшіе изъ народной жизни, принять за базисъ, чтобы будущее развитіе этой жизни, пошло по пути вѣрному—къ цѣли указанной Россіи Провидѣніемъ.—

1.) Правосудіе стояло на 1-мъ планѣ Императора, и потому, Русскій Требиніонъ—Сперанскій—вызванъ на поприще дѣятельности. Правдивая душа Императора хотѣла водворить правду и на землѣ Русской; Сперанскій, обласканный, возвеличенный—оправдалъ довѣріе Монарха; громадный трудъ составленія свода законовъ, имъ совершенъ. Приводя въ систему законы, надобно было заблаговременно подумать объ образованіи дѣятелей на поприщѣ правосудія, и потому повелѣно устроить: а.) Училище

правовѣденія, оно приготовило высшихъ законовѣдовъ, которымъ для анализа и усовершенствованія законовъ, не было надобности рѣться въ архивной пыли, имѣя передъ собой сводъ законовъ.

6.) Авдиторское училище, которое даровало намъ молодыхъ образованныхъ судей; появленіе ихъ на поприщѣ военной службы, пріятно удивило всѣхъ; подсудимые нашли въ нихъ своихъ защитниковъ, адвокатовъ, а не грозныхъ судей, каковыми были аудиторы производившіеся изъ писарей.—

2.) Въ первую четверть 19-го столѣтія, образованіе въ Россіи находилось подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ стихій: русскаго мистицизма и езуитскаго прозелитизма: русскіе университеты распорядились въ духъ своей стихіи, а езуитская полоцкая академія—со всѣми своими школами, самобытно и безъ-контрольно трудилась надъ ниспроверженіемъ православія и русской народности, въ доступныхъ ей предѣлахъ Россіи. При такомъ положеніи вещей, не могли процвѣтать наши учебныя заведенія. Мистицизмъ, въ особенности преобладавшій во время управленія князя Голицина министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, устранилъ отъ попечительства Уварова с.—петербургскимъ педагогическимъ институтомъ и отдалъ подъ верховный судъ лучшихъ тогдашнихъ профессоровъ (педагогическаго института): Германа, Равшаха, Галича и Арсеньева. (1) Мистическій духъ С.—Петербурга, тяготѣлъ и надъ остальными русскими университетами.

Судя по университетамъ, можно себѣ представить, въ какомъ состояніи находились наши гимназіи; грустно и смѣшно вспомнить о предѣлахъ тогдашнихъ гимназическихъ учителей. Воспитанники гимназій, окончившіе курсъ въ этихъ заведеніяхъ, едвали выносили изъ нихъ что нибудь болѣе, кромѣ изученія русскаго языка, и то съ грѣхомъ пополамъ. Уѣздныя и приход-

(1) Арсеньеву позволено было читать лекціи частнымъ образомъ: въ инженерномъ и артиллерійскомъ училищахъ по особому ходатайству блаженной памяти императрицы Маріи Федоровны и бывшихъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, которые какъ основагели этихъ двухъ учебныхъ заведеній, непосредственно занимались ихъ воспитанниками, какъ отцы своими дѣтьми.

скія русскія училища, если гдѣ либо существовали, то болѣе номинально, — безъ всякой пользы для общества.

По воцареніи Николая 1-го, общественное образованіе приняло новый видъ. Первое, что поразило Императора, то это: недостатокъ въ дѣтеляхъ на поприщѣ науки, — въ талантливыхъ профессорахъ, безконечное разнообразіе въ учебныхъ уставахъ и отсутствіе всякаго порядка. С. — Петербургскій педагогическій институтъ, не задолго предъ тѣмъ переименованный въ университетъ, — былъ пустъ. Необходимо было устроить заведенія для приготовленія профессоровъ въ университеты и учителей въ гимназіи.

Заведенія эти устроены и вызванъ на поприще дѣятельности Уваровъ, стоявшій, по своему образованію, выше уровня тогдашняго развитія русскаго общества. Онъ понялъ желаніе и цѣль Императора, и неутомимо исполнялъ Его предначертанія. Молодые люди съ талантами и добрыми наклонностями, отправлялись за границу, для изученія тамъ наукъ, въ современномъ ихъ развитіи, и возвращаясь домой, съ свѣжими силами, зашмели кафедры въ университетахъ.

3.) Среднимъ заведеніямъ, созданнымъ Николаемъ 1-мъ, данъ видъ приличный ихъ назначенію: гимназіи начали готовить юношество для поступленія въ университеты, а реальныя школы, почувшшія начало при Николаѣ 1-мъ, образовывали техникувъ для народнаго хозяйства; учреждены институты для приготовленія специалистовъ по разнымъ отраслямъ промышленности; уѣздныя и приходскія школы по всюду распространялись, сообразно предположенной Императоромъ цѣли, — однимъ словомъ, на всемъ пространствѣ Имперіи, началась новая жизнь: заморскіе наставники, безъ выдержанія экзамена въ русскіхъ университетахъ, не имѣли права поступить въ образователи русскаго юношества; учреждены ученые степени докторовъ и магистровъ, — безъ которыхъ нельзя занять кафедръ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; содержаніе профессоровъ и учителей увеличено, назначеніе срока службы профессорамъ и увольненіе ихъ съ значительными пенсіонами, открыло молодому поколѣнію дорогу къ будущей дѣятельности въ университетахъ и гимназіяхъ.

4.) Сознывая вполне недостатокъ русской литературы по части отечественной исторіи, Императоръ приказалъ переводить русскія лѣтописи на современныи языкъ и напечатать ихъ ря-

домъ съ подлинниками—на казенный счетъ, и такимъ образомъ, историческіе матеріалы, бывшіе доступными только не многимъ специалистамъ, сдѣлались достояніемъ всего ученаго и учащагося міра. Образовались археографическія коммисіи, которыя изъ архивной пыли извлекали драгоцѣннѣйшіе матеріалы, пролившіе и продолжающіе проливать яркій свѣтъ на историческую жизнь Россіи и въ особенности на событія совершавшіяся въ югозападной Россіи, даже до первой четверти XIX столѣтія включительно. Въ слѣдствіе этихъ распоряженій, у насъ появились достойнѣйшіе и образованнѣйшіе дѣятели на исторической русской почвѣ; полемика между разными взглядами на историческія событія, породила критику, которая отдѣлать плевелы отъ пшеницы и выработаетъ правдивые матеріалы для исторіи Россіи. Борьба въ настоящее время на поприщѣ исторической литературы, между русскими и польскими публицистами, есть плодъ, выросшій отъ сѣмьени, посѣянныхъ Императоромъ Николаемъ.

5.) Императоръ Николай 1-й въ лицахъ: Державина, Карамзина, Пушкина и Крылова и многихъ другихъ торжественно высказалъ свое вниманіе и покровительство русской литературѣ и, этимъ вниманіемъ, поощрилъ къ трудамъ будущихъ литераторовъ, ученыхъ и художниковъ—по всѣмъ отраслямъ.—

6.) Въ духовныхъ православныхъ учебныхъ заведеніяхъ прибавлены новые предметы для изученія: медицина сельское хозяйство и естественной науки, съ цѣлью изъ духовныхъ создать новыхъ дѣятелей въ общей народной жизни, (1) улучшить этимъ способомъ домашній ихъ бытъ и сдѣлать духовное званіе вполне почтеннымъ и во всѣхъ отношеніяхъ благодѣтельнымъ въ глазахъ простыхъ поселянъ.—

Военно сухопутная часть. 7.) Законодательство предшествовало кореннымъ преобразованіямъ и по военной части, которая управлялась, разновременно издававшимися, положеніями, начиная отъ устава Петра Великаго. Сводъ военныхъ законовъ, составившійся съ 1828 при II-мъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, вошелъ въ дѣйствіе 1 января 1840 года; въ 1836 году издано учрежденіе военнаго министерства. Въ 1846 году появилось въ свѣтъ управленіе арміями въ мирное и военное время;—преобразованы совершенно части инспекторская, провіантская, коммисаріатская, артиллерійская и инженерная, но исчисленіе всѣхъ улучшеній не принадлежитъ къ

(1) Впрочемъ, до Николая 1, они то и были почти главными дѣятелями. Ред.

нашей статьѣ, предназначенной для краткаго очерка дѣятельности покойнаго Императора. Во всякомъ случаѣ назовемъ хотя главнѣйшія: военныя поселенія совершенно преобразованы, учреждены за 15 за 8 и за 3 года безсрочные отпуска, неоспоримая польза которыхъ обваружилась въ послѣднюю войну.— 230 тысячъ готовыхъ воиновъ, по одному слову, явилось для борьбы съ западомъ. Созданъ рекрутскій уставъ, за которымъ послѣдовали учрежденія частныхъ наборовъ съ восточной и западной полосы—вмѣсто прежнихъ общихъ. Причислены къ сословіямъ рекрутской повинности евреи 1827 г.; жители царства польскаго, граждане и дворяне западныхъ губерній, малороссійскіе казаки 1834,—и военные поселяне 1835 года. Артиллерія совершенно переобразована согласно современнымъ усовершенствованіямъ за границей, огнестрѣльное ручное оружіе изъ кремневаго преобразовано въ ударное, сформированы стрѣлковыя баталіоны и вооружены штуцерами, устроены ракетныя и капсульныя заведенія и арсеналы съ новѣйшими машинами.

8.) Славныя наши иррегулярныя войска управлялись кое-какъ.—Съ 1845 по 1846 годъ изданы штаты объ управленіи семи казачьихъ войскъ, и эти штаты, водворили порядокъ и благоденствіе между казаками, увеличивъ доходы и капиталы войскъ въ огромныхъ размѣрахъ.—

9.) Обмундированіе войскъ вообще упрощено и улучшено;—дарованы имъ на продовольствіе порціонныя деньги, а офицерамъ два раза прибавлено жалованье.—

10.) До Николая 1-го, генеральный штабъ нашъ можно сказать не существовалъ, если не брать въ соображеніе частнаго заведенія въ Москвѣ Муравьева,—для образованія коновожатыхъ; положеніе 28 марта 1832 года и основаніе военной академіи въ этомъ-же году,—было началомъ этой важной части военнаго управленія. Военная академія подарила Россіи множество образованныхъ офицеровъ. Николай Васильевичъ баронъ-Медемъ, былъ первымъ дѣятелемъ въ этомъ святилищѣ науки, по части тактики и стратегіи; онъ образовалъ школу военныхъ русскихъ литераторовъ,—труды которыхъ, быстро разлили между русскими офицерами новый современный взглядъ на военныя науки. Тригонометрическія и топографическія съѣмки, военноученыя экспедиціи: въ среднюю Азію, въ европейскую и азіатскую Тур-

цію, Китай и Персію,—обогатили Россію топографическими картами и свѣдѣніями о малоизвѣстныхъ намъ странахъ.

11.) До Николая 1-го существовали у насъ: пажескій, 1 и 2 кадетскіе корпуса и дворянскій полкъ; а николаевскій вѣкъ создалъ десять кадетскихъ корпусовъ и много другихъ военныхъ школъ. Корпуса приняла совершенно другой видъ, какъ по управленію, такъ и по составу наставниковъ. Кадеты, убѣжавшіе на службу въ армію, уносили съ собою незабвенныя воспоминанія объ отеческихъ попеченіяхъ о нихъ самаго Императора.— Намъ самимъ приводилось много разъ видѣть, какъ эти молодые люди, со слезами на глазахъ, рассказывали о ласкахъ своего государя; за то они готовы были жертвовать собой для пользы службы, чтобы оправдать надежды своего благодѣтеля;—вообще, чтобы понять громадныя труды по военному министерству, скажемъ только, что въ царствованіе Николая 1-го издано до 8 тысячъ разныхъ постановленій для устройства этой части.—

Морское управление 12.) Императоръ Николай 1-й при воцареніи своемъ нашель въ русскомъ флотѣ, въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ, въ Каспійской и Охотской флотиліяхъ: 25 кораблей и фрегатовъ и 57 мѣлкихъ судовъ; парашодовъ малосильныхъ было 5, а гребнаго флота не существовало. Морская часть управлялась адмиралтейство—коллегією, учрежденной Петромъ Великимъ за полтора вѣка назадъ; а въ 1850 году состояло въ портахъ: 52 корабля, 23 фрегата; 22 военные боевые парашоды; 36 парашодовъ портовыхъ; 157 легкихъ военныхъ судовъ; 111 судовъ гребнаго флота; и 226 портовыхъ судовъ всего 621 вымпелъ;—цифры эти краснорѣчивѣе всѣхъ возгласовъ—говорятъ о дѣятельности Императора Николая 1-го. Управление морскою частію приведено въ одно цѣлое стройное. Для образованія морскихъ чиновъ учреждены вновь или получили коренныя преобразованія морскія учебныя заведенія, воспитанники которыхъ, въ настоящее время, замѣняютъ иностранцевъ механиковъ, какъ въ адмиралтействахъ и на парашодахъ, такъ и при постройкѣ судовъ для флота, все создано свое, и ученый комитетъ морскаго министерства слѣдитъ за всѣми усовершенствованіями заграницей по морской части.—

Фабрики и финансы. 13.) Заводы и торговля находились не въ завидномъ состояніи, а отъ этого и финансы наши были плохи до Николая 1-го.—

Послѣ тильзитскаго мира, Россія приняла континентальную систему—современно прекратившую сбытъ нашихъ сырыхъ произведеній и, слѣдовательно, притокъ заграничныхъ въ Россію капиталовъ. Тарифъ 1810 года, дозволившій ввозъ колониальныхъ товаровъ подъ американскимъ флагомъ, усилилъ только вывозъ русской монеты за границу и русскіе финансы постоянно приходили въ упадокъ. — въ то время, когда продолжавшіеся постоянно войны до 1815 года, требовали огромныхъ пожертвованій. — Контрабанда на югозападной сухопутной границѣ нашей усилилась до чрезвычайности, и существовавшіе кое гдѣ фабрики въ Россіи падали мало по малу. Тарифъ 1820 года дозволившій свободный ввозъ заграничныхъ товаровъ въ Россію окончательно убилъ наши фабрики и заводы. 1823 года, вступившій въ управленіе министерствомъ финансовъ Канкринъ, ничего немогъ сдѣлать до воцаренія Николая 1-го, который все пересоздалъ и въ этомъ министерствѣ. —

Для возрожденія нашихъ фабрикъ и заводовъ, необходимъ былъ охранительный тарифъ, — и онъ утвержденъ. Разныя поощренія, дарованныя заводчикамъ и фабрикантамъ, дали жизнь нашей мануфактурной дѣятельности. Преобразование таможеннаго управленія и вообще заграничной торговли Дмитріемъ Гавриловичемъ Бибиковымъ, остановило значительно контрабанду. Уничтоженіе правительственной монополіи на разработку драгоценныхъ металловъ въ Сибири, сдѣлало огромный переворотъ въ денежной звонкой монетѣ; вмѣсто какой нибудь сотни пудовъ золота, по тупавшаго кажда-годно на монетный дворъ, потекли туда тысячи пудовъ. Дѣятельность Канкринъ въ управленіи министерствомъ финансовъ—удесятирила дѣятельность фабрикантовъ; появились свеклосахарные заводы и вообще фабрики наши развѣли. Карта мануфактурной промышленности Россіи, изданная при министерствѣ финансовъ, пріятно удивила русскихъ и показала коренной переворотъ въ пользу государственнаго хозяйства, а изобиліе денегъ въ звонкой монетѣ во всей имперіи, свидѣтельствовало, что императоръ Николай 1-й пересоздалъ Россію и въ финансовомъ отношеніи. —

Земледѣліе. 14.) До Николая 1-го и русское земледѣліе находилось въ патріархальномъ состояніи. — Министерство государственныхъ имуществъ, созданное Николаемъ 1-мъ, дало движеніе впередъ—къ лучшему и этому основному русскому хозяйству. Учрежденіе Горигорецкаго института, для образованія

ученых агрономовъ, устройство фермъ для образцоваго сельскаго хозяйства, конководство, овцеводство мериносовъ и, наконецъ, учрежденіе выставокъ по губерніямъ для сельскихъ произведеній, съ преміями за лучшіе образцы, породило соревнованіе между сельскими хозяевами и все пошло и продолжаетъ идти къ усовершенствованіямъ по пути прогресса. Однимъ словомъ, неосталось ни одной части государственнаго хозяйства, на которое бы императоръ Николай 1-й не обратилъ своего вниманія и не далъ бы ему движенія впередъ для развитія, усовершенствованія и слѣдовательно для пользы Россіи.

15.) Вѣкъ николаевскій создалъ въ Россіи знаменитѣйшихъ живописцовъ, ваятелей—скульпторовъ и зодчихъ; памятниками дѣятельности которыхъ украсились столицы, губернскіе города и столицы заграничныя.—

16.) До николаевскихъ временъ въ Россіи по большимъ или губернскимъ дорогамъ ѣздили или по пескамъ, кочкамъ, или по настилкѣ на дорогу круглыхъ бревень; а николаевскій вѣкъ создалъ—шоссе на огромныхъ протяженіяхъ имперіи, часть желѣзныхъ дорогъ окончилъ и новыя началъ.

17.) Кому неизвѣстны тѣ страшныя затрудненія при переправахъ чрезъ рѣки, которыя встрѣчали транспорты и проѣзжающіе въ Россіи до николаевскихъ временъ, и особенно весною, при разлитіи рѣкъ! Не стану исчислять мостовъ устроенныхъ при немъ въ имперіи, по направленію отъ столицъ къ важнѣйшимъ пунктамъ; возьмемъ одинъ изъ главнѣйшихъ жизненныхъ путей въ Россіи,—путь въ Грузію.—Слѣдовашіе по этой дорогѣ весною, при переправѣ чрезъ р. Донъ, должны были проживать тамъ цѣлые мѣсяцы и, потомъ, переправляться на паромѣ до 20 и болѣе верстъ и приставать тамъ, куда паромъ теченіемъ воды будетъ занесенъ.—Проѣзжая чрезъ Кабарду въ г. Владикавказъ, надобно было переправляться чрезъ быструю нагорную рѣчку Бѣлую впасть; сколько произшествій, сколько несчастій на этихъ двухъ переправахъ случилось съ проѣзжающими не дая прогулокъ! Теперь въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ существуютъ постоянные мосты, созданы такіе же на Кавказѣ, за Кавказомъ и по всему пространству Россіи, по крайней мѣрѣ на главнѣйшихъ путяхъ, и все это сдѣлано по приказанію покойнаго императора Николая 1-го.

18.) Среди всѣхъ этихъ многочисленныхъ, громадныхъ преобразованій, императоръ Николай 1-го постоянно занимала мысль,

объ освобожденіи крестьянъ.—Говорили повсюду о препятствіяхъ и возраженіяхъ, встрѣчаемыхъ имъ отъ самыхъ значительныхъ лицъ въ государственномъ совѣтѣ; множество по этому предмету разказывали анекдотовъ о противодѣйствіяхъ императору и объ убѣжденіяхъ императора въ вѣрности своей идеи противорѣчившимъ лицамъ;—но изъ всего этого, замѣчательнѣе слова Николая 1-го, сказанныя напоследокъ возражавшимъ ему: «старика, вы отстали отъ вѣка, вы непонимаете меня». —

Но какъ бы-то нибыло, Николай 1-й не найдя сочувствія въ самыхъ ближайшихъ къ нему лицахъ—къ освобожденію крестьянъ, ограничился согласіями нѣсколькихъ вельможъ, въ видѣ опыта, сдѣлать часть своихъ крестьянъ обязанными. —

Неимѣя особенно побудительныхъ причинъ не уважать просьбы русскаго дворянства, —оставить пока идею объ освобожденіи крестьянъ, за то тѣмъ съ большей энергіей принялся за дѣло улучшенія быта крестьянъ—въ югозападныхъ губерняхъ имперіи;—гдѣ этотъ классъ, въ полномъ смыслѣ слова, находился подъ гнетомъ польскихъ феодаловъ.

Императору извѣстны были всѣ теоріи, составлявшіяся польскими эмигрантами за границей, для будущихъ мятежей въ предѣлахъ югозападной Россіи.

Ему были извѣстны: «планъ партизанской войны» въ предѣлахъ бывшей Польши и «мысли о народномъ возстаніи» на той же мѣстности изъ газеты 3 мая, издававшейся польскими эмигрантами въ Парижѣ.

Вотъ нѣсколько заповѣдныхъ идей, заимствованныхъ изъ этой газеты, которыя своевременно были распространены между поляками вообще:

д) «Собирайте деньги, готовьтесь къ возстанію—и повиноваться власти воплощеннаго короля, ибо не знаете ни дня ни часа когда раздастся слово—возстаніе!»

е) «Если ты искренній и усердный патріотъ, то употреблай всѣ зависящія отъ тебя средства, ибо за каждое изъ нихъ, — какъ казначей за каждую копѣйку, отдашь отчетъ Богу и отечеству. —

«Тутъ употребляй деньги, тамъ дѣйствуй умомъ, тутъ опять золотомъ—а тамъ снова хитростію и искусствомъ, гдѣ илетъ дѣло обо всемъ,—не жалѣй ничего,—ставь вобанкъ!»

Мѣры для преобразованія югозападной Россіи. На основаніи этихъ и множества другихъ данныхъ, по усмрениіи поль-

скаго мятежа, покойный императоръ все свое вниманіе обратилъ на преобразование края возвращеннаго отъ Польши,—началась борьба съ другимъ врагомъ Россіи.

Чтобы положить предѣлъ развитію духа польской пропаганды, дѣйствовавшей діаметрально противоположно жизни русскаго народа, необходимо было уничтожить разсадники полонизма въ Литвѣ и югозападной Россіи, каковыми были по словамъ польскаго же публициста Мохнацкаго, Вильно и Кременецъ,—вотъ для чего:

1.) Виленскій университетъ съ медицинской академіей и кременецкій лицей закрыты.—Но чтобы не лишить юношество югозападной Россіи образованія въ духѣ исторически соответствующему значенію края открыть университетъ съ медицинскимъ факультетомъ въ Кіевѣ, куда и перенесены все пособія науки.

2.) Во всехъ учебныхъ заведеніяхъ кіевского и бѣлорусскаго округовъ приказано читать все предметы на русскомъ языкѣ—кромѣ богословія для католиковъ (1).

(1) Да не подумаютъ передовые русскіе люди, что этими преобразованиями, дѣлалось какое либо насиліе кореннымъ жителямъ края; нѣтъ, императоръ Николай 1-й имѣлъ въ виду, воскресить только чисто русскую народность,—незаглохшую отъ четырехъ вѣковаго гнета польской пропаганды.

Изъ статистическихъ таблицъ, сообщенныхъ мѣстнымъ начальствомъ виленской, гродненской, минской губерніи и бѣлостокской области въ 1841 году, видно, что въ этихъ губерніяхъ въ то время обще населеніе было 3,371,927 душъ обо-его пола и въ томъ числѣ состояло—дѣйствительныхъ, коренныхъ литовцевъ 600,000, съ небольшимъ, которые и въ настоящее время не знаютъ ни польскаго ни русскаго языковъ, а говорятъ своимъ природнымъ. Отдѣливъ изъ общаго числа 600,000 коренныхъ литовцевъ и 386,300 евреевъ и магометанъ,—получится 2,385,527 душъ, допустимъ, что въ послѣднемъ числѣ состоитъ 100,000 поляковъ—выходцевъ изъ Польши въ Литву, остатокъ покажетъ коренное населеніе этого края изъ русиновъ или малоросіанъ и бѣлорусцевъ.—Чрезвычайно замѣчательный фактъ,—нашимъ археологамъ предстоитъ почетный трудъ разработать этотъ предметъ со всею подробностію и тогда откроется:

1.) Литовскіе князья не завоевали Волинь, Подоль, Кіевъ и Сѣверскую землю, но освободили эти области отъ татаръ.—Войска ихъ состояли преимущественно изъ русиновъ, малоросіанъ и бѣлорусовъ, а на литовскихъ князей смотрѣли какъ

3.) Уніаты возвращены на лоно православной церкви, и такимъ образомъ вѣковые труды Игнатія Лойолы и его дѣтей клерикаловъ уничтожены тремя словами Императора Николаа 1-го: »Благодарю Бога и принимаю«.

4.) По воссоединеніи уніатовъ, уніатскія церкви, на основаніи правилъ польской пропаганды, одѣ находились въ полуразрушенномъ состояніи, а другіе за ветхостію были закрыты.

По приказанію Императора Николая 1-го во всѣхъ югозападныхъ губерніяхъ Имперіи, тысячи церквей выстроены вновь вмѣсто развалившихся и поддержаны исправленіемъ тѣ изъ нихъ, которые могли быть надежны къ дальнѣйшему существованію ⁽³⁾.

5.) Пазначено воссоединенному духовенству приличное содержаніе и этими мѣрами положены начала новому направленію давней русской страны; оно краснорѣчиво изображено, въ пламенномъ словѣ, виленскаго митрополита Юсифа, произнесенномъ имъ, по случаю освященія кафедральнаго Николаевскаго собора въ Вильнѣ 1840 года.

6.) Во всѣхъ губерніяхъ югозападной Россіи,—введены инвентари, ограничившіе произволь помѣщиковъ поляковъ, и дарованы величайшія благодѣянія ихъ крестьянамъ, которые съ того только времени, начали понимать, что они люди, и что имъ наконецъ позволено различать произволь отъ благодѣятельнаго закона.

на освободителей и встрѣчали ихъ съ хлѣбомъ—солью, съ образами и колокольнымъ звономъ.

2.) По отдѣленіи элемента польскаго отъ русскаго, откроется въ полномъ смыслѣ слова, ничтожность коренной Польши въ политическомъ значеніи. Она въ смутныя времена Россіи, была сильна русскими же, т. е. литовскою Русью, но угнетеніе православной вѣры, помѣшало ей въ продолженіи 4-хъ вѣковъ слиться въ одно цѣлое съ югозападными руссами. Теперь время образумить Польшу; ее надобно ввести въ естественныя, племенные ея границы, и тогда придется отдѣлить отъ нея всю юговосточную часть люблинской губерніи съ городомъ Хелмомъ,—населенная уніатами. Вѣдь это аксіома: »гдѣ теперь уніаты—тамъ было прѣвославіе, слѣдовательно тамъ и Русь. (3) Въ польской пропогандѣ принято было за правило, неподдерживать уніатскихъ церквей, до окончательнаго ихъ разрушенія, чтобы этимъ способомъ заставить прихожанъ обратиться съ молитвой въ католическіе костелы и окончательно сдѣлать ихъ католиками.

Исполнителемъ воли Императора въ этомъ отношеніи, былъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, мужъ энергическихъ дѣйствій, для водворенія въ вѣренномъ ему край порядковъ, согласно предположенной Императоромъ цѣли.

7.) Уничтоженъ литовскій статутъ, столь долго раздѣлявшій формами судопроизводства, русскія области.

8.) Отобраны церковныя имѣнія отъ католическаго духовенства и слѣдовательно исторгнуты изъ рукъ ксендзовъ средства сѣять вражду между великимъ семействомъ русскихъ славянъ — Вотъ что по этому предмету напечатано было въ № 13 журнала Юная Польша «вищуть изъ С. Петербурга, что вопросъ «касательно отобранія у католическаго духовенства церковныхъ имѣній и назначенія ему по образцу русскихъ поповъ пенсій, — окончательнo рѣшенъ: этимъ нанесенъ послѣдній ударъ нашимъ ксендзамъ, которые не только лишены будутъ приличнаго содержанія, но и сдѣлаются совершенно зависимыми отъ правительства, получая хлѣбъ изъ его рукъ.»

9.) Виленская духовно-католическая академія переведена изъ Вильно въ с.-Петербургъ, съ цѣлю—извлечь молодое поколѣніе католическаго духовенства изъ подъ вліянія злѣйшихъ враговъ Россіи. Тамъ—въ С.-Петербургѣ, воспитываясь подъ глазами самаго правительства, они могли скорѣе получить образованіе и развитіе своихъ религіозныхъ идей—въ духѣ христіанской любви которая одна только можетъ убѣдить въ пристрастныхъ и не справедливыхъ дѣйствіяхъ папствовъ и, слѣдовательно, можетъ примирить ихъ съ человѣчествомъ, которое они клеймятъ оскорбительными эпитетами: схизматиковъ и еретиковъ, какъ не принадлежащее къ римско-католическому міру.

10.) Императоръ Николай I-й, совершенно понимая идею польской пропаганды и предвидя, что для перерожденія, измѣненія этихъ идей въ молодомъ поколѣніи, необходимо время и неуклонное движеніе по пути имъ предначертанному, вознамѣрился фактически поддержать свои намѣренія.

На пространствѣ юго-западной Россіи, гдѣ поляки предполагали (газета 3-го мая) поднять послѣдній и рѣшительный мятежъ, для возстановленія Польши въ предѣлахъ раздвинутыхъ Россіи,—окончены и возведены новыя крѣпости: Динабургъ, Бобруйскъ, Брестская, Александровская, Цитадель при Варшавѣ, Новогеоргіевская, Ивангородская и начата была Михайло—го-

родская, (1) которая составили наши грозные опорные пункты для военных дѣйствій,—въ случаѣ открытія новаго мятежа и принятія участія въ немъ заграничныхъ нашихъ друзей, видѣвшихъ въ покойномъ Императорѣ истинно русскаго государя и слѣдовательно—страшную для себя грозу (2). Онъ повелъ свою Россію по родному,—самобытному пути, воскресилъ въ ней духъ самосознанія, увѣренности въ собственной силѣ, могущей отразить напоры чуждаго ей запада, и этимъ заповѣдалъ и всѣмъ русскимъ, не надѣяться на дружбу союзниковъ, но жить и дѣйствовать самобытно,—по русски.

Набросавъ слабую канву для начертанія дѣлъ Николая 1-го я спрошу теперь: что было бы въ настоящее время въ Россіи

(1) Последняя была начата съ цѣлью надзирать за долиною р. Припети, которую поляки по словамъ «газеты 3 мая» почитаютъ палладиумомъ своей независимости.

(2) Въ однихъ изъ писемъ какого то поляка изъ Бѣлоруссіи, помѣщенныхъ въ *Днѣ* за 1862 годъ, сказано, что Польша строила храмы Божіи на видныхъ мѣстахъ, а Николай Павловичъ строилъ только казематы. Быть можетъ многіе, въ простотѣ сердца, повѣрили этимъ словамъ поляка, а между тѣмъ сколько въ нихъ самой гнусной лжи! Во первыхъ, крѣпости—не казематы; крѣпости необходимы для обезпеченія границъ государства. Но однѣ ли крѣпости строены въ царствованіи Николая Павловича? Кто постарается навести справки, или распросить у знающихъ, тотъ какъ нельзя лучше убѣдится, какъ иногда самая безстыдная ложь одними распространяется, а другими принимается, какъ непреложная истина до такой степени, что даже лишнимъ считаютъ повѣрку ея. Надобно помнить, что именно покойный Императоръ обращалъ самое усиленное вниманіе на обновленіе старыхъ и на постройку новыхъ православныхъ церквей въ цѣломъ югозападномъ краѣ. Въ его царствованіе, и именно вслѣдствіе его вниманія, столько старыхъ церквей починено и выстроено новыхъ, что этотъ періодъ въ сравненіи съ прежними временами можно рѣшительно считать эпохою. Но что же значатъ слова: Польша строила храмы Божіи на видныхъ мѣстахъ? То, что православнымъ церквямъ, для уничтоженія православной вѣры, отводили мѣста низменныя и въ разныхъ отношеніяхъ невидныя, а востелы, для возвышенія католичества, ставили на мѣстахъ видныхъ.

Ред.

безъ дальновидныхъ дѣйствій и предначертаній покойнаго императора?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на пространствахъ Россійской Имперіи, найдется много Голиковыхъ, которые соберутъ все, что Императоръ Николай 1-й гдѣ либо сдѣлалъ или говорилъ. (1) Сводъ этихъ записокъ составитъ драгоцѣнный матеріалъ для русской исторіи.

Замѣчательнѣйшіе исполнители воли императора Николая 1-го: Сперанскій, Блудовъ, Уваровъ, Паскевичъ, Лазаревъ, Киселевъ, Бибяковъ, Канкринъ и весь народъ русскій, преданы были ему всецѣло и любили его потому, что видѣли въ немъ для себя образецъ, какъ слѣдуетъ служить отечеству. — Николай былъ великимъ работникомъ и работалъ за всѣхъ для пользы Россіи до самой своей могилы; и если своей работы, своей задачи, какъ онъ самъ сказалъ, не кончилъ, то это потому, что отъ громаднхъ трудовъ, отъ бѣдствій обрушившихся въ послѣднюю войну на его народъ, отъ оскорбленія чистой его души благодарностію—недавно спасеннаго имъ союзника,—извемогъ и угасъ преждевременно.

Многіе, пожалуй, скажутъ, что и въ царствованіе Николая 1-го въ учебныхъ заведеніяхъ образованіе шло по выкройкѣ, и свободному развитію не давали хода, что не всегда правосудіе торжествовало въ русскихъ судахъ и представляло образцы лихоимства, рѣшавшаго дѣла вкривъ и вкось, по вліянію сильныхъ или богатыхъ;—скажутъ о грабежѣ казны и множество другихъ представятъ доводовъ о бывшихъ злоупотребленіяхъ;—но да будетъ позволено отвѣтить заблаговременно: все это могло быть, но уничтожить зло вдругъ, вкорененное вѣками, не было ни какой возможности.—Одному Богу было возможно изъ хаоса создать въ шесть дней божьихъ—великолѣпную вселенную; но одному государю, въ одно царствованіе изъ хаоса создать цѣлое, стройное,—невозможно.

Довольно, что Императоръ Николай 1-й вывелъ Россію на родной путь. Неутомимая его дѣятельность, оставила русскому народу громаду матеріаловъ для будущей его жизни и для той программы, по которой должна идти его славная Россія къ цѣли назначенной ей провидѣніемъ.

Сообразивъ, въ какомъ видѣ Николай 1-й засталъ Россію и въ какомъ ее оставилъ, надобно удивляться, что сдѣлано имъ въ 30 лѣтъ.—Кажется не трудно отгадать въ чемъ не кончены

(1) Благодареніе Богу, уже и нашелся одинъ, въ лицѣ г. Мамышева.

его работы,—полагаемъ: въ не освобожденіи крестьянъ и въ не проведеніи желѣзныхъ дорогъ къ западнымъ и южнымъ границамъ Россіи, по крайней мѣрѣ намъ такъ кажется.—Эту то слабую сторону и подстерегли враги Россіи и успѣли воспользоваться ею,—отрытіемъ цѣлой коалиціей—восточной войны. Быть можетъ скажутъ, что и еще многое не было сдѣлано для развитія внутреннихъ силъ Россіи. На это опять отвѣтимъ, что на все есть свое время и что то, что намъ повятно теперь, какъ очевидная потребность, не тажъ было ясно въ прежнее время, а быть можетъ и встрѣтило бы много неодолимыхъ препятствій.

Припоминается намъ, какая то иностранная газета сказала: »сформированіемъ громадныхъ военныхъ силъ для восточной войны, императоръ Николай 1-й оказалъ послѣднюю услугу Россіи«—и эта мысль вѣрна во первыхъ потому, что она доказываетъ, на какіе подвиги русскій народъ способенъ, когда имъ управляетъ любимый монархъ;—на зовъ Николая 1-го поднялась вся русская земля.

Во вторыхъ, сформированіе громадныхъ войскъ, прекратило въ Россіи рекрутскіе наборы на восемь лѣтъ, въ продолженіи которыхъ, наслѣдникъ Николая 1-го, нынѣ благополучно царствующій Александръ II-й, безъ помѣхи можетъ совершать такія преобразованія внутри имперіи, которыя составятъ эпоху въ исторической жизни Россіи.

Всматриваясь въ исторію народовъ, невольнымъ образомъ приходится сравнивать послѣдній часъ жизни Николая 1-го и Августа римскаго императора. Но какая громадная разница въ предсмертныхъ словахъ того и другаго императора!

Августъ къ собравшимся вокругъ его одра, въ послѣдней агоніи восклицаетъ: »рукоплещите друзья, я хорошо разыгралъ свою ролю.., а Николай 1-й, образецъ христианина, семьянина, государя и человѣка, исповѣдуетъ свои грѣхи:

«Благодарю всѣхъ меня любившихъ. Прошаю всѣхъ меня ненавидѣвшихъ. Прошу всѣхъ, кого могъ неумышленно огорчить, меня прстить;»

«Я умираю съ пламенной любовію къ нашей славной Россіи, которой служилъ, по крайнему моему разумѣнію, вѣрой и правдой: жалѣю, что не могъ произвести того добра, котораго столь искренно желалъ. Сынъ мой меня замѣнитъ. Буду молить

»Бога, да благословить его на тяжкое поприще, довершить внутреннее ея устройство и отдалить всякую опасность извнѣ.»

Утѣшься тѣнь Великаго, незабвеннаго Николая 1-го, ты въ одно царствованіе свое не меньше сдѣлалъ для Россіи, чѣмъ цѣлый рядъ государей, собирателей русской земли—въ два съ половиною вѣка; они вещественно—физически—собрали въ одно сѣверовосточную русскую землю; а ты сплотилъ нравственно всю Россію. Какъ человѣкъ,—въ выборѣ средствъ, ты могъ ошибаться, но какъ государь, по цѣли возвеличить, сдѣлать счастливою твою Россію, ты не погрѣшилъ. Ты указалъ ей путь къ достиженію назначенія опредѣленнаго ей свыше, ты положилъ краеугольный камень будущему ея величію и воссоединенію великой русской семьи.

Больные мелкими, ничтожными страстями, слятся запятнать Твои великія дѣла, но ихъ голосъ, все равно, что пятна на солнцѣ, отъ кружащихся во кругъ него астероидъ, это пятна кажущіяся.—

Включенный съ тобою разомъ въ памятникъ тысячелѣтію Россіи, пѣвецъ Бога правды Державинъ, какъ бы по творческому вдохновенію своему, предчувствуя событія 1862 года, написалъ подражаніе Горацию и изъ этой пѣсни, каждый русскій внимающій голосу правды, съ гордостью предъ твоимъ ликомъ, можетъ повторить—первые два куплета:

Ты памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!

Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ.

Ни вихрь его, ни громъ несломить быстротечный

И времени полеть его не сокрушить:

Такъ весь ты неумрешь, во часть тебя большая,

Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,

И слава возрастетъ твоя не увядая,—

Доколь словяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Такъ Николай 1-й воздвигъ себѣ невещественный памятникъ въ сердцахъ русскаго народа, но благодарный русскій народъ докажетъ, что онъ достоинъ былъ его любви, его заботъ и воздвигнетъ ему вещественный памятникъ. Гдѣ же избрать для него мѣсто?

До николаевскихъ временъ Кіевъ былъ заброшенъ, и если пе брать въ соображеніе великолѣпныхъ его храмовъ божіихъ, представлялъ собою—видъ большой разбросанной деревни; по покойный Императоръ, въ 30 лѣтъ своего царствованія, изъ

большой деревни, — создал великолѣпный городъ и возвратилъ ему его историческое значеніе первопрестольной столицы христіанской Руси, украсилъ великолѣпными зданіями: университета святого Владиміра, двухъ гимназій, кадетскаго корпуса, института благородныхъ дѣвицъ, сосредоточилъ въ этихъ заведеніяхъ возможно лучшія средства для образованія молодаго поколѣнія, и перекинулъ черезъ Днѣпръ одну изъ лучшихъ въ Европѣ мостъ, благотѣльность котораго ощутительна для всякаго посѣтителя матери городовъ русскихъ.

Въ 1852 году Императоръ Николай 1-й, послѣдній разъ посѣтилъ созданный имъ Кіевъ и осматривая зданія университета святого Владиміра, любуясь окрестностями его, замѣтилъ что квадратная площадь прилежащая этому зданію была зарыта оврагами, приказалъ выравнять ее. Вотъ мѣсто для памятника Николая 1 го.

Почему же именно въ Кіевѣ? Потому, что здѣсь онъ положилъ прочныя основы единству русской земли. Здѣсь воздвигнуть памятникъ Государю, возстановителю православія и русской народности во всей югозападной Россіи.

Инициатива этой мысли, лежитъ на обязанности гражданъ-обывателей г. Кіева, а окончательное осуществленіе, — на всемъ русскомъ православномъ народѣ.

Памятникъ этотъ долженъ быть оконченъ гораздо прежде 1882 года, т. е. прежде окончанія тысячелѣтней эпохи, когда Олегъ Вѣщій, изъ Новгорода перенесъ столицу въ Кіевъ, который съ тѣхъ поръ, по словамъ русскаго лѣтописца Нестора, названъ матерью русскихъ городовъ.

Служивый царствованія Николая 1-го вносить, начиная съ 1863 года, по двадцати пяти рублей каждагодно, на возведеніе памятника, и увѣренъ, что голосъ его не останется голосомъ — вопіющаго въ пустынь.

Георгій Новицкій

10 декабря 1862 года.
Г. Кіевъ.

ПОСЛѢДНЕЕ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ПОЛЬШИ,

съ 1764 по 1814 годъ.

(Краткій историческій очеркъ.)

Sine ira et studio.....

Послѣднее междуцарствіе, предъ выборомъ послѣдняго короля польскаго (Станислава-Августа), продолжалось одинадцать мѣсяцевъ—съ 4 октября 1763 по 7 сентября 1764 года.— Тогда Польша такъ уже низко упала въ глазахъ Европы, что *одинъ только кандидатъ* явился на ея престолъ—сынъ умершаго короля, саксонскій курфюрстъ, да и тотъ не по собственному желанію, но изъ угожденія своей честолюбивой супругѣ.

Благоразумѣйшіе поляки хотѣли избрать королемъ природнаго поляка изъ потомковъ Пяста, но не нахѣясь на свои силы, просили руссійскую императрицу Екатерину II прислать въ Польшу русское войско для подкрѣпленія ихъ намѣреній.— вотъ въ такомъ жалкомъ, и безпомощномъ состояніи находились самые благоразумные изъ насъ.— Императрица исполнила просьбу ихъ, и повелѣла своимъ посланцѣмъ *Кайзерлингу* и *Реннину* предложить сейму въ король столыника в. княжества литовскаго, графа *Станислава Августа Понятовскаго*.

Созывательный сеймъ (Konwokacyjny sejm) принялъ это предложеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ еще одно превосходное постановленіе, чтобы впредь всѣ дѣла были рѣшаемы по большинству голосовъ, и—слѣдовательно—прежде буйное «не позволяемъ» было устранено, къ горькому сожалѣнію многихъ любителей этаго своеволия.

Избирательный (elekcyjny) сеймъ начался 27 августа; а 7 сентября 1764 года былъ избранъ королемъ *Станиславъ Августъ*.—Всѣ были довольны, кромѣ графа *Браницкаго*, который самъ хотѣлъ быть королемъ. Не успѣвши въ этомъ, онъ

хотѣлъ—было взбунтовать в. литовское княжество; но когда и это не удалось, заперся въ своемъ замкѣ, въ Бѣлостокѣ.

Что же приваялъ Станиславъ-Августъ вмѣстѣ съ польскимъ скиптромъ?

Историкъ Польши, *Нарушевичъ*, лично говорилъ ему, во всеуслышаніе всей націи ¹⁾, что «онъ съ этимъ скиптромъ приваялъ несогласіе внутри республики, слабость Польши, нищету казны, безправье въ мелкомъ войскѣ, опустѣлые замки, обнищавшіе города, правленіе безъ связи и рады, безтояковые сеймы, и при этихъ явленіяхъ, предшествующихъ страшному паденію государства, грозное вокругъ сосѣдство!—Ежели (продолжаетъ *Нарушевичъ*) не могъ совладѣть съ такими безпорядками и потомственно-наслѣдственный король Казиміръ великій, имѣвшій въ своихъ рукахъ право суда и законодательства, войско и казну; то что добраго можетъ сдѣлать въ Польшѣ избирательная верховная власть, ограниченная въ правахъ и всегда подозрѣваемая?.. Ничего больше, какъ только терпѣть за чужіе грѣхи, и быть мишенью для выстрѣловъ ненависти, потому что на высокомъ мѣстѣ стоять.»—«*Трудно обманывать себя: мы (поляки) никогда не имѣли правленія, и никогда не были счастливы.*»—А позднѣйшій историкъ такъ описываетъ тогдашнюю

- 1) Ale cożeś wziął, Panie, z tym berłem? to, co niegdys Kазimierz: niezgody w domu: słabość kraiu: ubóstwo skarbu: nierząd w drobney milicyi: zpuszczałe zamki: odarte miasta: rząd bez związku i rady: nieczynne seymy: przemoe w magistraturach; a przy tych popędzających zawsze straszną ruinę znakach, potęgę zagraniczną i groźne na około sąsiedstwo. Nie zdołał zaradzić co takim przeciwności ogromie dziedzie i monarcha, mający w rękę swoim sądy, woysko, skarb i legislacyą. Coż może uczynić u nas elekcyina zwi-rzchność, prawami skrępowana, zawsze podeyrzana?.. Chyba cierpieć gdy się źle dzie, za cudze przewinienia, i być na celu postrzałom nienawiści dla tego że wyżey siedzi....» *Adama Naruszewicza Historia narodu Polskiego, Tom VI. (1803.) Str. 41.*—«*Trudno sobie pochlebiać, Nayiasniejszy Panie; nigdyśmy nie byli narodem systematycznie rządny, a zatym i szczęśliwym.*» Tom VII. (1804.) do Króla... Str. 8.

Польшу: *) «небыло тогда въ Польшѣ ни высшихъ постоянныхъ судебныхъ мѣстъ, ни порядка. Магнаты воевали между собою, какъ будто въ XI, или XII вѣкѣ. Разстройство и безпорядокъ были повсемѣстны, и Польша была похожа на западную корону, въ которой всякъ, что хотѣлъ, то и дѣлалъ.»

Послѣ коронаціи Станислава-Августа, бывшей 25 ноября, послы дворовъ петербургскаго и берлинскаго и въкоторыхъ другихъ предложили сейму желаніе своихъ государей, чтобъ всѣ диссиденты (иновѣрцы) пользовались въ Польшѣ свободою вѣроисповѣданія и были допущены въ государственную службу, и чтобъ епископы грековосточнаго исповѣданія имѣли нѣста въ польскомъ Сенатѣ, подобно католическимъ епископамъ. Казалось бы, нѣтъ ничего естественнѣе, справедливѣе и даже необходимѣе для благоденствія Польши, какъ исполненіе этихъ требованій,—требовали, какъ видите, чтобъ она была благоразумна и счастлива. Въ нынѣшнее время даже трудно вѣрить, но вѣрнѣйшій мѣръ хотѣлось бы не вѣрить, чтобъ такіа справедливыя требованія могли быть отвергнуты—тѣмъ болѣе, что до 1717 года большею частію письменныя постановленія польскихъ сеймовъ *были въ пользу диссидентовъ*, и даже каждый король, при возшествіи на престолъ между прочими речами *conventa* присягалъ соблюдать и права диссидентовъ неварушимыми. Но—въ Польшѣ давно уже было такъ заведено, что *одно писали, а другое дѣлали*; и несчастные диссиденты, особенно со времени короля Сигизмунда III-го, были страшно преслѣдуемы и угнетаемы за ихъ вѣру. А съ 1717 года *перестали даже и писать въ пользу диссидентовъ*, но начали издавать притѣснительныя для нихъ законы: запретили имъ строить новыя церкви и поправлять старыя; перестали допускать ихъ на сеймы, и наконецъ въ 1733 году рѣшили удалить ихъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей, какъ будто какихъ-нибудь отверженныхъ *паріезъ*.... Если бы нужно было собрать въ *одномъ словѣ* всѣ тѣ причины, которыя погубили Польшу, то, безъ всякаго спора, это слово было бы—*католицизмъ*, такъ точно какъ теперь, для изображенія горестнаго состоянія нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ державъ достаточно одного слова: *индиферентизмъ*. — А Европѣ то и

*) Dzieje Królestwa Polskiego przez J. S. Bandtkę. 1820. Томъ II. стр. 515.

любо, что славяне ни въ чемъ не знаютъ мѣры, — одни изъ нихъ охвачены замятнею, а другіе до того *гуманны* и терпѣливы, что—кто ни захочетъ, садитѣя верхомъ на нихъ и поговяетъ ихъ, какъ лошадокъ.

По случаю заступничества петербургскаго и берлинскаго Дворовъ за несчастныхъ диссидентовъ, въ Варшавѣ 6-го октября 1766 года начались бурныя засѣданія сейма. Служители алтаря Господня, долженствующіе проповѣдывать миръ и христіанскую любовь, краковскій епископъ *Казтанъ Солтыкъ* и папскій нунцій *Висконти*, грозно возстали противъ диссидентовъ и требовали уничтоженія ихъ правъ *церковныхъ, служебныхъ и гражданскихъ*. А защитники этихъ несчастныхъ, желая уразумѣть гонителей, что отнятіемъ сихъ правъ у своихъ согражданъ они разрушаютъ собственное свое отечество, стали требовать самой труднѣйшей уступки съ ихъ стороны: чтобы восстановлено было буйное «*не позволяемъ*» въ прежней его силѣ. Къ удивленію исторіи и потомства, сеймъ, руководимый духовенствомъ, согласился даже и на эту разрушительную уступку, лишь бы только затопталъ всѣ права диссидентовъ.

Любопытно происхожденіе этого польскаго «*вето*». До 1642 года всѣ дѣла на сеймахъ вершились по большинству голосовъ; хотя для формы и была соблюдена фраза о «*единогласномъ рѣшеніи*». Но въ 1642 году депутатъ уицкаго повѣта, нѣкто *Смицкиій* (знаменитый, какъ Геростратъ), первый закричалъ на сеймѣ «*не позволяемъ!*» и остановилъ рѣшеніе сейма, или—какъ говорятъ поляки—*разорвалъ сеймъ*. Этого, новый тогда, родъ своеволия понравился панамъ и шляхтѣ; и хотя нѣкоторые благомыслящіе поляки хотѣли—было противиться введенію этого новаго своеволия, но оно всегда было поддерживаемо большинствомъ. Теперь же это своеволие было восстановлено въ противоположность уничтоженію всѣхъ правъ диссидентовъ, какъ поелѣднее, отчаянное средство для защиты ихъ. Могъ сыскаться хоть одинъ добросовѣстный человекъ, который этимъ словомъ останавливалъ бы иногда опредѣленія сейма, клонившіяся къ окончательному истребленію диссидентовъ: другой защиты для нихъ уже не оставалось.

Потерявши свободу въроисповѣданія и права гражданства, диссиденты начали собираться въ вооруженныя конфедераціи, сперва въ Торнѣ и Слуцкѣ, а потомъ и въ разныхъ другихъ

мѣстахъ. Такихъ конфедерацій было тогда въ Польшѣ до 200. Предводители ихъ соединились въ *Радомя*, и избрали князя *Радзивила* главнымъ вождемъ всего возстанія. Противъ диссидентовъ вооружилась другая часть Польши, католическая. — Несчастному королю Станиславу—Августу жалко было и той и другой стороны; но какъ сторона диссидентовъ была обиженная и страждущая, то онъ, изъ состраданія къ своимъ подданнымъ, присталъ къ Радомской конфедераціи, и самъ просилъ руссійскую Императрицу прислать ему войско для усмиренія крамоль въ погибавшемъ его королевствѣ. Трудно было вообразить себѣ состояніе болѣе жалкое, какъ *состояніе польскаго короля*.

Русское войско, подъ начальствомъ *Салтыкова* и *Кречетникова*, вошло въ Польшу; и подъ его защитою король назначилъ въ Варшавѣ чрезвычайный сеймъ на 5 число октября 1767 года. На этомъ сеймѣ, продолжавшемся по мартъ мѣсяць слѣдующаго года, епископъ *Казтанъ Солтыкъ* свирѣпствовалъ противъ диссидентовъ и даже позволялъ себѣ говорить дерзко о рос. Императрицѣ, покровительницѣ ихъ. Безразсудному примѣру его подражали куявскій епископъ *Иосифъ Залуцкій*, краковскій воевода *Вацлавъ Ржевускій* и сынъ его *Северинъ*. Въ слѣдствіе чего, посоль русскій князь Репнинъ принужденъ былъ принять рѣшительную мѣру: приказалъ арестовать этихъ дерзкихъ фанатиковъ и отправилъ ихъ въ Россію ¹⁾.

Прочіе фанатики смирились, и 13-го февраля 1768 года сдѣлали на сеймѣ постановленіе: 1) всѣ законы, изданные съ 1717 года противъ диссидентовъ, отмѣнить и предоставить имъ право свободнаго богослуженія, — позволить имъ строить церкви, заводить училища, присутствовать въ сенатѣ; и участвовать въ совѣщаніяхъ сейма; 2) правленію въ Польшѣ быть избиратель-

1) Нельзя не пожалѣть о томъ заблужденіи и фанатизмѣ, въ которомъ и теперь *нѣкоторые отцы* воспитываютъ своихъ дѣтей, обучая ихъ Польской Исторіи по той элементарной книгѣ, въ которой о Солтыкѣ сказано такъ: *«stanał na czele w obronie Religii Soltyk Biskup i na żądanie dyssydentów domagających się wolnego wyznania Religii, używania wszelkich praw, swobod i prerogatyw obywatelskich przystać nie chciał...»* Развѣ это значить — *защитить религію, а не разрушить отечество?*.....

ному, и дѣла рѣшать *единогласнымъ* приговоромъ сейма; 3) съ Россіей заключить вѣчный миръ и предоставить российской императрицѣ право оберегать и защищать какъ диссидентовъ въ Польшѣ, такъ равно и самую Польшу. — Договоръ объ этомъ былъ подписанъ; сеймъ закрытъ; русскому войску велено было возвратиться въ Россію.

Если-бы Польша остановилась на этомъ договорѣ, она могла бы еще продлить свое существованіе, могла бы со временемъ окрѣпнуть, усилиться, развиться, и быть порядочнымъ государствомъ въ кругу другихъ державъ. Но—опять одинъ изъ служителей алтаря, забывши заповѣдь мира и любви, возмутилъ Польшу: каменецкій епископъ *Адамъ Красинскій*, переодѣтый, извѣдывалъ всю Польшу и вездѣ возбуждалъ ненависть къ диссидентамъ, къ Россіи, и къ своему королю. Единомышленникъ Красинскаго, староста *Иосифъ Пулавскій* началъ собирать безпокойныхъ людей, и составилъ изъ нихъ въ городѣ *Баръ* вооруженную конфедерацію противъ короля Станислава-Августа. Подобное же возмущеніе противъ законной власти и противъ здраваго разсудка обнаружилось въ Галичѣ, Люблинѣ, Краковѣ и въ другихъ мѣстахъ. Конфедераты огнемъ и мечомъ истребляли своихъ согражданъ—диссидентовъ, и преимущественно исповѣдниковъ грекороссійской вѣры,—между тѣмъ какъ жида по всей Польшѣ пользовались полною свободой своей вѣры, и—смѣялись надъ христіанами, истреблявшими другъ друга..... Замѣтимъ, къ стыду цивилизація, что отъ этого времени еще не прошло и ста лѣтъ.

Началась ужасная религіозная война, рѣзня безъ пощады пола и возраста, убійство многихъ тысячъ ближнихъ, поклонявшихся одному и тому же Спасителю, распятому за всѣхъ на крестѣ; и—увы—это убійство было возбуждено въ Польшѣ епископами католическими, сперва *Солтыкомъ* и *Залуцкимъ*, потомъ *Красинскимъ*!!

Дворянъ, исповѣдующихъ гонимую грекороссійскую вѣру, тогда уже мало было въ Польшѣ: почти всѣ, отъ страха гоненій, перешли сперва въ унию, потомъ въ католичество ¹⁾. Оставался

¹⁾ Почти всѣ нынѣшніе дворяне въ западныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, именующіе себя поляками и католиками, суть потомки русскихъ православныхъ жителей тѣхъ странъ,

только простой народъ. не хотѣвшій отречься вѣры своихъ предковъ; но и среди этого загнаннаго народа, заклѣннаго немемъ «*хлоповъ*,» нашлись свои предводители, которые вооруженною рукой начали защищать своихъ братьевъ и свою вѣру. Извѣстнѣйшіе изъ такихъ предводителей были тогда *Гонта* и *Жельзлякъ*, о которыхъ память и теперь еще живетъ въ народѣ. За жестокость платили ужасающею жестокостью; и Польша тогда была обогрена (буквально) своею собственною кровью....

Станиславъ-Августъ и нѣкоторые благомыслящіе сенаторы, не имѣя средствъ прекратить междоусобіе и кровопролитіе въ своемъ гибнущемъ отечествѣ, опять просили російскую императрицу прислать имъ войско, которое и не замедлило придти въ Польшу. А епископъ *Красинскій* обратился за помощью къ французскому Двору, и получилъ оттуда деньги, искусныхъ офицеровъ и генерала *Дюмурье* для предводительства надъ конфедератами. Сверхъ того французское правительство, чрезъ своего посла при Оттоманской Портѣ, склонило султана турецкаго *Му-стафу III* къ войнѣ съ Россіей, чтобъ отвлечь силы этой державы отъ защиты диссидентовъ.

Отряды русскаго войска, гоняясь за конфедератами по всему пространству Польши, загнали одну шайку ихъ въ пограничное татарское мѣстечко *Балту*, и по военной неосторожности сожгли это мѣстечко. Маловажный этотъ случай былъ поводомъ, по которому турецкій султанъ, яко верховный покровитель татаръ, въ 1768 году объявилъ войну Россіи.

Начавши воевать съ Турціей, Екатерина II приказала отряду своего войска, дѣйствовавшему въ Польшѣ противъ конфедератовъ, возвратиться въ Россію; но Станиславъ-Августъ упросилъ императрицу оставить при немъ нѣсколько полковъ, тѣмъ болѣе что барскіе конфедераты уже объявили его — *лишенимъ польскаго престола!!*

Давно уже существовало въ Европѣ всеобщее убѣжденіе о невозможности существовать Польшѣ при такомъ безпокойномъ и буйномъ характерѣ ея жителей. Еще въ царствованіе Сигизмунда III, эта мысль родилась въ умѣ молдавскаго господаря

о чемъ не рѣдко свидѣтельствуютъ собственные ихъ документы о дворянствѣ и метрика предковъ ихъ.

Мыслька; а теперь эта мысль чаеъ отъ часу болѣе и болѣе дѣлалась настоятельнымъ требованіемъ времени. Даже и султанъ турецкій понималъ эту *невозможность существованія*, и въ 1770 году предлагалъ австрійскому посланнику *Тугуту* свергнуть, общими силами, Ставшеслава-Августа съ престола, и раздѣлить Рѣчь Посполитую между Австріей и Турціей.

Со всѣхъ сторонъ была чувствуема потребность рѣшительныхъ мѣръ. Барокіе конфедераты, видя безуспѣшность своего приговора о низведеніи Ставшеслава-Августа съ престола, *рѣшили по своему*: 3 го ноября 1771 года напали на короля среди улицы, схватили его, и хотѣли было увезти изъ Варшавы. Но онъ почти чудомъ спасся изъ рукъ своихъ убійць, получивши только рану въ голову.

Что оставалось тогда дѣлать сосѣднимъ государствамъ, смотря на такое неистовство подданныхъ противъ своего короля?.. *Пруссія и Австрія*, хотя жестоко и больно, но достойно и праведно *рѣшили: раздѣлить Польшу между собою!*

Рѣшительная мысль о раздѣлѣ этой неочащенной страны, *не умъвшея существовать*, теперь вышла изъ головы *Фридриха II-го короля прусскаго*, который склонялъ къ тому же и *австрійскую императрицу Марію-Терезію*. Оставалось только склонять третьяго сосѣда, *россійскую императрицу*, которая тогда блистательнымъ образомъ кончила войну съ Турціей, и въ вознагражденіе военныхъ издержекъ хотѣла присоединить къ Россіи Молдавію и Валахію. Австрійскому Двору чрезвычайно непріятно было предстоявшее присоединеніе дунайскихъ княжествъ къ Россіи; а потому нѣмцы и начали стараться, чтобъ Россія, вмѣсто Молдавіи и Валахіи, согласилась присоединить къ себѣ часть Польши.

Первое раздѣленіе Польши началось съ того, что Марія-Терезія повелѣла своимъ войскамъ занять польскую область — *староство Спизжское* съ соляными копами *Велички* и *Бохни*; подъ тѣмъ предлогомъ, что оно нѣкогда составляло часть венгерскаго королевства, принадлежавшаго теперь Австріи. А король прусскій ввелъ свои войска въ *воеводства Кульмское и Познанское*, подъ предлогомъ кордона для охраненія своихъ областей отъ свирѣпствовавшей тогда моровой язвы, и велѣлъ за тѣмъ отправить въ С.-Петербургъ брата своего Генриха убѣждать Екатерину II, чтобъ и она согласилась на раздѣлъ Польши.

Екатерина видѣла, что между Австріей и Пруссіей это дѣло уже улажено. Противиться имъ значило бы—начать съ ними войну изъ-за Польши. *Россійская императрица позже всѣхъ согласилась, и при томъ не на совершенное уничтоженіе и раздѣленіе Польши, какъ хотѣли того Австрія и Пруссія, но только на отдѣленіе отъ нея нѣкоторыхъ провинцій:* эти слова нужно бы ставить вмѣсто эпиграфа надъ сочиненіями тѣхъ современныхъ, рьяныхъ публицистовъ польскихъ, которые, плохо зная исторію своего отечества, кричатъ, что Россія погубила Польшу.

И такъ—договоромъ 25 Іюля 1772 года было постановлено: 1) къ Россіи отдѣлить древнее достояніе ея, землю между Днѣпромъ, западною Двиною и Дручемъ, или такъ—называсяую *Бѣлоруссію*, 2) къ Австріи—Галицію, 3) къ Пруссіи—Померанію, за исключеніемъ Гданска и Торна, и часть Великой Польши до рѣки Петцы. Постановленіе это было объявлено варшавскому Двору; а Станиславъ—Августъ имѣлъ прискорбную обязанность объявить о томъ Сейму, который послѣ бесполезнаго сопротивленія и криковъ, принужденъ былъ въ 1775 году окончательно согласиться на пріятіе этаго наказанія отъ промысла Божія за свои безпорядки, самоуправство, и за униженіе власти своего короля. Отъ Польши отошло 3,925 квадратныхъ миль земли, а осталось еще у нея болѣе 10 тысячъ миль съ 8 ю милліонами народонаселенія. Всѣ три союзники ручались въ неприкосновенности остальныхъ ея областей, однакожъ съ условіемъ, *если поляки не будутъ притѣснять диссидентовъ.* Охраненіе Польши привяла на себя Екатерина II.—Порядокъ правленія, съ согласія самыхъ поляковъ, былъ установленъ такой: а.) право избирать короля осталось въ прежней своей силѣ; б.) положено было выбирать короля только изъ потомковъ Пяета; в.) дѣла рѣшать на сеймѣ единогласнымъ приговоромъ; д.) при королѣ быть вѣрному совѣту, подъ его предсѣдательствомъ, изъ нѣсколькихъ сенаторовъ по выбору сейма; е.) диссидентамъ была предоставлена свобода богослуженія, съ правомъ поступать въ государственную службу и также въ депутаты сейма; ф.) войску польскому состоятъ изъ 30 тысячъ человекъ.

Хотя въ этой конституціи, какъ и во всякомъ человеческомъ дѣлѣ, были свои недостатки, но не смотря на то, *Польша съ этою конституціей, отъ 1775 по 1788 годъ, съ продол-*

жене цѣлыхъ дѣнадцати лѣтъ наслаждалась тишиною, непримѣною въ ея исторіи!—Промышленность и науки просеулись въ ней. Стааниславъ—Августъ учредилъ кедетскій корпусъ, *котораго ни одинъ король не успѣлъ учредить, хотя каждый обѣщалъ при возшествіи на престолъ.* Сверхъ того король—всѣ фундуши уничтоженнаго тогда ордена іезуитовъ обратилъ на воспитаніе юношества. Варшава украсилась прекрасными зданіями. Для соблюденія правосудія, канцлеръ *Замойскій*, по порученію короля, занялся новымъ собраніемъ законовъ. Польская литература, подъ перомъ *Нарушевича, Красицкаго* и другихъ писателей, начала обращать на себя вниманіе Европы.

Еслибы Польша продолжала такимъ образомъ, подъ родственнымъ покровительствомъ Россіи, совершенствовать свой внутренній бытъ, она скоро достигла бы цвѣтущаго состоянія, и исподоволь моглабы поправлять свою конституцію. Но. у славянъ всегда было много недоброжелателей, которые, для своихъ выгодъ, всегда ссорили ихъ между собою и недопускали ихъ до соединенія и дружбы. Начиная съ Карла Великаго, который дѣйствительно былъ *великимъ* недоброжелателемъ всей славянщины, императоры нѣмецкіе Оттонъ I, Оттонъ III, Генрихъ II, и многіе другіе позднѣйшіе императоры, постоянно сѣяли раздоръ между славянами и старались или онѣмечить ихъ, или окатоличить, или по крайней мѣрѣ поддерживать между ними взаимную вражду, чтобъ не дать имъ соединиться въ *одно цѣлое*, страшное для германскаго міра. Въ слѣдствіе такого враждебнаго противъ Россіи направленія, сообщеннаго полякамъ отъ нѣмцовъ, польскій сеймъ собравшійся въ концѣ 1788 года началъ оскорблять русскію императрицу: отказалъ въ свободномъ переходѣ русскаго войска чрезъ польскія владѣнія въ Молдавію и Валахію, по случаю бывшей тогда новой войны у Россіи съ Турціей,—не давалъ продовольствія этой арміи вопреки обѣщанію и договору,—и сверхъ того, вмѣсто установленнаго числа 30 тысячъ, увеличилъ польское войско до 100 тысячъ человекъ. Этого мало: сеймъ заключилъ даже, противъ Россіи, союзъ съ королемъ прусскимъ, державшимъ сторону Турціи, и даже съ Турціей вошелъ сеймъ въ переговоры, желая помочь ей въ войнѣ съ Россіей.—

Приготовившись такимъ образомъ къ возстанію противъ Россіи, безъ всякаго повода съ ея стороны, поляки сочинили и

обнародовали новую конституцію 3-го Мая 1791 года, по которой наследство польскаго престола, послѣ будущей смерти Станислава—Августа, должно было перейти въ домъ саксонскаго курфюрста; для вершить положено было по большинству голосовъ, а *liberum veto* было уничтожено, и непрѣмливый совѣтъ при королѣ такъ же былъ уничтоженъ.—Въ этой конституціи было, безъ сомнѣнія, много добра, но добра преждевременнаго и насильственнаго, которое въ политикѣ почитается великимъ зломъ. Уничтожить безумное *liberum veto* и сдѣлать свой престолъ наследственнымъ, Польша легко могла бы въ свое время, не раздражая Россію и не предпринимая противъ нея войны. —

Конституція 3-го мая раздѣлила Польшу на двѣ взаимно-враждебныя части: одна часть восхипцалась ею и стояла за нее грудью, другая ненавидѣла ее отъ души. Члены одного и того же семейства были раздѣлены въ мнѣніяхъ по этому предмету: такимъ образомъ *Игнатій Потоцкій* былъ главнымъ виновникомъ и приверженцемъ этой конституціи, а братъ его *Феликсъ Потоцкій*—непримиримымъ врагомъ ея. Къ Феликсу Потоцкому присоединились *Северинъ Ржевускій*, гетманъ *Браницкій* и многіе другіе паны, и въ городѣ *Тарговицахъ* составили вооруженную конфедерацію; а въ Вильнѣ составилаь другая такая же конфедерація. — Въ слѣдствіе просьбы тарговицкихъ конфедератовъ, російская императрица приказала своему войску вступить въ польскіе предѣлы. А Франція, Австрія и Пруссія поддерживали другую сторону Польши: прусскій король даже обѣщаль объявить отъ себя войну Россіи, если только поляки уступятъ ему *Гданскъ и Торнъ*. Когда же поляки отказали ему въ томъ, то онъ—заключилъ противъ *Польши союзъ съ петербургскимъ кабинетомъ*, и свои войска такъ же двинулъ въ польскіе предѣлы.—Франція, сама тогда погибала отъ своей революціи, и только пышными фразами хвалила распоряженія польскаго сейма, но помощи не прислала, а Австрія, подобно Пруссіи, соединилась съ Россіей.—Такимъ образомъ—*совѣтники Польши*, вооружившіе ее противъ Россіи, не только оставили ее одну безъ помощи, но еще и сами перешли на сторону той державы, противъ которой сооружили ее....

Отряды поляковъ не могли долго противиться русскому вой-

ску, и были разбиты по частямъ въ два мѣсяца. Станиславъ-Августъ просилъ пощады, и самъ присоединился къ торговымъ конфедератамъ: примѣру короля послѣдовали сенаторы и депутаты сейма, кромѣ *Игнатія Потоцкаго, Колонтыя Заюнчека* и не многихъ другихъ. — Подъ предѣлательствомъ короля, наконецъ 6-го іюня 1793 года былъ составленъ въ Гродно новый сеймъ для устройства Польша. —

Екатерина II, убѣдясь опытомъ, что Польша неумѣетъ пользоваться благодѣяніями мира и ея покровительства, нашлась въ необходимости возвратить ее въ тѣ границы, въ какихъ она была до соединенія своего съ великимъ княжествомъ русско-литовскимъ, т. е. разорвала ту насильственную связь, посредствомъ которой Польша, въ прежніе годы, привязала къ себѣ древнюю часть Россіи, наслѣдіе св. Владиміра—русскія древнія княжества, оставшіяся навсегда русскими, какъ ни старалась Польша полонизировать ихъ и окатоличить. Въ слѣдствіе сего, гродненскій сеймъ 1/2 іюля долженъ былъ согласиться на *второй раздѣлъ Польша*, по которому *Волынская* область, *Подольская* и *Минская* были возвращены Россіи; а Пруссія, *при этомъ удобномъ случаѣ*, получила то, о чемъ давно хлопотала—Великопольскіи воеводства съ городами *Гданскомъ* и *Торномъ*. Отдѣленіе отъ Польша и возвращеніе къ Россіи древнихъ русскихъ областей, *волынской, подольской и минской*, было для Польша важнымъ историческимъ урокомъ, изъ котораго она должна была бы научиться, что *бгзъ соединенія съ Русью она никогда не могла и не можетъ существовать, но если и въ соединеніи съ Русью она, по необузданному самолюбію, захотѣла бы взять на себя, непринадлежащую и неприличную ей роль старшей сестры, то и это ни къ чему другому не повелобы, только развѣ къ окончательному и совершенному ея уничтоженію.*

Послѣ втораго раздѣла, королевство польское имѣло только 4 тысячи квадратныхъ миль пространства и около четырехъ милліоновъ жителей. Прежній порядокъ правленія и непремѣнный совѣтъ при королѣ былъ возстановленъ, и положено было содержать Польшѣ постояннаго войска 15 тысячъ человекъ. Для водворенія порядка въ королевствѣ, была оставлена въ немъ, на нѣкоторое время, часть русскаго войска, подъ командою генерала *Игельстрома*. —

Вмѣсто должнаго смиренія предъ наказывающею и вразумляющею десницею промысла, и вмѣсто раскаянія въ своихъ политическихъ грѣхахъ и неустройствахъ, Польша пришла въ отчаяніе, и всю ненависть свою обратила теперь на Россію, которая менѣе всѣхъ виновна была въ ея несчастіи, и съ 1775, по 1788 годъ искренно старалась поддержать самобытность ея. Сама существенная причина раздѣленія Польши заключалась въ несчастномъ [чтобы не сказать безумномъ] образѣ правленія ея, не допускаящемъ никакого благоустройства [zaczęło rozproszone, ale razem i królestwo!!!],—въ фанатизмъ духовенства ея, желавшаго истребить съ лица земли Христіанскую Греко-восточную вѣру, —и въ самоправствѣ ея магнатовъ и шляхты, не уважавшихъ своего короля. Второю *орудію*, причиною—были берлинскій и вѣнскій кабинеты, первоначально рѣшившіе судьбу Польши, безъ предварительнаго сношенія съ петербургскимъ кабинетомъ, а потомъ своими интригами вооружившіе ее противъ Россіи. Впрочемъ поляки не должны забывать, что при раздѣленіи Польши, Россія взяла у нея *не польскія провинціи населенныя польскимъ народомъ, но свои древнія русскія области съ русскимъ народомъ, съ русскимъ языкомъ и русскою вѣрою*. Русскій народъ этихъ провинцій благословлялъ свою судьбу, избавившись отъ поляковъ и возвратившись въ свое отечество—единокровную и единовѣрную себѣ Россію. *Козацкія войны* прошлаго времени давно уже приготовляли отпаденіе этихъ областей отъ Польши.—Не такова была судьба *польскихъ провинцій*, доставшихся нѣмцамъ.

Польша, къ удивленію и къ сожалѣнію, не угадала, *кто* былъ и *что* было причиною раздѣленія ея, равноумно не угадала и тѣхъ спасительныхъ средствъ, какими, послѣ двухъ раздѣловъ, она моглабы еще сохрѣмать свою самобытность: она ухватилась за совершенно-противоположныя средства. О несчастіи ея состояніи ближе всего напоминалъ ей видъ отряда русскаго войска, квартировавшаго въ Варшавѣ и въ окрестностяхъ ея, для водворенія спокойствія: поляки *рѣшились вырвать этотъ отрядъ, и—временемъ для этого братоубійства избрали страстную седмицу великаго поста!* напали на русскіхъ солдатъ врасплохъ на ихъ квартирахъ, и *зарѣзали ихъ болѣе двухъ тысячъ человекъ*: отчаянная, бесполезная и чрезвычайно вредная мѣра! Истребивши двѣ тысячи русскіхъ, они чрезъ это

еще неистребили всю русскую армію, но только сами на себя накликали справедливое мщеніе Россіи. — Нашлись же писатели, впрочемъ не польскаго, кажется, но нѣмецкаго происхожденія [*Фалькенштейнъ, Форстеръ, и др.*] которые и это ужасное братоубійство не стыдятся называть *»священнымъ долгомъ любви къ отечеству, и даже болѣе священнымъ (plus sacré), нежели поклонение страстямъ Господнимъ.»* »Это было въ страстную пятницу—пишутъ они—и въ этомъ день уже не христіанство, но свобода была религіей поляковъ.»¹⁾ Удивительно ли, что потомки такихъ братоубійць, наставляемые подобными учителями, и теперь не болтаются богохольствовать—призывая религію и употребляя крестъ Спасителя для освященія своихъ постыдныхъ манифестацій противъ Россіи? Безъ всякой желчи говоримъ объ этомъ, по единственно изъ состраданія къ заблуждающимъ.

Истребленіе отряда Игельстрома было началомъ всеобщаго возстанія Польши, предводителемъ котораго съзваніемъ диктатора, былъ объявленъ *Таддей Костюшко*, храбрый литвинъ, съ рѣдкими качествами ума и сердца, и достойный лучшаго поприща, нежели на какое довелось ему выступить.

Костюшко вооружилъ польскій народъ, и выступилъ первоначально противъ прускаго войска, которое *первое вошло въ Польшу и осадило Варшаву.*—*Домбровскийъ*, возмущивши познаньскую область въ тылу прусаковъ, заставилъ ихъ отступить отъ Варшавы.—Возстаніе распространилось по всей Польшѣ, охватило литву, поколебало Волинь, грозило Бѣлоруссіи, и даже приближалось къ берегамъ Днѣпра. Впрочемъ *»повстанцы»* торжествовали не долго. Кровь русскихъ воиновъ, убитыхъ въ Варшавѣ, вопіяла объ отмщеніи. Екатерина II выслала въ Польшу свое войско, подъ командою *Суворова* и *Ферзена*, и приказала возстановить въ ней спокойствіе.—Суворовъ съ своимъ

¹⁾ C'était le vendredi saint. En ce jour les Polonais visitent d'habitude pieu sement dans les églises le sépulcre du Seigneur, et un morne silence régné dans la ville entiere. Mais cette fois c'est la voix du pays, qui appelle les habitants au dehors, et de même que la foi catholique remplissait jusque — la tous les instants d'une journée aussi solennelle, plus sacré peut-etre est encore pour eux le devoir de defendre contre l'ennemi les femmes, les enfants, le foyer domestique et la patrie. En ce jour leur religion est — la liberté. *Pologne, par M. Charles Forster, стр. 154, 155.*

отрядомъ, состоявшимъ изъ 7 тысячъ человѣкъ, быстро прошелъ всю Волынь и обезоружилъ нѣсколько десятковъ тысячъ повстанцевъ, не проливши капли крови. Потомъ подъ Брестомъ напалъ онъ на отряды *Сьраковского* и *Макрановскаго* и разбилъ ихъ на голову; послѣ сего онъ спѣшилъ соединить свой отрядъ съ отрядомъ Ферзена, чтобъ вмѣстѣ идти въ Варшаву. Но Костюшко рѣшился не допустить эти отряды до соединенія, и ^{30 Сент.}/_{10 Окт.} 1794 года, при *Мацовичахъ* (12 миль отъ Варшавы) вступилъ съ Ферзеномъ въ отчаянный бой. Поляки показали необыкновенную храбрость, достойную лучшей цѣли и участи, но—были разбиты на голову; при чемъ и Костюшко попалъ въ плѣвъ. Бросивши свою саблю, онъ съ горестью сказалъ: *finis Poloniae!*.. Поляки, какъ *»добрые католики,«* не могутъ не вѣрить въ безсмертіе и въ продолжающуюся за гробомъ любовь усопшихъ братій къ земной отчизнѣ. Неужели же они и своего благороднаго Костюшка хотѣли бы сдѣлать лжецомъ? Неужели же еще не *finis?*...

Соединившись съ Ферзономъ, Суворовъ подступилъ къ Прагѣ; три дня только приготовлялся, и ^{24 Окт.}/_{3 Ноябрь.} 1794 года взялъ ее приступомъ, послѣ кровопролитной битвы, продолжавшейся только 4 часа.—Послѣ сего, главные зачинщики польскаго возстанія, клявшіеся своимъ сограждамамъ погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, *бѣжали за границу, похитивши казну, собранную съ обманутаго народа:* безъ сомнѣнія, ими руководило извѣстное іезуитское правило: *prima charitas ab ego.* Въ Варшавѣ остался только несчастный король, вѣрный своему долгу.—Варшава сдалась на капитуляцію; за нею покорилась и остальная Польша.—

¹⁵/₂ ноября 1795 года Станиславъ—Августъ отказался отъ польскаго престола; а вслѣдъ за нимъ и бывший вассаль Польшы, Курляндскій герцогъ *Петръ Биронъ* отказался отъ своего достоинства.—Польша дошла до невозможности управлять собою и быть независимою,—такъ точно какъ человѣкъ впавшій въ разстройство умственныхъ силъ, которому связываютъ руки, и котораго, со вѣтъ его имѣніемъ, отдають на попеченіе родственникамъ или сосѣдямъ—Бывали примѣры, что подобные люди иногда выздоравливають; но вообще они всегда ненадежны и опасны, и выздоровленіе ихъ всегда подозрительно.—

Австрія, Пруссія и Россія окончательно раздѣлили *большую*

Польшу слѣдующимъ образомъ: области *Литовская* и *Гродненская* и сверхъ того *Курляндія* были присоединены къ Россіи; воеводство *Краковское*, *Сендомирское* и *Люблинское*—къ Австріи; а остальная часть Польши съ городомъ *Варшавой*—къ Пруссіи.—Жители всѣхъ, присоединенныхъ къ Россіи, областей были совершенно сравнены въ своихъ правахъ съ прочими жителями Имперіи: полная свобода вѣроисповѣданія была предоставлена всѣмъ.—Въ началѣ 1796 года австрійцы заняли Краковъ, а прусаки Варшаву.—

Станиславъ—Августъ выѣхалъ сперва въ Гродно, а потомъ въ С.-Петербургъ, гдѣ получать приличное содержаніе до смерти, постигшей съ $\frac{24 \text{ Июн}}{2 \text{ Февр.}}$ 1798 года, на 66-мъ году его несчастной жизни.—Надобно сохранить для потомства слѣдующую характеристическую черту изъ послѣднихъ годовъ жизни короля: у него осталось много бланковъ для патентовъ на ордена св. Станислава и Бѣлаго Орла. Приближенные, пользуясь старостью и слабостью экс-короля, открыли—было въ Петербургѣ особенный родъ торговли: продавали полякамъ патенты на ордена, за подляннымъ подписомъ и печатью королевскою. Бывшіе сыны Рѣчи Посполитой, стоявшіе грудью за равенство и неподлежность, съ жадностью покупали себѣ эти патенты, надѣвали ленты и звѣзды, и прегордо подписывались *«кавалеры ордеровъ»*...

Послѣ окончательнаго раздѣленія Польши, имя ея, съ 1796 по 1807 годъ, было исключено изъ географіи.—Вся Европа была напловнена польскими эмигрантами, которые были похожи на *овець неимѣющихъ пастыря*. Наконецъ эмигранты начали строиться въ легіоны, и примкнули къ французской революціи, которая на своихъ кровавыхъ волнахъ выносила простыхъ солдатъ на степень маршаловъ и герцоговъ, а одного артиллерійскаго поручика вознесла сперва на высокое мѣсто перваго консула французской республики, потомъ и—на императорскій престолъ! Это было необыкновенное время, допущенное Богомъ для наказанія и вразумленія людей. *Наполеонъ Бонапартъ* сперва произвольно рукою обращалъ завоеванныя имъ государства въ республики, а потомъ, сдѣлавшись императоромъ, изъ республикъ дѣлалъ королевства, и подобно судьбѣ перемѣнялъ, уничтожалъ и возстановлялъ государства. Можно ли было и полякамъ не увлечься надеждою, что творецъ Голландскаго, Вестфальскаго,

Итальянскаго, Баварскаго и Саксонскаго королевствъ можетъ, однимъ почеркомъ пера, возстановить и Польское королевство?...

Поляки съ благоговѣнiемъ и надеждою смотрѣли на Наполеона и были готовы пролить за него свою кровь до послѣдней капли, лишь бы онъ возстановилъ отечество ихъ. Когда онъ, бывши еще консуломъ, послалъ къ Сентъ-Доминго экспедицію съ 30 тысячами войска, подъ начальствомъ зятя своего *Леклерка*, то въ это войско поступило очень много поляковъ, изъ которыхъ немногіе возвратились въ Европу. Послѣ того гибли поляки въ Испаніи, сражаясь, въ рядахъ французскаго войска, за честолюбивую мысль Наполеона посадить на испанскомъ престолѣ одного изъ своихъ братьевъ. Но главное поприще для воинственной дѣятельности поляковъ открылось во время войны Наполеона съ Пруссіей въ 1806 и 1807 годахъ. Послѣ *иенской побѣды* ²⁷/₁₀ Октября 1806 года, Наполеонъ, завоевавши всю почти Пруссію, взволновалъ Польшу, желая поставить ее противъ Россіи, защищавшей Пруссію. *Янъ-Генрихъ Домбровский* и *Иосифъ Вибицкий*, въ угодность Наполеону, сдѣлали воззваніе къ польскому народу, приглашая его къ поголовному вооруженію, чтобы подъ командою *Костюшки* возстановить свое отечество. Хотя Костюшко, по слабости здоровья, и отказался принять начальство, но не смотря на то, поляки сформировали четыре полка въ Познани и пражгнули къ французской арміи. — Подъ *Пултускомъ* и *Голыминомъ* поляки сражались противъ русскихъ; но послѣ этихъ сраженій, не удовлетворившихъ Наполеона, онъ принужденъ былъ отвести свое войско на зимнія квартиры и самъ съ досадою возвратился въ Варшаву. — Сраженіе при *Прейсмишъ-Эйлау* ^{27 Генв.}/_{8 Февр.} 1807 года такъ же неудовлетворило Наполеона. Хотя же онъ, вслѣдъ за тѣмъ, и одержалъ надъ русскими побѣду подъ *Фридландомъ*, но эта побѣда слишкомъ дорого стоила ему, и онъ рѣшился покаместъ примириться съ русскимъ императоромъ Александромъ 1-мъ 25 Іюня 1807 года въ *Тильзитѣ*. Александръ 1-й, вооружившись для спасенія Пруссіи, успѣлъ отстоять самобытность этого королевства, которое Наполеонъ хотѣлъ — было исключить изъ числа европейскихъ державъ. Но при этомъ случаѣ императоръ французскій отдѣлялъ отъ Пруссіи тѣ области, которыя она съ 1772 года присоединила къ себѣ отъ бывшаго польскаго королевства, и изъ нихъ

составилъ *варшавское герцогство*, въ зависимости отъ ново- пожалованнаго тогда изъ курфирстовъ *саксонскаго короля*, вѣрнаго своего союзника. Поляки восхищались, получивши *нѣчто* похожее на самобытность подъ именемъ *герцогства*, пространствомъ въ 1,800 квадратныхъ миль: надежда сулила имъ впереди гораздо больше, хотя Наполеонъ тогда же въ Тильзитѣ далъ слово императору Александрѣ не расширять этого герцогства и не содѣйствовать къ восстановленію польскаго королевства.

Въ апрѣлѣ 1809 года австрійскій императоръ, выведенный изъ терпѣнія властолюбиемъ Наполеона, въ четвертый разъ поднялъ противъ него оружіе; но будучи побѣжденъ отъ него при *Ваграмѣ* 6-го іюля, принужденъ былъ заключить съ нимъ мирный трактатъ, по которому отказался отъ многихъ своихъ владѣній—въ томъ числѣ и отъ западной части Галиціи, т. е. отъ воеводствъ *подляскаго, люблинскаго и сандомирскаго*. Всѣ три эти воеводства Наполеонъ, вопреки своему слову, присоединилъ къ варшавскому герцогству, расширившиго такимъ образомъ на 2,700 квадратныхъ миль пространства. Поляки пришли въ энтузіазмъ, и уже мечтали о возвращеніи къ нимъ всей Литвы и Волыни. Въ слѣдствіе чего, петербургскій кабинетъ требовалъ отъ Наполеона формальнаго обязательства, что онъ, согласно прежнему своему обѣщанію, не будетъ болѣе обольщать поляковъ несбыточными мечтами. Наполеонъ уполномочилъ посла своего въ П-бургѣ, *Колленкура*, увѣрить русское правительство что онъ не только не думаетъ о восстановленіи Польши, но «*даже согласенъ самое имя ея истребить изъ актовъ и исторіи*»—однакожь онъ не утвердилъ договора, заключеннаго *Колленкуромъ*.—Замышляя войну противъ Россіи, Наполеонъ хотѣлъ привязать къ себѣ поляковъ для того только, чтобы въ ихъ странѣ имѣть для себя вѣстѣнное депо рекрутское; а поляки въ своемъ заблужденіи думали, что онъ будетъ спасителемъ ихъ, и — съ неописаннымъ восторгомъ ушлышали наконецъ о разрывѣ Наполеона съ Александромъ.

Началась необыкновенная, страшная война 1812 года. — При нашествіи Наполеона на Россію съ 700-тысячною арміею, составленною изъ двадцати побѣжденных имъ народовъ, *варшавское герцогство* вооружилось поголовно, и, не смотря на свои скудные средства, доставило Наполеону 80 тысячъ храбрыхъ

воинствъ, подъ командою *Иосифа Понятовскаго*, племянника послѣдняго короля польскаго. — Поляки дрались съ русскими подъ стѣнами *Смоленска* и на поляхъ *Бородина*, потомъ въ занятой Наполеономъ *Москвѣ* усердно помогали французамъ истреблять священные предметы народнаго русскаго благоговѣнія. Варшава блистательно торжествовала Наполеоновы побѣды, какъ будто свои собственные, но... такое торжество продолжалось не долго.

Наполеонъ, попавши въ сѣти, разставленныя ему *Кутузовымъ*, не зналъ что ему дѣлать въ Москвѣ, и самъ предлагалъ Россіи миръ. Но Императоръ Александръ обязывалъ, что онъ дологъ не положить оружія, пока хоть одинъ вооруженный непріятельскій воинъ будетъ въ Россіи. Послѣ напрасныхъ переговоровъ о мирѣ, Наполеонъ вышелъ изъ *Москвы* и изъ Россіи обратно во Францію, растерявъ по дорогѣ всю свою армію, которая была истреблена русскими штыками, холодами и голодомъ, и какъ бѣглець возвратился во Францію. Власть за нимъ, Александръ I повелъ свое войско за границу, чтобы подписать миръ въ Парижѣ. — Вся Германія, вооруженная Наполеономъ противъ Россіи, отстала отъ него и вошла въ союзъ съ русскійскимъ императоромъ; но Наполеонъ успѣлъ еще собрать новую армію въ 300 тысячъ человекъ, и опять выступилъ противъ Александра. Послѣ многихъ червѣшительныхъ сраженій на поляхъ Германіи, наконецъ вся Европа, подъ предводительствомъ двухъ своихъ представителей, Александра и Наполеона, раздѣлвшись на двѣ арміи, вступила въ отчаянную битву при *Лейпцигѣ*. Ужасный бой продолжался три дня (4, 6 и 7 октября 1813 г.); наконецъ — Наполеонъ былъ разбитъ и бѣжалъ съ поля битвы. Остатки польскаго войска пребыли вѣрны ему, а предводитель ихъ, храбрый *Понятовскій*, при переправѣ чрезъ рѣку *Эльстеръ*, запечатлѣлъ бесполезную свою храбрость смертию своею.

1814 годъ, подобно двумъ предъидущимъ годамъ, былъ такъ же исполненъ кровавыхъ битвъ и кровавой славы. Послѣ неимоверныхъ усилій, наконецъ союзные государи принудили Наполеона отречься отъ французскаго престола, и занялись благоустройствомъ Европы, въ которой все было взволновано, какъ будто послѣ урагана. — Польское войско, сражавшееся за Наполеона, осталось теперь безъ предводителя, безъ отечества,

и без всякой цѣли. Александръ Благословенный сжался надъ этими храбрыми, но заблудшими единоплемениками своими, принявъ это войско подъ свое покровительство и поручилъ въ начальство брату своему, цесаревичу Константину.

Варшавское герцогство такъ же незнало, что съ нимъ будетъ. Судя по естественнымъ слѣдствіямъ войны и побѣды, можно ожидать, что отъ нихъ потребуютъ величайшей контрибуціи, нарядятъ надъ ними судъ и военную расправу, которая кончится казью, или по крайней мѣрѣ ссылкой многихъ изъ нихъ. Они ожидали еще худшей участи, думая, что союзные государи раздѣлятъ герцогство на три части между собою. А потому депутаты отъ всѣхъ воеводствъ герцогства, тайно отъ нѣмцовъ, пришли ночью къ императору Александру, паки предъ нимъ на колѣняхъ, хватали цѣловать ноги его, и со слезами просили его, чтобы онъ не отдавалъ ихъ нѣмцамъ, но чтобы принялъ Польшу въ нераздѣльный составъ российской Имперіи. (1) Минута торжественная, монументальная, и едва ли не единственная въ исторіи польскаго народа! Жаль только, что такія минуты слишкомъ кратковременны, скоро забываются, и редко повторяются. (2)

Великодушный Александръ рѣшился воскресить Польшу, хотя, къ сожалѣнію, надобно признаться, что обыкновенные люди, хотябы даже и цари, не имѣютъ небеснаго дара и божественной силы воскресить умершихъ....

Въ концѣ 1814 года начался зѣ Вѣнѣ великій конгрессъ изъ государей и ихъ уполномоченныхъ. Надобно было перестроить Европу послѣ того всеобщаго разстройства, въ которое привелъ ее Наполеонъ. Между многими предметами конгресса не последнее мѣсто занималъ вопросъ о Польшѣ: быть ли ей, или не быть? Австрійскій и англійскій уполномоченные предложили раздѣлить варшавское герцогство на три равныя части между Австріей, Пруссіей и Россіей; но Александръ 1 велѣлъ объявить конгрессу, что министры могутъ, какъ имъ угодно, дѣлать Польшу,—

(1) Это событіе въ связи съ другими обстоятельствами достойно вниманія для насъ, потому что оно было причиною, что юго-западная Россія была оставлена въ прежнемъ положеніи до 1831 г.

(2) Очевидный свидѣтель этой минуты, покойный канцлеръ, графъ Н. П. Румяновъ разсказывалъ объ этомъ своимъ приближеннымъ, отъ которыхъ и мы слышали.

только напередъ надобно *выкинуть* оттуда русскія войска. Австрія, Франція, Англія и нѣкоторыя нѣмецкія державы, забывши, чѣмъ они обязаны своему благодѣтелю, императору Александру, во время того же конгресса составили между собою отдѣльный тайный договоръ, чтобъ общими силами не допустить соединенія Польши съ Россіей. (Теперь, когда уже прошло почти столѣтіе отъ этого договора, не знаешь: радоваться ли, или стѣновать должно на то, что эти державы не успѣли настоять на исполненіи своего намѣренія.) Александръ исполнилъ то, что обѣщаль полякамъ, и—варшавское герцогство (за исключеніемъ Познаньской области, отшедшей къ Пруссіи, и Кракова объявленнаго вольнымъ городомъ) было присоединено къ Россіи подъ именемъ *королевства*, или говоря правдѣ по—славянски, подъ именемъ *царства* польскаго. ⁽²⁾ Вѣвскій конгрессъ рѣшилъ, что *царство Польское присоединяется къ Россійской имперіи съ неограниченнымъ правомъ всероссійскаго императора дать ему учрежденіе такое, какое онъ самъ завладо-разсудитъ.*—

Александръ Благословенный имѣлъ полное право, раздѣливши Польшу на нѣсколько русскихъ губерній, сплотить ее въ одно тѣло съ Россіей,—и благоразумнѣйшіе поляки, какъ это ни горько было имъ, сами тогда по—тихоньку признавались, что въ этомъ состояло единственное средство сдѣлать ихъ счастливыми—хотя бы даже противъ ихъ воли. Но—Александръ даровалъ полякамъ, 12 Денября 1815 года, *учредительную хартию*; и хотя за это получилъ отъ нихъ единогласное названіе *воскресителя Польши*, однако въ самомъ этомъ названіи поляки сами себѣ произнесли приговоръ: ибо мертвые воскреснутъ нѣкогда только на страшный судъ Божій, а *иначе теперь невоскресаютъ.*—Какъ бы то ни было, но поляки сами себѣ почти не вѣрили отъ радости и восторга, получивши новое бытіе.—

Александръ I отказался отъ всѣхъ *коронныхъ имѣній*, принадлежавшихъ лично ему, какъ королю польскому, и обратилъ ихъ въ государственныя; равномерно и всѣ доходы царства предоставилъ въ пользу Польши. Для учрежденія въ Польшѣ *національнаго банка*, онъ даровалъ свои собственные капиталы,

(2) Слово *король* *król, króli*, произошло отъ имени *Карла Великаго* (Carolus). Собственное имя сдѣлалось нарицательнымъ. —

и тѣмъ содѣйствовалъ быстрому развитію всѣхъ отраслей промышленности. Устроилъ въ Польшѣ армію, арсеналъ, университетъ, гимназій и *обводовья* училища. — Поля, осушенные каналами, покрылись въ Польшѣ богатою жатвою; села и города обстроились; и по всему пространству царства возникли фабрики; обиліе и довольство съдѣлалось въ царствѣ повсемѣстны. Законы, дарованные Александромъ, водворили въ Польшѣ правосудіе, тишину, и всеобщую безопасность. *Въ 10 лѣтъ царствованія Александра благословеннаго народонаселеніе царства польскаго почти удвоилось.* ¹⁾

На исторіи позднѣйшаго времени лежитъ обязанность разсказать: *какъ* воспользовалась Польша такимъ благосостояніемъ подъ мирною сѣнью своей единоплеменницы — Россіи, и *какъ* она опередила и превзошла *даже* Австрію въ *благодарности* за благодѣянія.

Таже исторія должна будетъ разрѣшить и слѣдующій мудрѣйшій вопросъ: что это — за народъ такой русскій, который все терпитъ и переноситъ отъ своихъ недоброжелателей, и неблагодарность и клевету, и ненависть и брань, и даже выстрѣлы изъ — за угла, да не только переноситъ, но еще иногда и самъ какъ будто подтакиваетъ всѣмъ, устремленнымъ на него, оскорбленіямъ, — поглаживаетъ свою бороду и говоритъ, ослабляясь: «такъ — съ, такъ — съ, много благодарны за ваше вразумленіе, — мы действительно не стоимъ добраго слова, да и что добраго въ насъ есть? Вотъ вы, съ западной Европой, такъ ужъ подлинно сказать — вы наши отцы и благодѣтели, вы и насъ наставляте на путь истинный...»

Что это такое? «простота ли хуже воровства?» или — что либо другое неразгаданное?...

И. Булжисскій.

1) Императоръ Николай I началъ свое царствованіе въ Польшѣ такимъ благодѣяніемъ, на которое не рѣшился Александръ — ея воскреситель. Онъ призналъ, въ лицѣ Европы, ея автономію, торжественно короновавшись въ Варшавѣ короною польскіимъ королемъ, и Польша за это отблагодарила ему 1831 годомъ!

ПАДЕНІЕ ШЛЯХЕТСКАГО ГОСПОДСТВА ВЪ УКРАИНѢ ОБЪ- ИХЪ СТОРОНѢ ДНѢПРА, ВЪ XVII ВѢКѢ.

Окончаніе IV ѣ главы.

Лишь только Павлюкъ узналъ о низложеніи Томиленка и выборѣ Савы Кононовича на гетманство, онъ, по примѣру Конашевича-Сагайдачнаго, изъ кошевого атамана превратился въ гетмана войска запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра и распорядился по конашевичевски на счетъ Савы Кононовича, котораго считалъ похитителемъ гетманской власти. Выступивъ во всеоружіи въ Крыловъ, онъ отправилъ въ Переяславъ нѣсколько тысячъ «добрыхъ молодцовъ», подъ предводительствомъ Карпа Скидана и Семена Быховца. Войсковою проповѣдникъ при Николаѣ Потоцкомъ, Симонъ Окольскій, участвовавшій въ походѣ жолнеровъ противъ козаковъ, объясняетъ поступки павлюковцевъ одною злобою и, замѣству сравненіе изъ св. Берцата, говоритъ, что колесница злобы состоитъ изъ четырехъ колесъ, которымъ имена: жестокость, нетерпѣливость, смѣлость и безстыдство. Управляемые, по мнѣнію Окольскаго, всѣми этими страстями, Скиданъ и Быховець явились въ Переяславъ и прочіи тамошніи жители слѣдующій универсалъ своего гетмана:

»Павелъ Михновичъ Бутъ, гетманъ съ войскомъ его королевской милости Запорожскимъ.

»Пану отаману переяславскому и всему товариству, черни, то есть посполству, и всей братіи нашей добраго здоровья отъ Господа Бога искренно желаемъ. Увѣдомляемъ съ любовью нашихъ истинно преданныхъ намъ товарищей, что, съ позволенія и приказанія войска, посылаю въ Переяславъ двухъ пановъ полковниковъ, пана Карпа Павловича Скидана и пана Семена Бы-

ховца, по поводу великихъ войсковыхъ тягостей, и съ ними нѣсколько тысячъ войска его королевской милости Запорожскаго; о чемъ ваша милость, яко вѣрные наши товарищи, не тревожьтесь и сами надъ собой жсальтесь и вокругъ пановъ полковниковъ собирайтесь, а тѣхъ измѣнниковъ войсковыхъ, сколько ихъ есть у васъ, которыхъ панъ Жолкѣвскій угощалъ обѣдами, ужинами и банкетами, а она за то повыдавала ему нашихъ товарищей, и не одинъ изъ нихъ, съ обрѣзанными ушами, отправленъ былъ въ Гадачъ сыпать валы,—этихъ измѣнниковъ войсковыхъ не обороняйте; пусть ихъ поймають и приведутъ въ войско къ арматѣ для суда и расправы. Вы же, панове отаманы, объ этомъ не тревожьтесь и панамъ товарищамъ своимъ велите не тревожиться, а равно и панамъ мѣщанамъ; но помогайте намъ противъ этихъ измѣнниковъ, ибо эти измѣнники падѣлали много зла. Возстаньте все единодушно и, соединясь съ панамъ полковниками, приходите все въ войско. Тамъ мы посовѣтуемся между собой обо всемъ добромъ. Если королю его милости понадобится на какую нибудь услугу войско, то мы все готовы будемъ идти единодушно. Но, сохрани Богъ, еслибы вы вздумали оборонять этихъ измѣнниковъ и сами не захотѣли присоединиться къ войску; тогда мы двинемся въ Переяславъ со всемъ войскомъ и со всею арматою,—увидимъ тогда, кто будетъ оборонять нашихъ измѣнниковъ.» (1)

Переяславъ издавна былъ самымъ многолюднымъ и богатымъ козацкимъ городомъ. Поэтому-то дѣятельность королевскихъ комиссаровъ сосредоточена была преимущественно здѣсь. По этому онъ былъ сборнымъ пунктомъ для всехъ лѣвобережныхъ козаковъ. По этому и полковникъ переяславскій всегда бывалъ богаче и могущественнѣе другихъ полковниковъ. Переяславскіе мѣщане, предпочитая, какъ и все вообще мѣщане, козацкую юрисдикцію шляхетской, служили ему не малую подмогу въ трудныхъ обстоятельствахъ. Но Сава Коновичъ возвысился не въ силу избирательнаго начала и, покровительствуемый панамъ, естественно стремился дать перевѣсъ шляхетской привилегированной силѣ надъ силою народнаго самоуправленія (за что и Конецпольскій рекомендовалъ его королю, какъ человѣка «добраго,

(1) *Opisani, Dyaryusz, etc.* 12.

спокойнаго и рыцарскаго»). По этому онъ не нашелъ поддержки противъ Павлюковыхъ полководцевъ ни въ казакахъ, ни въ мѣщанахъ, а домашнія его средства оказались безсплыными противъ нѣсколькихъ тысячъ запорожцевъ. Слѣдствъ и Быховецъ, схвативъ его вмѣстѣ съ писаремъ Опушкевичемъ и многими другими старшинами, забрали на войско все движимое ихъ имущество и представили вмѣстѣ съ ними своему гетману, который поджидалъ исхода переяславскаго дѣла за Дибровъ, въ мѣстечкѣ Боровицѣ, принадлежавшемъ князю Вишневецкому. Войсковою судъ надъ ними былъ скоръ и рѣшителенъ: самозванецъ-гетманъ и лукавый писарь (котораго не даромъ Адамъ Кисѣль рекомендовалъ коронному гетману) были разстрѣляны на выгонѣ, передъ мѣстечкомъ, прочие тоже лишены жизни разными способами. Между тѣмъ запорожцы продолжали преслѣдовать козаковъ, преданныхъ шляхетскому правительству. Богатѣйшіе старшины, захвативъ съ собою кой-какое имущество, скрывались по лѣсамъ, въ которыхъ у нихъ заведены были хутора съ пасеками; но завзятые Павлюковцы находили ихъ и въ этихъ убожищахъ. Раздѣлившись на небольшіе отряды, они наполняли ужасомъ и смятеніемъ всѣ зажиточныя козацкія семейства; помирившіяся съ панскими порядками. Мы знаемъ, какова была военная шляхта въ отношеніи къ мирнымъ жителямъ. Козаки были ученики жолверовъ и не уступали своимъ образцамъ ни въ жестокосердіи, ни въ хищничествѣ, (1) особенно, когда поступки ихъ оправдывались местью надъ врагами украинской республики, надъ угодниками ея притѣснителей и надъ личными своими врагами. На этотъ разъ грабежъ прикрывался еще заготовленіемъ разныхъ снарядовъ и запасовъ для предстоящей войны. Одинъ изъ отрядовъ, «грасовавшихъ» по окрестностямъ Переяслава для отысканія «отчизныхъ недруговъ и лядекныхъ похлѣбцевъ», наскочилъ на засаду. Илья Караморичъ, богатый реестровый товарищъ переяславскій, схватилъ двоихъ изъ своихъ преслѣдова-

(1) Конецпольскій, аттестовавшій такъ хорошо военную шляхту (см. главу I), приглашалъ казаковъ на помощь коронному войску, считалъ необходимымъ назначить къ нимъ на время похода комиссара, который бы защищалъ отъ нихъ убогихъ людей во время переходовъ. Объ этомъ писалъ онъ къ королю отъ 14-го августа,

телей, Смолиту и Ганжу, отважных морских вожаков павлюковых флотилій, и привезъ изъ къ Конецпольскому, подъ прикрытїемъ нѣсколькихъ десятковъ преданныхъ себѣ казаковъ. Доставленные имъ коронному гетману вѣсти изъ Украины обивъ сторонъ Днѣпра ужаснули шляхетское правительство. Павлюковцы грабили не только козацкіе, но и шляхетскіе дома. Дворы знатныхъ пановъ и шляхетскіе города находились въ большой опасности. Многие паны уходили уже изъ своихъ имѣній. Другіе ограблены въ своихъ замкахъ до нищеты и съ каждымъ днемъ опасаются новыхъ и новыхъ ужасовъ. Запорожцы угрожаютъ костеламъ огнемъ, а есендзамъ и монахамъ—саблею. Ходитъ между ними молва о вызовѣ въ Украину донцовъ, о сординеніи съ татарами, о признаніи своимъ паномъ *Московского* (какъ они называли царя) и о походѣ на море, для котораго заготовили уже 50 чаекъ (1). Между тѣмъ чернь и всѣ своевольные люди собираются къ Павлюку въ Черкасы, чтобы получить отъ него право на козацкое званіе, — право, освобождавшее отъ ненавистной народу шляхетской юрисдикціи и отъ неволи, въ которой деспотическіе владѣльцы городовъ и селъ держали такъ называемыхъ своихъ подданныхъ.

»Предупреждая дальнѣйшее зло, говоритъ наивно-лестливый историкъ панскихъ подвиговъ Окольскій, бдительный его милость панъ гетманъ прежде всего разослалъ къ рсестровымъ козакамъ такіе универсалы:

»Станиславъ на Конецполю Конецпольскій, каштелянъ краковскій, гетманъ великій коронный, русскій, барскій, ковельскій, перелславскій и проч. староста.

«Всѣмъ вообще ихъ милостямъ панамъ старостамъ, державцамъ, подстаростіимъ, намѣстникамъ и урядникамъ украинскимъ объявляю. Получилъ я извѣстіе, что, не взирая на притягу, вѣру, добродѣтель и долгъ послушанія маестату его королевской милости, нѣкоторые злодѣи произвели въ запорожскомъ войскѣ бунтъ и, совершивъ надъ своими старшими ужасныя преступленія, привлекаютъ къ себѣ много своевольныхъ людеи. Чтобы остановить дальнѣйшія неистовства, убѣждаю именемъ его королевской милости, что бы тѣхъ, которые примѣшались

(1) Okolsky, *Dyaryusz*, etc. 14.

къ этой своевольной купѣ и не раскаются съ этого времени въ теченіе двухъ недѣль, не считать больше козаками, не дозволить имъ пользоваться никакими вольностями, принадлежащими козакамъ, вписаннымъ въ реестръ и исполняющимъ свои обязанности, всячески ихъ преслѣдовать и отсылать ко мнѣ. Если бы же вы не могли ихъ схватить, то чтобы карали ихъ на ихъ женахъ и дѣтяхъ, а дома ихъ обращали въ ничто. Лучше пусть на томъ мѣстѣ растетъ бурьянъ, нежели будутъ размножаться измѣнники его королевской милости и Рѣчи Посполитой» (1).

Когда знаешь, какъ стояли тогда вещи въ Украинѣ, какъ переполюжились всѣ паны по обѣимъ сторонамъ Дѣпра; то нельзя читать безъ улыбки этого грознаго универсала, написаннаго Богъ знаетъ какъ далеко отъ Украи—въ Барѣ, между одной и другой шумной магнатской трапезою. Когда знаешь характеръ козаковъ и вѣхъ, стремившихся освободиться отъ панской юрисдикціи, лучше, нежели знали надменные магнаты; то дивишься, какъ слѣпо поджигали они пожаръ, который старались погасить. Каждый панъ, увѣренный въ близкомъ торжествѣ шляхетскаго права, естественно позволялъ себѣ, послѣ подобнаго возванія, что способствовало къ увеличенію его богатства на счетъ козацкихъ семействъ. Каждый козакъ, надѣявшійся на повсемѣстность возстанія или отчаявшійся въ примиреніи съ властями, долженъ былъ, послѣ такой прокламаціи, предавать огню и мечу все, что напоминало ему миновавшія притѣсненія или грозили нарою въ будущемъ. Такимъ образомъ пропасть, раздѣлявшая двѣ разнородныя республики, расширялась болѣе и болѣе, и не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать панской и козацкой Украинѣ то, что ей предсказывали (2) и что сбылось—на вѣчно горѣ одного и другого общества, одного и другого народа.

Заглянемъ теперь въ письмо *бдительнаго* гетмана, писанное имъ къ королю чрезъ четыре дня послѣ приведеннаго нами универсала: Онъ доноситъ, что войска турецкія прибли-

(1) Id.

(2) См. Варшавскій Анонимъ, изд. Войццикимъ, I, 163. Онъ уже въ 1632 году предсказывалъ то, возможность чего не представлялась Конецпольскому и во времена Павлюка и Остриацы.

жаются уже къ Тегинѣ, что для Крымцевъ готовится ужь переправы на Днѣпръ и что вскорѣ будетъ извѣстно навѣрно, куда двинется вся эта сила. «Съ нашей же стороны, писалъ Конецпольскій, приготовленія идутъ очень медленно; потому что жолнеры, по причинѣ страшной дороговизны съѣстныхъ припасовъ, не слишкомъ спѣшатъ къ обозу. Паны помогавшіе отъ собственной охоты войску вашей королевской милости, еще не отзываются, кромѣ одного ево милости пана воеводы русскаго, который собралъ уже своихъ людей. Была надежда на козаковъ, но и та исчезаетъ послѣ того, какъ этотъ наѣздникъ Павлюкъ вышелъ изъ Запорожья въ Украину. (Тутъ онъ рассказываетъ объ участи Савы Коновича и пр.) Потому послалъ я къ нимъ ротмистровъ вашей королевской милости пана Коморовскаго и пана Сокола, чтобы отуманивъ ихъ еще какъ-нибудь еообразно съ обстоятельствами (*etiam dissimulando accommoduac sic szasowi*), успокоили между ними волненіе и пригласилъ ихъ на службу вашей королевской милости. Но мало надежды, чтобы вышло что нибудь доброе изъ разыгравшейся такимъ образомъ сваволи.»

Сообразно съ обстоятельствами, польскіе государственные люди готовы были на все— и на угрозы, скрывающіе безсиліе власти, и на потачку, уничтожающую все ея достоинство, и на обманъ; къ какому прибѣгаютъ илюхіе гувернеры съ непослушными дѣтьми. Политика съ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ начала вримѣняться къ Павлюку. *Dissimuland*), его приглашаютъ на помощь коронному войску, глядя сквозь пальцы и на морскіе походы, которыми очевидно предводительствовали его подручники, какъ Смолыга и Банжа, обвиненные въ этомъ Ильєю Караимовичемъ, и на казнь гетмана реестровыхъ козаковъ, переданныхъ правительству, и на присвоеніе титула гетманскаго, и на все, что совершилось въ Украинѣ послѣ недавняго возстанія.

Полды Конецпольскаго застали Павлюка въ Чигиринѣ, на пути въ кошъ ароматю. Въ Украинѣ онъ оставлялъ на своемъ мѣстѣ переданныхъ себѣ полковниковъ, Скидана и Быховца, для приготовленій къ войнѣ съ короннымъ войскомъ, а самъ считалъ полезнымъ сидѣть по ближе къ татарамъ, на которыхъ рассчитывалъ, въ случаѣ крайности. Притомъ же въ этой позиціи онъ былъ страшенъ для пановъ со стороны Турціи, которую могъ поднять къ походу въ Польшу морскимъ побѣгомъ; а у

него, какъ мы знаемъ, было уже заготовлено 30 чаетъ. Одинъ изъ королевскихъ ротмистровъ, панъ Коморовскій, по отъѣзду Окольскаго, очень хорошо зналъ Украину и козаковъ, и на него-то больше всего рассчитывалъ Конецпольскій. Въмѣстѣ съ паномъ Соколомъ, онъ принялся убѣждать Павлюка сложить съ себя гетманство. Но Павлюкъ отвѣчалъ, что дѣйствуетъ по волѣ всего войска и безъ его воли, не можетъ отказаться отъ старшинета. По мнѣнію Окольскаго, этого *хлопа* ослѣпляла *cupiditas dominandi* (страсть къ гбеударству), которую шляхта считала законною только въ своемъ сословіи. Хорошо, однакожь, зналъ панъ Коморовскій козаковъ, если могъ думать, что они, выбившись изъ подъ панскаго деспотизма и стоя во всеоружіи возстанія, способны, безъ кроваваго принужденія, признать господство, противное основному ихъ правилу, что гдѣ соберутся два козака, тамъ они могутъ судить третьяго (!) Такъ всѣ паны разумѣли тѣхъ, отъ которыхъ зависѣла судьба ихъ сословія и будущее Польши вообще. Несчастное презрѣніе къ *хлопамъ* ослѣпляло ихъ во всѣхъ транзакціяхъ съ козаками еще больше, нежели *cupiditas dominandi*. Послы Конецпольскаго, какъ истинные представители пакства, наивно повторяли передъ Павлюкомъ избитыя уже смѣшныя фразы: что козаки, настаивая на своей независимости отъ распоряженій панской республики, рискуютъ своими вѣльностями, своими почетными званіями въ войскѣ, своимъ имуществомъ и наконецъ потерю самаго имени запорожскихъ козаковъ на вѣчныя времена (?). Когда же убѣдились паны ротмистры, «опытныя въ сношеніяхъ съ козацкими», что для козаковъ ихъ рѣчи были все равно, что вѣтеръ, ови-стѣящій мимо сухого дерева, то начали зазывать ихъ на службу его королевской милости. Павлюкъ былъ не пречъ явиться надъ

(1) Вспомнимъ первыя слова козацкаго договора съ Москвою: «Въ началѣ изволь твое царское величество подтвердить права и вольности наши войсковыя, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ Запорожскомъ, что своими правами суживалися и вольности свои имѣли въ добрахъ и въ судахъ, — чтобъ ни воевода, ни бояринъ, ни стольникъ въ суи войсковые не вступалися, но отъ старшихъ своихъ чтобъ товариство сужены были, — гдѣ два челоуѣка козаковъ, тогда третьяго судити должны», *собр. Госуд. Грам. и Догов.*

(2) Okolski, *Dyaryusz*, etc. 15

Бугомъ или Днѣстромъ въ томъ видѣ, какъ являлся Кошаевичъ-Сагайдачный, и одною численностію своего войска доказать равенство украинско-козацкой республики съ польско-шляхетскою; но просилъ, чтобы ему сперва прислали булаву, знамя и литавры вмѣстѣ съ королевскою грамотою. »Знамена наши обветшали, говорилъ онъ, и мы не хотимъ ходить слѣдомъ за шматьемъ». Сегласиться на это не могъ Конецпольскій, не унижая достоинства всей Рѣчи Посполитой, или другими словами—не давая хлопамъ права овладѣть всеѣмъ, что отняла у нихъ шляхта. Послы воротились къ нему ни съ чѣмъ и привезли на бумагѣ оправданія и требованія козацкія, за подписью новаго войскового писаря, Стефана Домарадскаго.

Въ этомъ актѣ Павлюкъ объясняетъ, что онъ вышелъ изъ Запорожья для того, чтобы вступить за убогихъ людей, на которыхъ напали покровительствуемые шляхетскимъ правительствомъ старшины козацкіе и, подъ видомъ законныхъ сборовъ на содержаніе войска, давали себѣ волю притѣснять и грабить беззащитныхъ, а также и для того, чтобы покарать виновныхъ въ непослушаніи войску запорожскому и въ оскорбленіи его достоинства. На этомъ основаніи, писалъ онъ, казенъ и дохититель гетманской власти Сава Кононовичъ съ своими соучастниками. Онъ выражаетъ надежду, что все это не будетъ вмѣнено ковакамъ въ грѣхъ со стороны короннаго гетмана, такъ какъ они не сдѣлали ничего противнаго маестату его королевской милости. Другими словами это значило: что королю нѣтъ дѣла до козацкаго самоуправленія, лишь бы козаки служили ему противъ общихъ враговъ. Далѣе онъ свидѣтельствовалъ, въ общихъ мѣстахъ, свое почтеніе и преданность коронному гетману, но на его предложеніе—загладить свои проступки готовностію, мужествомъ и отвагою, являсь на помощь коронному войску,—отвѣчалъ: во-первыхъ, что не было извѣстно это приглашеніе раньше и потому они вышли на Украину тодько съ малою частью войсковою арматы; во вторыхъ, что у нихъ ужъ нѣтъ знаковъ королевскихъ, то есть хоругви, булавы, бубновъ, и имъ стыдно ходить слѣдомъ за обносками старыхъ знаменъ, и, наконецъ, въ третьихъ, что армата козацкая находится въ разстроенномъ состояніи и лошади арматныя—весьма слабы для дальняго похода. Въ заключеніе онъ напоминалъ о королевскомъ обѣщаніи отпускать деньгу изъ государственнаго казначейства

на содержание козацкой арматы и писалъ, что еслибы козаки получили это вспоможеніе да королевскіе знаки, то немедленно выступили бы изъ коша всёмъ войскомъ проливать кровь свою за достоинство его королевской милости и дѣлать Рѣчи пос-политой.

Это требованіе предъявлено было послѣ того, какъ коронный гетманъ писалъ королю, что не можетъ вывести войска въ поле, пока король не расплатится съ нимъ за нѣсколько недоплаченныхъ четвертей года, что отечеству угрожаетъ *immi- penitissimum regisculum* по недостатку денегъ и что онъ готовъ сдѣлать манифестацію предъ всёмъ королевствомъ, что войско не по его винѣ не выведено въ поле. Павлюкъ не былъ такъ вѣстъ, какъ его до сихъ поръ воображали. Онъ умѣлъ подмазаться затруднительными обстоятельствами шляхетской республики, сохраняя видъ некорнаго слуги его королевской милости и показывая коронному гетману видѣнныя знаки почтенія, безъ мажѣйшей уступки въ своихъ правахъ и требованіяхъ. По его расчету, паны неизбежно должны были воевать съ Турціею, а въ такомъ случаѣ они не могли не предоставить ему такого господства въ Украинѣ, какимъ пользовался Конацпольскій-Саргайдачскій, и тогда козацкая юрисдикція объяла бы въ Украинѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, всѣхъ несоблазненныхъ привилегіями шляхетства, всѣхъ незаклейменныхъ панскими гербами. Такъ долженъ былъ думать Павлюкъ, удалясь на Запорожье, гдѣ продолжались приготовления къ морскому походу, гдѣ гостили у него донцы-молодцы и откуда ему удобно было вести переговоры съ татарами. По крайней мѣрѣ въ этомъ убѣжденъ былъ Конацпольскій, который писалъ отъ 21 сентября къ королю, что динь только весной тронется на Днѣпрѣ ледъ, козаки непременно спустятся огромною флотиліею на море и втянутъ Польшу въ турецкую войну, которая ужъ отчасти и началась. »По этому, продолжалъ онъ, надобно вамъ воспользоваться зимнимъ временемъ. Хотя въ Украинѣ теперь большой неурожай, но еслибы двинуть въ нее войско, которое бы предупредило строгіе универсалы вашей королевской милости, то навѣрное козаки принуждены были бы возвращаться въ свои дома (то есть поспѣвали бы спасти свои семейства и имущества отъ истребленія). Тутъ бы легче было привести ихъ въ повиновеніе, а съ весны мы бы вложили имъ въ ротъ мундѣ-

штукъ на Кодакъ, который если хорошенько вооружить, то, я увѣренъ, козаки не будутъ больше становиться на-дыбы. Но если не будетъ у насъ войска больше нынѣшняго и оно не въ силахъ будетъ противостать многочисленнымъ бунтовщикамъ, то мудрено объ этомъ и думать. Въ такомъ случаѣ не благоразумно и унижительно было бы для насъ отдавать силы Речи Посполитой на поруганіе хлопамъ, а лучше ужъ назначить зимнія квартиры гдѣ нибудь по глубже въ Польшѣ, хотя это тоже будетъ сопровождаться большими для насъ неприятностями, потому что въ тѣхъ краяхъ мы не знаемъ, какъ сохранить въ теченіе зимы нашихъ подданныхъ отъ голодной смерти: гдѣ же тутъ возможность содержать войско?»

Между тѣмъ чернь, нерабочіе панскіе подданные, выписчики и непослушные реестровые козани, обрадовавшись замѣшательству мѣстныхъ властей шляхетскихъ, быстро собирались въ кѹпы, набѣжали на панскіе дворы, на города и замки, составлявшіе имѣнія князя Іереміи Вишневецкаго и другихъ украинскихъ магнатовъ, бунтовали подданныхъ противъ пановъ, изпровергали заведенную шляхтою администрацію и, кто только когда-либо козакивалъ, кто только былъ способенъ владѣть оружіемъ, всѣхъ вписывали въ реестръ и грозили местью панамъ, которые бы осмѣлились препятствовать своимъ подданнымъ готовиться къ войнѣ. Окольскій приводитъ въ своемъ современномъ разсказѣ слѣдующій листъ, писанный въ этомъ смыслѣ полковникомъ Свиданомъ къ Адаму Кисѣлю.

»Ясновельможный мости пане Кисѣль, пане подкоморій черниговскій! Свидѣтельствуя вамъ наше рыцарское усердіе и готовность къ услугамъ во всемъ, пишу о товарищахъ Запорожскаго войска, которые живутъ въ Дѣвицѣ, имѣніи вашей милости, чтобы, продавши свою худобу, какъ можно скорѣе пришли по ближе къ войску и чтобы съ вашей стороны не было имъ въ этомъ препятствія. Они бывали на службѣ короля его милости, и могутъ ли не имѣть воли распоряжаться своими худобами? Надѣюсь, что ваша милость ни въ чемъ не будете имъ препятствовать и усмирять ихъ. Войско и я самъ готовы за это васъ награждать. Въ Чигиринѣ, 27 октября, 1637 г. Карпъ Павловичъ Скидонъ, полковникъ войска его королевской милости Запорожскаго, на всей Украинѣ.«

»Такихъ листовъ говоритъ Окольскій, разослано было множество и къ другимъ державцамъ. Нѣкоторыхъ, пріѣхавъ толпою въ городъ, козаки увозили съ собою насильно. Другимъ оставляли въ домахъ (въ знакъ войскового повелѣнія) кѣи и палки, вмѣсто *комышинъ* (бунчуковъ) ⁽¹⁾; а инымъ приказывали готовить и выдавать для козаковъ одежду и сабли, огнестрѣльные снаряды, лошадей и съѣстные припасы. Какъ то тяжело было терпѣть все это вольной шляхтѣ отъ подданныхъ и хлоповъ, но, по обычной своей политикѣ, она кой-какъ терпѣла, то откладывая, то общая, лишь бы выиграть время. Но съ чуждыми всякой политикѣ, грубыми хлопами не поможетъ ни какая политика, и потому его милость панъ подкоморій черниговскій, за Коростелемъ и Пирогомъ, и его милость панъ староста овручскій, при всемъ своемъ богатствѣ и средствахъ къ защитѣ, не рѣшились противиться взбунтовавшимся подданнымъ своимъ, Муркѣ и Носку, и принуждены были спастись бѣгствомъ изъ своихъ имѣній, объѣзжая большую дорогу. То же самое дѣлала и другіе паны, а особливо въ Вишневчинѣ. Личная жизнь лучше шелковой смерти. Но у такого хлопства и смерти шелковой нѣтъ; напротивъ, она полна всякаго безчестія и тиранства ⁽²⁾.

Пока еще возстаніе народа украинскаго противъ польской и ополяченной шляхты не проявилось во всѣхъ своихъ чертахъ, Павлюкъ отправилъ къ Конецпольскому послами отъ запорожскаго войска Василя Бѣлоцерковца и Степана Зосименка, своего зятя. Врученный имъ листъ былъ почти повтореніемъ того, что было писано черезъ его собственныхъ пословъ, Коморовскаго и Сокола, но одно мѣсто въ немъ характеризуетъ козацкія понятія объ отношеніи магнатовъ къ государству, какъ са-

(1) Слово *комышина* употребляется въ этомъ смыслѣ и у Окольскаго, и въ рукописяхъ Петербургской публичной библіотеки; но въ польскомъ словарѣ Ливде его нѣтъ. Надобно думать, что встарину мохнатые прутья комыша употреблялись такъ точно, какъ и искусственные бунчуки, и что по этому безразлично назывались бунчуки *комышинами*, хотя бы даже рѣчь шла объ избраніи гетмана по врученіи ему знаковъ его достоинства.

(2) *Dyaryusz, etc.* 16.

мостоятельныхъ королевъ къ общей федераціи подъ главенствомъ самаго богатаго магната—короля. (На свою республику они также смотрѣли, какъ на *status in statu*, и потому не считали дѣломъ преступнымъ сражаться съ тѣми силами, какія выставляла противъ нихъ панская федерація). Павлюкъ, упоминающая о переяславскомъ дѣлѣ, говоритъ, что въ староствѣ Конецпольскаго никому не причинено убытка, такъ что козаки, схватившіе Саву Коновича, не взяли въ Переяславщинѣ ни у кого и хлѣба даромъ. Этимъ фактомъ онъ всего больше на- жился смягчить короннаго гетмана въ пользу Смолыги и Ганжи, о которыхъ пощадѣ ходатайствовало войско.

Мы знаемъ изъ переписки Конецпольскаго съ королемъ, въ какомъ жадкомъ состояніи находилось коронное войско, котораго не на что было содержать и котораго нечѣмъ было прокормить въ теченіе зимы. Въ отвѣтъ своемъ на козацкій листъ, Конецпольскій запугиваетъ украинскую республику такими словами: »Еслибы вся Украина взбунтовалась и соединилась съ вами, то не воображайте, чтобы такъ были слабы силы Рѣчи Посполитой, чтобы она не только не могла васъ усмирить, но истребить. По милости Божіей, она до сихъ поръ не только давала отпоръ великимъ монархамъ, но приводила ихъ въ затруднительное положеніе и завоевала саблю цѣлые народы.« Пѣтушась такимъ образомъ передъ козаками, чрезъ которыхъ давно бы москали открыли себѣ въ Польшу путь съ сѣвера, а турки съ юга, великій коронный гетманъ негодовалъ на то, что они «берутъ украинцевъ подъ свою опеку, которая принадлежитъ одному только королю, такъ какъ онъ призванъ на это отъ Господа Бога, и этимъ» нарушаютъ права Божіи, права королевскія, права Рѣчи-Посполитой «(то есть права такихъ, какъ онъ, самовластныхъ пановъ.» Если вы забыли, продолжалъ онъ, круковскую комиссію, то или ее снова прочитайте, или, если не хотите ее понять, то я вамъ буду ее читать и объяснять. На Запорожьи должна находиться обыкновенная стража для наблюденія за переправами и для добыванія вѣстей о татарахъ. Старшій долженъ находиться при полкахъ, живущихъ въ городахъ и волостяхъ его королевской милости. Ему ввѣрена армата, ему предоставлено управленіе и всякая власть надъ войскомъ. Войсковые знаки и пословъ не трудно прислать къ вамъ его королевской милости; потребовать этого не надле-
жа-

нимъ отъ государя дѣло не только неприличное, но и вредное. Кто монарху и пану своему предписываетъ право? Кто можетъ ему приказывать? Если не будете исполнять своихъ обязанностей относительно маестата его королевской милости и Рѣчи Посполитой, если не будете соблюдать постановленій круковской комиссіи, то знайте, что вся Рѣчь Посполитая займется тѣмъ, чтобы не только ужъ больше не терпѣть вашего своевольства, но истребить и самое имя козацкое. Припомните себѣ круковщину, переяславщину, которая, по милости небольшого числа вихреватыхъ головъ, пожрала такое множество добрыхъ молодыхъ. Ибо у его королевской милости сабля длинная, и не защитятъ васъ отъ нея покрытыя зарослями дороги (1). Не поддавайтесь наущеніямъ тѣхъ, которые ведутъ васъ къ окончательной вашей гибели. Окажите должное послушаніе тому старшему, который будетъ назначенъ вамъ отъ его королевской милости, а не тому, который самъ себѣ присвоитъ несправедливую власть. Отдайте ему орду и клейноты, которыми неприлично овладѣла своеволя, а при этомъ сожгите всѣ ваши чайки и возьмите мѣры, чтобы морскихъ походовъ не было. Пусть злобный бунтовщикъ, которому не нравится благочестивое пановашье его королевской милости, ищетъ себѣ иной земли, иного пана, а васъ пусть не туманитъ и не доводитъ до послѣдняго столкновенія съ жолнерами.

Когда Конецпольскій писалъ этотъ отвѣтъ (26 октября), между радными панами и королемъ было уже рѣшено задобрить во что бы то ни стало турокъ и обратить коронное войско на козаковъ. Сохранилась копія переписки короля съ крымскимъ ханомъ, которому турецкій султанъ поручилъ это дѣло. Точная цифра денегъ, посланныхъ хану, не была почему-то обозначена въ подлинникѣ (оставленъ въ копіи пробѣлъ), но видно не мало было отправлено, когда по договору съ ханомъ деньги должны были быть доставлены въ Бакчисарай на *возахъ*.

(1) Конецпольскій намекаетъ на козацкій обычай заставлять коронное войско гоняться за козаками по лѣсамъ и топкимъ зарослямъ, которыми тогда была еще полна Украина и которые затрудняли передвиженіе артиллеріи и тяжелыхъ возовъ, безъ которыхъ паны не ходили въ походы, не любя ни въ чемъ себѣ отказывать.

Королевская канцелярія, посылая тяжкую для Польши дань врагамъ христіанства, включила въ письмо къ хану слѣдующую истинно шляхетскую фразу: »Но знай, что мы это дѣлаемъ не по обязанности, а по доброй волѣ своей, въ награду за твою пріязнь.» Заплативъ хану и султану *по доброй волѣ* огромную сумму, шляхетское правительство не имѣло денегъ для войска, которое должно было двинуться противъ козаковъ, и прибѣгнуло къ обычной своей уловкѣ—обѣщанію выдать жалованье тогда-то и тамъ-то. Много было ропоту и угрозъ со стороны жолнеровъ. Великій коронный гетманъ не смѣлъ явиться въ войско и поручилъ уладить съ нимъ дѣло лицу, менѣе ответственному коронному гетману, Николаю Потоцкому. Войско разошлось бы тутъ же по домамъ, но, не дослуживъ четверти, на которую присягнуло, повиновалось нехотя гетманскому приказанію выступить въ новый походъ. За то рѣшились по окончаніи четверти, въ концѣ ноября, составить войсковою союзъ (*związek*) и постоять за свои права противъ короля и его рѣднихъ пановъ. Это пахло возстаніемъ, подобнымъ козацкому, и потому паны не радовались избавленію своему отъ турецкой войны: они находились теперь въ болѣе затруднительномъ положеніи, нежели когда-либо. Республикѣ ихъ угрожала полная анархія и самая гибельная безурядица.

Не весело и жолнеры направляли стопы свои по словеси панскому. «Косо (*non dextro oculo*) поглядывали они на дорогу отъ Дитетра до Дѣлпра, говоритъ Окольскій. Одни припоминали себѣ *experientia docti* (наученные опытомъ) круковщину, Медвежьи Лозы и неоднократныя битвы подъ Переясловомъ, что съ этими бунтовщиками война не очень легка, коротка и безопасна. Другіе размышляли о недавней сеймовой конституціи, по которой они должны были быть распущены отъ колесъ изъ обоза. Третьи желали не служить далѣе конца четверти, какъ объ этомъ они объявили и пану польному гетману въ генеральномъ сборѣ, предъ выступленіемъ изъ лагеря. Всю надежду возлагали паны на Божіе покровительство, которое со временемъ можетъ послать спасительное средство въ безнадежномъ положеніи дѣлѣ,» (1)—и, какъ каждый (прибавилъ отъ

(1) *Dyaryusz, etc.* 17.

себя) воображаетъ себя Бога по своему, то шляхта и не сомнѣвалась, что *шляхетскій Богъ* вступится за шляхетскіе интересы.

Все войско, стоявшее надъ Днѣстромъ, въ ожиданіи турокъ, раздѣлено было на три полка, и каждый полкъ шелъ особою дорогою: одинъ—на Винницу, Погребище и Бѣлополье; другой—на Лытинъ и Острожокъ, мимо Махновки; третій—на Тывровъ и Липовець, вѣво отъ Бѣлой Церкви. Вести все войско одной дорогою значило бы опустошить въ концѣ королевскія, шляхетскія и духовныя имѣнія, черезъ которыя она пролежала, потому что жолнеры, не получая заслуженнаго жалованья, считали себя въ правѣ брать контрибуцію съ тѣхъ, кого они защищали отъ непріятелей. Имѣя при себѣ такъ называемые *почты*, то есть почетную дружину, состоящую изъ домашнихъ слугъ (вѣчто въ родѣ волонтеровъ подъ названіемъ *luznych*, то есть праздношатающихся, вольныхъ), каждый *жолнеръ* или *товарищъ* разсмалъ ихъ по сторонамъ дороги въ видѣ татарскихъ загоновъ для мародерства, и этимъ способомъ вознаграждалъ себя за службу *отечеству*,—слово, имѣвшее въ Польшѣ не опредѣленное значеніе, по причинѣ взаимной враждебности ея національностей, вѣроисповѣданій, сословій и корпорацій. Кромѣ жалованья, извѣстнаго подъ названіемъ *кварты*, отпускавшагося на каждаго товарища, правительство выдавало еще *супплементъ*, или дополнительную сумму на пополненіе войска почтами, или почетными дружинами. Въ послѣднее время, нуждаясь въ деньгахъ, оно постановило уменьшить почты, то есть ограничить число волонтеровъ, сопровождавшихъ каждаго пана товарища. Жолнеры приняли эту мѣру, какъ оскорбленіе ихъ личнаго достоинства, какъ униженіе ихъ въ глазахъ козаковъ; и громко упрекали Рѣчь Посполитую въ неблагодарности. Приѣдя на мѣсто, подъ Бѣлую Церковь, на границу козацкой Украины, они занялись совѣщаніями въ такъ называемыхъ рыцарскихъ *колахъ*, или кругахъ, о томъ, какъ имъ постоять за себя противъ злоупотребленій высшаго класса дворянъ или собственно такъ называемыхъ пановъ. Польскій гетманъ Николай Потоцкій не могъ и думать о томъ, чтобы вести ихъ на козаковъ при такихъ обстоятельствахъ. Онъ проживалъ въ своихъ имѣніяхъ и три раза ѣздилъ въ Баръ, на совѣщанія съ великимъ короннымъ гетманомъ о томъ, какимъ бы образомъ удержать войско на

службѣ, послѣ окончанія четверти, которая истекала въ двадцатыхъ числахъ ноября. Конецпольскій между тѣмъ свосился съ королемъ и убѣждалъ его оставить при жолнерахъ почты еще на одну четверть, пока кончится война съ козаками, и обратиться на супплементъ жалованья, которое слѣдовало реестровымъ козакамъ, за 1637 годъ, такъ какъ они морскими походами, избіеніемъ вѣрныхъ правительству старшинъ, отказомъ придти на помощь коронному войску и своимъ бунтомъ потеряли на него право. Тревожилъ обонхъ коренныхъ гетмановъ больше нежели возстаніе козацкое, зтотъ, какъ они выразительно называли *fremitus* (грозный шумъ) въ войскѣ. Полковники доносили Николаю Потоцкому, подласкиваясь къ нему при семъ удобномъ случаѣ, что развѣ только власть вождя да любовь къ нему войска могутъ успокоить жолнеровъ, и умоляли его поскорѣе пріѣхать въ лагерь, пока онъ не развѣхался по домамъ въ виду непріятеля. Потоцкій писалъ къ Конецпольскому, что надобно во что бы то ни стало успокоить жолнеровъ полнымъ супплементомъ, потому что ихъ конфедерация и отрѣченіе отъ дальнѣйшей службы сдѣлаютъ козаковъ еще болѣе опасными для Рѣчи Посполитой. Жолнеры между тѣмъ бушевали въ лагерь и бранили пановъ за ихъ скардность, по поводу ограниченія почтовъ: «Мы теперь еще нужны имъ, и они, не заплативъ намъ выслуженныхъ денегъ, прогоняютъ насъ: чего то ожидать намъ на будущее время?».

Не дождавшись королевской резолюціи, такъ какъ на выдачу изъ казначейства денегъ каждый изъ рѣдкихъ пановъ былъ—выражаясь ихъ же языкомъ—*anxius y trudny bardzo* (нерѣшителенъ и очень туго), польскій коронный гетманъ Потоцкій явился въ Бѣлую Церковь 22 ноября, когда уже кончилась четверть года, которую жолнеры обовязались прослужить на извѣстномъ жалованьи и супплементѣ. Много было потеряно драгоцѣннаго времени по пусту, отъ безпорядочной системы управленія военными силами государства. Какъ хорошій полководецъ, онъ понималъ это вполне и желалъ по крайней мѣрѣ теперь, когда козаки еще не успѣли соединиться и окончательно приготовиться къ войнѣ, ударить на нихъ всеми своими силами; но къ нему явились отъ нѣкоторыхъ хоругвей послы съ вопросомъ: какъ они могутъ идти далѣе въ Украину, когда они ужъ дослужили четверти? Само собою разумѣется, что польскій

гетманъ, отъ имени короля и Рѣчи Посполитой, приглашалъ пановъ жолнеровъ продолжать службу еще четверть. »А гдѣ же плата за нашу службу? Гдѣ ассигурація короля и Рѣчи-Посполитой на новую четверть? Гарантируютъ ли намъ службу съ полными почтами и съ полнымъ на нихъ супплементомъ?« Потоцкій приготовился отвѣчать на всѣ эти вопросы. Онъ убѣждалъ жолнерскихъ депутатовъ продолжать службу еще три недѣли, пока получится королевская резолюція и идти противъ козаковъ, а за жалованье ручался своимъ гетманскимъ словомъ. Мало значило бы это слово въ глазахъ раздраженныхъ жолнеровъ, когда бы его милость ясновельможный панъ гетманъ не обладалъ обширными вѣчистыми и ранговыми имѣніями, съ которыхъ жолнеры, составивъ между собой *zwiazek*, могли бы взять какую угодно контрибуцію; а доходовъ съ одного богатаго старства, по замѣчанію современнаго писателя, было бы достаточно на содержаніе двухъ тысячъ кварцянаго войска (1).

Успокоивъ кой-какъ жолнеровъ, Потоцкій готовился уже вести ихъ противъ козаковъ, какъ узналъ отъ своего сына Стефана, что слуги пана Корвецинскаго, предводительствовавшаго гусарами покойнаго канцлера въ качествѣ его поручика (т. е. намѣстника), по всѣмъ полкамъ бѣгаютъ съ листками, возбуждающими войско къ союзу противъ правительства, или, какъ тогда говорили до *zwiazki cofederacy*. Каждый полкъ долженъ былъ выслать своихъ представителей изъ каждой хоругви къ Хвастову, гдѣ генеральное рыцарское коло рѣшить, какъ поступить имъ съ Рѣчью Постоликою. Панская республика, имѣвшая во главѣ своей зависимаго отъ нея короля, именемъ котораго присваивала небольшому числу пановъ-магнатовъ почти всю государственную собствѣнность, удѣляя изъ огромныхъ добычъ малыя добычи зависимымъ отъ магнатовъ—патроновъ панавъ-кlientамъ,—панская республика въ отношеніи къ шляхтѣ, унаследовавшей себѣ военное ремесло, шляхтѣ большею частию убогой и неспособной къ составленію себѣ карьеры путями болѣе хитрыми, стояла почти такъ, какъ вся землевладѣтельная шляхта—въ отношеніи къ козакамъ. Правъ былъ Радзивиллъ, упрекавшій военное сословіе Рѣчи Посполитой въ хищничество, по случаю возвращенія войска изъ московскаго похода (2). Правъ

(1) Siarczynski, *Obraz Wieku Panowania Zygmunta III.* t. II. str. 200.

(2) См. выше, главу I.

быль и Конецпольскій, гремѣвшій противъ походнаго мародерства жолнеровъ. Правы были и повѣтовые послы, хлопотавшіе на сеймахъ о строгахъ мѣрахъ противъ хищничества и грабежа со стороны вооруженной толпы, называвшейся кварцяннымъ войскомъ. Но всё они были правы такъ, какъ монахи богатаго съѣбными припасами монастыря, внушающіе притекающимъ къ нимъ богомольцамъ воздержаніе отъ вина и елѣя. Правило: *divide et impera* (раздѣляй и господствуй) помогало союзу знатныхъ пановъ держать въ повиновеніи вооруженную силу многочисленной мелкой шляхты; но когда она соединялась въ конфедерацію, то раздирала покровъ великихъ заслугъ отечеству и древняго происхожденія, который обыкновенно набрасывался передъ глазами сравнительно убогой массы на присвоенныя панскимъ фамиліямъ пѣлые государства въ государствѣ, и добиралась, сквозъ туманъ всеоправдывающаго католичества, до истинной причины общихъ бѣдствій. Вотъ слова, прорывавшіяся сквозъ *fremitus* короннаго войска и сообщенныя самымъ. Потопчимъ въ дозесеніи великому коронному гетману: »Рѣчь Посполитая неблагодарна къ намъ: столько сеймовъ занимается она только постановленіями противъ жолнеровъ да выдумываетъ, какимъ бы способомъ стѣснить военныхъ людей. Съ каждымъ сеймомъ выдумываетъ она новые и новые противъ насъ законы. Трибуналы за вязанку сѣна лишаютъ насъ *гоморовъ*. Панскіе банкеты начинаются и оканчиваются нашимъ униженіемъ. Называютъ насъ нищими и бродягами. У колесъ въ обозѣ отказываютъ намъ въ службѣ и велятъ намъ разлетаться по воздуху въ наши дома, потому что по землѣ намъ возвращаться не возможно: надобно миновать панскія имѣнія изъ почтенія къ панамъ и по неволѣ, такъ какъ вездѣ разосланы универсалы, чтобы съ нами поступали, какъ съ непріятелями. Духовныя имѣнія ограждены отъ насъ церковнымъ проклятіемъ, шляхетскія—наслѣдственнымъ правомъ, а королевскія находятся подъ панскою администраціею, какъ ранговыя. Проси и грози, какъ хочешь, только уважай данныя панамъ права, минуй ихъ влѣдѣнія, умирай съ голоду, ходи въ изодранномъ платьѣ, служи въ долгъ и жди послѣдняго своего разоренія, пока не снесетъ головы острая смерть.»

Всѣ эти рѣчи и сопровождавшія ихъ угрозы въ генеральныхъ кодахъ, собиравшихся то въ Хвастовѣ, то въ Рокитной,

въ четырехъ миляхъ отъ Бѣлой-Церкви, (деревушкѣ состоявшей тогда только изъ нѣсколькихъ хижинъ), до того смущали ясновельможнаго пана польнаго гетмана, до того тревожили его панское сердце справедливыми предчувствіями паденія шляхетскаго господства въ Украинѣ, что по словамъ одного преданнаго панской партіи шляхтича, онъ часто плакалъ передъ своими приверженцами (1). Онъ упрашивалъ жолнеровъ по крайней мѣрѣ двинуться впередъ хоть до Корсуня, чтобъ не смѣялись надъ ними хлопы, и тамъ уже составить генеральное рыцарское коло. Но жолнеры на это ни какъ не согласились, а нѣкоторыя хоругви начали уже обратный походъ въ Польшу и, оставаясь въ Коростышовѣ, въ 18 миляхъ отъ Бѣлой-Церкви, поджидали только своихъ пословъ, отправленныхъ въ генеральное коло къ Хвостову. *Цютливая* шляхта, предавая своему плачущему вождю, пришла къ убѣжденію, что развѣ только *»панъ Богъ* чудеснымъ способомъ успокоитъ завязтость«*»* представитель взволнованнаго войска.

При такихъ обстоятельствахъ всякое новое извѣстіе о движеніяхъ козаковъ приводило цютливыхъ пановъ въ большее и большее отчаяніе. Наконецъ въ польскомъ обозѣ узнали, что и кіевскіе козаки, оставшіеся позади короннаго войска, убѣдясь, что ляхи не смѣютъ воевать съ Павлюкомъ и опасаясь отъ него кары, выступили всѣ, подъ предводительствомъ Кизима, за Дибіръ, гдѣ, какъ было слышно, приняты мѣры, что бы не дать полякамъ переправиться для охраненія отъ козаковъ королевскихъ и шляхетскихъ ямѣній. Тогда уже всѣ опустили руки: всѣ начали думать, что придется войску постыдно воротиться изъ Бѣлой Церкви и оставить козаковъ независимыми обладателями Украины. Между тѣмъ голодъ, по случаю неурожая, былъ такъ великъ во всей Бѣлоцерковщинѣ, что, жолнеры, не смотря на свое мародерство, которое теперь ужъ незнало ни какой узды, часто принуждены бывали довольствоваться хлѣбомъ, спеченнымъ пополамъ съ желудями. Мѣрка муки

(1) Zaczyn, w iakim żalu P. Hetman Polny owdzie prawie często przed nami płacząc, w Białeycerkwi czekając jeszcze tego nieprzystoynego koła zostawa, snadnie wm M. M. P. rozumiec raczysz. (Изъ рукописи, которая, вмѣстѣ со многими другими, напечатается въ приложеніяхъ.)

продавалась въ Мліевѣ по 30 злотыхъ съ лишкомъ. Съ наступленіемъ Филипова поста, русскіе священники разрѣшили своимъ прихожанамъ ѣсть мясо. Замедливъ походомъ въ глупину козацкой Украины, Потоцкій далъ козакамъ время перемолотить хлѣбъ, хранившійся по гумнамъ отъ прежнихъ урожайныхъ годовъ и спрятать въ разныхъ мѣстахъ по лѣсамъ и полямъ, въ ямахъ, которыхъ примѣты составляли бы непроницаемую тайну для голодныхъ жолнеровъ, хотя бы они и восторжествовали надъ козацкимъ ополченіемъ. Легко вообразить положеніе польскаго полководца, смотрѣвшаго на все это, изъ Бѣлой-Церкви, какъ онъ выражался, со связанными руками! Въ обозѣ нагъ Днѣстромъ ему удалось утишить волненіе въ войскѣ и убѣдить жолнеровъ оставаться въ повиновеніи до конца четверти. Великій коронный гетманъ, увѣдомляя объ этомъ короля, писалъ, что Потоцкій достоинъ ласки его королевской милости и благодарности всей Рѣчи Посполитой, — намекъ на пожалованіе неваго староства, которое, въ рукахъ королевскихъ державцевъ давало королю только десятую долю доходовъ, какіе могъ извлечь изъ него для себя староста. Теперь надежда на блистательную награду исчезала, и имя Потоцкаго должно было подвергнуться поруганію всей шляхты, такъ какъ жолнеры говорили ему въ глаза, что они не хотятъ больше подчинятся постановленіямъ сеймовыхъ конституцій, что они *unita manu* (соединенными силами) заставятъ отмѣнить ихъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобъ усмирить козаковъ, Потоцкій напустилъ бы на Польшу раздраженныхъ жолнеровъ, предписывая оныхъ законы самому сейму шляхетскому. Въ такой крайности, истощивъ мольбы и убѣжденія, видя, что не помогаютъ и слезы въ кружкахъ войсковыхъ депутатовъ (1), прибѣгнувъ Потоцкій къ послѣднему средству пассивнаго мужества. Выходя изъ рыцарскаго кола, онъ объявилъ, что отступить изъ Бѣлой Церкви значило бы ободрыть козаковъ на самыя дерзкія предпріятыя, и потому онъ идетъ противъ нихъ съ нѣсколькими хоругвями да съ наемными нѣмцами, предпочитая смерть такому постыдному отступленію. Тутъ-то шляхетскій богъ сотворилъ чудо, котораго чаяла цвотливая шляхта, и повернулъ жолнерскія сердца къ гетману.

(1) Потоцкій самъ писалъ къ Коненпольскому: «*Ja przecie w modlitwach nie ustaię, o takich, które u izy musiały mi wyscisnąć.*»

Дѣло въ томъ, что почти всѣ войсковые товарищи, за мародерство, до котораго доводимы были безденежемъ, были покрыты инфатіями и баниціями, то есть объявлены въ шляхетскихъ трибуналахъ лишенными чести и покровительства законовъ. Пока они находились въ войскѣ, законъ былъ противъ нихъ безсиленъ. Но когда они расплзутся по всей Польшѣ, тутъ должностные паны возстанутъ на нихъ съ своими драбами, съ своими шляхетскими конфедераціями и начнутъ выбирать изъ пшеницы куколь», то есть хватать вповниковъ походныхъ грабежей и участниковъ въ битвахъ съ мирными гражданами, которые выходили на встрѣчу жолнеровъ, какъ противъ непріятелей, чтобы не дать имъ занять квартиръ въ городѣ. Опасеніе подобной расправы заставило жолнеровъ присоединиться къ преданнымъ Потоцкому хоругвямъ и просить его быть посредникомъ между ними и правительствующею шляхтою. *Experientia docti*, они знали, что этимъ путемъ гораздо легче возвратить себѣ утраченные *гоноры*, такъ какъ паны имѣли дома много средствъ всѣять между конфедератовъ рознь, разъединить интересы предводителей и сдѣлать ихъ угрозу—*tapu—unita* не дѣйствительною. Потоцкій съ своей стороны торжественно обѣщаль имъ снать съ нихъ отвѣтственность передъ законами, при посредствѣ великаго короннаго гетмана, и поспѣшилъ въ Богуславъ съ лучшими хоругвями, отправивъ другія впередъ, а третьимъ отдавъ приказъ идти за собою.

Война съ козаками началась такимъ образомъ въ началѣ декабря 1637 года.

П. Кулишъ.

(Продолженіе впродъ.)

УСТАВЪ

національнаго революціоннаго союза и польская народность въ европейскомъ равновѣсіи. Сочиненіе Людвига Мирославскаго. 1856 г.

(De la nationalité polonoise dans l'équilibre Européen. Paris 1856)

Наконецъ и мы, не посвященные въ тайны подметной польской пропаганды, прочли въ газетахъ уставъ національнаго революціоннаго союза и отъ души благодаримъ за ознакомленіе насъ съ затѣями польской заграничной демагогии. Этотъ уставъ есть произведеніе того-же Людовика Мирославскаго, который въ 1856 г. издалъ въ Парижѣ книгу: «Польская національность въ европейскомъ равновѣсіи» и, раньше того, въ 1848 году, другую: «Борьба въ Польшѣ революціи съ контръ революціею»,—объ на французскомъ языкѣ. Всѣ эти сочиненія носятъ на себѣ печать желчной, несдерживаемой ни фактами, ни литературнымъ приличіемъ, фантазіи. Авторъ глубоко опустился въ демократизмъ *старожитнаго* шляхетства, но ни живое его слово, ни злобное остроуміе, ни пылкая фантазія не переиначать судьбы Польши, не возмутятъ текущей жизни. Мы долго умѣряли себя въ тѣхъ даже случаяхъ, гдѣ пониманіе истины, наука, интересы отечества и собственное наше достоинство требовали ожесточенной борьбы съ заносчивостію, происками и домыслительствомъ нашихъ противниковъ; опытъ пока-

заль, что эта мѣра не примѣнима къ полякамъ.—Напоръ польской претендательности продолжается, затѣи, интриги и прямая низости и преступления плодятся и плодятся, русское имя подвергаютъ поруганію; будемъ же и мы, по долгу чести и правды, подводить подъ микроскопъ нашего воззрѣнія тѣ продукты задорной мысли и безпокойнаго чувства поляковъ патріотовъ, которые лучше всякихъ споровъ, содержаніемъ своимъ, опредѣляютъ—поведутъ ли они къ разложенію мертвеца, или къ его воскресенію.

Къ числу такихъ продуктовъ, мы относимъ уставъ Мирославскаго. Мы уже были нѣсколько предварены въ пользу устава, слыша, что уставъ этотъ есть сколокъ съ уставовъ тайныхъ обществъ и масонскихъ ложъ двадцатыхъ годовъ и надѣялись открыть въ немъ связь нынѣшняго демократическаго польскаго общества съ обществами двадцатыхъ годовъ; но ничего подобнаго не оказалось. Уставъ Мирославскаго, по нашему убѣжденію, не болѣе какъ сѣть, раскинутая на ловъ не столько легковѣрныхъ патріотовъ, сколько принадлежащихъ имъ *грошей*, замаскированный пухомъ патріотизма, ключъ къ польскимъ шпатулкамъ, находчивая мѣра къ обобранію шляхетства—и болѣе ничего! Мы не войдемъ въ подробности устава, ибо имѣемъ въ виду повести бесѣду о другомъ произведеніи Мирославскаго, а высказываемъ здѣсь лишь нѣкоторыя наши о немъ мысли: духъ устава чисто іезуитской—руководить и управлять обществомъ издали, тайно развѣивать фанатизмъ въ принципахъ и цѣляхъ хотя и несбыточнымъ и, подъ предлогомъ національнаго интереса, преслѣдовать свой частный. Раздробленіе союза на кружки отъ пяти до пяти съ сохраненіемъ, хотя слабой, между ними связи и съ предосторожностію, чтобъ одинъ кружокъ не зналъ состава другого,—есть мѣра весьма замысловатая, совершенно замаскировывающая составъ союза и его развѣтвленія. Такая

организация союза сама въ себѣ заключаетъ трудность къ раскрытію организации цѣлаго общества и къ одновременному противу него дѣйствию; но не избавляетъ союзъ отъ пораженія его по частямъ. Съ другой стороны, мысль замаскироваться, укрыться отъ преслѣдованія, видимо взяла верхъ надъ всеми другими цѣлями, внесла въ общество такую слабость, такое безсиліе, что оно неизбѣжно должно признать себя внѣ всякой возможности предпринять что нибудь обща, вдругъ, значительными силами. Также причина до такой степени парализуетъ цѣлостъ общества, его связь и быстроту сношеній, что въ случаѣ отлученія отъ общества одного только кружка все прочіе подъ нимъ кружки отпадаютъ сами собою. Вообще союзъ такъ организованъ, что его ближе всего уподобить паутинѣ; отдѣльныя личности могутъ попадать и путаться въ ней; но для общества, для собирательной силы, для нашей русской народности, сѣтка эта не грѣше паутинной,—она обратится въ прахъ при малѣйшемъ со стороны нашей движеніи. Содержаніе устава имѣетъ скорѣе характеръ министерскаго наказа, нежели систематическаго уложенія, въ немъ есть все какіе намеренія на обязанности, есть и программа дѣствій союза, но за тѣмъ въ уставѣ мы не находимъ ничего определеннаго—ни о средствахъ, ни о сферѣ дѣствій, ни объ отношеніяхъ агентовъ и членовъ союза, какъ къ своему обществу, такъ и къ тому, противъ котораго они идутъ; рѣче всего выдается въ уставѣ бюрократическій формализмъ и канцелярская рутинна, въ сношеніяхъ агентовъ съ революціоннымъ комитетомъ. Деспотизмъ Мирславскаго въ комитетѣ безпримѣренъ. Онъ удержалъ за собою право состава революціоннаго комитета и предоставилъ себѣ полный произволь въ движеніяхъ и распоряженіяхъ. Нижше кружки союза обязываются къ исполненію невѣдомо откуда исходящихъ распоряженій и къ отвѣтственности предъ лицами,

тоже имъ неизвѣстными. Отъ тѣхъ же неизвѣстныхъ лицъ будутъ исходить приговоры измѣнѣ, наказанія за преступленія и всякаго рода кара. Эта статья устава переноситъ наше вниманіе за 700 лѣтъ назадъ; къ тому обществу ассасиновъ, которое вѣкогда существовало въ Левантскихъ горахъ, позволяетъ думать, что европейская цивилизація съ негодованіемъ изгонитъ ихъ среди своей старѣйшей революціоннаго союза. Программа собранія различныхъ статистическихъ свѣдѣній кажется цѣлкомъ скопирована съ первой появившейся подъ руку инструкціи офицеру генеральнаго штаба, командированному для рекогносцировки неприятельскаго края. Но всему видно, что уставъ редактированъ слишкомъ небрежно: въ немъ встрѣчаются такіе вопросы, которые или постоянно будутъ оставаться безъ отвѣтовъ, или отвѣтъ на нихъ будетъ состоять изъ однихъ и тѣхъ же фразъ. Къ такимъ вопросамъ мы относимъ между прочимъ: о количествѣ оружія и военныхъ снаряженій, о взаимномъ настроеніи простаго народа, о путяхъ сообщенія и т. п. Забавнѣе всего въ уставѣ взглядъ на неприятелей; сперва намъ вѣрить не хотѣлось, чтобы насъ, живущихъ у себя дома, на своей русской землѣ, въ средѣ своей русской народности, называли неприятелями, неизвѣстны намъ поляки и вызывали на бой людей, на сторонѣ которыхъ и правда и сила. Но смѣлость комитета вызываетъ на бой не одну Россію: изъ устава видно, что перчатка бросается и Австріи и Пруссіи. Но неволь воскликнешь, *sine ira sine viribus!*

Но лучше всего, разумнѣе и практичнѣе обдумана въ уставѣ часть финансовая. Сюда не прорвалась ни одна идея современныхъ публицистовъ о свободной торговлѣ. Да и зачѣмъ? Прямой, подушной налогъ, (мѣра хоть и варварская, но прямо ведущая къ цѣли), — обиранию польскихъ патриотовъ, принять за единственный нормальный источникъ пополненія кассы союза.

Безконтрольное опредѣленіе количества подати падающей на недѣлимыхъ, принадлежитъ комитету и провинціальнымъ агентамъ союза. Данниками союза могутъ быть и посвященные и непосвященные въ общество лица. Усердіе агентовъ оцѣнивается количествомъ сбора; имъ приказано не пренебрегать никакими источниками къ извлеченію капиталовъ изъ той среды, въ которой они дѣйствуютъ отъ имени союза. Повторяемъ, что обирание патриотовъ едва ли не составляетъ основной цѣли даже самаго союза. Составитель устава только изъ приличія и легчайшаго уловленія легковѣрныхъ прикрылъ свои намѣренія патриотическою цѣлю,—возстановленіемъ Польши, а подлинные виды и побужденія устава сходятся къ одной практической цѣли—очистить на сколько можно шкатулки легковѣрныхъ патриотовъ.

Въ стремленіи къ своей официальной цѣли—воскресенію шляхетской Польши, союзъ еще находитъ нужнымъ беспокоить насъ, прирожденныхъ жителей западныхъ русскихъ губерній, своими подпольными затѣями, оглушать Европу драматизмомъ своей патриотической игры, и всѣмъ намъ сообща—какъ русскимъ, такъ и благоразумнымъ, благонамѣреннымъ и дружно съ нами здѣсь живущимъ полякамъ, мѣшать правильному теченію жизни, останавливать образованіе народа, улучшеніе земледѣлія, задерживать благія преобразованія и прогрессивный путь законодательства, словомъ—тормозить ходъ нашей независимой цивилизаціи. Не сомнѣваемся, что подпольная литература и кротовыя усилія патриотовъ могутъ до нѣкоторой степени благоприятствовать темнымъ замысламъ союза, но вопросъ нашъ въ томъ, много ли отъ того подвинется польское дѣло, легко ли будетъ патриотамъ выйти изъ норъ своихъ и стать лицомъ къ лицу съ силами Россіи? Союзу пора бы сознаться, что всѣ пошлости его усердныхъ служителей—у насъ и за границею—

поставить Польшу на ноги и вдохновить ее жизнію Рѣчи посполитой вѣнчаются балаганнымъ гаерствомъ, комизмомъ патріотическихъ манипуляцій и опошленіемъ самаго вопроса. Какихъ, дѣйствительно, небыло пущено въ оборотъ идей и лжи съ цѣлію овладѣть общественнымъ мнѣніемъ, электризовать національность, экзальтировать женщину и ребенка. Къ этимъ продѣлкамъ присовокуплены: искаженіе исторіи, образованіе тайныхъ обществъ, сѣяніе раздора и сепаратистскихъ стремленій, и чѣмъ же все это кончилось? На сколько ослабило Россію? Привлекло ли по крайней мѣрѣ на сторону патріотовъ хоть народъ польскій? Далеко нѣтъ! Народъ и шляхта стали другъ къ другу въ совершенно противуборствующія стремленія— не много у нихъ общаго въ интересахъ, тенденціяхъ, въ политической совѣсти, въ преданіяхъ, связующихъ съ прошедшею жизнію, въ надеждахъ на будущее, въ соприкосновеніи къ совершающимся реформамъ, въ отношеніяхъ къ правительству и закону? Народу нужна поземельная собственность, а панъ всю землю держалъ за собою и туго надѣляетъ ею крестьянъ даже и теперь. Народъ 800 лѣтъ не имѣлъ гражданскихъ правъ, пришла пора получить ихъ, а дворянство заглушаетъ голосъ истинны и прогресса крикомъ о своихъ вольностяхъ и привилегіяхъ. Дворянство жалуется на стѣсненіе образованія въ Польшѣ, а народъ тайкомъ отъ пана посылалъ дѣтей въ гминныя школы, а теперь слава Богу идетъ открыто въ школу, устроенную духовенствомъ и правительствомъ, но *не дворянствомъ*. Народъ въ восторгѣ отъ того, что можетъ, наконецъ, свободно располагать своими силами и трудами для себя, а помѣщики стѣтуетъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права и мечтаетъ о *rap-szczyznie*. Народъ съ признательностію принимаетъ всѣ преобразованія въ краѣ, а дворянство силится ихъ останавливать и хлопочетъ о томъ только, чтобы удержать за собою болѣе об-

широкое влияние на народъ. Народъ признателенъ и преданъ правительству, полагаетъ въ немъ залогъ будущаго своего счастья, а дворянство мечется противъ него и враждуетъ за одно съ заграничными поджигателями революціи и насильственныхъ переворотовъ; наконецъ, народъ вѣрнъ закону и порядку, а дворянство скорѣе рѣшается эмигрировать, нежели признать благодѣтельную силу закона одинаковаго надъ собою и надъ холопомъ. Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ обстоительствъ, польское дворянство составляетъ одну Польшу, именно ту Рѣчь посполитую, съ шляхетскимъ произволомъ, сеймовыми и сословными привилегіями и жизнію на счетъ народа, о которой народъ и слушать нехочетъ; *) народъ, съ своей стороны, вполне полагаясь на опеку правительства и гарантію закона, носить въ себѣ зерно другой Польши, не той панской, крикливой, извѣстной намъ по исторіи Лелевеля; но Польши изъ народа и въ народѣ. Не зачѣмъ и говорить о народѣ русскомъ западныхъ губерній. Онъ никогда не былъ за одно съ полякомъ, ни разу и нигдѣ не заявилъ желанія къ сближенію съ нимъ, ихъ навсегда оттолкнула другъ отъ друга исторія и различіе національностей. Если народъ нашъ не ополячило почти 500 лѣтнее господство Польши, то можно ли допустить, чтобы затѣи хлопмановъ патриотовъ и ксендзовъ оторвали его въ настоящее время отъ Россіи и сплотили съ Польшею?

И такъ, старой Польши нѣтъ, а новая можетъ вырасти и только въ народѣ, и когда выдетъ на сцену исторіи, то, нѣтъ

*) Въ подтвержденіе нашей мысли, указываемъ на современное происшествіе въ городѣ Ряпинѣ, царства Польскаго, гдѣ, по случаю конскрипціи, явно обнаружилось, какъ относится народъ къ русскому правительству и къ своему привилегированному сословію съ горожанами, производившими въ царствѣ демонстрацію.

сомнѣнія, ни сколько не будетъ походить на ту, которую революціонный союзъ мечтаетъ воскресить.

Могутъ обвинить меня за то, что я умелчалъ о духовенствѣ и евреяхъ—городскомъ населеніи царства Польскаго? Духовенство польское, прежде всего, имѣетъ въ виду свои узніе интересы—интересы касты; оно, конечно, сильно сочувствуетъ и много содѣйствуетъ (что показали намъ бывшія демонстраціи патриотовъ) идеѣ и дѣлу возстановленія старой Польши, но только лишь для того, чтобъ занять то блистательное положеніе, ту политическую роль, которую оно занимало въ Рѣчи Посполитой. *)

Они довольно равнодушно относятся къ политическому положенію обществъ, среди которыхъ приютились. Но евреи польскіе нѣсколько вышли въ последнее время изъ этой политической апатіи. Въ числѣ польскихъ патриотовъ начали попадаться и, такъ названные поляками, поляки *starego* или *Motieszowego wuzniania*. Причина весьма понятна. У жида, вмѣстѣ съ паномъ, вырываютъ изъ рукъ холопа,—общую ихъ поживу, общій субъектъ ихъ пресса, выжимавшаго безъ остатка всѣ соки и весь потъ беззащитной жертвы. У пана, съ другой стороны, вѣчно факторъ еврей на услугахъ. Они съ трудомъ уживаются другъ безъ друга. Общность ихъ интересовъ закрѣплена вѣками. Неудивительно, поэтому, если панъ царства польскаго могъ втянуть въ патриотическія сѣти и своего агента, фактора, арендатора, комиссіонера, рассыльнаго—жидка.

*) Припомнимъ, что архіепископъ варшавскій былъ первымъ по королѣ лицомъ и въ случаѣ смерти короля вступалъ его мѣсто въ качествѣ примаеса, до избранія новаго короля. При такой постановкѣ главы польскаго духовенства, нѣтъ сомнѣнія, что и всѣ члены его имѣли большое вліяніе на общество, и едва ли еще не большее значеніе въ дѣлахъ гражданскихъ.

Буржуазія польская еще легче могла втянуться въ водоворотъ польскихъ агитацій. У нихъ очень много общихъ прѣимствъ съ паномъ и физиологическихъ и психологическихъ. Иная городская шляхта считаетъ себя не хуже какого нибудь пана и не отстанеть отъ него ни за что въ дѣлѣ патріотической заядлости; другую легко расположить къ ней убѣжденіями или всего лучше деньгами. Вотъ почему въ числѣ уличныхъ агитаторовъ попадаетъ такъ много буржуазіи. ¹⁾

Какъ бы то ни было, Польша не имѣетъ никакихъ лич-

¹⁾ Предлагаемъ извлечение изъ письма одного благоразумнаго поляка, служащаго въ войскахъ и по обязанностямъ службы близко соприкасающагося съ народомъ польскимъ. Письмо отъ 1 марта 1862 г. изъ Радома: „Здѣсь все спокойно, теперь только въ томъ убѣждаюсь. Военное положеніе тяготитъ только дворянство и буржуазію; сельскому населенію вовсе нечувствительно, ибо оно на это время избавлено отъ постоа и всѣхъ стѣсненій при выдачѣ паспортовъ и легитаціонныхъ билетовъ. Въ Польшѣ разладъ совершенный, крестьяне готовы хоть сейчасъ вырѣзать помѣщиковъ, да войска мѣшаютъ. Помѣщики готовы всѣхъ крестьянъ уморить съ голоду, не давая и не продавая имъ земель, да боятся крестьянъ и ихъ доносовъ, непрерывно поступающихъ къ военному начальству. Ксендзы и женщины—вотъ настоящій революціонный элементъ; первые получаютъ большія деньги отъ послѣднихъ, а этихъ волнуетъ любовь къ нимъ.

„Буржуазія дурно расположена къ правительству, особенно пролетаріи чиновнаго и торговаго класса.

„У поляковъ теперь нѣтъ ни силъ, ни ума, ни умѣнья, все они живутъ традиціями и безъ всякаго толка кричатъ о границахъ 1772 года. О патріотизмѣ польскомъ я очень дурнаго мнѣнія.“

Мы отъ себя прибавимъ что писавшее эти строки лицо, отъѣзжая въ Польшу, было совсѣмъ другихъ понятій о краѣ и единодушій дворянства польскаго съ славянами.

ныхъ средствъ къ своему возрожденію—ни моральныхъ, ни физическихъ. Ктожъ ея союзники, кто желаетъ ея возстановить, кто симпатизируетъ ей? Ужъ не Франція ли? Туда, по преимушеству, устремлены надежды, оттуда выносятся вся мозаика доктринъ, разные продукты празднои мысли, оковывающіе умъ и разнуздывающіе фантазію патріотовъ. Упованіе на Францію до того глубокого вѣлось въ складъ польскаго шляхетскаго смысла, что аристократы поляки, не смотря на свою сиѣсь и чванство, съ пріятнымъ самодовольствомъ и подобоестрастнымъ смиреніемъ, дарятъ французу названіе старшаго брата, оставляя за собою скромную кличку младшаго. Но къ чему ведетъ это искусственное, насильственное родство, если Провидѣнье въ своихъ высокихъ цѣляхъ не связало кровнымъ братствомъ славянина ни съ галломъ, ни съ нѣмцемъ. Такое братство, какъ искусственное, какъ затѣя пустаго празднаго тщеславія или мечтательнаго расчета не можетъ и повести ни къ чему серьезному. Франція имѣетъ свои блистательныя эпохи и великія заслуги въ исторіи цивилизаціи и жизни человѣчества, но все—таки остается при своихъ родовыхъ примѣтахъ, остается вѣрно своему римско-галлскому призванію. Такъ ли жилое младшему брату? Изъ своихъ ли источниковъ черпалъ онъ струи жизни и цивилизаціи? Можетъ быть Австрія и Пруссія протянуть Польшѣ руку помощи! О нѣтъ, съ этой именно стороны патріотамъ и ждать нечего. Мы просимъ патріотовъ только обратить вниманіе на рядъ статей позванскаго поляка, помѣщенныхъ въ «Днѣ», и онъ осязательно пойметъ, по какому широкому плану развиваются замыслы и махинаціи нѣмцевъ, направленные къ онѣмченію славянъ и изглаженію ихъ народности. И такъ, надежды на нѣмцевъ нѣтъ, Франція высказалась противъ возстановленія Польши, въ лицѣ Наполеона I (о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить впоследствии), остается одна Россія, не-

избѣжная во всѣхъ случаяхъ для поляка, Россія! Съ удовольствіемъ и мы скажемъ, что если Польша и будетъ позвана къ самостоятельности, то не иначе какъ чрезъ Россію, въ Россіи, съ Россіею. Государь Императоръ сказалъ полякамъ, что они дороги его сердцу, столько же, какъ и мы, русскіе; мы, съ своей стороны, раскрыли бы объятія наши для поляка, для искреннаго союза двухъ славянскихъ народовъ, разрозненныхъ когда-то враждебными обстоятельствами, еслибы уличныя движенія польскихъ патриотовъ, затѣи, протесты, адреса и разнообразныя волненія не оттолкнули ихъ отъ насъ далѣе той точки, на которой стояла ихъ къ намъ антипатія. Мы призвали на помощь все наше великодушіе, ничто не могло образумить неразумныхъ. На нашу кротость и справедливость, патриоты отвѣчаютъ враждебностію, отрицаніемъ даже нашей народности и революціонными затѣями. Отрезвитесь, гг. патриоты! Осмотритесь вокругъ себя, да поищите хорошенько вашей Польши ниже себя! Сойдите сами къ ней, а не тратьте бесполезныхъ усилій притянуть ее къ себѣ. Ваше зрѣніе до того притупилось, что вы ищете Польшу не тамъ, гдѣ она есть; вы ее такъ затеряли въ разныхъ мечтахъ о сословныхъ вольностяхъ и шляхетскихъ преданіяхъ, что и слѣдъ къ ней вами потеряны. Пойдемте же за нами къ Польшѣ, мы васъ введемъ въ нее, сблизимъ съ нею, напомнимъ всѣ пропасти, образованныя вѣками и институтами между вами и Польшею. Перестаньте лишь глумиться надъ нашею народностію и трезво посмотрите на международную нашу распрю и тогда вы сами скажете: да, если когда либо настанетъ часъ возстановленія Польши, то развязать узелъ нашей распри, умиротворить и развести тяжущіяся стороны есть прямой долгъ Россіи, а не Европы, и тѣмъ менѣе какого нибудь союза тайнаго общества, фантазирующаго воскресить Польшу бунтомъ и рѣзней и навязывающаго націи

силачей свою хрупкую волю, свои жалкія убѣжденія. Протяните же, гг. патриоты руку братскаго союза и скажите вмѣстѣ съ нами: прочь революціонный союзъ, прочь всѣ его козни и разрушительные замыслы пропаганды. Мы дадимъ примѣръ крѣпкаго союза, неразрывной дружбы съ Россією. Мы видимъ въ ней, вмѣстѣ со всѣми славянами, представительницу независимаго славянства и отъ нея чаемъ ввода въ народную жизнь настоящей Польши. Мы убѣждены, что время и обстоятельства приведутъ нашу междоусобную борьбу къ той развязкѣ и желаемъ, чтобъ она наступила скорѣе, а пока это будетъ, возвратимся къ союзу революціоннаго общества.

Союзу недостаетъ исторической совѣсти, иначе онъ узналъ бы, вмѣстѣ съ нами, что молодая Польша не можетъ вырасти изъ началъ, которыя убили старую Польшу и закрыли для нея навсегда роль на сценѣ всемірной исторіи. Въ уставѣ союза не совѣмъ явственно обозначены эти начала; но другія сочиненія президента революціоннаго комитета знакомятъ насъ съ ними. Вотъ они: «Соціальная демократія» и «Религіозная Унія.» Изъ нихъ-то, по увѣренію Мирославскаго, предки его выработали цивилизацію для всѣхъ славянъ; они же, подъ фирмою Польши, составляютъ свѣточъ истины и цивилизующій элементъ Россіи и другихъ славянъ. На этихъ-то апробованныхъ элементахъ разрушенія, поляки-демократы, поляки-патріоты и поляки-іезуиты основываютъ прогрессъ польскій, главенство Польши между славянами, ея нравственную силу, ея вліяніе и ея живучесть. Что касается насъ русскихъ, мы, по ихъ мнѣнію, варвары, турки, варяги; и это потому, что не внимаемъ герольдамъ Польши, не поклоняемся ея трупу, опрокинули (тоже, по ихъ мнѣнію) даже въ лицѣ Рѣчи посполитой жертвенникъ, на которомъ не только очищалась славянская цивилизація, но

будто бы лилась ляхская кровь за мировую цивилизацию, сто-
кратъ священнаго для Польши и просвѣщающаго, Запада.

Каково первое начало, мы предлагаемъ читателю судить о
немъ по сочиненію хотъ Токквилля—Демократія Америки, отъ
себя же добавимъ, что такъ восхваляемый поляками демокра-
тизмъ Польши никогда не былъ демократизмомъ въ точномъ
значеніи: этого слова, похожимъ, на примѣръ, на малороссійскій,
гдѣ демократическое начало во всей силѣ проникло народъ, вы-
ражалось козачествомъ, неподатливостію ляху и, наконецъ, по-
бѣдами надъ нимъ. Пресловутый польскій демократизмъ былъ
собственно аристократизмомъ, безурядицею панскаго сословія,
посягавшаго даже на королевскія права и власть и, въ то же
время, топтавшаго народъ въ грязь. Демократизмъ этотъ противенъ
славянскій натурѣ, какъ самый безобразный и беззаконный олигар-
хическій деспотизмъ, губительный для всякаго политическаго тѣла.

Что касается латино-польской уніи, какъ цивилизующаго
начала, отсылаемъ читателя къ польскимъ историкамъ и мы-
слителямъ таковы: Лелевель, Морачевскій, Сарчинскій, Гуровскій,
Мацѣевскій, Трентовскій и другіе, а также къ собранію актовъ
объ уніи, изданныхъ Кіевскою Археографическою Коммиссіею
и къ историческимъ документамъ нашего журнала, которые во-
пьютъ противъ этого историческаго преступленія Польши и да-
ютъ нынѣ возможность каждому спокойно оцѣнить, по досто-
инству, горькіе плоды уніи—этого порожденія іезуитизма, какъ
для Россіи, такъ и для Польши. Сколько писатели польскіе,
столько-же и собранные нынѣ документы доказываютъ, что унія
хотѣла обезличить, органически измѣнить нашу народность и
такимъ образомъ подготовить преграду къ соединенію Западной
Россіи съ Восточною, которая въ ту самую эпоху стала крѣп-
нуть, собирать растроченныя прежде области и угрожала Польшѣ
нынѣ борьбою за русскія земли, вѣру и народность.

Сами мы того убѣжденія, что пресловутый польскій демократизмъ и латинская унія, вмѣсто того, чтобъ служить живыми началами польской національности, оторвали Польшу отъ славянскаго ея дерева, предали ее на жертву внутренней деморализаціи и внѣшней анатоміи и, слѣдовательно повели и, пожалуй, могутъ повести другой разъ къ результатамъ радикально противоположнымъ тѣмъ, какихъ ожидаетъ отъ нихъ отчаянная фантазія Мирославскихъ.

Революціонный союзъ, поставивъ себѣ задачу—возстановленіе Польши, не ограничивается тою Польшею, которая на картѣ Имперіи занимаетъ пространство не болѣе двухъ нашихъ губерній, а хочетъ видѣть Польшу въ границахъ до 1772 г., или, что тоже, создать ее на счетъ Россіи. Для Мирославскаго и его революціонной собратіи предѣлы Польши—понятіе условное, отвлеченное, эластическое, зависящее отъ произвола и притязанія. Предѣлы эти союзникамъ грезятся всюду, куда когда либо проникала нога польскаго пана, хотя бы то для *полеванья* (охоты). Мы не понимаемъ, зачѣмъ союзники революціи такъ переменяются. Если ужъ претендовать на русскія земли и народъ, такъ почему за предѣлы Польши принимать только границы ея 1772 года,—почему бы, наприм., не требовать губерній приволжскихъ, гдѣ также найдутся паны на жительство и гдѣ также живетъ русскій народъ, какъ и на правой сторонѣ Двѣпра? Почему, наконецъ, Мирославскій, какъ глашатай атакующаго насъ элемента (конечно, польскаго) видитъ Польшу и въ Сибири, и за Кавказомъ, и въ Оренбургскихъ степяхъ. а какъ президентъ революціоннаго комитета, далѣе границъ 1772 года не идетъ? А казалось бы, если брать (хотя бы то и на словахъ), такъ ужъ брать такъ, чтобы и слѣдъ Россіи исчезъ (хотя бы то на картѣ). Но отъ фантазіи—къ дѣлу. Мирославскій и польская патріотическая пропаганда право свое на гра-

ницы 1772 года выводятъ изъ безправности, будто бы, раздѣловъ Польши. Но развѣ раздѣлы послѣ 1772 года не были утверждаемы сеймами, какъ и предшествовавшія имъ уступки земель? Развѣ сеймы позднѣе 1772 года были составлены не изъ вашихъ, гг. патриоты, дѣдовъ и отцовъ—кровныхъ поляковъ? Развѣ постановленія ихъ не записаны въ исторіи, не внесены въ европейское международное право, не гарантированы позднѣйшими трактатами, обезпечившими равновѣсіе и спокойствіе Европы? Далѣе, развѣ раздѣлы Польши послѣ 1772 года не были результатами проигранной борьбы, потерянныхъ сраженій? Кто же виноватъ, что ваши предки, польская аристократія или, какъ вы хотите ее именовать, польская демократія, не понимала политики, мутила въ своемъ государствѣ, не давала спокойствія другимъ, впутывалась во все раздоры, не умѣла ни начать войны порядочно, ни вести ее дружно и ни окончить, какъ другіе то дѣлаютъ, съ выгодою, приличною твердостью и достоинствомъ? Мы васъ еще спросимъ мимоходомъ, гг. посягатели на присвоеніе русскихъ областей, почему вамъ такъ памятенъ актъ люблинскаго договора 1569 г., состоявшійся триста лѣтъ тому назадъ, тогда какъ, въ примѣненіе къ другимъ трактатамъ и конвенціямъ, ваша историческая память оказывается такъ короткою? Отъ чего вы не вчитаетесь въ договоры, предшествовавшіе 1569 году, промежуточные между 1569 и 1772 г.? Вы бы, по крайней мѣрѣ, убѣдились въ шаткости притязаній, основанныхъ на другихъ договорахъ, если бы вы, напр., вычитали, что деулинскимъ договоромъ 1618 г., мы уступили Польшѣ Смоленскъ и Черниговъ съ Сѣверскимъ краемъ,—Андрусовскимъ договоромъ 1667 г. Россія возвратила себѣ Смоленскъ, Сѣверію и удержала Кіевъ съ Україною лѣвой стороны Днѣпра,—по варшавскому договору 1773 г., границею Россіи указана Двина и Березина, намъ достались Полоцкъ,

Витебскъ и Могилевъ съ провинціями, — по гродненскому трактату 1793 года, нами возвращены Подоля, Волынь и часть Полѣсья съ Минскомъ, по источнику Вилии и Нѣмана до Стыри, — по конвенціи 1797 г., возвращены и прочія земли русскія по нынѣшнюю границу царства польскаго, — наконецъ, актомъ вѣнскаго конгресса 1815 года, присоединено къ Имперіи и самое Царство. Мы опустили нѣкоторые промежуточные договоры, а между тѣмъ одинъ изъ нихъ былъ бы для насъ весьма важенъ, еслибъ мы менѣе дорожили историческою истиною, позволяли давать фактамъ значеніе, по капризу, опираясь на выгодныхъ для насъ въ подкрѣпленіе нашихъ теорій документахъ, выводили бы изъ нихъ наши догадательства. Мы разумѣемъ здѣсь договоръ царя Алексѣя Михайловича съ гетманомъ Хмѣльницкимъ. Договоръ этотъ имѣлъ бы для насъ болѣе сильное юридическое значеніе, нежели для пропаганды актъ люблинской уніи. Люблинскимъ договоромъ Польша притянула къ себѣ русскія провинціи, а этимъ договоромъ великая Русь *добровольно* соединилась съ Малою, однако мы объ этомъ договорѣ умалчиваемъ, потому что позднѣйшій за тѣмъ договоръ Андрусовскій иначе разверсталъ Малороссію обѣихъ сторонъ Днѣпра и тѣмъ уничтожилъ дѣйствіе предшествующаго. Мы думаемъ и, надѣюсь, съ нами согласятся и историки, и юристы, что брать, по произволу, по фантазіи, одинъ или другой международный трактатъ, договоръ, не обращая вниманія на то, дѣйствуетъ ли онъ и доселѣ или утратилъ свою силу за дѣйствіемъ позднѣйшаго, — неумѣственно и легкомысленно по отношенію къ международному праву, а основывать на какомъ нибудь вырванномъ изъ исторіи листкѣ догадательство, которымъ можетъ быть нарушена дѣяльность жизни и состава всего общества, — неуважительно къ самому обществу и, скажемъ болѣе, дико и несмысленно. Не было примѣра, чтобъ кто либо пытался перестроить

европейское общество по старымъ бумагамъ. Таково именно домогательство поляковъ возвести въ силу договоръ, послѣ котораго, позднѣйшими трактатами, совсѣмъ иначе поставлена историческая жизнь общества, отвергая притомъ значеніе послѣдняго трактата, какъ факта существующаго, Европейское международное право, обязательное для всѣхъ, признаетъ дѣйствіе тѣхъ только трактатовъ и договоровъ, изъ которыхъ вылилась настоящая жизнь общества и коими опредѣлились современные отношенія народовъ, всѣ же предшествовавшіе трактаты сдаются въ архивъ, какъ достояніе исторіи, а не жизни, иначе претензіямъ, раздорамъ и войнамъ не было бы конца. Такъ парижскій трактатъ 1856 года, измѣнивъ нѣкоторыя отношенія и цѣли, которыя были навязаны европейскимъ державамъ вѣнскимъ договоромъ, уничтожилъ дѣйствія послѣдняго и тѣмъ лишилъ права кого бы то ни было простирать свои претензіи назадъ—за 1856 годъ. Историческое международное право есть право условное, временное, переходное, опирающееся на послѣднемъ не уничтоженномъ договорѣ. Безъ этого въ мірѣ послѣдовало бы всеобщее переселеніе народовъ, поминутное измѣненіе границъ ихъ и всемірныя смуты и безурядицы. Безъ этого Франція стала бы домогаться границъ тильзитскаго міра и, пожалуй, границъ имперіи Карла Великаго; Римъ потребовалъ бы сѣверной Германіи; австрійскіе Императоры—имперіи Карла Великаго; Испанія захотѣла бы возвратить Бельгію и Голландію; Турція—Венгрію; Алжирія—Грецію и Крымъ; Швеція—Померанію и Остзейскія губерніи; словомъ что въ Европѣ не осталось бы на своемъ мѣстѣ, при своемъ названіи.

И такъ, несостоятельность претендательства Мирославскаго и компаніи оказывается равносильною несостоятельности самаго историческаго права, а это въ устахъ легковѣрныхъ патріотовъ можетъ имѣть не больше значенія, какъ вѣрованіе нашихъ до-

морощенныхъ космографовъ въ стояніе земли на трехъ китахъ.

Въ заключеніе, предлагаемъ слышанные нами, весьма умѣстные здѣсь отзывы умныхъ и уважаемыхъ поляковъ о своихъ соотечественникахъ. Въ 1846 году, въ эпоху краковской революціи, временное республиканское правленіе приступило къ избранію министровъ. Дѣло какъ-то не клеилось: кандидатовъ на финансовый портфель было много, на прочіе портфели ни кого, кому ни предлагали ихъ, никто не хотѣлъ ихъ принять. Объ этомъ избраніи было много толковъ и на словахъ и на бумагѣ. Какъ-то, однажды, разговаривая съ весьма умнымъ полякомъ, знакомымъ мнѣ, я просилъ его объяснить мнѣ продолжительность краковскихъ выборовъ. Вотъ его отвѣтъ, тогда же мною записанный: «Вѣрьте мнѣ, я моихъ соотечественниковъ хорошо знаю и имѣю право произнести имъ приговоръ. Мое увѣченіе доказываетъ, что, когда требовали обстоятельства, я не трусь иду умирать за Польшу, ¹⁾ но никогда не довѣрялъ горячимъ патріотамъ, тайнымъ обществамъ и поджигателямъ революцій. Они то и сгубили мое отечество. Вы развѣ недогадываетесь отчего въ Краковѣ такъ туго идутъ выборы? Всѣмъ имъ, кто тамъ ни есть, хотѣлось бы добраться до финансовой портфели или, точнѣе, овладѣть кассою и распорядиться ею по

¹⁾ Это князь Г. К..., командовавшій въ 1830 году полкомъ и честно исполнившій долгъ военной присяги. 17/29 ноября онъ привелъ свой полкъ къ великому князю, но, получивъ приказаніе возвратиться въ Варшаву, считалъ уже, и весьма справедливо, разрѣшеннымъ себя отъ прежнихъ обязательствъ. К. явился на банковую площадь съ полкомъ; но толпа не хотѣла даже слушать его, бросилась на него, стащила съ лошади, изувѣчила и, конечно, убила бы его, если бы, въ это время, не вышелъ на террасу банка ораторъ. Слово его остановило ярость толпы и призвало ее къ сознанію справедливости. Но было поздно. Несчастный на всю жизнь остался увѣченнымъ.

«своему, а при случаѣ и скрыться». Не помню, оправдались ли предсказанія поляка.

По поводу революціи 1831 года, другой почтенный полякъ, генералъ нашей службы, такъ выражался: «Знаете ли, что Л. теперь въ Варшавѣ только и кричитъ, что поляки сдѣлаютъ такъ, что Императоръ Николай будетъ воевать съ королемъ Николаемъ. Но къ сожалѣнію такая черта моихъ соотечественниковъ, что они все начинаютъ собща, пыломъ и крикомъ, а кончаютъ порознь и въ частныхъ капитуляціяхъ!» Если эта черта дѣйствительно была въ государственныхъ дѣятеляхъ покойной Польши, то пусть потомки ихъ догадаются на кого имъ должно сердиться, гдѣ имъ надлежитъ искать причинъ паденія Польши, завѣчавшихся ея раздѣломъ и кого обвинять въ томъ: своихъ или чужихъ, насъ или кого либо другаго?....

Недавно мы слышали расказъ, что Людвигъ Мирославскій лишенъ званія президента національнаго комитета за обращеніе будто бы имъ въ свою собственность кассы союза и за пріобрѣтеніе на нее какой-то недвижимости. Если это правда, то мы полагаемъ, что на вакантное мѣсто много будетъ кандидатовъ, какъ и въ 1846 году на финансовый портфель въ Краковѣ. Можетъ быть преемнику Мирославскаго касса уже не ввѣрится, но что таковой будетъ, въ томъ почти не сомнѣваемся, иначе на кого же въ Европѣ падетъ обязанность провозглашать обществу социальный демократизмъ и стучать подъ окнами домовъ, съ предложеніемъ: не угодно ли сдѣлать революцію—мы къ вашимъ услугамъ!!!!

II. Саковичъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАМѢТКА

на замѣтку: „о церковно-приходскихъ училищахъ кievской епархіи“, помѣщенную въ 238 № Санктъ Петербургскихъ Вѣдомостей 1862 года.

На широкомъ полѣ нашей литературы и журналистики, среди разнообразныхъ по содержанію и достоинству явленій, самымъ жалкимъ и пустымъ занятіемъ намъ кажется фельетонная полемика, которая, къ сожалѣнію, слишкомъ разрастается у насъ. Это точно репейникъ, который хочетъ плодиться въ ущербъ хорошимъ и полезнымъ растеніямъ. У фельетонной полемики есть свой характеръ и своя фізіономія, совершенно не похожія на добросовѣстный литературный трудъ. Вы не видите здѣсь вниманія къ правдѣ дѣла и стремленія къ ясной, доброй цѣли. Вы не читаете здѣсь горячо прочувствованныхъ и глубоко продуманныхъ строкъ и выводовъ. Мелкіе интересы, личныя страсти, сословныя предубѣжденія, закулисныя отношенія и кабинетныя дразги—вотъ тѣ рычаги, какими живетъ, движется и работаетъ эта полемика. Критикъ (если только здѣсь можно употребить это слово, не профанируя его) вовсе не заботится о томъ, чтобы сказать нѣчто живое и содержательное; онъ во что бы то ни стало хочетъ только отдѣлать своего противника, поставить на своемъ и бросить грязью въ него или то учрежденіе, ту идею, какія онъ защищаетъ. А что будетъ изъ этого,—ему нѣтъ никакого дѣла. Когда подумаешь объ этомъ, подѣ влияніемъ какой нибудь извѣстной, свѣжей фельетонной критики,

чувство грусти ложится на душу еще тяжелѣ, негодование на фельетонную критику становится еще отчетливѣе и законнѣе.

Такія мысли пришли намъ въ голову, когда мы въ С. П. Б. Вѣдомостяхъ прочитали замѣтку: «по поводу статьи г. Крамарева: о церковно-приходскихъ училищахъ кievской епархіи, помѣщенной во 2 № Вѣстника югозападной и западной Россіи за 1862 годъ». Мы не принадлежимъ къ любителямъ фельетоннаго чтенія, но, какъ жители Кіева, естественно заинтересовались этою замѣткою, по одному ея заглавію. Статья, какъ видите, имѣетъ нашъ мѣстный интерес: намъ нельзя обойти вниманіемъ того, что говорятъ о нашей скромной сторонѣ и нашей дѣятельности, въ столичныхъ газетахъ.

Но что это за замѣтка, и для чего она? Какой смыслъ и какая цѣль ея? Что побудило автора явиться предъ публикой съ своимъ жидкимъ словомъ, въ столичной газетѣ о статьѣ, скромно и безъ всякихъ затѣйливыхъ претензій рассказывающей о мѣстномъ явленіи, болѣе или менѣе извѣстномъ всякому жителю кievской губерніи?

На эти и подобные вопросы статья не даетъ яснаго отвѣта, и вы можете только догадываться, какія намѣренія какая задняя мысль скрывается за словами автора, богатыми одними полу-намёками и прикрытыми туманомъ неопредѣленности.

Неизвѣстный авторъ, въ началѣ своей статейки, хотѣлъ что-то сказать касательно ея цѣли и намѣренія. «Мы желали бы (говорить онъ) высказать нѣсколько мыслей, пришедшихъ намъ въ голову, при чтеніи статьи, заглавіе которой нами написано. Осмѣливаемся думать, что онъ не будутъ векстати, при всеобщемъ вниманіи теперь нашего общества къ вопросу о народномъ образованіи». Въ добрый часъ, сказалъ бы вамъ читатель, особенно заинтересованный въ дѣлѣ народнаго образо-

ванія, надѣясь, что вы, руководясь чисто разумными мотивами, намѣреваетесь силою своего сознанія сколько нибудь разъяснить тяжелыя думы нашего времени надъ вопросомъ о народномъ образованіи! Вамъ будутъ очень благодарны, если вы дадите добрый совѣтъ въ дѣлѣ, живо интересующемъ всѣхъ, если укажете что нибудь новое касательно способовъ и средствъ къ облегченію важнаго и труднаго дѣла. Въ совѣтахъ, въ руководствахъ очень нуждаются наши сельскіе учителя народа. Но куда ли мѣтять ваши нѣсколько мыслей! Хотятъ ли онѣ сказать что нибудь серьезное по вопросу о народныхъ школахъ? Мы не видимъ этого. Отсутствіе положительнаго интереса и содержанія слишкомъ замѣтно отражается въ «нѣсколькихъ мысляхъ», записанныхъ въ газету по поводу статьи: «о церковно-приходскихъ школахъ, кіевской епархіи». Всѣ мысли направлены къ тому, чтобы уколоть людей чужаго прихода и произвести въ нихъ хоть мгновенное ощущеніе боли. Авторъ весьма неловко придирается къ выраженіямъ рассказчика о кіевскихъ церковно-приходскихъ школахъ. старается подмѣтить его обмолвки. усиливается воспользоваться ими для того, чтобы доброе дѣло перевести въ область комическаго и уронить его въ глазахъ публики. «Какъ можно хвалить духовенство за распространеніе грамотности и за заботу о народномъ образованіи (хочетъ сказать авторъ замѣтки: это противно его желанію и почему-то очень непріятно ему)? Его совершенно напрасно заставляютъ браться за это дѣло; у него нѣтъ охоты къ этому, да, пожалуй, и времени, а главное, оно совершенно не умѣетъ вести это дѣло какъ слѣдуетъ. Авторъ самъ слышалъ отъ довѣрчивыхъ лицъ, производившихъ неофициально испытанія, да и самъ имѣлъ случай видѣть, какъ дурно, съ какими старосвѣтскими замашками оно ведетъ себя въ школахъ, съ какою неуумѣlostію исполняетъ возложенное на него дѣло просвѣщенія

народа. У насъ же есть министерство *народнаго* просвѣщенія, которое изъ желанія добра народу должно открывать и открываетъ школы по деревнямъ и селамъ и, конечно, лучше можетъ распорядиться этимъ дѣломъ, чѣмъ духовенство». Чтоже? Это сказано изъ желанія добра народу? Изъ безкорыстнаго служенія дѣлу народнаго образованія? По сознанію долга и правды? Нѣтъ, авторъ самъ не хочетъ становиться на ходули, а проговаривается довольно ясно, что у него есть какіе-то личные счеты съ духовенствомъ по дѣлу о народныхъ школахъ, и что онъ имѣетъ основаніе антипатично относиться въ томъ случаѣ къ духовенству не по однимъ расчетамъ безстрастной мысли.

Еслибы вы истинно ревновали по дѣлу народнаго образованія, если бы вы хотѣли оказать поддержку трудящимся на этомъ поприщѣ, то зачѣмъ чернить, безъ видимыхъ основаній, брата и сотрудника? Зачѣмъ бросать въ него насмѣшкою и колкостями? Научите его, если вы мудрѣе его, укажите ему лучшіе способы дѣйствованія, но не браните его, не корите его съ злобою за недостатки, если вы ихъ въ немъ замѣчаете. Всякій, мало-мальски благомыслящій, человѣкъ согласится, что духовенство взялось за доброе дѣло, когда начало открывать и заводить школы при церквахъ. Можетъ быть, здѣсь, на первыхъ порахъ, съ какой нибудь стороны, были такія или другія неловкости. Можетъ быть, въ методахъ обученія, у нашихъ сельскихъ учителей нѣтъ той современной моды, какую узаконяетъ теорія педагогіи. Но мы надѣемся на силы и усердіе духовенства и смѣемъ думать, что время, опытъ и добрые люди научатъ его болѣе успѣшному веденію съ честью начатаго дѣла. И какъ же не жалѣть, что эти люди, на доброту которыхъ столько разсчитываетъ духовенство, вмѣсто благожеланія и совѣтовъ, шлютъ ему укоры, антипатію и оскорбительное недовѣріе. Духовенство чѣмъ богато, тѣмъ и радо. Какъ знаетъ и умѣетъ, оно, по мѣрѣ силъ сво-

ихъ, трудится надъ дѣломъ народнаго образованія, и только скорбитъ о томъ, что со стороны людей, владѣющихъ средствами, ему нѣтъ ни поддержки, ни одобренія. Безъ средствъ, безъ денежныхъ пособій, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ оно взялось за это дѣло, и, можно сказать, что успѣхи этого безкорыстнаго служенія духовенства, въ глазахъ людей, имѣющихъ очи видѣть, превзошли самыя смѣлыя ожиданія.

Министерство народнаго просвѣщенія, естественно, должно было показать полное сочувствіе предпріятію духовенства касательно заведенія школъ и распространенія грамотности,—и по вѣдомству его сдѣланы были распоряженія, клонящіяся къ той же цѣли, какую намѣтило себѣ духовенство. Но, то было, если не ошибаемся, уже тогда, когда слишкомъ много и громко начали говорить о церковно-приходскихъ школахъ, учрежденныхъ духовенствомъ. Значить, инициатива въ этомъ дѣлѣ совершенно не ему принадлежитъ: оно явилось здѣсь какъ бы подражателемъ духовенства и хотѣло идти по готовому пути. Оно по этому не должно предвосхищать у нашего духовенства доброй славы за первоначальное осуществленіе мысли о заведеніи сельскихъ школъ и распространеніи грамотности и просвѣщенія въ массѣ деревенскаго народонаселенія.

Во всякомъ случаѣ, когда бы ни начато дѣло народнаго образованія со стороны министерства просвѣщенія, мы не можемъ оуждать его стремленія, достойнаго уваженія по самой цѣли. Мы думаемъ, что и духовенство обрадовалось содѣйствію со стороны свѣтской власти, когда услышало о его стремленіяхъ и распоряженіяхъ. Одна сила дѣлаетъ добро народу,—къ ней присоединяется другая: онѣ вмѣстѣ сдѣлаютъ гораздо больше. И духовенство радовалось, когда услышало, что оба вѣдомства, и свѣтское и духовное, соединились между собою, что—

бы дружными усилиями, без споровъ и зависти, идти къ доброй цѣли, къ образованію народа.

Но, видите, какъ портится дѣло, когда въ него замѣшаются страсти человѣческія! Исполнители предписанія министерства народнаго просвѣщенія, какъ чиновники, тотчасъ же повели дѣло по формѣ и начали думать о поставленіи въ школу своихъ начальниковъ, которые безконтрольно заправляли бы ея дѣломъ. Школы, основанныя безъ ихъ воли и вѣденія, и потому не думавшія подчиняться ихъ властительской регламентаціи, возбуждаютъ противъ себя ихъ сердитое негодованіе, и они становятся въ жаркій антагонизмъ къ нимъ, какъ явленіямъ, не узаконеннымъ ихъ начальственной волею и ускользающимъ отъ ихъ чиновначалія. По силѣ этого антагонизма, отстраняютъ дѣтей отъ посѣщенія школъ, заведенныхъ духовенствомъ, если эти послѣднія не выражаютъ желанія отказаться отъ своей автономіи. Хотя мы и не можемъ указать въ подобномъ случаѣ фактовъ прямаго насилія, за то комическихъ продѣлокъ, въ которыхъ ревнители собственно свѣтскаго просвѣщенія, отъ избытка своего усердія, разными обѣтованными благами силились сманить себѣ людей изъ чужаго лагеря, довольно подмѣтила народная наблюдательность. По силѣ этого антагонизма, непрощенные и никѣмъ не призванные люди стараются пускать въ народныя массы дурную молву и презрительные отзывы о дѣятельности и способностяхъ нашего духовенства къ дѣлу народнаго образованія. Этотъ антагонизмъ прибѣгаетъ, наконецъ, и къ печатной гласности съ неосновательнымъ и пристрастнымъ протестомъ противъ дѣятельности духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія. Какъ хотите, а это дѣло нечистое. Если кому не угодно признать силы законности за совершившимся фактомъ, если кому не нравится зданіе, добросовѣстно начатое духовенствомъ, тотъ, по долгу честнаго уваженія къ чужой личности и чужому труду, пусть

не перебиваетъ работы домашнихъ дѣтелей, пусть не хлопочетъ о совершенствахъ чужой постройки,—тѣмъ болѣе—пусть не раскидываетъ камней, положенныхъ другими въ основаніе зданія, а, если считаетъ нужнымъ, пусть строитъ новое зданіе, независимо отъ того, которое строится другими. Мы привыкли обращаться съ народомъ слишкомъ безперемонно и мало полагаемся на его разсудительность, въ дѣлахъ, касающихся его личной пользы. Самоправно и нелогично! Въ дѣлѣ народнаго образованія, народу нужно предоставить главную распорядительность. И свѣтскимъ никто не мѣшаетъ заводить свои школы, но пусть же они не мѣшаютъ и духовенству продолжать начатое дѣло, тѣмъ болѣе, что оно правительству не стоитъ никакихъ издержекъ. А народъ самъ знаетъ, къ кому ему лучше обратиться за удовлетвореніемъ пробуждающейся въ немъ потребности просвѣщенія. Навязывать ему извѣстное, ему неугодное, образованіе и образователей, повторимъ снова, и самоправно и нелогично.

Но духовенство, представляетъ неизвѣстный авторъ, не умѣетъ учить, и потому въ его распоряженіи нельзя оставлять школъ народныхъ, хотя бы они и имъ были заведены. Лучше это предоставить намъ, людямъ свѣтскимъ, которые, по смыслу указанной нами статьи, лучше образованы, чѣмъ сельское духовенство, и болѣе знакомы съ новѣйшими, легчайшими методами обученія. «Изъ собственнаго опыта (говоритъ онъ), изъ словъ лицъ, производившихъ неофициально испытанія, лицъ, которымъ мы вполне доверяемъ, мы знаемъ о приходскихъ школахъ такіе факты: дитя отлично читаетъ часословъ, знаетъ его даже наизусть, и ни одного слова не можетъ прочесть въ другой книгѣ славянской, по которой не училось; дитя отлично, быстро читаетъ всякую славянскую книгу, поетъ цѣлую обѣдню и не можетъ понять и объяснить ни одного слова изъ прочитаннаго,—даже сдѣлаетъ вамъ большіе глаза, если объ чемъ

«взбудь подобномъ вы его спросите. Мы сами имѣли случай видѣть (продолжаетъ авторъ, замѣтно любуясь картинностію своего выраженія), какъ рука учителя коснулась съ размаху щеки дитяти, какъ не-разъ не съ размаху, а колебательно касалась она волосъ дѣтей. Слышали мы еще отъ довѣренныхъ лицъ кое-что о стояніи колѣнами на кирпичахъ, съ поднятыми въ рукахъ кирпичами же, и стояніи многовременномъ....»

Авторъ, какъ видно, нарочно собиралъ разные слухи касательно метода обученія и дисциплины, господствующихъ въ приходскихъ школахъ, и слухъ его, руководимый внутреннимъ расположеніемъ сердца, показывалъ чуткость и воспримчивость только къ тому, что въ этихъ слухахъ, на основаніи, можетъ быть, давнихъ преданій, есть дурнаго и nereкомендующаго. Наши свѣденія по этому предмету нѣсколько новѣе и достовѣрнѣе. Одинъ изъ дѣльныхъ студентовъ университета, вовсе не предубѣжденныхъ въ пользу духовенства описывая свою поѣздку по кievской губерніи, съ восторгомъ рассказывалъ о видѣнныхъ имъ сельскихъ школахъ, управляемыхъ духовенствомъ, какъ о явленіяхъ особенной замѣчательности. По его словамъ, есть чему поучиться у забытыхъ сельскихъ учителей—священниковъ и намъ, людямъ высшаго образованія. «Среди живой дѣятельности, говорилъ онъ, у нихъ сами собою рождаются особенные педагогическіе приемы, и достигаютъ у иныхъ такого совершенства, что ихъ просто можно ставить въ образецъ современной педагогической науки.» Онъ называлъ намъ даже фамиліи этихъ педагоговъ, особенно одного, священника Пр—ва, который въ этомъ отношеніи могъ поучить, пожалуй, самыхъ лучшихъ нашихъ педагоговъ. И мальчики, вообще, учащіяся въ такихъ школахъ, быстро развиваются, и не только усвояютъ простую грамоту, но и показываютъ смыслъ, пониманіе..... Кто хочетъ составить себѣ надлежащее понятіе о

приходскихъ школахъ, тому не мѣшало бы, кромѣ дурныхъ толковъ, подсказанныхъ предубѣжденіемъ и стародавними преданіями, быть повнимательнѣе къ живому и разнообразному голосу современной дѣйствительности. Конечно, не всѣ одинаково учать, не всѣ одинаково воспринимаютъ ученіе. Но вѣдь и у свѣтскихъ учителей, зависящихъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, бываютъ разные приемы и способности. Кто по совѣсти бросить камень осужденія въ духовенство за то, что оно дѣйствуетъ (и дѣйствуетъ успѣшно) на образованіе народа тѣми, а не другими средствами! Если захотѣтъ подмѣчать дурное, то развѣ нельзя найти его и въ свѣтскихъ хваленыхъ школахъ? Мы жалѣемъ о тѣхъ опытахъ механическаго обученія (кто бы ни училъ такъ—свѣтскіе или духовные), на которые съ торжествомъ указываетъ авторъ, и при которыхъ дитя, знающее наизусть часословъ, ни слова не можетъ разобрать въ славянской книгѣ, или—умѣющее пѣть цѣлую обѣдню и бойко читающее всякую славянскую книгу, не въ силахъ объяснить ни одного слова изъ прочитаннаго. Но авторъ далъ намъ поводъ усомниться въ правдивости его приговора, и опыты, имъ представленныя, признать слишкомъ рѣдкими и не въ такой мѣрѣ чуждыми смысла, какъ это угодно было представить воображенію автора. Умѣнье читать, отъ часослова, хорошо знакомаго мальчику, незамѣтно можетъ возрасти и перейти на другія книги. Точно также незамѣтно можетъ развиться и сила пониманія. Лейбницъ рассказываетъ же о себѣ, что онъ въ дѣтствѣ любилъ смотрѣть латинскія книги, въ которыхъ ничего не понималъ сначала; а потомъ, когда онъ повторялъ и учащалъ свое обращеніе съ ними, онъ началъ кое-что понимать въ этихъ книгахъ,—дальше и дальше,—и онъ, наконецъ, овладѣлъ ихъ смысломъ вполнѣ. Тоже самое можетъ случиться и съ мальчикомъ, читающимъ мало понятную ему славянскую книгу: со

временемъ, при учащенномъ вниманіи, въ этихъ книгахъ для него сдѣлается все яснымъ и понятнымъ, какъ будто безъ особенныхъ усилій съ его стороны. Да притомъ, не перемѣшались нѣсколько факты авторъ и не увеличилъ ли съ другой стороны ихъ механической мертвенности. Можетъ быть лица, производившія *неофіціальныя* испытанія, заставляли дѣтей читать наизусть молитвы, которыя выучиваютъ малолѣтнія и не грамотныя дѣти со словъ матери или учителя (дѣло, конечно, не заслуживающее порицанія)? Автору показалось, что они по книгѣ могутъ читать только то, что заучили наизусть. Мы не вѣримъ далѣе, чтобы мальчикъ, быстро читающій всякую славянскую книгу и поющій цѣлую обѣдню, не понималъ ни *одного* слова изъ прочитаннаго. Ну, напримѣръ, молитвенное обращеніе: *Господи помилуй*, едвали не понятно такимъ мальчикамъ и многое, тому подобное. А что дѣти простолюдиновъ не все въ состояніи объяснить, за это не слѣдъ винить ихъ. Намъ случалось говорить съ людьми, имѣющими ученую университетскую степень, которые откровенно признавались, что они ни юты не понимаютъ въ пѣсни: «Иже херувимы тайно образуеще... и въ нѣкоторыхъ другихъ». Отъ чего это зависитъ, когда здѣсь нѣтъ возможности свалить вину на механическую методу обученія, конечно, не примѣнимую къ студенту или кандидату университета?

Сколько намъ приходилось слышать: мы не имѣемъ основанія возлагать большихъ надеждъ на новыя методы, которыми будто вооружены свѣтскіе сельскіе учителя. Многіе изъ этихъ учителей только слышали о новыхъ легчайшихъ методахъ обученія, но не знаютъ ихъ сущности и не могутъ себѣ выяснять ихъ характера; многіе и изъ знающихъ кое-что объ нихъ не умѣютъ прилагать ихъ къ практикѣ. Въ нашей памяти доселѣ свѣжъ разговоръ, который намъ приходилось слышать еще дѣ-

томъ. Одинъ изъ ревнителей свѣтскаго просвѣщенія и ненавистниковъ школъ, заведенныхъ духовенствомъ, еще участвующій, кажется, непосредственною дѣятельностію въ созданіи и приготовленіи скороспѣлыхъ просвѣтителей народа, старался восхвалять свою систему обученія, которую онъ вмѣстѣ съ другими, передаетъ людямъ, выразившимъ желаніе быть учителями въ сельскихъ школахъ. Дѣло, какъ водится у насъ, началось бранью духовенства, которое, по его словамъ, только портитъ народъ въ своихъ школахъ, и со вредомъ для мысли забиваетъ головы мальчиковъ своими старыми приемами. Но, когда разговоръ завязался и отъ него потребовали выясненія своей новой методы, онъ, сколько ни бился, а не могъ выпутаться изъ сферы общихъ фразъ, ходячихъ въ нашемъ обществѣ, и ровно ничего не выяснилъ.—Что дурнаго (спросили его) собственно въ тѣхъ приемахъ обученія грамотѣ, какіе вызываютъ у него столько негодованія на наше духовенство?—Да, помилуйте (отвѣчалъ онъ) тамъ, въ приходскихъ школахъ, учатъ дѣтей азбукѣ такъ, какъ учили въ старину, именно заставляють говорить, смотря на буквы: азъ, буки, вѣди, глаголь..... и т. д.—Ну, а вы какъ учите?—А мы: «а, бе, ве, ге..... и пр. Но тутъ еще (замѣтили ему) не большое усовершенствованіе: результатъ, вѣроятно выйдетъ изъ этого тотъ же, какого достигаетъ и духовенство со своими азъ, буки, вѣди..... И не все ли равно, выучусь ли я читать по а, бе, ве,—или по азъ, буки, вѣди.....?» — Современный педагогъ не зная, что отвѣчать на это и только, смѣшавшись, пробормоталъ сквозь зубы: «Такъ, но... все какъ будто голова меньше забита»; оказавшись несостоятельнымъ защитить это шаткое положеніе. — Послѣ, его навели на мысль о вещественномъ обученіи и чрезъ изображеніе предметовъ, рисуемыхъ въ новыхъ азбукахъ, возбуждающихъ воображеніе дитяти, и заохочивающихъ ихъ къ

ученію, — и педагогъ началъ въ неумѣренныхъ похвалахъ отзываться объ этой наглядной методѣ обученія. Его оппонисты замѣтили ему на это, что и старая азбука не безпредметна, и тамъ при каждой буквѣ стоитъ названіе такого или другого предмета. Только вотъ въ чемъ разница: тамъ при А стоитъ названіе ангела, архангела, при Б имя Бога, а въ новой азбукѣ—при буквѣ А нарисованъ ананасъ, который для нашего крестьянина почти не существуетъ, при Б, вмѣсто Бога,—быки, при С свинья и т. п. Едва-ли нашему народу, смотрящему на дѣло грамоты болѣе или менѣе съ религіозной точки зрѣнія, нравится такой выборъ предметовъ въ пособие къ первоначальному изученію азбуки: онъ скорѣе уронитъ въ глазахъ народа дѣло грамоты, чѣмъ привлечетъ его къ ней, и, встрѣчаясь съ быками, да свиньей въ самый первый періодъ своего образованія, мальчикъ можетъ установить взглядъ на книжное дѣло, какъ на нѣчто шуточное, безцѣльное и забавное.—Нападалъ современный педагогъ на духовныхъ и за то, что они не умѣютъ выбирать книги для первоначальнаго чтенія дѣтямъ: они-де даютъ мальчикамъ въ руки какія нибудь непонятныя славянскія книги. Ему отвѣчали на это, что духовные даютъ въ руки дѣтямъ не какія нибудь непонятныя славянскія книги, а такія, какія нужнѣе и полезнѣе всякихъ другихъ каждому христіянину, именно книги священныя и богослужебныя, а во главѣ ихъ божественное Евангеліе.—Но, что пользы въ этомъ, когда нашъ народъ нисколько не понимаетъ этого мертваго, стараго языка?—Нашъ народъ, правда, не говоритъ древнимъ церковно-славянскимъ языкомъ (отвѣчали ему), но онъ на первыхъ же годахъ своего сознанія, болѣе или менѣе свыкается и осваивается съ нимъ; потому что онъ ходитъ въ церковь, и въ церкви постоянно слышитъ древнюю церковно-славянскую рѣчь, которая чрезъ то дѣлается ему родною и понятною. Осо-

бенно—возьмите Евангеліе: вы не найдете тамъ слова или пункта, смыслъ котораго былъ бы вообще непонятенъ народу; въ этомъ отношеніи, крестьянскій мальчикъ, пожалуй, не уступитъ иному воспитаннику свѣтскаго городского учебнаго заведенія. Притомъ же, Евангеліе есть и въ русскомъ переводѣ; а русскій переводъ Евангелія такъ простъ и удобопонятенъ, такъ дешевъ и доступенъ, что, мы надѣемся, онъ есть въ каждой сельской приходской школѣ.—А вы (спросили его) по какимъ книгамъ хотите учить народъ?—«Мы дадимъ ему наши, которыя бы способствовали развитію разсудка, воображенія, на примѣръ, сказки...» Но едвали (возразили ему) здравая педагогія признаетъ болѣе полезною для умственнаго и нравственнаго развитія какія нибудь сказанія о Бабѣ-Ягѣ и Жарь-Птицѣ, чѣмъ полную мудраго и благоплоднаго смысла исторію Божественнаго Основателя нашей вѣры и нашего Искупителя, умѣшаго говорить самыя глубокія истины понятно для всякаго дѣтскаго ума.....» Но мы наскучили бы читателю, если бы захотѣли передать все разнообразіе шаткихъ положеній и несостоятельныхъ возраженій современнаго свѣтскаго педагога; и изъ нашихъ немногихъ словъ уже ясно видна вся его мудрость и та цѣль, къ которой онъ, безъ долгихъ размышленій, хотѣлъ бы тянуть народное образованіе.

Что касается «размашистаго и колебательнаго движенія руки учителя приходской школы», такъ живописно изображеннаго авторомъ замѣтки, направленной къ униженію церковно-приходскихъ школъ,—то мы, не отвергая безусловно возможности подобнаго явленія, смѣемъ думать, что оно представляетъ рѣдкость въ свободныхъ школахъ, заводимыхъ духовенствомъ, куда отдають дѣтей родители по доброй волѣ, а быть же не можетъ, чтобы эта добрая воля напрашивалась на размашистое и колебательное движеніе учительской руки къ щекѣ и головѣ

мальчика и на другія спартанскія казни. Если такія вещи авторъ слышалъ отъ достовѣрныхъ лицъ, то не представляютъ ли онѣ «дѣла давно минувшихъ дней, преданій старины глубокой?» И по ассоціаціи представленій, не перенесъ ли авторъ на новую сферу того, что рассказывали ему о другомъ далекомъ кругѣ? Если рассказъ автора и примѣнимъ къ педагогіи какого нибудь старика—дьячка, то въ сельскомъ быту его, въ приѣмахъ, при которыхъ совершалось его личное образованіе много есть условій, нѣсколько извиняющихъ его негуманное обращеніе съ своими учениками. Негуманное обращеніе сельскаго учителя—простяка не должно казаться слишкомъ позорнымъ преступленіемъ тѣмъ людямъ, которые помнятъ, что самъ знаменитый Пироговъ, вмѣстѣ со всѣмъ педагогическимъ совѣтомъ кіевскаго учебнаго округа, призналъ розгу для благородныхъ гимназій и пансіоновъ необходимымъ средствомъ нравственнаго преуспѣянія, дѣйствующимъ чрезъ физическое сотрясеніе нервной системы. Духовенство, сколько помнится, никогда не выступало на нашихъ дняхъ въ защиту розги и пощечинъ; это знакъ, что оно не сочувствуетъ этимъ педагогическимъ средствамъ, и потому частныя уклоненія отъ гуманности обращенія съ учениками должны считаться только исключеніями, а не таковымъ явленіемъ, за которое нужно винить все и всѣхъ.

На кого же возлагаютъ свои надежды ревнители свѣтскаго просвѣщенія, желающіе вырвать дѣло народнаго образованія изъ рукъ духовенства? Людей съ истиннымъ просвѣщеніемъ изъ свѣтскаго круга мало найдется для этой миссіи: они были бы слишкомъ дороги для нашихъ деревень; для такихъ у насъ и въ городахъ много мѣсть, съ хорошимъ обезпеченіемъ, съ богатыми средствами къ саморазвитію, и съ видами на лучшую будущность. Мѣстомъ учителей сельскихъ школъ польстятся только недоучки всякаго рода, негодные для другаго употребле-

нія, именно: исключенные или уволенные до окончания курса по разнымъ обстоятельствамъ, воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній. У такихъ людей менѣ всего можно ожидать нравственнаго содержанія, и менѣ всего можно располагать на ихъ благотворное вліяніе на дѣтей. Это большею частію люди съ порядочною долею распушенности, съ закаломъ отрицанія и недовольства: въ скромный и тихій сельскій бытъ они скорѣе всего могутъ внести дисгармонію и сѣмя нравственнаго раздора, вмѣсто желаннаго примиренія и просвѣтленія. Эти недозрѣлые бобыли педагоги для народа могли бы быть истинною язвою, если только дать имъ среди него свободный просторъ. —Лучше нѣсколько распоряжаются, когда выбираютъ сельскихъ учителей изъ среды самыхъ поселянъ, и приглашаютъ ихъ мѣсяца на четыре въ губернскій городъ, для педагогическаго просвѣщенія. Но четыре мѣсяца губернской жизни пересоздадутъ ли весь строй міровозрѣнія простаго селянина? И сравнится ли онъ, въ своемъ образованіи и познаніяхъ съ священникомъ, прошедшимъ полный учебный курсъ? Онъ будетъ также недалекъ, и также безсиленъ нравственными средствами, какъ и дѣти, порученныя его учительскому надзору. Короче: лишать священника, первое образованное лице въ деревнѣ, должнаго вліянія на школу, значить отнимать у крестьянъ возможность пользоваться самымъ важнымъ и сподручнымъ нравственнымъ вліяніемъ, какое только мыслимо въ его быту, и даже сочинять препятствія, устраняющія это благотѣльное вліяніе. И имѣя готовую силу, зачѣмъ еще стараться выскрывать другую силу и ей приписывать преобладающее значеніе, не смотря на то, что, по всѣмъ соображеніямъ, она никакъ не можетъ сравниться съ первою въ своемъ содержаніи, глубинѣ и широтѣ міровозрѣнія и правильности направленія?

Авторъ соблазняется тѣмъ, что духовное начальство сдѣ-

ладо распоряженіе касательно заведенія школъ при церквахъ кievской епархіи. Тутъ, значить (заключаетъ онъ) дѣйствуетъ принужденіе, неволя. А извѣстно, какъ ведутся дѣла по принужденію. Но въ существѣ дѣла здѣсь нѣтъ ничего соблазнительнаго; распоряженіе духовнаго начальства о школахъ, не выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей. Начальственное распоряженіе обыкновенно тогда можетъ имѣть надлежащую состоятельность, когда оно опирается на общее сознание настоятельной потребности времени, и само служитъ выраженіемъ этого сознанія. Мы знаемъ, что и въ вѣдомствѣ свѣтскомъ дѣлаемы были распоряженія касательно заведенія школъ по селамъ, по примѣру распоряженій кievскаго епархіальнаго начальства; знаемъ, что для этого дѣла нарочно ѣздили по кievской губерніи особенные чиновники, и ѣздили, какъ нужно полагать, не по внушенію своего собственнаго расположенія, а скорѣе по указанію свыше,—думаемъ, что имъ для этого отпущены были надлежащіе прогоны; слышали, что министерствомъ отпущено даже нѣсколько тысячъ для поддержанія новаго дѣла и поощренія кого слѣдуетъ къ дѣятельности. Между тѣмъ признаютъ же заслугу за тѣми лицами, которыя дѣйствуютъ по учрежденію народныхъ школъ, слѣдуя указанію свыше и при пособіи правительственныхъ средствъ,—и мы ея не отрицаемъ. Тѣмъ болѣе нельзя ничего сказать противъ свѣтскаго начальства, если оно подвѣдомственнымъ лицамъ даетъ указанія и дѣлаетъ распоряженіе касательно добраго дѣла по народному образованію. Такъ и должно быть.—Говоримъ это для того, чтобы поставить въ надлежащемъ свѣтѣ распоряженіе о школахъ кievскаго епархіальнаго начальства: аналогія здѣсь, намъ кажется, очевидна; бросая тѣнь на одно, вы не смѣете одобрять и другаго; если хотите быть послѣдовательными. Но если признаете достойнымъ награды человѣка, что нибудь сдѣлавшаго для народ-

наго образованія, въ слѣдствіе начальственнаго распоряженія и при пособіи денежныхъ средствъ, данныхъ правительствомъ: то тѣмъ болѣе вы должны отдать справедливость дѣятельности духовенства, которое безъ средствъ и пособій сдѣлало больше, чѣмъ другіе съ деньгами и пособіями правительства.

Указывая на распоряженія кievскаго епархіальнаго начальства о заведеніи школъ при церквяхъ, авторъ заподозрѣваетъ усердіе сельскаго духовенства по этому дѣлу, — въ доказательство этого ссылается на то, что онъ *«собственными ушами изъ устъ не одного духовнаго лица слышалъ рѣчи»* о трудности выполненія этого начальственнаго распоряженія... Мы не ѣздили по кievской губерніи и не разговаривали съ священниками, о томъ, о чемъ снисходительно бесѣдовалъ съ ними авторъ. Но судя по результатамъ сдѣланнаго распоряженія, о какихъ извѣщаютъ насъ газеты, въ особенности «Кievскія Епархіальныя Вѣдомости» въ послѣднихъ № № своихъ, недостатка въ усердіи духовенства къ дѣлу народнаго образованія не было. Въ самомъ дѣлѣ, вдругъ столько школъ, такія цифры учащихся, что люди, живущіе на сторонѣ, не вѣрятъ такимъ цифрамъ, тогда какъ для людей, знакомыхъ съ мѣтною жизнью, онъ несомнѣнный фактъ въ очію совершающійся! Видно, что сознаніе долга слишкомъ живо было въ духовенствѣ; стоило только возбудить его, намекнуть ему такъ или иначе. Если бы въ духовенствѣ не было охоты къ дѣлу, на которое вызвало его начальство, это распоряженіе повело бы къ самымъ скуднымъ результатамъ. Спору нѣтъ, что духовенство, приступая къ этому дѣлу, встрѣтило для себя едва одолимыя трудности, особенно когда помѣщики и мѣстное и свѣтское вѣдомство не оказали имъ нужнаго содѣйствія. Предоставленный самому себѣ и своимъ скуднымъ средствамъ, иной священникъ съ скорбнымъ чувствомъ могъ, пожалуй, говорить рѣчи, подобныя тѣмъ, какія

слышалъ нашъ авторъ: «У насъ у самихъ помѣщенія нѣтъ, времени нѣтъ, а тутъ, какъ хочешь, открывай школу. .» Но кого винить здѣсь прежде всего? Конечно, не духовенство и не начальство, лишенное матеріальныхъ средствъ къ обезпеченію подвѣдомственныхъ ему лицъ, а скорѣе всего тѣхъ, которые должны заботиться о матеріальномъ благосостояніи народа и содѣйствовать ему въ удовлетвореніи его нуждъ, хоть, напримѣръ, устройствомъ помѣщенія для училища, приобрѣтеніемъ школьныхъ пособій, учебниковъ и т. п.

Авторъ разбираемой нами замѣтки, думаетъ будто народъ относится не дружелюбно къ церковно-приходскимъ школамъ, и смотритъ на нихъ, какъ на учрежденія совершенно бесполезныя: «Оно-то хорошо отдавать (слышалъ авторъ будто отъ родителей учащихся); да время тратится, дома могъ бы чтонибудь сдѣлать, а то у пономаря вонъ цѣлый день полютъ огородъ, носить воду—когда некогда ученіе!»

Лучшимъ отвѣтомъ на это сомнительное свидѣтельство можетъ служить фактъ, не допускающій кривыхъ толкованій, о которомъ ообщаютъ Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости. Именно, по извѣстіямъ, напечатаннымъ въ № № 20, 21, 22 и 23 К. Ев. Вѣдомостей, въ большинствѣ приходоѡ сельскія общины добровольно ассигнуютъ ежегодно извѣстную сумму денегъ по общей складкѣ, въ обезпеченіе содержанія своего церковно-приходскаго училища, другія приурочиваютъ къ училищу по нѣсколькѣ десятинъ пахатной земли и усердно строятъ нарочитыя помѣщенія для школъ. Такой фактъ былъ бы для насъ необъяснимъ, если бы мы вполне довѣрили голословному показанію автора, нерасположеннаго къ церковно-приходскимъ школамъ. Народъ, конечно, увидалъ пользу отъ приходскихъ училищъ и призналъ за ними лучшее просвѣтительное значеніе, когда отъ своего скуднаго достатка жертвуетъ иногда, можетъ быть, по-

слѣдную лепту для поддержанія добраго дѣла, пришедшаго по его душѣ. Такая жертва со стороны поселянъ на пользу приходскихъ школъ, заведенныхъ духовенствомъ, заставляетъ предполагать въ нихъ совершенно иные отношенія къ школѣ и ея руководителямъ, какія рисуются въ глазахъ вредубѣжденнаго противъ нихъ ревнителя свѣтскаго просвѣщенія. И эти иные отношенія намъ кажутся весьма естественными. По нашимъ сельскимъ воспоминаніямъ прежнихъ лѣтъ, если кто, такъ это именно духовенство, можетъ возбудить въ народѣ расположенность къ дѣлу своего самообразованія и заслужить его уваженіе и довѣріе. На скортукъ и фрагъ наши селяне доселѣ смотрятъ съ нѣкоторою подозрительностію и боязливостію. Въ этой формѣ они привыкли видѣть то суроваго нѣмца—управителя, то становаго пристава, и подобныхъ имъ лицъ, которыя не имѣли съ ними внутреннихъ, существенныхъ связей, основанныхъ на душевной симпатіи, на взаимномъ довѣрїи, а были для него представителями суда, притѣсеній и наказанія, и отъ которыхъ по этому онъ всегда старался держаться подальше. Отъ близкихъ служебныхъ лицъ народъ перенесъ свой, недовѣрчивый и боязливый взглядъ на всѣхъ, кто по вѣншнему виду похожъ на этихъ старинныхъ своихъ знакомцевъ. Тутъ, безъ сомнѣнія много слѣпаго вредубѣжденія; но вѣдь мы не можемъ однимъ повелительнымъ взглядомъ уничтожить его. Жизненные привычки, сложившіяся исторически, закрѣпленныя вѣками не падаютъ мгновенно отъ давленія чьей бы то ни было воли. Дальше, люди, являющіеся въ скортукѣ народу и, значитъ, помазанные городскимъ свѣтскимъ просвѣщеніемъ, извѣстны и памяты ему еще тѣмъ, что они обыкновенно не соблюдаютъ постовъ, не такъ-то любятъ ходить въ церковь и подъ часъ не прочь поглумиться надъ тѣми священными предметами, къ которымъ онъ по внутреннему убѣжденію, относится не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Поручить

такимъ лицамъ воспитаніе дѣтей больно будетъ сердцу нашего народа, и онъ не вдругъ рѣшится довѣриться тому, кто, по его воззрѣнію, такъ явно расходится съ его завѣтными убѣжденіями и нравственными началами. Намъ рассказывали, что въ иныхъ мѣстахъ учредители сельскихъ школъ, предлагая громадѣ о новомъ учрежденіи, обѣщали ей должное вспомошествованіе на это дѣло и сулили ей лучшіе методы обученія, съ какими незнакомы духовные, завѣдывающіе приходскими школами; но громада отказалась и отъ денежнаго пособія и не плѣнилась новыми методами обученія, а рѣшила лучше держаться своего *батюшки*, котораго она уже давно знаетъ...., а тамъ еще, Богъ вѣсть, кто и что будетъ. И это, говорятъ достовѣрные люди, было не въ одномъ и не въ двухъ мѣстахъ. Потому, если въ иныхъ селеніяхъ при школѣ являлась иногда другая школа,—свѣтская, въ нее не стремились ученики изъ церковной школы, и она не могла соперничать во вниманіи народа и въ числѣ учениковъ съ школою, заведенною и управляемою священникомъ.

Сомнительными намъ кажутся извѣстія о жалобахъ родителей учениковъ церковно-приходскихъ школъ на то, что ихъ вмѣсто ученія заставляютъ по цѣлымъ днямъ волоть огородъ, да носить воду,—и сожалѣніи о томъ, что школа только отвлекаетъ дѣтей отъ домашней работы. На такія распоряженія народъ не сталъ бы смотрѣть апатично, и тогда кто и что заставляло бы его посылать дѣтей своихъ въ бесполезную школу? Притомъ въ горячую рабочую пору, когда для крестьянина пригодны и дѣтскія руки, кажется, не полагается классическихъ занятій въ школѣ. Въ лѣтній сезонъ мальчики и дѣвочки свободны отъ ученія, и родители могутъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію.

Въ послѣдней тирадѣ статьи, нами разбираемой, проры-

вается наружу и подлинное чувство и задняя мысль, руководившая перомъ автора. «За чѣмъ усердно добиваетесь (обращается онъ къ духовенству) взять образованіе народа въ свои руки. У васъ и своихъ занятій довольно: исполняйте хорошо свои насущныя обязанности. *Кійждо, въ неязе призванъ бысть, братіе, въ томъ да пребываетъ предъ Богомъ.* Для распоряженія школами нарочно и устроено у насъ министерство народнаго просвѣщенія.» Эти слова, можно сказать, составляютъ основной нервъ и квинт-эссенцію всей статьи; въ нихъ указана та главная цѣль, для которой она написана, хотя указана, можетъ быть, помимо воли автора.

Мы вполне признаемъ тѣ высокія цѣли, для которыхъ устроено у насъ министерство народнаго просвѣщенія, и желали бы, чтобъ оно болѣе и болѣе становилось извѣстно массѣ нашего народонаселенія и по своему имени и по своимъ дѣйствіямъ. Никто не будетъ отрицать, что оно владеетъ для этого всѣми нужными средствами, и матеріальными и тѣмъ болѣе нравственными. Между тѣмъ нашъ авторъ отъ излишней, непронятой услужливости сильному и самосознающему учрежденію готовъ до искаженія его стремленій и оставить его въ невыгодномъ свѣтѣ предъ глазами публики. Министерство, сильное своими средствами, всегда можетъ завести свои школы, которыми будетъ и должно распоряжаться ко благу общему, — къ развитію нашей народности и утверженію православія. Оно едва ли было бы довольно, если бы какой нибудь недогадливый исполнитель его стремленій и намѣреній усиливался подчинить его контролю и регламентации чужія, готовые школы, не имѣя основанія. И очень можетъ быть, что оно сочло бы для себя нѣкоторымъ конфузомъ, если бы кто нибудь, во имя его, вдругъ нахлынулъ на школы, учрежденныя, помимо его вѣдома и содѣйствія духовенствомъ, и старался

прибратъ къ своимъ рукамъ то, что вышло изъ свободной воли народа и усердія къ своему дѣлу людей другаго самостоятельнаго вѣдомства. Это было бы нѣкотораго рода посягательствомъ на чужую собственность, какъ скоро другое вѣдомство имѣетъ особыя гарантіи своей самостоятельности, и давало бы поводы протестовать весьма законно на насиліе. Въ этомъ случаѣ шло бы къ дѣлу давшее сравненіе, по которому одни сѣютъ, а другіе хотятъ пожинать то, что не ими посеяно.

Авторъ тономъ начальника указываетъ духовенству *хорошо исполнять свои насущныя обязанности*, и не совѣтуетъ мѣшаться въ чужія дѣла. Мы не разберемъ и не поймемъ требованій и толковъ нашего общества касательно духовенства. Когда оно исполняло свои богослужебно-церковныя требы и обязанности, и въ этомъ полагало главную задачу своего служенія, — объ немъ говорили, что оно апатично, что оно ничего не дѣлаетъ... Когда оно начало заводить школы и ревностно трудиться надъ образованіемъ народа, — на него посыпались нареканія, его винять уже за то, что оно не апатично — къ народному образованію, за то, что оно мѣшается не въ свое дѣло, и говорятъ ему, что для этого есть министерство народнаго просвѣщенія. Но вѣдь духовенство начало заводить школы, когда еще у насъ не слышно было о распоряженіи со стороны министерства народнаго просвѣщенія о крестьянскихъ школахъ по деревнямъ и селамъ. Люди благонамѣренные истинно обрадовались этому явленію и надѣялись, что радость ихъ раздѣлитъ съ ними все наше общество. Но вотъ, какъ видно изъ статьи, еще есть люди, которые сердятся за это на духовенство. Мы, кромѣ того, не думаемъ соглашаться съ авторомъ въ томъ, чтобы обученіе народа не составляло прямой обязанности духовенства. Народъ нашъ если желаетъ образованія, то религіозно — нравственнаго: обиліе свѣтской мудрости для него

не такая насущная потребность, какъ знаніе божественнаго ео- держанія религіи. Если такъ, то кому надлежитъ вѣдать эту часть, кому должно принадлежать распоряженіе ею, какъ не священнику, главному представителю сельской общины, рели- гіозно-нравственному руководителю ея? На него народъ уже при- выкъ смотрѣть какъ на своего учителя, и относиться къ нему съ вопросами и требованіемъ совѣтовъ тамъ, гдѣ нужно для него наставительное и руководительное слово. Отъ чегожь это- му значенію, признанному народомъ, не остаться во всей своей силѣ, въ примѣненіи къ школь и другимъ проявленіямъ народ- ной жизни? Зачѣмъ устранять отъ народа готоваго наставника и руководителя, и предлагать ему другаго; къ которому еще можетъ быть, не будетъ у народа достаточной симпатіи?

Министерство народнаго просвѣщенія, конечно, прекрасно дѣлаетъ, когда заботится о сельскихъ школахъ. Но если бы нашъ голосъ что нибудь значилъ для него, и если бы мы сто- яли къ нему въ какомъ нибудь замѣтномъ отношеніи, мы со- вѣтовали бы ему для пользы дѣла народнаго образованія, на- рочно обратиться къ священникамъ, приглашать ихъ въ свои посредники и представители при сношеніяхъ съ народомъ, по дѣлу устроенія сельскихъ школъ и распоряженія ими, и снаб- дить ихъ матеріальными средствами, необходимыми для процвѣ- танія сельскихъ школъ. Это самое вѣрное средство для того, чтобы ему завязать съ народомъ живыя и крѣпкія, непосред- ственныя соотношенія и заслужить у него довѣріе и призна- тельность; это дагѣ самое легкое средство для приведенія въ исполненіе добрыхъ намѣреній министерства народнаго просвѣ- щенія; потому что оно освобождаетъ его отъ борьбы съ на- родными симпатіями, отъ напраснаго исканія порядочныхъ лю- дей для завѣдыванія сельскими школами; это наконецъ болѣе всего сообразно съ уваженіемъ къ той свободѣ; какая должна,

быть предоставлена нареду въ дѣлѣ его образованія; потому что автономія сельскихъ общинъ, еслибы ее не стѣсняли и не пугали, скорѣе поручила бы надзоръ за своею школою своему священнику, первому и самому образованному своему представителю, чѣмъ приеланному со стороны какому нибудь пану или полу-пану или малоученому крестьянину.

Въ дѣлѣ устройства школъ намъ могли бы служить образцомъ обычаи германскіе, о которыхъ разсказано въ одной книгѣ «Православнаго Обзорнія.» Тамъ пасторъ, при участіи сельской приходской общины, главный распорядитель сельской школы, и полномочный надзиратель за нею. Ему предоставленъ выборъ учителей, и эти учителя отъ него обыкновенно въ такой зависимости, въ какой стоятъ низшіе клирики къ священнику, и они же выполняютъ при церкви и въ церкви обязанности, лежащія на низшихъ клирикахъ. Отъ чего бы и у насъ подобнымъ образомъ не поставить дѣла?

Наше духовенство (представляетъ авторъ) *и такъ обременено занятіями.* Но вѣдь и въ Германіи пасторы живутъ не безъ занятій; этихъ занятій у нихъ иногда и больше, чѣмъ у нашихъ священниковъ, особенно, когда они тамъ обязаны непременно въ каждое воскресенье говорить проповѣдь. Между тѣмъ пастырскія занятія не мѣшаютъ германскому духовенству заниматься и распоряжаться школами. Мы думаемъ притомъ, что учителя въ свѣтскихъ школахъ заводимыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, трудятся и будутъ трудиться не безмездно. Если передать эти деньги священнику, развѣ онъ не могъ бы вмѣстѣ съ сельскою общиною, приискать себѣ помощника, который облегчалъ бы его труды по школѣ, среди другихъ его занятій? Если бы, напримѣръ, сельская школа давала кое-какое вѣрное обезпеченіе, то весьма легко мы могли бы увидать на низшихъ степеняхъ клира болѣе свѣдущихъ и обра-

зованныхъ людей, чѣмъ какихъ видимъ теперь, и они были бы хорошими пособниками священнику въ дѣлѣ народнаго образованія. Да и сами священники, въ слѣдствіе своего не очень обезпеченнаго положенія, часто ищутъ работы въ своихъ прямыхъ обязанностяхъ, и находятъ время и возможность заниматься обработкою земли и другими матеріальными трудами. Если бы школа давала вознагражденіе за трудъ, развѣ бы онъ не промѣнялъ черной работы въ полѣ на болѣе благородное занятіе въ школѣ? Наконецъ и самый сезонъ обученія въ сельскихъ школахъ, совпадающій съ свободою отъ земледѣльческихъ занятій, есть такая эпоха въ жизни священника, въ которую онъ особенно свободенъ отъ обычныхъ занятій и безъ всякой помѣхи можетъ посвятить лишніе часы досуга умственно-религіозному развитію дѣтей своего прихода.

Авторъ позволяетъ себѣ смѣяться надъ опасеніемъ, которое высказываютъ инныя, что религіозное направленіе народа можетъ пошатнуться, если вырвутъ завѣдываніе образованіемъ дѣтей простолудья изъ рукъ духовенства. Но намъ не кажется шуткою и призракомъ напуганнаго воображенія это опасеніе. Мы уже говорили, на кого могутъ рассчитывать сельскія школы, если устранить отъ нихъ духовенство. Недоучки разнаго рода, изверженные изъ цивилизованнаго городского общества, и зараженные современною болѣзнію отрицанія, будутъ дѣлать въ сельскія школы на мѣста учителей и распорядителей.... Подумайте!. Въдъ они «будутъ имѣть вліяніе (говоримъ словами автора) на ходъ образованія въ школѣ, на количество и качество преподаваемыхъ въ ней предметовъ, слѣдовательно они будутъ имѣть несомнѣнное вліяніе на поколѣвіе будущее и на настоящее! Сообразите: какую религію, какую нравственность и какую общественность они будутъ внушать и вѣдрать въ чистыя, довѣрчивыя дѣтскія души!... Мы не хотимъ распро-

страваться объ этомъ, но когда думаемъ о тѣхъ плодахъ, какіе можетъ сулить образованіе, распространяемое людьми подобнаго закала,—намъ почему-то становится и грустно и боязно и жалко. Пусть не уснокоиваютъ насъ тѣмъ, что высшее начальство будетъ же слѣдить за движеніемъ образованія въ сельскихъ школахъ. Живя гдѣ-то далеко въ городѣ, можетъ ли оно хорошо и своевременно знать, что дѣлается въ далекомъ захолустьѣ? А если разъ и случится ему исправить одну изъ тысячи невольную ошибку, то кто можетъ завѣрить, что это ошибка единственная, что сѣмя не приноситъ въ свое время плодовъ по виду своему? Не нужно забывать при этомъ, что нравственное направленіе не есть дѣло осязательной видимости. Будучи свойствомъ чисто духовнымъ, оно незамѣтно проторгается въ души и бросается въ глаза уже тогда, когда оно довольно окрѣпло и не поддается на исправленіе. Каждодневно обращаясь и бесѣдуя съ учениками въ школахъ, учитель сообщаетъ имъ не одно механическое знаніе, а незамѣтно передаетъ имъ свой духъ и долю своихъ нравственныхъ убѣжденій. Этого отвергать нельзя: а когда такъ, то съ какою осторожностію намъ нужно вести себя въ дѣлѣ народнаго образованія!

«А пока школъ не было» (спрашиваетъ авторъ, желая подорвать мысль о необходимости предоставить духовенству завѣдываніе сельскими школами), «что было съ религіею народа? «Вы въ школахъ только можете имѣть сношенія съ народомъ, «а всѣ другія отношенія ваши къ нему не могли и не могутъ «развить и поддерживать религіозныхъ началъ въ народѣ? Отъ «чего же непременно тогда только удержатся религіозныя начала «въ народѣ, когда вы удержитесь во главѣ народныхъ школъ? «Другихъ способовъ развивать религію нѣтъ у васъ? Да и отъ «школъ васъ никто не удалитъ: вы будете преподавать тамъ «Законъ Божій, но оставаться пастырями духовными, развиваю-

«щими въ народѣ религіозность жизнью своею, богослуженіемъ, словомъ къ паствѣ и всѣми отношеніями къ ней. Или всё эти способы не подходящи, и гонится только тотъ, когда у васъ въ рукахъ будутъ школы? Какъ хотите мы этого не понимаемъ.»

Наврасно авторъ притворяется непонимающимъ дѣла, и усвоаетъ себѣ странную, nereкомендующую его непонятливость! Есть у духовенства способы для дѣйствования на народъ, и оно пользуется ими по мѣрѣ силъ и возможности. Но школа, какъ скоро она существуетъ, есть одна изъ главныхъ нравственныхъ силъ, опредѣляющихъ характеръ и направленіе сельской общины. Одно изъ главныхъ средствъ для воспитанія и укрѣпленія нравственнаго начала въ народѣ. Здѣсь въ молодая души полагаются ростки ихъ будущей нравственной жизнедѣятельности; здѣсь кладется первый основной камень всего міровоззрѣнія человека; школа, какъ говоритъ самъ авторъ, имѣетъ влияние на помыслы настоящія и будущія. Какъ же не хотѣть духовенству, ревнующему о религіозно-нравственномъ направленіи народа, пользоваться для своихъ цѣлей тѣмъ нравственно-образовательнымъ средствомъ, какое оно видитъ въ школѣ? Какъ не стараться поставить его въ прямое отношеніе къ себѣ? Если не оно будетъ руководителемъ этой нравственной силы, — эта сила должна подчиниться чужому влиянію, и тогда (не говоримъ, что непременно будетъ,) но, весьма можетъ во главѣ ея стать человекъ, который сообщитъ ей направленіе, совершенно противное тому, какое желалось бы видѣть духовенству. Тогда священникъ, обязанный слѣдить за нравственнымъ развитіемъ своихъ прихожанъ, будетъ имѣть противъ себя тѣхъ, которые безъ этого покорно бы выслушивали его религіозныя наставленія; тогда ему придется напрасно тратить время и силы на то, чтобы асторгать плевелы, носѣянные чужою рукою,

вмѣсто того, чтобы съ спокойною совѣстію разчищать и воздѣлывать вертоградъ, ввѣренный Христомъ его заботливости и охраненію. Вы хотите представлять духовенство слишкомъ слабымъ, если надѣетесь убѣдить его отказаться отъ завѣдыванія тою нравственною силою, которая можетъ быть самою лучшею пособницею въ дѣлѣ его служенія. Оно, безъ сомнѣнія, очень хорошо видитъ, что лучше имѣть за себя эту силу, чѣмъ противъ себя; лучше ее приравлять къ своимъ цѣлямъ, чѣмъ отстранять отъ нихъ, или прямо видѣть ее во враждебномъ отношеніи къ нимъ.

Священника не вознаграждать, за устраненіе его отъ завѣдыванія школою; возможность преподавать въ ней Законъ Божій. Когда не онъ здѣсь будетъ главнымъ, не отъ него должно будетъ зависѣть главное направленіе школы. И тогда, все равно, могутъ вторгаться въ школу противоборствующие ему нравственные элементы, и отъ него могутъ потребоваться лишнія силы на борьбу съ вреднымъ направленіемъ, что вовсе не было бы, еслибы онъ былъ начальникомъ школы и распорядителемъ ея, вмѣстѣ съ своими прихожанами. Очень можетъ статься при томъ, что главные начальники школъ, въ случаѣ такихъ или другихъ столкновеній, постараются всячески освободить его влияние на учениковъ и унижить его предъ ними. Не придется ли тогда священнику и испытывать горечь своего положенія и сожалѣть объ уtratѣ главнаго средства влияния на паству? Какъ же послѣ атака не понять, отъ чего это духовенство выжесетъ къ школамъ и не хочетъ отказаться отъ завѣдыванія тѣми учителями, которыя оно завело? Мы предоставляемъ уже автору и читателямъ судить о сообразности того положенія, которое ему угодно: защищать, и по которому какой нибудь недоучка, иногда и сомнительной нравственности, былъ бы главнымъ распорядителемъ и руководителемъ школы, и священникъ уважа-

мый пастыръ своего прихода, всегда кончившій полный семинарскій курсъ, и владѣющій болѣе или менѣе значительнымъ образованіемъ, имѣлъ здѣсь только страдательное значеніе и былъ въ подчиненномъ отношеніи къ пришлому учителю. По представленію автора, священникъ будетъ преподавать Законъ Божій въ сельской школѣ, а другіе—учителя свѣтскіе предметы. Какъ будто въ сельской школѣ будутъ преподавать разные предметы по университетской или гимназической программѣ! И какъ будто Законъ Божій не долженъ быть тамъ главнымъ и преимущественнымъ предметомъ изученія!

Въ заключеніе своей статьи нашъ авторъ хочетъ прикрыть правду своихъ словъ именемъ министерства народнаго просвѣщенія, открывающаго школы и не отдающаго ихъ въ распоряженіе духовенства, и имеемъ правительства, согласно съ которымъ дѣйствуетъ министерство народнаго просвѣщенія. Но самъ онъ пишетъ и понимаетъ дѣло согласно ли съ волею и видами министерства и правительства? Мы знаемъ волю Государя Императора по этому предмету, и она вовсе не устраиваетъ духовенство отъ завѣдыванія сельскими школами, а напротивъ хочетъ открыть ему болѣе доступа къ участию въ дѣлѣ народнаго образованія. Указомъ Его Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода дано знать духовенству, что «по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія въ совѣтѣ министровъ, по вопросу, въ чемъ вѣдѣніи должны находиться народныя училища, Государь Императоръ, выслушавъ сужденіе Совѣта, 18 января 1862 года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) нынѣ и впредь учреждаемыя духовенствомъ народныя школы должны оставаться въ завѣдываніи духовенства, съ тѣмъ, чтобы министерство народнаго просвѣщенія оказывало содѣйствіе преуспѣванію оныхъ, по мѣрѣ возможности, и 2) оставить на обязан-

ности министерства народнаго просвѣщенія учреждать во всей имперіи, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, народныя училища, которыя и должны находиться въ вѣдѣніи министерства; при чемъ министерству слѣдуетъ пользоваться содѣйствіемъ духовенства во всѣхъ случаяхъ, когда министерство народнаго просвѣщенія признаетъ сіе нужнымъ, и когда духовенство найдетъ возможнымъ оказать ему содѣйствіе».

В—скій.

емый на
нарский
образ
бы
родны
стер-
тви-

ХАРАКТЕРИСТИКА

ЦЕРКОВНЫХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ БРАТСТВЪ.

Историческія свѣденія наши о церковныхъ православныхъ братствахъ очень еще ограничены. Какъ явленіе чисто духовной жизни, братства долго ускользали отъ вниманія ученыхъ, относившихся къ исторіи только со стороны государственной, и лишь въ послѣднее время сдѣлались предметомъ серьезныхъ изысканій. Главнѣйшимъ плодомъ этихъ изысканій должно признать открытіе живыхъ остатковъ братствъ, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, между сельскимъ населеніемъ, на всемъ нашемъ западѣ. Это обстоятельство расширяетъ вопросъ о братствахъ, внося его изъ области исторіи въ область дѣйствительности; оно придаетъ ему такое же жизненное значеніе, какое имѣлъ еще недавно на нашемъ сѣверо-востокѣ вопросъ о сельскихъ общинахъ. Найденные остатки братствъ имѣютъ даже для насъ смыслъ особенной современной важности: свидѣтельствуя о повсемѣстномъ существованіи братскихъ союзовъ на всемъ пространствѣ литовской и украинской Руси и объясняя положительно, какою сѣтью связывалась вся наша западная Русь въ ту громадную православно-русскую духовную силу, которая вывела нашу вѣру и народность изъ вѣковой борьбы торжествующими, — эти остатки, съ тѣмъ вмѣстѣ, указываютъ, гдѣ намъ искать и теперь той общественной опоры, которая, въ настоящее время, при чисто-духовномъ характерѣ снова возникающей борьбы съ тѣми же враждебными намъ началами, быть можетъ для насъ еще нужнѣе, чѣмъ въ былое время. Въ отношеніи научномъ теперь дѣлается окончательно ясно, что братства были самобытнымъ продуктомъ русской жизни, а не были, какъ предполагаютъ до сихъ поръ нѣкоторые, произведеніемъ пришлыхъ къ намъ общественныхъ формъ, и, притомъ,

явленіемъ случайнымъ, возникшимъ изъ внѣшнихъ причинъ, и, вмѣстѣ съ ними, исчезнувшимъ изъ жизни, т. е. уже отжившимъ. — Не будь братства органическимъ продуктомъ жизни, т. е. не имѣй они съ нею органической связи, они не могли бы просуществовать, безъ искусственной поддержки, до настоящаго времени, а тѣмъ менѣе при обстоятельствахъ вовсе имъ не благопріятствовавшихъ.

Причина ошибочности взгляда на происхожденіе братствъ заключается въ ихъ внѣшности. Дѣйствительно, по своей внѣшней организаціи, они во многомъ совпадаютъ съ цеховымъ устройствомъ, вошедшимъ въ жизнь всей западной Руси съ магдебургскимъ правомъ. Но должно принять въ соображеніе, что, во первыхъ, два главныхъ братства: Виленское и Львовское, существовали до введенія въ Русь магдебургскаго права и что, во вторыхъ, цеховое начало никогда, у насъ не сливалось съ жизнью органически, т. е. производительно. Напротивъ, ежели братства приняли отъ цеховъ свою оболочку, въ слѣдствіе ли признаннаго удобства послѣдней или же для лучшаго обезпеченія своей неприкосновенности подъ ея формой, то цеховыя корпораціи на нашей почвѣ до того прониклись ихъ духомъ, что сами, повсемѣстно, превращались въ братскіе союзы.

Да и какая надобность прибѣгать для объясненія происхожденія братствъ къ чужому элементу, когда у насъ въ древней жизни есть свое самобытное явленіе, тождественное съ ними и исторически дознанное и признанное: я разумѣю *братчины*. Общія коренныя черты братчинъ и братствъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ первоначальномъ тождествѣ. Въ добавленіе къ тому, въ древнихъ историческихъ памятникахъ сѣверной Руси есть извѣстія, что братчины, какъ и братства, имѣли свой судъ «судили какъ судьи,» т. е. имѣли правильную организацію. Новгородская братчина, устроенная въ XII вѣкѣ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ при Ивановской церкви, была самостоятельною, самоуправлявшеюся и самосудившеюся общиной, какъ и западныя наши братства. *) Слѣдова-

*) См. Русскую Бесѣду: 1857 г., книгу 4-ю, отдѣлъ смѣси, статью Соловьева „Братчины“ и 1858 г., книгу 1-ю, отдѣлъ критики, статью объ исторіи братствъ Флѣрова, а также Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1862 г., №№ 8, 9 и 10-й, статью Ф. Лебединцева: „Братства, ихъ прежняя и нынѣшняя судьба и значеніе.“

тельно, сѣверныя братчины объясняютъ происхожденіе западныхъ братствъ совершенно удовлетворительно: тѣ и другія возникли изъ общиннаго начала, служившаго въ жизни русскаго народа всему основаніемъ. Но на сѣверѣ братчины существовали и исчезли какъ обычай, утратившій мало по малу свою приложимость. На западѣ—же, напротивъ, въ слѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, братства приняли характеръ болѣе серьезный, характеръ глубокой духовной потребности, которая довела ихъ до полноты правильно и сильно организованныхъ общественныхъ учреждений. Миѣ кажется не трудно объяснить себѣ процессъ возникновенія и развитія нашихъ западныхъ братствъ: извѣстно, что общинный бытъ, на всемъ нашемъ западѣ, былъ подавленъ внѣшнимъ насиліемъ; но когда это насиліе коснулось самыхъ вѣрованій народныхъ и пробудило на борьбу съ собою духовную народную силу, тогда жизнь естественно обратилась къ своему коренному связующему началу и воплотила эту силу въ древнюю форму братскихъ духовныхъ союзовъ. Союзы эти, сообразно своему новому назначенію, не могли уже быть, какъ прежде, выдѣленной изъ общества нормой: принявъ на себя значеніе общественной силы, они должны были подчинить себѣ всю систему народной жизни и, потому, въ лицѣ своихъ членовъ, которые разсматривались, какъ *старшіе* изъ народа, они стали на степень полного народнаго представительства, со всѣми правами и обязанностями общественной власти.

Такимъ образомъ сложилась на нашемъ западѣ форма общественной жизни, въ высшей степени своеобразная и самородная. Отличаясь отъ всѣхъ корпоративныхъ общинъ отсутствіемъ тѣсной исключительности, а отъ нашей земельной общины болѣе духовнымъ началомъ соединенія, братскіе союзы представляютъ особенный типъ частнаго общественнаго самоуправления, едва ли не самый близкій къ христіанскому общественному идеалу и, потому, самый способный для поддержанія въ народѣ правильныхъ началъ развитія. Будучи основаны на краеугольномъ нравственномъ началѣ, на евангельской любви, имѣя центромъ соединенія храмъ Божій, они не враждуютъ ни съ какими внѣшними отношеніями и прилагаются ко всякому строю государственнаго механизма. Можетъ быть ни въ чемъ такъ не выразилось свойство русскаго племени подчинять внѣ-

пнюю сторону жизни внутреннимъ ея требованіямъ и ни въ какой другой формѣ не осуществлялось такъ примирительно сочетаніе нравственно-религіозныхъ началъ съ житейскими потребностями, какъ въ братской общинѣ.

Чтобы опредѣлить значеніе братствъ въ жизни, довольно указать, какимъ образомъ обезпечиваются у нихъ и теперь главные элементы общественности: миръ, правда, порядокъ. По своему чисто-христіанскому братскому началу, эти союзы, какъ свидѣтельствуешь ихъ уставъ и какъ подтверждаютъ нынѣшніе остатки, всецѣло проникнуты духомъ согласія и нигдѣ, можетъ быть, человѣческая личность не пользуется такимъ *внутреннимъ* уваженіемъ къ своему значенію, какъ у нихъ. Ихъ судъ, ввѣренный *старшимъ* братьямъ, и всегда чинимый въ присутствіи братской сходы, неуклонно для всѣхъ обязательной, удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ открытаго судопроизводства, представляетъ, при томъ, въ большей части случаевъ, назначеніе степени взысканія самому обвиненному. Публичный выговоръ, публичное испрошеніе прощенія у братства, денежный штрафъ въ пользу братской кассы, арестъ и, наконецъ, исключеніе изъ братства, при безусловномъ устраненіи тѣлеснаго наказанія — вотъ весь кодексъ ихъ исправительной и карательной системы. Общественное благочиніе, въ самомъ широкомъ смыслѣ, охраняется у нихъ наименѣе формальнымъ и наиболѣе дѣйствительнымъ способомъ круговаго наблюденія братствъ, всѣхъ за каждымъ и каждого за всѣми. Эту нравственную форму общественнаго благоустройства, существующую только въ нашей артели и въ тѣсномъ кругу частныхъ ассоціацій, братства осуществляютъ въ приложеніи къ цѣлымъ народнымъ массамъ. Общественная благотворительность составляетъ одинъ изъ существенныхъ ихъ атрибутовъ, — народное образованіе одну изъ важнѣйшихъ ихъ цѣлей. *)

Отношеніе церкви къ обществу, въ прежнее время, понималось и принималось братствами въ чисто-апостольскомъ духѣ; церковь не выдѣлялась изъ мірскаго общества, а составляла общество вѣрующихъ, какъ и доселѣ учитъ насъ православная

*) См. статью О. Лебеднцова: *Любопытное открытіе въ области жизни*, въ № 2-мъ Вѣстника юго-западной и западной Россіи.

теорія. Потому-то непремѣннымъ центромъ братскихъ союзовъ сдѣлался храмъ Божій. На этомъ основаніи духовенство, какъ и прочіе ихъ члены, состояло подъ братскимъ контролемъ, и назначеніе не только священниковъ, но и игуменовъ въ монастыри, принадлежавшіе братствамъ, зависѣло отъ братскаго выбора. Такое отношеніе церкви къ обществу, обезпечивая, съ одной стороны, достоинство и значеніе духовныхъ пастырей, а съ другой, уваженіе и преданность къ нимъ народа, скрѣпляло между ними тотъ союзъ, безъ котораго духовенство всегда падаетъ, а народъ лишается лучшихъ своихъ путеводителей.

Характеръ братствъ, какъ общественной силы, въ высшей степени охранительный. Нѣкоторые, какъ намъ случалось слышать, подозрѣваютъ въ братскихъ союзахъ какую-то политическую ассоціацію. Но такъ могутъ думать только тѣ, которые не знакомы ни съ ихъ прошедшимъ, ни съ ихъ настоящимъ: въ ихъ исторіи не найдется ни тѣни политическихъ ихъ стремленій, ни малѣйшаго признака политическихъ страстей; изъ ихъ типографій не вышло ни одного политическаго памфлета. Общественная сила братствъ всегда имѣла чисто-нравственное значеніе, всегда боролась за одни духовныя начала и оружіемъ строго-духовнымъ—же, а нынѣшніе ихъ остатки блюдутъ исключительно за благолѣпіемъ своихъ храмовъ, за нравственностью своихъ ближнихъ, за посильнымъ пособіемъ ихъ нуждамъ и за ихъ кое-какимъ образованіемъ.

Не въ духѣ вообще русскаго народа характеръ наступательной политической дѣятельности: онъ такъ-же непритязателенъ на политическое значеніе и такой-же неохотникъ до заботъ, имъ налагаемыхъ, какимъ былъ при призваніи Рюрика. У него есть свои внутреннія требованія, свои неизмѣнныя задачи, которыя дороги ему и за которыя онъ готовъ бороться и стоять; но внѣ ихъ круга онъ предоставляетъ жизнь заботѣ поставленнаго имъ надъ собой начала. Отъ этого онъ любитъ это начало такъ положительно и такъ дѣтски ему преданъ и покоренъ. Братскіе союзы составляли и вновь могутъ составить дѣйствительную общественную силу, но только въ смыслѣ охранительномъ, для отпора всего того, что враждебно русскому духу. А какъ общественныя учрежденія, они представляютъ самую лучшую, самую полную форму того начала, которое лежитъ въ основѣ нашего народнаго духа и на которомъ те-

перь такъ мудро заложено устройство нашей народной жизни, — начало частнаго общественнаго самоуправленія. Въ братскихъ союзахъ столько чистоты, искренности, духовнаго достоинства и внутренней правды, что понятна ихъ живучесть въ народной жизни, понятны любовь и довѣріе народа къ *братской державѣ*, *) которая, по выраженію одного нашего ученаго изслѣдователя, есть *благое шю и бремя легкое*.

М. Юзефовичъ.

*) Подъ *державою* у Южно-Руссовъ разумѣлась вообще првительственная власть. Въ братскихъ актахъ говорится: *державы* такого-то цехмистра и т. п.

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ.

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА
И СЫНА ЕГО ВОЛОДИМИРА.

(Продолженіе).

VII.

Идольская ночь.

Въ то время, когда въ городѣ великій князь и великая княгиня торжественно принимали *словъ* древлянскихъ и гостей новгородскихъ и другихъ; въ то время, когда въ обоихъ теремахъ дѣлались приготовленія для торжественныхъ и веселыхъ пировъ и празднествъ, на отдаленномъ отъ града Угорскомъ, происходили совершенно другаго рода приготовленія.

На укромномъ холмѣ Берестоваго, среди лѣса и по откосамъ возвышенія, со стороны Днѣпра жили варяги, принявшіе вмѣстѣ съ князьями Аскольдомъ и Диромъ крещеніе. Во дни великой княгини потомки тѣхъ варяговъ еще болѣе распространили свои осѣдлица, ибо и число ихъ, противъ первоначальнаго положенія, значительно увеличилось. Варяги провозжали плывшіе внизъ суда мимо Кіева, въ мѣстахъ опасныхъ, сберегая ихъ отъ крушенія; пробирались и сами они въ Цареградъ на своихъ утлыхъ челнахъ, продавать въ столицѣ Греціи награбленное *рухло* безпечныхъ покупателей, понавшихъ въ ихъ руки. Варяги готовили до двухсотъ кораблей. А корабли ихъ были не что иное какъ большіе челны, выдолбленные изъ пня толстаго дерева и обшитые по бортамъ широкими досками. Весла уключины и древка для парусовъ изготовлялись варя-

гами въ чащѣ лѣса. Холстинные паруса шились крещеными на Угорскомъ.

Для какого собственно предпріятія готовилась эта флотилія, кто и куда на ней отправится, ни кому небыло извѣстно. Слухи же на этотъ счетъ носились разные: одни говорили, что великій князь Святославъ отправится въ царство Болгарское; другіе утверждали, что великій князь хочетъ побывать въ землѣ Козарской, иныя, что поѣдутъ отъ Руси *слы и гости* въ Любечъ и далѣе въ землю Радимичей и Кривичей, покупать десятки тысячъ кораблей, для похода на Цареградъ, словомъ, толковъ ходило много, а настоящая цѣль приготовленія флотиліи сохранялась великимъ княземъ и великою княгинею втайнѣ. Дней въ пятнадцать корабли уже красовались на синихъ волнахъ Днѣпра, совершенно приготовленные къ дальнему пути. Они стояли всѣ вмѣстѣ у берега Угорскаго, съ высоты котораго, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла флотилія, спускалась зигзаками къ Днѣпру, среди чащи лѣса и по оврагамъ, узкая тропа. Впереди флотиліи стоялъ самый большой корабль, выкрашенный красною краскою и по бортамъ разрисованный разными узорами синяго, желтаго и зеленаго цвѣтовъ. Древо для паруса также было окрашено красною краскою, а весла и уключины синею съ темными полосами. На носу корабля были приделаны, вырѣзаны изъ дерева, двѣнадцать головъ змѣиныхъ, выходившихъ изъ одного туловища, и каждая голова имѣла разинутую красную пасть съ извилистымъ копьсообразнымъ жаломъ; туловище чудовища проходило подъ носомъ корабля и на кормѣ корабля видѣлось изображеніе раздвоеннаго чешуйчатого хвоста, подобнаго рыбьему. Парусъ на этомъ кораблѣ былъ червленой паволоки съ золотымъ узорчьемъ. Кому довелось видѣть этотъ корабль, когда парусъ его былъ распушонъ, тотъ утверждалъ, что корабль приготовленъ для велико-княжеской особы и что флотилія предназначена для морскаго плаванія.

Людь, отвлекаемый пышными празднествами, ежедневно происходившими во градѣ, а въ особенности въ теремахъ велико-княжескихъ, мало стекался къ приготовленной флотиліи; тѣмъ болѣе никого изъ кievской Руси не занимало такое приготовленіе, что даже небыло никакого слуху, какъ бывало въ минувшія времена, о сборѣ воевъ и дружины велико-княжеской и дружинъ воеводскихъ. Людь кievскій, съ ранняго утра и до

позднего вечера, ежедневно толпился на дворѣ теремномъ, глязѣя на плясавшихъ подъ музыку *сопльей*, *русалий*, трубъ, гуслей, литавръ и прочихъ инструментовъ. Обильно лился стекавшемуся люду хмельной медъ, отъ щедротъ великаго князя; изобильно было и всякихъ *стравъ* для ликовавшаго люда. Каждый ѣлъ, пилъ и веселился, сколько ему было угодно.

Среди ежедневныхъ оргій, въ одинъ день, къ вечеру, великій князь выѣхалъ изъ терема, оставивъ всѣхъ пировавшихъ и строго наказавъ, чтобы и безъ него нисколько не уменьшалось веселіе и что онъ скоро возвратится. Однако далеко уже было за полночь, а пировавшіе не могли дожидаться князя и многіе изъ нихъ возвратились въ свои домины, а нѣкоторые, приближенные къ великому князю, остались въ теремѣ и, гдѣ кто нашелъ себѣ уголь приклонить отягощенную хмелемъ голову, тамъ и приютился. До зори утренней флотилія изготовилась къ отплытію. Гребцы, много разъ пробиравшіеся по Днѣпру въ землю Козарскую и плававшіе по морю, заняли мѣста на корабляхъ. Пришелъ на берегъ изъ Угорища, самый отборный людъ изъ дружины великой княгини, именно тѣ нарочитые мужи, отроки и мечники, коихъ она брала съ собою, когда ѣздила по своимъ землямъ устанавливать *уставы и уроки*. Пришла *гридба* изъ дружины великаго князя и всѣ заняли свои мѣста на корабляхъ. Все уже было готово къ отплытію, и какъ ночная темнота не позволяла различать предметы въ самомъ близкомъ разстояніи, то почти на каждомъ кораблѣ и на берегу горѣли огни; однакоже, не смотря на огромные клады, пылавшія по берегу, мракъ покрывалъ всю окрестность. Угорище, съ его дремучимъ лѣсомъ, вставало отъ берега Днѣпра къ небу черною стѣною, вершина коей терялась въ мракѣ. Днѣпра не было видно и только плескъ его водъ показывалъ, что людъ стоитъ у его берега. Живописно отражались въ водахъ Днѣпра многочисленные огни горѣвшіе на корабляхъ, а еще живописнѣе бросали на воды свой свѣтъ огромныя кладки, пылавшіе по берегу. Всѣ ожидали какого-то лица изъ великокняжескаго дома; ожиданіе было тихое и торжественное. И вотъ среди густоты угорскаго лѣса, среди глубокаго мрака, заблестало нѣсколько огней отъ пылавшихъ *цѣлъхъ*. Огни медленно спускались съ высоты Угорскаго къ берегу Днѣпра, у того мѣста, гдѣ стояла флотилія. Бывшіе на флотилии, увидѣвъ эти

огни, радостно заговорили. Среди люда, стоявшаго на берегу и ожидавшаго отплытія флотиліи слышались слова идти, идти великая княгиня.— Вотъ она сходитъ съ горы, къ берегу Двѣпра. Вотъ *цери*, которыя несутъ впередъ и сзади ея...

Мало по малу огни церъ, то блиставшіе, то исчезающіе въ густотѣ лѣса, яркимъ пламенемъ заблистали уже на песчаномъ берегу Двѣпра и среди несшихъ церы всѣ увидѣли великую княгиню, великаго князя и княжачей. Попъ Григорій осѣнилъ флотилію крестомъ, который несъ онъ въ рукахъ. Великій князь и княжичи простились съ великою княгинею на берегу. Великая княгиня, сопровождаема шестью ея старшими ордынями и восемнадцатью младшими, да около сорока *гостями*, многократно ѣздившими въ Цареградъ, за покупкою поволокъ, фофудій, разнаго узорочья, честныхъ камней, вина и всякаго заморскаго добра, взошла на свой корабль, а за нею и всѣ остальные лица, принадлежавшія къ флотиліи, такъ, что когда всѣ успѣли по кораблямъ, то оказалось, что сторонняго люда, который бы изъ любопытства собирався на берегу, вовсе не было. Одна только женщина, окутанная въ синюю эпончицу, блуждала по берегу, простирала съ воплями руки къ отплывавшей флотиліи и произносила какія то моленія, но на нее никто не обратилъ вниманія.

Дружно ударили гребцы веслами и флотилія стройно начала спускаться внизъ по Двѣпру.

Великій князь, окруженный княжицами и нѣкоторыми изъ приближенныхъ своихъ, при свѣтѣ цѣръ, держимыхъ гридами, долго, долго стоялъ у брега Двѣпра, слѣдя взорами за удалявшеюся флотиліею; и когда огни флотиліи, одинъ за другимъ, начали скрываться за возвышенностію лѣсистаго берега, онъ глубоко вздохнулъ и задумался. Исчезъ и послѣдній огонекъ флотиліи; великій князь быстрыми шагами подошелъ къ конямъ, привѣденнымъ на берегъ для него и княжицей. Онъ быстро вскочилъ на своего коня, княжицы послѣдовали его примѣру, и при свѣтѣ церъ калывакада поѣхала въ градъ, пробираясь по крутизнамъ и узкими и извилистыми тропами, среди густаго лѣса.

Въ ту пору великій Волчій Хвостъ, посадивъ впереди себя Костаря, ѣхалъ съ нимъ верхомъ, среди лѣса, съ твердымъ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, отыскать мать свою, и,

какъ крещенную, принесть въ жертву Перуну и тѣмъ и полнить долгъ истаго славянина. Врожденная свирѣлость нрава, питаемая идольскимъ изувѣрствомъ, влекли его къ такому противуестественному дѣлу.

»Зачѣмъ Олень жила съ крещеными, зачѣмъ крестилась, для чего заботилась объ участи невинной Юніи, зачѣмъ она учила ее молиться, какъ молятся крещенные, зачѣмъ наконецъ, Юнія своимъ свѣтлымъ, невиннымъ образомъ поразила лютое сердце его«, — вотъ вопросы, терзавшіе сердце Волчаго-Хвоста, вотъ побужденія, по его мнѣнію, весьма, уважительныя для того, чтобы лишить жизни родную мать.

Среди мрака, по неровному пути, конь спотыкался, не смотря на то, что конь былъ *добри*. Костарь шатался то въ одну, то въ другую сторону; кости въ плечахъ его хрустѣли, ремени у доски скрипѣли. Волчій-Хвостъ кипѣлъ злостью.

— Сиди вѣрче, проклятый песь! И безъ тебя мнѣ страшно въ этомъ темномъ лѣсу. Пора ночная, теперь черные духи то и дѣло ходятъ среди этого лѣснаго мрака, проговорилъ Волчій-Хвостъ, толкнувъ въ правый бокъ Костаря.

— Чего тебѣ бояться со мною?

— Да, ты также *черно-богъ*, только такой, что тебя и щенокъ не боится; а мнѣ страшно. Слышишь ли, какъ сверху деревеньки кличетъ *Дива*? Морозъ подиралъ по кожѣ Храбла. Въ чащѣ лѣса, въ отдаленіи, дѣйствительно слышались крики гридни, сопровождавшей великаго князя. Донеслись эти крики и до ушей Костаря и его печенѣжское сердце затрепетало, забылъ и онъ, въ ту минуту, что онъ знаменитый печенежскій кудесникъ, и куда дѣвалась вся прыть, вся самоувѣренность въ свое чародѣйское могущество и дьявольскую силу! Струсилъ и сильно струсилъ Храбль; вѣдь Дива, да Черно-богъ, да всякая чертовщина и дьявольщина—не то, что приученный христіанинъ, надъ которымъ Волчій-Хвостъ могъ показать и свою силу, и свою волю.

Среди ночной темноты, въ непроходимой густотѣ лѣса, вдругъ блеснули сотни огненныхъ, извилистыхъ, какъ змѣи, полосокъ и отдаленные крики послышались ближе. Волчій-Хвостъ и Костарь совершенно растерялись. Вѣтви деревъ зацѣплялись за спящую доску Костаря и еслибы Волчій-Хвостъ, при всей своей идольской трусости и суевѣріи, не сохранилъ столько

отважности, чтобы придерживать Костаря одною рукою, то печенежскій кудесникъ давно лежалъ бы на землѣ.

А зловѣщіе звуки, да непрерывные змѣйчатые огни все болѣе и болѣе трогали Хробла и, наконецъ, онъ совершенно отдался во власть идольскаго суевѣрія и трусости.

— Стой, тихо произнесъ Волчій Хвостъ лучше слѣземъ съ коня, дадимъ ему отдохнуть, а сами, покуда уймется эта дѣвольская свадьба, спрячемся подъ кусты. Чась не ровень, чего добраго наскочить Черно-богъ и на насъ, тогда ужъ не жди пощады.

— Ты правду говоришь: Перунъ не сойдетъ съ стояла и не явится сюда насъ спасать.

— Ты же самъ печенежскій черно-богъ, чего же дрожишь, какъ листъ на осинѣ?

— Давы и черно-боги кievской Руси не то что наши черно-боги и дѣволы. Они меня не знаютъ; вѣдь почему и боюсь я всего, что происходитъ здѣсь.

Въ густотѣ лѣса вновь кое-гдѣ заблестали огненные полоски и Хроблу, и Костарю послышалось какъ будто бы чтото тяжелое съ трескомъ свалилось съ вершины дерева на землю.

— Тсъ... тсъ... молчи, пропадемъ?

И оба храбрые вытязи припали къ землѣ и подползли подъ кусты, притаивъ дыханіе.

Огни блистали все ярче и ярче, крики раздавались все ближе и ближе, по временамъ былъ слышенъ трескъ вѣтвей и стукъ какъ бы о стволы деревьевъ. Все это ужасно пугало Хробла и Костаря. Но вотъ все въ мигъ исчезло; какъ будто вся *дѣвольская чертовщина* провалилась въ преисподнюю ада, и на нѣсколько мгновений воцарилась такая тишина, что даже ни одинъ листокъ не нарушилъ ее шелестомъ своего паденія.

— Я всю чертовщину заклялъ. Не страшись Хробль, теперь мы безопасны.

— Да, невидно и неслышно ничего, сказалъ Хробль, выбухнувъ большую массу, сперпагося въ груди отъ испуга, воздуха.

— Мы смѣло можемъ встать и ѣхать.

— Пожалуй, поѣдемъ, хотя мнѣ и страшно, чтобы черно-боги не притаились и чтобы намъ не попасть случайно въ ихъ когти.

— Не страшись, я клятву положилъ на всю чертовскую, дьявольскую и лѣсную силу.

— Страшно, но надобно отсюда убираться, — робко проговорилъ Волчій Хвостъ, взявъ Костаря за руку, подвелъ его въ темнотѣ къ коню, посадилъ его на коня, усѣлся самъ за нимъ на сѣдло, робко подобралъ поводъ и поѣхалъ. Конь, какъ бы сочувствуя суевѣрью и страху своихъ сѣдоковъ, съ боязнейю и храпѣньемъ медленно подвигался впередъ.

Будутъ молча и безпреставно — то Костарь, то Волчій Хвостъ — осматриваются по сторонамъ. Вотъ выѣхали они на поляну. Утренній свѣтъ былъ еще такой синій, какимъ окрашиваются предметы, если смотрѣть на нихъ днемъ, сквозь толстое синее стекло. Трусость неоставляла Волчьего Хвоста, все еще дрожь пробѣгала по его тѣлу, все еще мерещились ему дивы, черно-боги, дьяволы. Не боится Хробль мучить крещеныхъ, но страшна для него дьявольщина, страшна невыразимо. Дрожитъ, какъ осиновый листъ и Костарь, а его то поганая перуновская Русь считала также за дьявола, да и самъ Костарь увѣрялъ людъ, что бѣсовщина и дьявольщина, и лѣшіе, и водяные и вѣдьмы, и упыри, и дивы, и песьеголовцы, и мавки, и русалки — всѣ въ его власти.

Храбрецы подъѣхали къ Угорищу. Востокъ ярко зарумянился. Въ природѣ была очаровательная тишь и великолѣпіе. Еще ни одна птичка не спорхнула съ вѣтки, на которой провела ночь, и не защебетала; даже листочекъ травки, покрытый ожерельемъ жемчужной росы, не шелохнулся и ни одна капелька съ него не упала на земь. У толстаго береста, Хробль остановилъ коня, слѣзъ съ него, ссадилъ Костаря, и оба осторожно начали спускаться къ Аскольдовой могилѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ обрисовались домины крещеныхъ, а въ малевькихъ оконныхъ продушинахъ доминъ сверкали огоньки. Изъ ближайшихъ доминъ до слуха Волчьего Хвоста и Костаря долетали стоны и рыданія.

— И здѣсь нѣтъ покоя, произнесъ Хробль.

— Вѣроятно и здѣсь недоброе творилось въ ночь; навѣрно Черно-богъ ходилъ и здѣсь. Чтожъ мы будемъ здѣсь дѣлать?

— Какъ, что! Вотъ въ этой доминѣ живетъ попъ, а въ тѣхъ крещенные, а вотъ, видишь ту домину, надъ кото-

рой такая густая тѣнь отъ береста и кругомъ ея высокіе кресты? Въ той доминѣ живеть крещенка - мать моя. Подойдемъ, ка къ той доминѣ.

Волчій Хвостъ пошелъ впередъ, за нимъ потянулся, переваливаясь съ ноги на ногу, Костарь. Хижина, на которую указывалъ Хробль стояла у самаго оврага, глубокаго и широкаго, по дну котораго какоталь, скрывая струи свои въ зелени травы и водяныхъ цвѣтовъ, горный ручей. Среди долины, на небольшомъ возвышеніи, сложенномъ изъ дикихъ камней, тускло горѣли тонкія сухія вѣтви дерева. Клубы сѣраго дыма, волнуясь по хижинѣ, закрывали отъ взоровъ Хробла сидѣвшихъ у огня. Долго стоялъ Хробль у оконной отдушины домины, желая разглядеть — кто находится въ доминѣ, но желаніе его не удовлетворялось: сквозь густую пелену дыма ничего онъ не увидѣлъ. Въ досадѣ на свою неудачу, онъ крикнулъ:

— Кто живой, выйдите сюда!

Говоръ, долетавшій изъ долины до слуха Хробла, мгновенно утихъ. Голосъ Волчаго Хвоста былъ хорошо знакомъ крещенымъ; всѣ страшились велико-княжескаго отрока, почти столько же, какъ Хробль страшился черно-бога, лѣшихъ и всякой другой славянской дьявольщины.

— Крещенные отозвитесь!

Молчаніе не прерывалось. Огонекъ началъ потухать.

— Двери отобью и силою войду, если не отворите, завопилъ Хробль.

Молчаніе, мертвое молчаніе по прежнему господствовало въ доминѣ.

Хробль сильно сердился. Угрозамъ его не было конца. Долго стоялъ онъ у оконной отдушины, нагонецъ, потерявъ терпѣніе, подошелъ къ углой двери и раза два ударилъ въ нее кулакомъ. Послѣ того внутри домины послышалось оханье, крикъ и удушливый кашель, дверка домины за скрипѣла на вервяхъ и отворилась. Изъ домины вышелъ глубокой, сѣдой какъ мохъ и дрожащій всѣмъ тѣломъ, старикъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ горѣвшую вѣтвь, взятую изъ очага. Бѣлая срочица и такіе же порты, подпоясанные узкимъ ремнемъ, составляли песь его нарядъ.

Босоногий, онъ казался какимъ то привидѣніемъ.

— Что тебѣ надобно? Хриплымъ голосомъ спросилъ старикъ.

— Здѣсь моя мать?

— Кто она такая?

— Олель!

— Такой здѣсь нѣтъ и небыло.

— Такъ ли?

— Право такъ. Да теперь здѣсь почти никакого нѣтъ люда изъ молодыхъ, почти всѣ поплыли съ матушкой великой княгиней въ Грецкую землю.

— Какъ, развѣ княгиня уже поѣхала въ море?

— Поѣхала, сыночекъ мой, поѣхала съ Божиимъ благословіемъ въ Грецкую землю сокровища себѣ добывать и всю свою челядь, гридницъ, бояришень и бояринь и много нарочитыхъ людей забрала съ собою. Поѣхали съ нею слы и гости отъ великаго князя къ царю греческому. И далеко до зарп, какъ кораблики матушки нашей великой княгини забороздили дѣйпровскія волны. Дай Господи благополучное ей возвращеніе во градъ свой.

— Вотъ какъ! Костарь, а Костарь!

Костарь, разбитый безпокойною ѣздой и ослабленный страхомъ всеночной тревоги въ лѣсу, лежалъ на землѣ и начиналъ дремать. Услышавъ зовъ Хробла, онъ нехотя поднялся и, качаясь, подошелъ къ нему.

— Великая княгиня, въ эту ночь, со всѣми своими гридницами, бояришнями, бояринями и челядью пусталась въ море.

— Такъ ли?

— Истинну тебѣ говорю, произнесъ старикъ, бросивъ почти потухшую вѣтвь на землю.

— Незнаешь ли, старче, взяла ли великая княгиня отроковицу, которую когда то младенцемъ еще нашли на порогѣ домины попа вашего?

— Юнію?—само-собою взяла.

— Да, Юнію.

— Взяла, взяла, да какъ же она могла не взять самой любимой, самой доброй отроковицы своей?

— А ту женщину, которая всегда ходила за Юніею?

— Древланку то?

— Древланку!

— Кажись, взяла. Да что вы меня старца спрашиваете, вы сами людъ дворовый, лучше меня все должны знать.

— Ничего не знаемъ; мы даже не знали, что и великая отправилась въ море.

Старикъ покачалъ головою и съ увѣренностію присовокупилъ.

— Отправилась, сыночекъ мой, отправилась съ Божіею помощію.

— Много ли здѣсь осталось крещеныхъ изъ приближенныхъ къ великой?

— Да почти что никого. Вотъ остался я, дряхлый старишка, да моя слѣпая старушоночка, да еще одинъ хромой, а то все нашли мѣсто на кораблицахъ. Какъ же, мой родимый, случай то какой удобной; можно увидѣть градъ царя Константина, дѣло не шуточное, первый въ свѣтѣ градъ.

— Ну и попь уѣхаль.

— И попь уѣхаль.

— Ктожь ее провожалъ?

— Великій князь съ дружиною своею и съ военодами и нарочитыми людьми и со всеми теремными. За день до отъѣзда мы слышали, что великая княгиня отправится въ море, но никакого провожанья не будетъ и во градъ оповѣщенія объ отъѣздѣ великой не велѣно дѣлать, потому что великая отправится въ море, такъ что Русь градская не будетъ вѣдать не только години, но и дня, когда великая княгиня пустится въ море. А какъ только кораблики княжнвы поотѣхали отъ берега и великій князь утерялъ за темнотою изъ виду кораблики княгинины, такъ и пріѣхаль къ намъ и оставилъ десятокъ гридней въ доминѣ попа, чтобы они оберегали насъ крещеныхъ отъ перуновой Руси и стерегли больнипу отъ нападений идольщиковъ до возвращенія великой княгини.

— Оставилъ десять гридней, вотъ какъ? Во время разговора Хробла съ старикомъ, среди лѣса раздался провзительный вопль и повторился нѣсколько разъ, потомъ онъ перешелъ въ какое то дикое завыванье, плачь и наконецъ въ громкій страшный хохоть, разносившійся на далекое пространство, среди безмолвія въ лѣсу, и поражающій своими потрясающими душу звуками cadaго, до слуха коего только касался.

Затрепетало сердце и Хробла, не могъ и онъ равнодушно перенести раздававшійся вопль и хохоть.

— Кто такъ страшно воетъ?

— А, вотъ, прости Господи, поганка некрещеная. Людъ баеть, что она мать Юніи, да Богъ одинъ знаетъ, такъ ли это. Она здѣсь и дыоеть и ночуетъ: все убивается за Юніей; а вотъ какъ повезли, говорятъ, Юнію отсюда во градъ, въ великокняжескій теремъ, такъ эта безумная на взрыдъ и день и ночь рыдала да голосила по лѣсу и не только люду крещеному не дала уснуть покойно, но и маленькая пташка въ лѣсу не могла найти покоя отъ ея воплей и стенаній. Все голосила: Юнія моя дочь, мое рожденіе, мое дѣтище—зачѣмъ вы оторвали ее отъ моего сердца, она одна осталась у меня, дайте хоть мнѣ взглянуть на нее,—и Боже, воля Твоя святая, ужъ что она не приговаривала, ужъ какъ она ни причитывала свое дѣтище, если точно Юнія ея родное дѣтище...

— Гдѣ-же она живетъ, гдѣ спитъ?

— Богъ вѣдаетъ, мы не ходимъ по ея слѣдамъ.

— А кормится гдѣ?

— Извѣстно отъ міра—подаваніемъ: великая княгиня жалуетъ ее всякимъ рухломъ и стравъ даетъ; да и попъ тоже, да и мы, грѣшные, когда подойдете къ доминѣ нашей. Да что говорить, извѣстно бѣдная съ ума спятилась, дѣло видное. Господь, можетъ быть и помиловалъ бы ее, еслибъ приняла крещеніе святое и бросила свою всю пакость идольскую; такъ нѣтъ, собака, упрямится, не желаетъ просвѣтить душу крещеніемъ, какъ попъ Григорій ее ни уговариваетъ. Вотъ, какъ песь, безъ вѣры она и погибнетъ.

Волчій Хвостъ съ язвительною улыбкою посмотрѣлъ на Костаря; Костарь, какъ осель, захопалъ своими уродливыми длинными ушами, и оба въ одно мгновеніе разразились адскимъ хохотомъ. Старецъ смутился, но вскорѣ пришелъ въ себя и простодушно спросилъ:

— Вы, сыночки, кажись, и сами нюхаете падалъ у идольскаго требища?

Хроблъ и Костарь продолжали неистово хохотать.

— Вы, дѣти мои, держите законъ Руси?

— Богу грома и молніи поклонялися и такихъ какъ ты и помоложе, въ жертву ему приносимъ, сказалъ Костарь.

— Ужъ ваши идольскія жертвы: кровь да огонь. Дѣло ваше нечисто.

— Да, дѣдушка и тебѣ бы можно принесть въ жертву богамъ нашимъ, да кажись ты ужъ черезъ чуръ сухой сухарь.

— Э, дѣтушки, у меня то ни жиру, ни мяса, — кости да кожа.

— Да, такъ, ты правъ. Однакоже, старинушка, укажи намъ, гдѣ бы отыскать эту крикушку, которая голосить по Юніи.

— Развѣ не слышите, какъ она еще все воетъ; ну вотъ спуститесь съ этого пригорка и на откосѣ этого же холма вы непременно ее встрѣтите и спросите, что захочите.

— Такъ она не крещеная?

— Куда вамъ, дѣтушки, еще бы такая безумная да приняла святое крещеніе! говорю вамъ: она какъ звѣрь какой — рыскаетъ въ лѣсу по ночамъ, ищетъ Юніи и ужъ дошла до того, что непременно хочетъ задушить или убить Юнію при первой встрѣчѣ съ нею и за что, какъ бы вы думали? — За то, что Юніа крещеная. Ужъ какъ ни увѣщевалъ ее и понъ Григорій и даже великая княгиня, такъ нѣтъ, не ту пѣсню поетъ. Дочь мнѣ возвратите, она у меня одна. Было уменя три ихъ, козарка двухъ убила. Отдайте же вы мнѣ мою дочь! Такъ кричитъ она и день и ночь и мы всѣ ее боимся. Вотъ она увидѣла, что Юнію взяла съ собою великая княгиня, вотъ и голосить цѣлую ночь.

— Спасибо тебѣ, старинушка, за всѣ вѣсти. Будь покоенъ, мы тебѣ никакого зла не сдѣлаемъ; иди въ свою домину.

Старикъ поклонился, вошелъ въ хижину и заперъ за собою дверь.

Хробль и Костаръ, разговаривая объ отъѣздѣ великой княгини, осторожно, среди густой зелени кустовъ, спускались съ вершины холма внизъ, къ Днѣпру, коня они оставили на прежнемъ мѣстѣ.

Пройдя по одной сторонѣ глубокаго оврага, они спустились къ самому берегу Днѣпра, волны коего смѣшались съ золотомъ и пурпуромъ утренней зари и тихо плескались о золотистый песчаный берегъ. На пространномъ зеркалѣ водъ Днѣпра не было уже видно ни одного кораблика, изъ флотилии Великой Княгини; шныряли, правда, у береговъ, то тамъ, то здѣсь, на душегубкахъ, отважные рыбаки и надъ головами ихъ стрѣлами мелькали кричавшія крычки.

Нѣсколько минутъ стояли они у самыхъ водъ, любясь

картиною Дѣбра и уже готовились было вновь подыматься по своей тропѣ на высоту Угорскаго, какъ вдругъ Костарь схватилъ Хробла за лѣвое плечо и другою рукою указалъ вдаль, по берегу Дѣбра, на стоящую также у самыхъ водъ женщину съ поднятыми къ небу руками и что то тихо произносившую, какъ бы молитву или какія другія таинственныя слова. Она была въ рубищѣ и почти до половины тѣло ее было обнажено, а волосы длинными прядями рассыпались по плечамъ и спинѣ.

— Это должно быть Алла, — сказалъ Костарь.

— Такъ, это она, подойдемъ къ ней; но надобно быть осторожными, чтобъ она насъ не замѣтила.

— Конечно.

И тихо, межъ кустами, начали они пробираться къ женщинѣ. Потомъ Хробль ускорилъ свои шаги и даже началъ бѣжать, Костарь не могъ слѣдовать за нимъ и, переваливаясь съ бока на бокъ, далеко отставалъ. Много разъ Хробль приостанавливался, поджидалъ его, но напрасно: такому ли иноходцу можно было послѣдовать за Хробломъ, да еще по узкой извилистой тропинкѣ, на которой, что шагъ то и препятствіе—или камень, или пень дерева, или широкій ручей, кои надобно или обходить или перебираться черезъ нихъ?

Вотъ Хробль уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ женщины, онъ видитъ отчаянное выраженіе ея лица, видитъ этотъ неестественный пылающій румянецъ на исхудавшихъ щекахъ, этотъ пламенный блуждающій взглядъ; замѣчаетъ ея стройныя ноги, обнаженныя почти выше колѣнъ, на коихъ кожа изрѣзана и исколота колючими кустарниками и остриями камней. Костарь остановился и прислушивается къ шопоту женщины и внятно слышитъ ея слова:

— «Юнія, о Юнія! ты крещенная, ты Церуна забыла, о, смерть, смерть тебѣ!.. растерзаю, разрублю я тебѣ сама, на малкіе куски.. отдамъ тебя на съѣденіе волвамъ. Отдамъ тебя на растерзаніе псамъ... Юнія, Юнія, мечты моего сердца, моя жизнь... моя свѣтлая заря... Юнія, Юнія, посмотри, я плачу, припади ко мнѣ.....»—И потомъ неистово закричала: отдайте мнѣ дочь мою, отдайте мнѣ Юнію!....

— Алла! произнесъ Хробль, находясь шагахъ въ десяти отъ нее.

Женщина быстро оглянулась въ сторону, откуда послыша-

лось ея имя и, увидѣвъ Хробла, пустилась бѣжать и въ мгновение скрылась отъ его взоровъ въ густотѣ кустовъ.

Хробль пустился за нею въ догонку. Вотъ бѣгутъ они отъ одного куста къ другому и, то видитъ онъ Аллу, то теряетъ ее въ густотѣ вѣтвей. Кажется, стоитъ только сдѣлать два—три шага, чтобы схватить бѣгущую женщину, но усилія Хробла напрасны. Вотъ она уже на полугорѣ, еще два шага, и Алла, кажется, будетъ въ его рукахъ, но вдругъ Алла поворотила въ лѣво, потомъ мелькнула направо отъ тропинки и исчезла. Хробль остановился, осмотрѣлся вокругъ, потомъ разъ десять обошелъ ту чащу, въ которой исчезла Алла, перешарилъ каждый кустъ, все напрасно: Алла исчезла какъ привидѣніе. Пораженный такимъ явленіемъ, Хробль впалъ въ раздумье. въ головѣ его мелькнула мысль, что то была не Алла, а бѣсовское навожденіе, что надъ нимъ еще продолжаютъ ночныя проказы лѣшихъ и чернобога. Думая такъ, онъ присѣлъ на стволъ сваливагося дерева, покрытый ярко зеленымъ мохомъ и поджидалъ прихода Костаря, котораго онъ громко призывалъ къ себѣ.

Скоро прибрелъ и Костарь, запыхавшись, и повалился на бревно отъ усталости. Онъ только пыталъ и немогъ слова произнести не только слушать разсказъ Хробла о чудесномъ исчезновеніи Аллы.

— Ну, ну, отдохни, печенѣжскій песь, ты порядочно измучился. Это тебѣ не жертвы приготавлиать богу Перуну!

— Молчи, проговорилъ, пыхтя, Костарь.— Не упоминай о Перунѣ. Перунъ богъ града, а здѣсь другіе боги разсердятся, что ты мнѣ чести не воздаешь и успѣха никакого не будетъ.

— Да, вотъ и эта женщина, это была не Алла, воля твоя, это было привидѣніе.

— Мара какая.

— Да, мы въ недобрый часъ выѣхали изъ града, намъ нигдѣ не посчастливилось.

— Вотъ передо мной была, вотъ я ее почти уже хваталъ, и вдругъ не стало, не стало какъ той моляніи, которая разрѣзываетъ тучи и мгновенно исчезаетъ, поразивъ зрѣніе мертвеннымъ своимъ свѣтомъ. Ужъ не могла же Алла, какъ птица, перелетѣть черезъ этотъ отваленный холмъ и скрыться на Аскольдовой.

— Конечно, не могла. И я вѣрю, что это была не Алла,

а только привидѣніе; а ну ка еще вдвоемъ осмотримъ всѣ кусты,—сказалъ Костарь.

Хробль всталъ съ пня, Костарь за нимъ, и еще разъ обошли и внимательно осмотрѣли каждый кустикъ, каждую былинку и ничего не нашли. Досадуя на неудачу, они начали пробираться прежнею дорогою на Угорское. Костарь, по обыкновенію, отставалъ отъ Хробля, который сильно на него за то сердился. Уже Хробль подходилъ къ коню, а Костарь только что подымался на высоту.

— Пусть тебя лѣшіе задушатъ, хромая собака,—мнѣ тебя не ждуть, сердито проговорилъ на печенѣжскомъ языкѣ Хробль, вскочилъ на коня и поѣхалъ скорою рысью.

Не скоро прибрелъ Костарь къ тому мѣсту, у котораго стоялъ конь Хробля.

— Нѣтъ коня, уѣхалъ поганый Хробль,—сердито проворчалъ Костарь и заскрежеталъ зубами. О, еслибы Костарь могъ догнать Хробля, онъ разбилъ бы ему голову.

Проведши ночь безъ сна, до крайности изнеможенный, Костарь повалился на мягкую, зеленую мураву и скоро захрапѣлъ. Никто не тревожилъ его сна; на то мѣсто, гдѣ онъ спалъ рѣдко рѣдко заходилъ человѣкъ, и то только во время звѣриныхъ ловль. Далеко за полдень проснулся Костарь, протеръ красное око свое кулакомъ, взялъ толстую вѣтвь и, опираясь на нее, тихо побрелъ къ Перевѣсищу, а оттуда въ свою долину.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МѢСТНЫЕ ВОПРОСЫ.

И.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдніе три, четыре года въ провинціяхъ нашихъ произошла огромная перемѣна. Въ нихъ пробудилась жизнь, возникла дѣятельность и мѣстные интересы стали могущественно заявлять свои права на вниманіе и уваженіе къ себѣ. Самыя отношенія провинцій къ столицамъ измѣнились. Настоятельность нуждъ и потребностей мѣстной жизни, особенности ея условій заставили искать способовъ къ ихъ удовлетворенію въ тѣхъ средствахъ, какія представляетъ эта жизнь,—вызвали самостоятельность въ умахъ, привыкшихъ вдохновляться внушеніями столицъ, принудили взгляды и вдумываться въ окружающее, подвергать изученію и изслѣдованію явленія мѣстной жизни, и сознательнѣе относиться къ нимъ. Помимо вопросовъ, волнующихъ все наше общество, явились мѣстные вопросы, выросшіе на почвѣ извѣстной мѣстности, имѣющіе въ ней свои корни, требующіе для своего разрѣшенія знанія мѣстныхъ условій, изученія мѣстной почвы, ея формаціи и наслоенія, степени производительности и способности къ воспринятію различныхъ насажденій.

Всѣ эти измѣненія въ провинціяхъ произошли вслѣдствіе появленія въ ихъ жизни новой стихіи, которая доселѣ оставляема была совершенно безъ вниманія или презираема нашею наносною цивилизаціею, какъ грубый, сырой матеріалъ, несоврѣвшій еще до способности воспринять ея великія блага. Въ однообразномъ механизмѣ нашихъ провинцій видны были только чиновники, да помѣщики; все остальное сливалось въ какую-то темную, безразличную массу, осужденную, казалось, на вѣчный, не пробудимый сонъ и годную только для экспериментовъ, каковыми могли удостоить

ее наши цивилизаторы въ своей отеческой заботливости объ общемъ благѣ. Но, когда масса эта услышала завѣтный призывъ къ жизни,—все пришло въ движеніе. Въ наше сознание вошло новое понятіе, въ нашу совѣсть—новая обязанность, въ нашу практическую дѣятельность—новая стихія,—народъ, какъ полноправный членъ одной семьи, хотя и съ званіемъ меньшаго брата. Эта стихія оказалась такъ могучею и сильною, что однимъ своимъ появленіемъ на свѣтъ, она раздвинула границы нашего умственного горизонта, опрокинула наши тощіе, мертворожденные идеалы и потребовала радикальной перестройки того непрочнаго и шаткаго зданія, которое воздвигнуто было нашими цивилизаторами не только безъ участія этой стихіи, но и безъ ея вѣдома и сознания.

Очень естественно, что особенности мѣстной жизни и мѣстнаго интереса почувствовались прежде всего на окраинахъ государства, гдѣ оно соприкасается съ иными племенами и народностями, съ чуждымъ намъ бытомъ и общественнымъ строемъ; гдѣ разнородные элементы, втянутые въ общее движеніе неотразимою силою притяженія, при естественномъ ростѣ и развитіи могучаго государственнаго организма Руси, еще находятся въ состояніи броженія и представляются соединенными съ нимъ только механически, а непретворенными стихійными началами русской жизни и незакрѣпленными тѣмъ цементомъ гражданственности, который сплавливаетъ разнородныя племена неразрывными узами единства цѣли и интересовъ человѣческаго развитія.

Въ числѣ окраинъ нашего отечества, съ правами на вниманіе общества къ особенностямъ ихъ жизни и интересовъ, пальма первенства принадлежитъ, по всей справедливости, западному краю. Въ этомъ краѣ началось политическое и гражданское развитіе Руси; здѣсь она приняла христіанство и въ волнахъ Диѳира, этой священной для насъ рѣки, обладаніе которою сдѣлалось потомъ предметомъ продолжительной распри двухъ славянскихъ народностей,—впервые русскій народъ крестился водою и духомъ, здѣсь впервые восприняты тѣ начала нашей цивилизаціи, которыя легли въ основу дальнѣйшаго развитія Руси, и отсюда послѣдовало первое столкновеніе ея съ другимъ, сосѣднимъ, славянскимъ

организмъ, зародившимся на западъ отъ нея,—столкновение, изъ котораго возникла упорная вѣковая борьба, проходящая черезъ всю исторію Руси какимъ-то громаднымъ стимуломъ для ея единенія и сплоченія въ необъятную массу, какимъ-то химическимъ реактивомъ, заставлявшимъ родственные элементы съ неотразимою силою притяженія стремиться къ органической связи между собою, и которая, прошедши разнообразныя фазисы въ теченіи тысячелѣтняго существованія Руси, является въ современную намъ эпоху подъ именемъ польскаго вопроса.

Что же это за борьба, которая длится цѣлымъ рядомъ вѣковъ, и что это за вопросъ, который ведетъ свое начало изъ такой туманной исторической дали? Неужели ему суждено тяготѣть надъ Русью вѣчнымъ дамокловымъ мечемъ и оставаться вѣчно неразрѣшимою задачею и разорительнымъ наслѣдствомъ, передаваемымъ отъ поколѣнія поколѣнію, безъ возможности когда либо ликвидировать это тягостное наслѣдство?

Еще въ памятную нашему поколѣнію эпоху, когда вопросъ этотъ поднять былъ съ гордою отвагою и надменною самоувѣренностію польской шляхты, и въ потокахъ братской крови надѣялся найти себѣ разрѣшеніе,—великій поэтъ нашъ противопоставилъ ему другой вопросъ, на который отвѣтъ дастъ исторія. Возражая на клеветы враговъ Россіи, онъ указалъ, гдѣ кроется сущность вопроса:

Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?

Оно-ль изсякнетъ—вотъ вопросъ.

Съ этой поры прошло уже 30 лѣтъ и многое измѣнилось внѣ насъ и въ насъ самихъ; но вопросъ остался въ одномъ и томъ же положеніи. Съ какихъ сторонъ ни стали бы его разсматривать, разрѣшеніе его неизбежно сводится къ предложенной поэтомъ дилеммѣ; къ спору между моремъ и ручьемъ. На это исторія дала положительный отвѣтъ, вопросъ разрѣшенъ ею безвозвратно: изъ двухъ равносильныхъ въ началѣ родниковъ суждено было сдѣлаться Руси—моремъ, Польшѣ—ручьемъ. Это было результатомъ дѣйствія, еще недостаточно объясненныхъ наукою, тѣхъ мировыхъ законовъ исторіи, которые управляютъ судьбами человѣческихъ обществъ съ такою же правильностію, съ какою

физическій міръ управляется своими законами. Это рѣшеніе провидѣнія, судъ Божій надъ народами, и безрасудно было бы надѣяться передѣлать его по своему хотѣнію.

Всматриваясь внимательнѣе въ тысячелѣтнюю борьбу Руси и Польши, возникшую одновременно съ зарожденіемъ ихъ на востокѣ Европы, увидимъ, что вѣковая распря ведется за преобладаніе въ славянскомъ мірѣ и споръ идетъ о томъ, какой изъ двухъ организмовъ долженъ представлять его въ общемъ движеніи Человѣчества къ достиженію указанныхъ ему провидѣніемъ цѣлей.

Разбросанныя на обширномъ пространствѣ восточной Европы славянскія племена проводятъ вѣка до исторической жизни въ хаотическомъ броженіи и пребываютъ въ состояніи зародышей. Вслѣдствіе разныхъ мѣстныхъ и историческихъ причинъ, эти зародыши начинаютъ между VI и IX вѣками развиваться въ отдѣльные организмы: на исторической сценѣ появляются различныя славянскія народности; но только тремъ изъ нихъ суждено было занять видное мѣсто въ исторіи.

Чешская народность, прежде другихъ стихій славянскаго міра успѣвшая организовать, расцвѣла пышнымъ и роскошнымъ цвѣтомъ; но разрозненная и оторванная отъ южныхъ славянскихъ племенъ и отъ востока, откуда она уже приняла христіанство и начатки цивилизаціи, вторженіемъ Венгровъ и занятіемъ ими дунайской долины, — послѣ упорнаго сопротивленія народа, отставшаго славянскія демократическія формы своего быта, подавлена была германскимъ элементомъ, окатоличена и отъмечена въ высшихъ своихъ слояхъ.

За Чехами явились Ляхи и Русь. Первые въ самомъ началѣ своего организованія, черезъ Моравію и Богемію, пришли въ столкновеніе съ нѣмецкимъ элементомъ и сильно подчинились его вліянію. Ляхи приняли отъ Нѣмцовъ католическую религію и начала западной цивилизаціи и стали вносить ихъ въ общественный бытъ свой, усвоивъ себѣ духъ и принципы, легшіе въ основу развитія западнаго міра, и постепенно ослабляя и заглушая въ себѣ коренныя, общія всѣмъ славянскимъ племенамъ основы быта.

Русь, получившая первую органическую завязь отъ варяж-

скаго элемента, не внесшаго въ нее никакой крѣпкой преобладающей стихіи, а напротивъ быстро сливагося съ нею,—подобно Чехамъ и Моравамъ принимаетъ христіанство и начатки цивилизаціи отъ востока и крѣпко держится общеславянскихъ основъ быта.

Съ перваго момента появленія на исторической почвѣ ляхской и русской народностей возникла между ними борьба, которая и проходить черезъ всю тысячелѣтнюю исторію ихъ.

—Характеръ этой борьбы—наступательный, со стороны Ляховъ, и оборонительный—со стороны Руси. Наступленіе, порывъ сообщень былъ Ляхамъ духомъ той цивилизаціи, въ основаніи которой лежали завоеваніе, свобода личности и враждебное отношеніе къ власти. Оборона и защита отъ нападений, безъ всякихъ завоевательныхъ стремленій, соответствовали духу русской народности, которой чуждо было завоеваніе и въ которой основами быта были поземельная община и дружелюбное отношеніе къ власти, добровольно призванной и принятой.

При такихъ противоположныхъ началахъ развитія, оба зарождавшіеся организма не могли оставаться въ мирѣ и согласіи, но должны были, въ силу роковой исторической необходимости, вести борьбу до тѣхъ поръ, пока непобѣдитъ и не восторжествуетъ одно изъ борющихся началъ. Вся исторія Польши и Руси подтверждаютъ этотъ выводъ.

Уже при первой централизаціи Пястовъ, Поляки являются въ Руси съ завоевательными цѣлями. Болеславъ Храбрый первый овладѣваетъ, въ началѣ XI в., столицей ея, Кіевомъ, и по преданіямъ польскихъ лѣтописцевъ, въ страстномъ вѣтерпѣвнн вступить въ эту „матеръ городовъ русскихъ,“ ударомъ о золотыя ворота, выщербливаетъ свой мечъ, подаренный ему въ Гитъдно Германскимъ Императоромъ Оттономъ III-мъ. Этотъ выщербленный мечъ становится потомъ драгоцѣннѣйшимъ наслѣдіемъ польскихъ королей и суевѣрнымъ источникомъ завоевательныхъ надеждъ польской шляхты. Болеславъ, завявши Кіевъ подъ предлогомъ помощи русскому князю Святополку, располагается здѣсь какъ въ завоеванной странѣ, но не надолго,—Поляки скоро были изгнаны. Они возвратились сюда однако опять во второй половинѣ того же

XI в., подъ предводительствомъ Болеслава Смѣлаго, успѣвшаго было завладѣть Волынью и Киевомъ; но своимъ невыносимымъ отношеніемъ къ побѣжденнымъ, поляки возстановили противъ себя населеніе и вторично были изгнаны изъ Руси. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіи двухъ столѣтій, раздробленныя на мѣлія княжества, непрерывно воевавшія между собою изъ родовыхъ счетовъ, Польша и Русь ведутъ мелкую борьбу по поводу столкновеній, которыя возникали изъ родственныхъ споровъ между князьями обѣихъ государствъ, порождавшихъ взаимныя притязанія на владѣніе частями приграничныхъ къ Польшѣ областей Руси. Галиція въ особенности получила печальную привилегію сдѣлаться предметомъ этихъ притязаній. Пользуясь обстоятельствами, польскіе князья непрерывно присваиваютъ себѣ то ту, то другую часть ея. Въ свою очередь русскіе князья, отражая вторженіе поляковъ, проникали въ глубь Польши и завоевывали себѣ тамъ города, но немогли ихъ удержать за собою.

По мѣрѣ того, какъ Русь, поработенная татарами, слабѣла, дробилась и утрачивала политическую связь между своими частями, поляки вторгались въ ея области и завладѣвали ими. Первою жертвою дробленія, этой несчастной розни въ неокрѣпшемъ еще русскомъ организмѣ, сдѣлалась крайняя западная область Руси, Галиція, которая послѣ неудачной попытки составить отдѣльное самостоятельное владѣніе, въ половинѣ XIV в., пала подъ напоромъ польскаго элемента. Остальная часть южной Руси, хранившая въ себѣ болѣе задатковъ органическаго развитія, связываетъ свою судьбу съ Литвою, и, подобно Галиціи, пытается образовать отдѣльное самостоятельное цѣлое подъ именемъ Литовско-русскаго княжества, но напрасно. Отсутствие внутренней организующей силы неотразимо влечетъ ее туда, гдѣ эта сила жила и получила внѣшнее блестящее развитіе вслѣдствіе напряженія, общеннаго ей началами западной цивилизаціи. Въ концѣ XIV в. Юж. Русь подвергается одинаковой съ Галиціею судьбѣ: подъ видомъ федеративнаго союза, она поступаетъ во владѣніе Польши. Такимъ образомъ польскій элементъ, пользуясь раздробленіемъ Руси, съ неутомимою настойчивостію, шагъ за шагомъ, проникаетъ въ области ея и какъ бы вливается, подобно жидкости, въ

каждую трещину русскаго тѣла, какою дѣлаетъ въ немъ внутреннее органическое разстройство или враждебный ударъ извнѣ. Но, къ счастью, элементъ этотъ неимѣлъ силы проникать глубоко во внутрь и долженъ былъ ограничиваться поверхностью. Разлившись на ней, онъ употреблялъ напряженныя усилія, чтобъ просочиться черезъ поры организма къ источникамъ его жизни, но тутъ встрѣчалъ всегда тупое и тѣмъ не менѣе упорное сопротивленіе.

Займствовавши общественныя начала западной цивилизаціи, Польша восприняла ихъ какъ-то болѣзненно. Аристократическое начало развилось у ней до уродливой крайности и обратилось съ одной стороны въ католическій фанатизмъ, а съ другой—въ олигархію и полнѣйшее рабство народа, уничтожившія общину и отнявшія у ней поземельную собственность. Тѣже самыя общественныя начала, сопровождавшіяся въ приложеніи къ славянской стихіи такими печальными результатами, на западѣ, гдѣ онѣ органически выросли изъ почвы, привели совершенно къ инымъ послѣдствіямъ. Тамъ регуляторомъ взаимнаго дѣйствія этихъ началъ явилась королевская власть, принявшая подъ свое покровительство общіе интересы и угнетенный народъ; въ Польшѣ королевская власть неустояла противъ аристократіи и сдѣлалась безсильною для общаго блага и для защиты народа отъ гнета шляхты. Не встрѣчая ни противудѣйствія, ни регулирующаго элемента, болѣзненное развитіе этихъ началъ, а вмѣстѣ органическое неустройство Польши росло съ ужасающею скоростію, и то, что было источникомъ жизни и цивилизаціи на западѣ, въ Польшѣ сдѣлалось источникомъ неизлѣчимаго общественнаго недуга, приведшаго ляхскій организмъ къ гибели. Но, чѣмъ сильнѣе этотъ недугъ овладѣвалъ ею, чѣмъ глубже проникалъ во внутрь, тѣмъ настойчивѣе и страстнѣе стремилась Польша привить свою болѣзнь Руси, и тѣмъ враждебнѣе относилась къ ней. Инстинктивное чувство жизни и самосохраненія аставляли Русь противопоставлять такимъ стремленіямъ всѣ свои силы и всю энергію. Это возбуждало и напрягало Русь и вело къ развитію ея организма.

Овладевши лучшими, но ослабѣвшими частями русской земли на югѣ, Польша съ увлеченіемъ и страстью принялась за ассими-

лированіе ихъ: въ этой цѣли она изобрѣтаетъ религіозную унію, раздѣлившую народъ на два враждебные стана, и колонизируетъ дворянство, отдѣлившіе его такимъ образомъ отъ массы народа. Но оставалась еще одна независимая часть Руси на сѣверѣ, обнаруживавшая болѣе упругости и сопротивленія, чѣмъ на югѣ. Туда Польша стремится внести принципы своего развитія посредствомъ завоеванія и уединенія этой части отъ общенія съ образованнымъ міромъ.

Послѣ подчиненія Польшѣ юга и запада Руси, на далекомъ сѣверовостокѣ, подъ отрезвляющими градусами сѣверной широты, посреди бѣдной и суровой природы, стала развиваться и расти та часть русскаго организма, которой суждено было сосредоточить въ себѣ всю силу Руси, все, что было въ ней могучаго и жизненнаго, что имѣло будущность и право на жизнь. Пріютившись въ дикомъ и суровомъ углѣ восточной Европы, сѣверная Русь, подъ гнетомъ Татаръ, начала и съ изумительною настойчивостію продолжала великое дѣло собранія русскаго народа. Отрѣзанная отъ сообщенія съ образованнымъ міромъ—Польшею на западѣ и Татарями—на югѣ, С. Русь поддерживала съ великими затрудненіями только моральную связь съ Византією; но въ XV в. Византія окончательно пала предъ исламомъ и изъ своего богатаго наслѣдства завѣщала Руси теократическій принципъ власти. Онъ отвѣчалъ религіознымъ понятіямъ народа и удовлетворялъ настоятельной потребности объединенія и собранія земли, и потому привился здѣсь легко и вошелъ въ жизнь С. Руси какъ могущественное организующее начало. Въ то время какъ Византія рушилась подъ ударами Турокъ, С. Русь, подъ вліяніемъ этого начала, освободилась отъ Татаръ; но двухвѣковое господство ихъ оставило въ ней глубокіе слѣды: оно заглушило тѣ скудные начатки цивилизаціи, которые Русь, вмѣстѣ съ зерномъ жизни, успѣла унести съ собою съ юга, и внесло въ жизнь ея значительную долю дикости и варварства. Эта-то Русь, получившая названіе **великой**, по сравненію съ остальными частями, и московской, по центру, изъ котораго развивалась, загнтая къ Ледовитому морю и въ сибирскія тундры, явилась страшнымъ и грознымъ соперникомъ господства Польши на востокѣ Европы. Противъ этаго-то

соперника, грубаго, невѣжественнаго, лишеннаго, повидимому, всякихъ средствъ къ защитѣ, Польша выступаетъ въ бой, вооруженная пособіями западной цивилизаціи и усиленная захваченными частями русской земли. Казалось, бой былъ неровный и не представлялъ никакихъ шансовъ успѣха для Московіи, какъ стала называть ее Европа. Во всѣхъ непріязненныхъ столкновеніяхъ двухъ соперниковъ искусство, смѣлость и отвага были на сторонѣ Поляковъ; Москвитяне только и умѣли, что сопротивляться, и всю свою силу и энергію выказывали единственно въ страдательномъ сопротивленіи.

Овладевши почти всѣмъ теченіемъ Днѣпра, Польша стала на пути сообщенія Руси съ образованнымъ міромъ и отрѣзала ее отъ всякихъ сношеній съ нимъ. Съ какимъ-то вѣщимъ предчувствіемъ неминуемой опасности, по темному побужденію инстинкта самосохраненія, Польша употребляла всѣ усилія, что бы не дать Московской Руси доступа къ образованному міру, и если соглашалась подѣлиться съ нею плодами западной цивилизаціи, то иначе, какъ подъ условіемъ принятія ея въ тѣхъ самыхъ формахъ, въ какихъ она сама ее приняла, т. е. подъ условіемъ насилія свободѣ совѣсти и жизни и распатанія народныхъ основъ быта. Съ непреборимымъ отвращеніемъ и съ непобѣдимымъ упорствомъ отвергаемы были сдѣлки на подобныхъ условіяхъ, предлагавшіяся Польшею въ разное время и въ разнообразныхъ видахъ и формахъ. Моск. Русь готова была скорѣе окончательно одичать, замерзнуть и принять прозябательную форму, нежели вступить въ союзъ съ Польшею на началахъ ея жизни. Чѣмъ-же объяснить это дикое упрямство, эту непонятную приверженность къ формамъ быта, непредставлявшимъ, повидимому, никакихъ условій человѣческаго развитія по понятіямъ запада, въ виду блестящихъ и соблазнительныхъ результатовъ развитія Польши изъ западныхъ началъ? Неужели М. Русь была создана только для пассивнаго повиновенія деспотической власти, для возвращенія въ себѣ всякихъ видовъ рабства, — личнаго, общественнаго и умственнаго, и неужели немогли поколебать ее, покрайней мѣрѣ съ утилитарной точки зрѣнія, плоды западной цивилизаціи, такъ ярко выставлявшіеся въ развитіи шляхетской личности и образованія

въ Польшѣ, съ которою она была въ непрерывныхъ сношеніяхъ? Съ точки зрѣнія запада и въ особенности польской шляхты, это легко объясняется грубостію и невѣжествомъ. Но мы думаемъ, что причина этого факта лежитъ далеко глубже. Исторія представляетъ намъ доказательства, что Русь чувствовала сильную потребность образованія и общенія съ образованнымъ міромъ находила также необходимымъ для себя, какъ воздухъ для дыханія. Вся трудная исторія Московскаго государства выражаетъ только два движущія мотива его дѣятельности: собраніе земли, побѣжденіе внутренней розни, и проложеніе путей къ сообщенію съ цивилизованнымъ міромъ, откуда текли свѣтъ, наука и искусство. Труднымъ и медленнымъ процессомъ Русь достигаетъ того и другого только въ послѣднія два столѣтія. Но на пути этихъ стремленій Польша всегда становилась непримиримымъ врагомъ ея. Послѣ неудачныхъ попытокъ утвердиться при балтійскомъ морѣ, Русь вынуждена была искать себѣ выхода къ сообщенію съ западною Европою по льдамъ Ледовитаго моря; но этотъ путь былъ слишкомъ далекій, существовавшій только нѣсколько мѣсяцевъ въ году, трудный и опасный, при тогдашнемъ состояніи мореплаванія, что бы черезъ него могли установиться правильныя сношенія Руси съ Европою и удовлетворить съ каждымъ годомъ болѣе сознаваемой потребности общенія съ нею.

Отрѣзанная отъ западной Европы, порабощенная въ лучшихъ и ближайшихъ къ ней частяхъ своихъ, Русь въ послѣднемъ своемъ бѣдномъ и суровомъ убѣжищѣ казалась Польшѣ легкой добычею. Почти одновременно, въ XVII ст., Польша, повидимому, близка была къ осуществленію своихъ страстныхъ стремленій на югъ и сѣверъ Руси: тамъ унія дѣлала свое дѣло и высшій классъ населенія открыто становился уже на сторону Польшы; здѣсь неожиданною помощницею ея явилось смутное время. Эпоха послѣдняго сильнаго броженія розни въ русскомъ организмѣ, смутное время представило Польшѣ самый благоприятный случай для приведенія въ исполненіе задушевныхъ желаній и завоевательныхъ плановъ. Съ помощію же-царя Поляки заняли Москву и обратили ее въ кучу пепла и развалинъ. Послѣ изумительныхъ подвиговъ мужества, храбрости и неподражаемаго геройства, Смо-

ленскѣ палъ отъ истощенія и голода, но герои защитники его не хотѣли отдаться въ плѣнъ полякамъ и взорвали себя на воздухъ. Защита Смоленска, послѣдней точки опоры Руси на Днѣпрѣ и послѣдняго оплота отъ польскихъ вторженій, составляетъ одну изъ величайшихъ страницъ исторіи русскаго народа, и должна была показать стремившимся господствовать надъ нимъ полякамъ, какая великая сила и какая несокрушимая энергія жила въ этой суровой Московской Руси.

Съ паденіемъ Москвы и Смоленска, посреди общаго безпорядка и розни, дѣло Руси казалось окончательно проиграннымъ. По занятіи послѣдняго политическаго центра самостоятельной Руси въ началѣ XVII в., Польша является полповластнымъ распорядителемъ судебъ восточнаго славянскаго міра. Начала западной жизни, въ лицѣ Польши, по видимому, превозмогли славянскіе основы быта. Московскіе бояре избрали царемъ польскаго королевича и, въ виду всеобщей анархіи въ русской землѣ, готовы были принести тяжелыя жертвы изъ своихъ вѣрованій и убѣжденій, соглашаясь на религиозныя уступки полякамъ—побѣдителямъ. Польша уже торжествовала свою побѣду: несокрушимый защитникъ православія и народности русской патриархъ Гермогенъ уморенъ голодомъ; развѣнчанный царь съ лучшими людьми отправленъ плѣннымъ въ Варшаву, чтобы потомъ подвергнуться тамъ унижительной церемоніи представленія польскому королю; толпы шляхты спѣшили въ страшную прежде для нея Московію, чтобы при всеобщемъ разрушеніи взять себѣ львиную долю добычи, а вслѣдъ за шляхтою готовился къ отправленію въ варварскую, схизматическую страну цѣлый легіонъ отцовъ іезуитовъ, этихъ неутомимыхъ пионеровъ папства, абсолютизма и абскурантизма. Но именно въ эту смутную эпоху, поставившую, казалось, Русь въ безвыходное положеніе, поляки и должны были испытать первое сильное разочарованіе, за которымъ послѣдовалъ длинный рядъ болѣе горькихъ и ѣдкихъ разочарованій; именно тогда и выказалась вся жизненная сила, все превосходство чисто славянскихъ основъ предъ извращенными вліяніемъ запада началами жизни Польши. Эпоха нашего народнаго униженія была началомъ нашего великаго торжества. Польша неожиданно для себя встрѣтила энергическое сопротивленіе

въ безмолствовавшихъ доселѣ массахъ народа, т. е. именно тамъ, гдѣ коренились основы славянскаго быта. И какое электрическое дѣйствіе производитъ на эти инертныя массы стремленія Польши насильственно внести въ ихъ жизнь мертвѣція начала, подъ дѣйствіемъ которыхъ она сама уже начала разлагаться! Сѣверъ отвѣчалъ на это возстаніемъ всей земли и изгнаніемъ поляковъ; югъ далъ подобный же отвѣтъ нѣсколько позднѣе, и въ потокахъ крови и ужасахъ междоусобной войны завоевываетъ свою независимость отъ Польши и соединяется съ сѣвѣрною Русью. Такимъ образомъ достигнувши растлѣнія и извращенія основныхъ началъ своего быта, Польша въ XVII в. явилась исполнителемъ уже отрицательнаго назначенія своего для славянскаго міра, въ которомъ собственно и состоитъ дальнѣйшая исторія ея: стремленія и притязанія Польши сдѣлались стимуломъ единенія русской земли, сплоченія разрозненныхъ частей ея и укрѣпленія русскаго организма.

Изъ страшнаго потрясенія Русь вышла сильною и могучею, въ самой себѣ нашла средства побѣдоносно отразить враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ и прекратить безнарадые. Смутное время было искупительною жертвою органическимъ болѣзнямъ, порожденнымъ въ Руси несчастными обстоятельствами ея исторіи, и поворотнымъ событіемъ въ борьбѣ ея съ Польшею. Съ прекращеніемъ смутъ началось обратное движеніе Руси къ западу и постепенное возсоединеніе разрозненныхъ частей ея, захваченныхъ Польшею. Недалѣе, какъ черезъ 40 лѣтъ послѣ изгнанія Ляховъ изъ Москвы, послѣдовало соединеніе великой и малой Руси, а черезъ 30 лѣтъ спустя послѣ того, заключенъ былъ московскій миръ, установившій р. Днѣпръ границею между соперничающими государствами и возвратившій Руси, на лѣвомъ берегу Днѣпра, ея первую столицу и народную святыню—Кіевъ. Говорятъ, что послѣдній великій король Польши, Янъ Собѣскій, подписывая этотъ миръ во Львовѣ, заплакалъ. Король патріотъ предчувствовалъ гибель своего отечества.

Только съ ослабленіемъ Польши открылась для Руси возможность достигнуть цѣли вѣковыхъ ея стремленій—тѣсныхъ сношеній съ западомъ и заимствованія оттуда плодовъ его цивили-

заціи. Геніємъ и энергією великаго царя Руси, этаго величественнаго типа русской природы, воспроизведшаго въ одной своей личности всё достоинства и недостатки своего народа въ извѣстный историческій моментъ его развитія, прорублено окно въ западную Европу и открытъ въ Русь доступъ свѣту и освѣжающему воздуху цивилизаціи; но вмѣстѣ съ этими необходимыми для жизни Руси элементами, тѣмъ же самымъ окномъ проникали въ нее злыя міазмы, разрушительно дѣйствующіе на организмъ. Съ начатками западной цивилизаціи перенесены были въ Русь и принципы общественной жизни запада. Въ примѣненіи къ нашимъ условіямъ и формамъ быта, они стали производить тоже дѣйствіе, какое оказали уже въ Польшѣ: порабощеніе и закрѣпленіе народныхъ массъ, отдѣленіе отъ нихъ высшаго образованнаго класса, стремившагося во что бы то ни стало отречься отъ своей національности и сдѣлаться нѣмецкимъ или французскимъ, но только не русскимъ, и воинственные порывы были слѣдствіемъ усвоенія Руси этихъ началъ. Привітіе ихъ къ быту, удержавшему исконныя общеславянскія основы, но своеобразно сложившемуся и уже окрѣпшему, повело ко многимъ уродливымъ явленіямъ въ жизни Руси; но тѣмъ не менѣе приведенная въ движеніе вліяемъ западныхъ началъ, она быстро пошла къ могучеству и расширенію своихъ предѣловъ до естественныхъ границъ. Черезъ столѣтіе послѣ московскаго мира, Польша прекратила свое политическое существованіе и въ наслѣдіе завѣщала—сынамъ своимъ горечь сожалѣнія о безумно растроченномъ богатствѣ и бесплодныя мечты и надежды на возвращеніе ихъ, а странамъ, въ которыхъ распространялось ея господство,—ненависть къ своему когда-то славному имени и глубокія общественныя язвы, составляющія источникъ того тяжелаго недуга, которымъ страдаютъ эти страны современнаго вторженія въ нихъ польскаго элемента и отъ котораго доселѣ не могутъ избавиться.

Гибель Польши была не менѣе прискорбнымъ историческимъ явленіемъ, какъ и гибель Богеміи, въ особенности для славянскаго міра. Съ паденіемъ этихъ двухъ государствъ у огромной семьи западныхъ славянъ отнята была возможность самостоятельнаго развитія изъ коренныхъ основъ ихъ быта и на цѣлыя сто-

лѣтія задержано правильное прогрессивное движеніе славянской цивилизаціи. Но кого же въ этомъ винить, кромѣ исторіи и тѣхъ неизмѣнныхъ законовъ, которые установлены Провидѣніемъ для жизни человѣчества? На сколько виноваты въ этомъ грустномъ фактѣ Нѣмцы на западѣ, Русь на востокѣ? Не было ли въ этомъ скорѣе вины, или правильнѣе,—причинъ такому факту въ жизни этихъ двухъ славянскихъ организмовъ,—причинъ не внѣ, а внутри ихъ самихъ? Неизмѣнили ль они тѣмъ кореннымъ началамъ, которыя положены исторіею въ основу славянской стихіи, и изъ которыхъ единственно, какъ изъ зародыша, они могли достигнуть полного органическаго развитія? На сколько понятіе о нравственности въ частныхъ человѣческихъ отношеніяхъ примѣнимо къ жизни политическихъ обществъ и въ какой степени можетъ имѣть здѣсь приложение теорія виновенія?—Во внѣшнемъ мірѣ мы видимъ ежедневно повторяющіяся передъ нашими глазами явленія, что высшіе организмы живутъ на счетъ низшихъ. Подобное явленіе мы замѣчаемъ и въ исторіи человѣческихъ обществъ. Онѣ рождаются безъ участія въ томъ ихъ воли и сознанія, живутъ пока имѣютъ внутреннюю силу для жизни и, какъ скоро эта сила истощается, умираютъ, разлагаясь на элементы, которые входятъ въ составъ другихъ обществъ, другихъ политическихъ организмовъ, на сколько же можно примѣнить къ этимъ явленіямъ нравственныя понятія и какой нравственный критерій можетъ быть принятъ для оцѣнки подобныхъ явленій? Организмъ возникъ, жилъ и умеръ, вследствие ли естественнаго истощенія жизненныхъ силъ или потому, что долженъ былъ обратиться въ средство питанія и развитія высшаго организма. Какое же тутъ нравственное мѣрило для оцѣнки появленія и исчезновенія организма? Вѣчные законы мірозданія дѣйствуютъ безстрастно и безучастно ко всему живущему на землѣ и не сознаютъ мукъ и болей, которыя испытываютъ живыя организмы подъ этимъ дѣйствіемъ.

Польша имѣла несчастье испытать на себѣ безучастное дѣйствіе этихъ непреложныхъ законовъ человѣческихъ обществъ. Она измѣнила своему историческому призванію, уклонилась въ своей жизни отъ коренныхъ основъ славянской стихіи, въ развитіи которыхъ и состояла ея задача, и должна была умереть.

Образовавшись на демократических началахъ, присущихъ всему славянскому міру, Польша развивалась и росла, пока эти начала въ ней дѣйствовали; но съ постепеннымъ подавленіемъ ихъ и введеніемъ въ политическую и общественную жизнь Польши чуждыхъ славянской стихіи началъ германо-романской цивилизаціи, возникшей и развившейся на совершенно иныхъ отъ славянскихъ народовъ основахъ, она постепенно начала упадать и уже съ XVI в. начался процессъ той мучительной агоніи, при послѣднихъ судорожныхъ движеніяхъ которой мы теперь присутствуемъ. Время господства демократическихъ принциповъ и демократическаго устройства въ Польшѣ было временемъ славы и блеска ея; но по мѣрѣ того какъ католическо-аристократическіе принципы, съ своими естественными слѣдствіями религиознымъ фанатизмомъ и олигархіею, проникали глубже въ ея организмъ и охватывали всѣ общественныя отправления его, блескъ этотъ потухалъ, а вмѣстѣ угасала и жизнь, сушившая, казалось, славянскому міру такую свѣтлую будущность и обѣщавшая, повидимому, такъ много прекраснаго впереди. Польша неимѣла недостатка въ своевременныхъ предостереженіяхъ и пророческихъ предсказаніяхъ своихъ государственныхъ людей. Стоитъ припомнить только рѣчь кардинала— короля, Яна Казимира, на варшавскомъ сеймѣ 4 Іюня 1661 г., въ которой онъ съ какимъ-то пророческимъ ясновидѣніемъ предсказалъ раздѣлъ Польши; но съ неудержимою роковою силою она стремилась въ бездну. Съ усвоеніемъ западныхъ принциповъ и формъ жизни, Польша утратила свое значеніе для славянскаго міра; Русь крѣпко держалась основъ своего быта и успѣла сохранить ихъ подъ игомъ Татаръ, деспотизмомъ московскихъ царей и позднѣе подъ наброшенными ей преобразованиями Петра западными формами, коснувшимися только поверхности русской земли, но не успѣвшими, къ счастью, проникнуть внутрь и извратить народную жизнь такъ, какъ извратили онѣ ее въ Польшѣ. Въ Руси сосредоточилась такимъ образомъ вся сила и вся мочь славянской стихіи, и въ этомъ единственно тайна ея могущества и ее великое историческое призваніе. Польша должна была неизбежно уступить этой непреоборимой силѣ и съ зачатками своей исторической жизни влиться своеобразнымъ ручьемъ въ русско-

славянское море. Такова была историческая судьба Польши и и таково назначеніе Руси, уясняющіяся теперь съ каждымъ ретрограднымъ порывомъ первой къ прошлому и съ каждымъ прогрессивнымъ шагомъ послѣдней впередъ.

Послѣ своего паденія Польша тщетно усиливается подняться при пособіи романскаго элемента. Ровно черезъ 200 лѣтъ послѣ изгнанія поляковъ изъ Москвы, они являются въ хвостѣ новаго крестоваго похода запада противъ Руси подъ предводительствомъ величайшаго военнаго генія новыхъ временъ. Послѣдовали разореніе и сожженіе Москвы, подобное тому, какое было въ 1612 г., подобное же возстаніе русской земли, изгнаніе враговъ и затѣмъ наступательное движеніе Руси на западъ. Торжествующая, побѣдоносная Русь беретъ подъ свое покровительство Польшу и открываетъ ей возможность къ самостоятельному существованію и развитію сохранившихся еще внутреннихъ силъ ея. Великодушіе Руси такъ далеко было простерто, что полякамъ сдѣланы были жертвы и предоставлены преимущества на счетъ ея самой, даже возникла мысль объ уступкѣ Польшѣ русскихъ областей, состоявшихъ вѣкогда подъ ея владычествомъ, чтобы такимъ образомъ укрѣпить федеративный союзъ двухъ славянскихъ государствъ. Такъ невѣрно понимали тогда исторію, такъ легко цѣнили народныя интересы и такъ неясно и слабо сознавалась еще историческая роль Руси въ славянскомъ мірѣ! Но Польша не имѣла терпѣнія долго оставлять въ заблужденіи своего простодушнаго покровителя: кровавымъ возстаніемъ она заплатила ему за его великодушіе. Ничтожная въ собственныхъ средствахъ, почерпавшая всю силу свою изъ демократическихъ началахъ и въ родственныхъ народностяхъ, вошедшихъ въ союзъ съ нею на этихъ началахъ, она подняла знамя бунта во имя той же шляхетской свободы, которая заставила уже бывшія съ нею въ союзѣ народности отдѣлиться отъ ней послѣ кровавой борьбы, и потому всѣ усилія ея связать дѣло свое съ дѣломъ народа оказались безплодными. Попытка поляковъ произвести возстаніе въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ окончилась ничтожными „рухавками“ шляхты. Народъ остался вѣренъ своимъ преданіямъ и своей исторіи и велика шляхетскаго патріотизма была легко подавлена.

Казалось бы, этот грустный опыт долженъ былъ отрезвить оныяненіе шляхетскаго патріотизма и разсѣять мечты о воскресеніи трупа Рѣчи Посполитой; казалось бы неудачная попытка воззвать къ жизни отжившее должна была вразумить поляковъ, что исторія произнесла уже свой окончательный приговоръ сопернической борьбѣ двухъ славянскихъ организмовъ и споръ не можетъ болѣе длиться; оставалось только покориться непреклонному рѣшенію исторіи и соединеннымъ народамъ, рука объ руку, дружно идти къ указанной ею цѣли; но вѣрно для уясненія этой цѣли, для успѣшнѣйшаго достиженія ея, по требованію вѣчныхъ законовъ жизни человѣческихъ обществъ, необходимо еще разъ подняться этому вопросу, что бы движеніемъ его сообщила Русь снова та искра электричества, которая пробѣгала по ней благотворно въ тяжелыя годы испытаній; чтобы пробудилась и воздѣйствовала въ ней единая сила, которая въ виду опасности сплочивала ее въ неодолимую массу; чтобы единство Руси созналось въ самую важную для ней эпоху выхода на новый широкій путь прогресса; чтобы исчезли въ Руси послѣдніе остатки розни, этаго грустнаго наслѣдія многострадальной исторіи ея, и чтобы такимъ образомъ заявленіемъ спора по рѣшенному дѣлу Польша еще разъ оказала намъ великую и послѣднюю услугу, за которую признательное потомство отдастъ ей должную дань справедливости. Но такая оцѣнка польскаго вопроса принадлежитъ потомству, а намъ, современникамъ, заинтересованнымъ въ спорѣ, живущимъ подъ впечатлѣніями минуты, подвергающимся разнообразнымъ вліяніямъ жизни, намъ суждено съ волненіемъ и тревогою переживать различные перепетія борьбы, увлекаться, возмущаться, негодовать, радоваться и страдать, словомъ, переходить черезъ разнообразныя ощущенія, изъ которыхъ складается жизнь индивидуумовъ.

Обманувшись въ своихъ расчетахъ и надеждахъ, озлобленная своею неудачею, шляхта во множествѣ покинула родную почву и, разсѣявшись по лицу западной Европы, начала ту грустную повѣсть безпріютнаго скитальничества, унижительнаго пресмыканія и нищенства у сильнаго и богатаго запада, непримиримой ненависти, злостной вражды, возмутительнѣйшихъ влечетъ,

ярости и бѣшества противъ Руси,—которую не разъ приходилось намъ читать съ чувствомъ глубочайшаго омерзѣнія. Начались яростные памфлеты, запруднившіе политическую литературу запада возмутительнѣйшимъ уродованіемъ исторіи, этнографіи и статистики, самую наглою ложью и циническимъ глумленіемъ надъ всѣмъ, что только вовется на человѣческомъ языкѣ истинною. И чего не выдумывали на Русь эти перебѣжчики славянскаго міра! Все, что могли внушить только неудовлетворенная страсть мести и безсильной злобы и создать болѣзненно настроенное воображеніе и воспаленное состояніе мозга,—все это систематизировалось по новѣйшимъ западнымъ теоріямъ, разливалось жолчью и ядомъ по Европѣ и входило широкою струею въ разслабленное и обезсиленное глубокую внутреннюю болѣзнію тѣло польской народности. Но этой нравственной отравы было недостаточно для озлобленной менависти эмигрировавшей шляхты: распространяя ее систематически, она толпами высылала на родную почву отравителей, которые являлись здѣсь въ качествѣ мучениковъ шляхетской свободы, проповѣдниковъ близкаго искупленія отъ египетскаго плѣна и пророками воскресенія изъ мертвыхъ и будущаго счастья великой шляхетской націи. Въ тоже время она призывала на помощь всѣ силы неба и ада, неразбирая средствъ, несправляясь ни съ исторіею, ни съ требованіями разсудка и логики, ни съ голосомъ совѣсти и условіямъ человѣческой нравственности; будила остывающую вражду запада къ славянству, чуждала его воображеніе странничими дряпками панславизма и новаго варварскаго вторженія къ цивилизованную Европу въ цѣли истребленія и разрушенія всего, что создано тысячелѣтіями усилій человѣчества и водворенія на развалинахъ цивилизаціи господства дикой силы; разжигала страсти, вражду и ненависть въ Европѣ къ Руси и съ лихорадочною поспѣшностію являлась въ каждомъ враждебномъ противъ нея лагерѣ то застрѣльщикомъ въ передовой цѣпи, то руководителемъ и совѣтникомъ, направлявшимъ удары враговъ на родную почву. Странно возмущающее душу явленіе, но къ сожалѣнію, не первое въ исторіи: отживающее поколѣніе было свидѣтелемъ подобнаго нечальнаго явленія въ той націи, къ которой издавна обращены всѣ симпатіи и надежды польской эмиграціи.

Съ нею имѣетъ много сходства французская эмиграція конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія. Но иногда, посреди этой витовой пляски шляхетскаго патріотизма, достойнаго лучшей участи, слухъ нашъ поражали скорбные стоны и вопли, выходившіе изъ души и сердца лучшихъ сыновъ несчастной Польши, и мы, кого они считали своими злѣйшими врагами, перазъ внимали имъ съ глубокимъ сочувствіемъ и соболѣзнованіемъ. Ни клеветы, ни ненависть не возмущали насъ, но насъ трогали эти вырвавшіеся изъ глубины души вопли, они находили въ сердцѣ нашемъ отзывъ и сотрашали въ немъ сочувственныя струны. Мы видѣли ихъ только несчастными, и во имя ихъ несчастія, простили имъ наши оскорбленія и забывали скорбныя, кровавыя страницы въ нашей обоюдной исторіи. Но это благородное движеніе души спяяненная ненавистію каста спѣшила убить у насъ въ самомъ зародышѣ, безстыдствомъ жи и наглымъ обращеніемъ съ исторіею и чувствами нашей народнои чести.

Что же, какіе результаты этихъ танталовскихъ усилій?— Они теперь на лицо предъ всеѣмъ образованнымъ міромъ. Въ переживаемый нами моментъ, мы встрѣчаемся съ ними лицомъ къ лицу. Изъ туманныхъ областей фантазіи и нервныхъ сотрасеній они явились на свѣтъ во всей своей отвратительной наготѣ.

Въ теченіе 30 лѣтнаго періода, прошедшаго со времени польскаго возстанія, когда польская эмиграція напрягала все усилія надъ бесплоднымъ и неблагодарнымъ дѣломъ гальванизованія труна Рѣчи посполитой, Русь отдалась спокойной и глубокой внутренней работѣ, вдумываясь въ свое прошедшее и стараясь разгадать свое будущее. Трудъ былъ великъ и подвигался медленно, а между тѣмъ внѣшнее развитіе Руси продолжало идти тѣмъ же ложнымъ путемъ, на какой оно выведено было реформою Петра. Возраставшее политическое могущество Руси возбудило зависть и опасеніе запада. Составилась страшная коалиція, которой суждено было разсѣять многіе призраки въ Руси и указать ей истинный путь развитія. Мы отошли теперь отъ событій восточной войны на столько, что можемъ уже видѣть, какое благотворное, отрезвляющее дѣйствіе онѣ имѣли на Русь. Коалиція заставила ее, отказавшись отъ призраковъ, выйдти изъ глубокаго сосредотоече-

ніа и начать ту эру преобразованій, которыя стали очищать широкій и прямой путь къ выполненію исторической задачи ея. Нѣмецкій кафтанъ, сшитый для Руси Петромъ, давно уже сдѣлался тришкиннимъ кафтаномъ. Русь выросла изъ него и ей давно нужно было платье, соотвѣтствующее ея росту, которое нестѣсняло бы естественнаго развитія ея организма, не подавляло бы внутреннихъ силъ сдавливающими внѣшними формами, заимствованными зря и чуждыми условіями его жизни, а давало бы просторъ и свободу его естественнымъ движеніямъ. Потребность эта созвана и рядъ преобразованій начался великою и неприхѣтною въ исторіи соціальною реформою, совершающеюся въ нашихъ глазахъ съ такимъ изумительнымъ спокойствіемъ и съ тѣмъ здравымъ смысломъ, который, по выраженію Гизо, составляетъ геній народовъ.

Такое высвобожденіе Руси изъ подъ насилующихъ ее внѣшнихъ чуждыхъ формъ, задерживавшихъ только ея естественный ростъ и развитіе, вступленіе на путь истиннаго прогресса и призывъ къ гражданской жизни и общественной дѣятельности миллионно поработенной массы должны были бы, казалось, встрѣтить искреннее сочувствіе всего цивилизованнаго міра, и въ особенности славянскаго, представляя для него въ этомъ знаменательномъ явленіи великіе задатки будущаго самостоятельнаго развитія. Такъ это и встрѣчено тѣми историческими обществами, упредившими насъ въ гражданскомъ развитіи, въ которыхъ хранится сила жизни и которымъ исторія сулитъ еще долгое существованіе; но не такъ отозвалось на это польское шляхетское общество, и во главѣ его, польская эмиграція. Паденіе системы, питавшей надежды ея на истощеніе жизненныхъ силъ русскаго колосса, и новая начатая Русью жизнь болѣзненно отозвались въ этомъ обществѣ. Великое жизненное явленіе въ Руси было смертнымъ приговоромъ для шляхетскихъ принциповъ; струя свѣжей живой силы, начинающей вливаться въ организмъ Руси, являлась химическимъ реактивомъ, разлагающимъ на составные элементы отживающее и распадающееся общество.

Западная коалиція на защиту магометанства противъ славянскаго элемента возбудила великія надежды въ польской эмиграціи. Съ первическими усиліями она снѣшила образовать свои

легіоны и умоляла западныя державы перенести войну на территорию покойной Рѣчи Посполитой; но ей суждено было, въ длинном ряду заблужденій и разочарованій въ надеждахъ подняться при содѣйствіи могущественныхъ средствъ запада, присоединить еще одно самое горькое разочарованіе. Уроки прошлаго, по видимому, остались безплодными для шляхты и она должна была получить еще новый тягостный урокъ. Дѣло обошлось безъ польскихъ эмиграционныхъ легіоновъ, война окончилась не такъ, какъ ожидала и надѣялась шляхта, вопросъ о воскресеніи Рѣчи Посполитой остался негнотутымъ и разочарованіе эмиграціи было полное и глубокое.

Между тѣмъ какъ эмиграція должна была растаться съ такъ долго лелѣею надеждою возродить Рѣчь Посполитую при помощи запада, Русь вступила на новый путь, обѣщающій всему славянскому міру возрожденіе его на коренныхъ присущихъ ему началахъ. При такомъ положеніи вещей, нашъ крестьянскій вопросъ послужилъ картедемъ для эмиграціи. Въ виду неминуемой для себя опасности, она рѣшилась, не полагаясь болѣе на западъ и рассчитывая на нравственную поддержку общественнаго мнѣнія Европы, по примѣру Италіи, испробовать собственныхъ силъ за свое отверженное всѣми дѣло. Тогда начались яростная революціонная пропаганда, гальванизированіе массъ фанатизмомъ религіознымъ и патриотическимъ, разжиганіе политическихъ страстей и дикихъ истинетовъ массъ. Плодомъ этой горячечной дѣятельности эмиграціи были варшавскіе беспорядки, предупредившіе только нѣсколькими днями обнародованіе великаго акта русской жизни, манифеста 19 Февраля. За первымъ беспорядкомъ последовалъ рядъ другихъ возмутительнѣйшихъ дѣйствій, которымъ ратовалась клерикальная партія на западѣ, но отъ которыхъ съ негодованиемъ отвращивалось здравое общественное мнѣніе Европы.

Связь польской революціонной пропаганды съ крестьянскимъ дѣломъ у насъ очевидна и не можетъ подлежать сомнѣнію для тѣхъ, кто имѣлъ возможность наблюдать результаты и проявленія на мѣстѣ. Расчетъ былъ дальновидный, но фальшивый, вслѣдствіе прозелитства, какого невидѣнія стремленій и потребностей народныхъ, рой небылъ, бывшаго плодомъ продолжительнаго умшленнаго нева-

женія нашей обоюдной исторіи, на которомъ были воспитаны дѣла поколѣнія поляковъ. Эмиграція была убѣждена, что освобожденіе крестьянъ произведетъ въ Руси волненія и смуты, которыми она и надѣялась воспользоваться для своихъ дѣлей. Западный край, съ своимъ польскимъ дворянствомъ и инертною, загнанною массою сельскаго населенія, представлялъ ей, по видимому, всѣ ручательства за успѣхъ, но и на этотъ разъ эмиграція обманулась въ своихъ расчетахъ. Съ неудачами росли озлобленіе и ярость эмиграціи и ея фанатическихъ прозелитовъ. Въ отвѣтъ на слова примиренія и великодушія власти, она послала убійцъ, въ надеждѣ поддержать свое отверженное дѣло револьверными выстрѣлами изъ за угла и измѣнническими ударами кинжала. Оставшаяся доселѣ чистою отъ подобныхъ преступленій народность польская опозорена озлобленными сынами ея и страницы тысячекратней исторіи польской запятнаны неизгладимымъ позоромъ и безчестіемъ. Тяжелая сѣть тайныхъ обществъ, организуемыхъ эмиграціею, какъ страшный полипъ, налегла на польскую народность и начала высасывать изъ ней жизненные соки. Убіиство введено въ догматъ и явилось отцы католической церкви, которые, освѣщая этотъ догматъ именемъ религіи любви и мира, стали предлагать свои услуги для канализированія убійцъ.

Таковы были плоды шляхетско-революціонной пропаганды эмиграціи въ Царствѣ Польскомъ. Посмотримъ, къ чему привела она въ западномъ краѣ.

II.

Обращаясь къ проявленію польскаго вопроса въ западномъ краѣ, мы увидимъ, что здѣсь онъ былъ повтореніемъ тѣхъ же самыхъ явленій, которыми сопровождалось варшавское движеніе, только въ меньшемъ размѣрѣ и съ менѣе печальными послѣдствіями. По плану эмиграціи и ея друзей, территория Царства Польскаго должна была служить центромъ движенія, изъ котораго ему слѣдовало распространяться до всѣхъ бывшихъ вѣсѣ и фатціямъ Рѣчи Посполитой. Западный край, по убѣжденію біотическое

агитаторовъ, былъ самою удобною средою для распространенія движенія. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не имѣлось въ виду ни одного серьезнаго препятствія къ проведенію польско-шляхетскихъ тенденцій; небыло ни одного элемента, обладавшаго достаточною внутреннею силою, чтобы противустать давленію шляхетства и дать отпоръ ему тѣмъ же оружіемъ, какимъ оно дѣйствовало; небыло ни вѣмцевъ, какъ въ Познани, ни образованнаго класса русиновъ, какъ въ Галиціи, а было напротивъ въ полномъ цвѣтѣ и силѣ наслѣдіе вѣковаго господства Рѣчи Посполитой: ополяченное дворянство, защищавшее и поддерживавшее свою принятую національность со всею ревностію прозелитизма, обезсиленное и униженное духовенство, нейтральный еврейскій элементъ, готовый всегда покоряться сильнѣйшей сторонѣ, и громадная масса народа, правда чуждая ополяченному дворянству, если не по происхожденію, то по языку и религій, и даже враждебная ему по историческимъ преданіямъ и сословному антагонизму; но все же это была не болѣе, какъ грубая, инертная масса, необладавшая никакою нравственною силою для сопротивленія. Недаромъ шляхетство дѣлая вѣва трудилось, чтобы убить въ ней всякую жизнь и всякое сознаніе. Потопивши въ потокахъ крови послѣднія усилія и протесты массы, заключившія въ XVIII ст. двухвѣковую борьбу ея за свою народность, шляхетство воспользовалось могущественными средствами нашей централизаціи и господствовавшими тогда въ государственной сферѣ понятіями, что бы закрѣпить свою власть надъ побѣжденною массою туго затянутыми узлами привилегій, и казалось, только тогда она и достигла дѣла вѣковыхъ усилій своихъ. Побѣжденная народность была крѣпко связана и опутана со всѣхъ сторонъ, какъ паутиною, нитями рабства, фанатизма и невѣжества, придавлена гнетомъ возмутельнѣйшихъ привилегій, загнана и забита плетью и дисциплинами ржонцовъ и экономовъ, паньскими и полицейскими розгами и всякими другими проявленіями грубой силы, обращена въ рабочую силу, употреблявшуюся на истощеніе родной почвы для выгодъ и удобствъ немногихъ избранныхъ изъ пришлой касты и прозелитовъ ея, заперта въ узкихъ предѣлахъ касты, изъ которой небыло выхода. Египетская неволя массы была тяжела и все

существованіе ея тянулось мрачною и безразсвѣтною полосою нищеты и горя. Казалось, духъ жизни отлѣталъ отъ ней и она близка была обратиться въ трупъ, надъ которымъ побѣдитель готовился совершать анатомическія сѣченія. Шляхта повсюду видѣла пассивную покорность, ступѣніе, сырой матеріаль, готовый принять форму, какую ей угодно будетъ дать ему. При такомъ порядкѣ вещей защитницею дѣла массы являлась только одна администрація; но съ нею шляхта давно уже освоилась; она знала ея слабыя стороны и умѣла искусно ими пользоваться; при томъ же, администрація располагала одною матеріальною силою, а могла ли эта послѣдняя съ успѣхомъ бороться съ силою нравственною, которую въ одной себѣ и предполагала шляхта? Оставалось грубой матеріальною силѣ противопоставить моральную, и успѣхъ казался несомнѣннымъ. Самообольщенная, упоенная ложными надеждами, шляхта съ презрѣніемъ бросила перчатку русскому обществу. По всѣмъ рыцарскимъ правиламъ этой новаго рода дуэли, оно подняло ее, вѣжливо и съ достоинствомъ раскланявшись съ своимъ противникомъ.

Первый напоръ его былъ смѣлъ и отваженъ, но неотличался ни энтузіазмомъ, ни одушевленіемъ, какія даетъ только моральная сила убѣжденія въ правотѣ защищаемаго дѣла и какія проглядывали, до нѣкоторой степени, въ варшавской агитаціи. И очень естественно: въ Царствѣ агитація имѣла по крайней мѣрѣ подъ собою историческую почву; въ западномъ краѣ шляхта, вопреки всѣмъ усиліямъ заглушить въ себѣ внутренній голосъ совѣсти, немогла не сознавать, что начинаетъ борьбу за несправедливое и отвергаемое нравственнымъ чувствомъ дѣло. Здѣсь на каждомъ шагу она встрѣчала живое опроверженіе своимъ стремленіямъ; здѣсь все, начиная отъ хлопа и оканчивая мѣстами и урочищами, напоминавшими народу о его вѣковой борьбѣ съ шляхетствомъ, было ему живымъ укоромъ и невольно подрывало его силы и энергію. Внутренній разладъ неотразимо вливался въ душу шляхты и парализировалъ ложныя внушенія фанатизма и навѣяннаго извнѣ убѣжденія. Плодомъ таковаго душевнаго состоянія могла быть только аффектація, фальшь и ложь, бравурство и фатство. Такимъ на самомъ дѣлѣ и было шляхетское патріотическое

движеніе въ западномъ краѣ. Мы видѣли эти панниды, съ мученическими вѣнками изъ нимортелей на катафалкахъ, національными кокардами и польскимъ гербомъ, посредствомъ которыхъ старались выставить мучениками шляхетской свободы темныя личности, погибшія въ уличныхъ беспорядкахъ; слышали эти гимны о восстановленіи Польши и низложеніи русской тираніи, распѣвавшіеся торжественно въ костелахъ, воздвигнутыхъ на русской землѣ, упитанной русскою кровію и облитой кровавымъ потомъ длиннаго ряда поколѣній русскаго народа; видѣли кресты, торжественно ставившіеся на дорогахъ и перепутьяхъ той же земли въ память тѣхъ же мучениковъ и въ доказательство, что тутъ не Русь, а Польша; видѣли трауръ съ плѣрезами и безъ плѣрезъ, желѣзные кресты на груди, ременные пояса и множество другихъ символическихъ знаковъ, какъ выраженіе солидарности мѣстной шляхты съ дѣломъ эмиграціи; читали разнообразныя патріотическія посланія, возванія, внушенія и наставленія; знали тайныя дружины, дѣйствовавшія въ этомъ шляхетскомъ карнавалѣ, подземные подкопы и мины, искусно подводившіеся, чтобы взорвать на воздухъ народную крѣпость,—и изъ всего этого вынесли самое тяжелое впечатлѣніе. Въ этомъ движеніи было много шума, эффекта, картинности, нахальства, аффектаціи, притворства, лжи, раздутаго фанатизма, тупаго и бессмысленнаго подражанія; но ни искры здраваго смысла, ни тѣни нравственной силы, движущей людьми, ни намекъ на плодотворную живучую идею, которая могла бы собрать подъ одно знамя ту разнородную толпу, на которую шляхта старалась дѣйствовать и въ которую желала провести свои возрѣнія и понятія. Всѣ напряженныя усилія взволновать и поднять ее оказались тщетными; движеніе не могло проникнуть далѣе шляхетскаго пролетаріата, этаго печальнаго наслѣдія Рѣчи Посполитой въ западномъ краѣ, составляющаго одну изъ самыхъ гнойныхъ язвъ его. И къ какимъ страннымъ противурѣчіямъ, къ какимъ уродливымъ аномаліямъ приводила здѣсь эта агитація! Ополяченное дворянство спѣшило совершать свои польскія манифестаціи въ моментъ, когда русское правительство, обнародовавши актъ освобожденія крестьянъ, призывало это дворянство къ устройству быта находившейся подъ его господствомъ

массы русского народа на началах полюбовного соглашения. Шляхта пользовалась съездами для выбора из среды своей мировых посредников, что бы отправить торжественныя панахиды по уличнымъ героямъ Варшавы, распѣвала польскіе патриотическіе гимны въ костелахъ, когда въ имѣніяхъ ея стояли экзекуціями русскія войска, для охраненія матеріальныхъ интересовъ шляхты, и когда дѣло шло о пробужденіи въ народѣ чувства законности и самосознанія. Шляхетскій пролетаріатъ, переполнявшій всѣ канцеляріи мѣстной администраціи края, и получавшій всѣ средства къ существованію отъ правительства, воображая, что уже настаетъ вожделенное господство Рѣчи Посполитой, поспѣшаетъ расположить въ свою пользу новыхъ властителей и заслужить ихъ милость участіемъ въ манифестаціяхъ лично или черезъ свои семейства. Фанатизированныя ксенздами женщины и наэлектризованная послѣдними молодежь являлись руководителями демонстрацій и беспорядковъ. При нравственномъ извращеніи, произведенномъ въ шляхетствѣ пропагандою эмиграціи, все извратилось въ немъ. Женщины и дѣти исполняли дѣло мужчинъ. Съ замѣною ролей послѣдовалъ какъ бы обмѣнъ въ различіи половъ, возрастовъ и ихъ взаимныхъ свойствъ. Женщины и дѣти явились смѣлыми, мужественными и энергичными; мужчины—робкими, боязливыми и застѣнчивыми существами. Первые смѣло шли на опасность, послѣдніе прятались за криволицы и за дѣтей, выдвигая ихъ впередъ, какъ крѣпостные туры, подъ непріятельскіе выстрѣлы и изрѣдка высовываясь изъ за нихъ, чтобы сдѣлать незамѣтный выстрѣлъ и скрыться. Смѣшное и вмѣстѣ жалкое зрѣлище! Изъ этой удивительной для человѣческаго достоинства комедіи вышла чистою только польская женщина. Она осталась по крайней мѣрѣ вѣрна самой себѣ, но потомки и пріемыши гордой Рѣчи Посполитой не выказали и тѣни доблестей своихъ предковъ. Мы видѣли здѣсь нѣсколькихъ представителей мѣстной шляхты, которые, по заранѣе условленному плану, съѣхавшись въ день годовщины польскаго возстанія въ одинъ костель, пропѣли тамъ посреди многочисленной публики патриотическій гимнъ о возстановленіи Польши, и потомъ, когда ихъ официально спросили, принимали-ль они участіе въ пѣніи, они имѣли смѣлость отречься и

оправдываться такими изворотливыми объясненіями, которыя могли бы сдѣлать честь любому посѣдѣвшему въ составленіи ябедъ приказному. И вотъ такіе то личности не только не предаются общественному позору, не только ничего не теряютъ въ общественномъ мнѣніи шляхты, но еще дѣлаются героями ея и выставляются защитниками „ойчизны“. Бѣдная же эта ойчизна, если ей суждено защищаться такимъ геройствомъ! Намъ не разъ приходилось слышать шляхетскія оправданія такимъ дѣйствіямъ, которыми нѣтъ имени на языкѣ порядочнаго общества. Видно воспитаніе добродушныхъ отцовъ іезуитовъ глубоко вѣлось въ нравы и понятія шляхты. Несмотря на то, прѣязанія ея были безграничны; ей казалось уже недостаточнымъ Рѣчи Посполитой по Днѣпръ; нѣтъ, шляхетская республика должна была, по ихъ понятіямъ, какъ сфинксъ изъ пещла, возродиться въ тѣхъ предѣлахъ, до какихъ когда-либо доходила шляхта въ своихъ наѣздахъ.

Но когда посреди такого воинственного пыла шляхты совершенно случайно и неожиданно пробѣгала легкая зыбь по народному морю, на которомъ шляхта являлась, по видимому, неустрашимымъ плователемъ,—какую тревогу поднимала она въ этихъ смѣлыхъ мореходахъ, какой лавической страхъ распространяла между ими! Они воображали уже, что хляби морскія готовы разверзнуться и поглотить ихъ въ своей безднѣ. Сооруженіе на берегахъ Днѣпра скромной могилы малорусскаго поэта Шевченка и невинные буквари Кулѣша произвели такой ужасъ посреди шляхты, что она долго не могла опомниться, и единственно для успокоенія ея, администрація вынуждена была послать на мѣсто могилы Шевченки отрядъ войскъ. Позвольтельно спросить: гдѣ же эта нравственная сила, съ которою мѣстная шляхта хотѣла гордо выступить противъ Руси?—Увы, ея небыло въ самой основѣ шляхетскаго дѣла, неоткуда было ей взяться, когда шляхта вздумала выполнить это дѣло по указамъ эмиграціи. Уже при самомъ началѣ агитаціи мѣсто нравственной силы заняла партія демагоговъ, которая дѣйствовала на польское общество терроромъ, и посредствомъ угрозъ и публичныхъ оскорбленій заставляла себя повиноваться несочувствующую агитаціи часть польскаго населе-

нія. Разбиті окопъ въ польскихъ домахъ, не слѣдовавшихъ предписаніямъ эмиграціи—предаваться общей національной печали; порченіе и обливаніе ѣдкими кислотами платьевъ женщинъ, являвшихся не въ траурѣ, и разнообразныя личныя оскорбленія были средствами выполнения повелѣній эмиграціи. Дерзость этой партіи доходила до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ края оскорбленія дѣлались и русскимъ женщинамъ за то, что онѣ не носили, подобно полькамъ, трауръ. Но ничто не помогало. Масса осталась холодною, равнодушною и, по старой привычкѣ, молчаливою. Непонимая ни причинъ, ни побужденій агитаціи и видя театральныя представленія, разыгрывавшіяся шляхтою публично, крестьяне объясняли ихъ по своему, толкуя между собою, что панахиды отиравали паны по барщинѣ, а въ костелахъ пѣли молитвы о возвращеніи ея. На всѣ великолѣпныя обѣщанія и прельщенія шляхты масса отвѣчала полнѣйшимъ недовѣріемъ и презрительною холодностію. Да и странно было бы ожидать другихъ результатовъ. Шляхта могла забыть свое прошлое и не вспоминать исторію, но не могла заставить сдѣлать то же народъ, который сохранялъ память о прошломъ въ живыхъ преданіяхъ, передававшихся отъ поколѣнія къ поколѣнію, и несъ еще на себѣ всю тяжесть этой печальной исторіи. Только фанатизмъ, невѣжество и ослѣпленіе страстей могли не видѣть этого.

Между тѣмъ въ русскомъ обществѣ начинался уже электрическій токъ, сообщенный ему польскимъ движеніемъ и такъ плодотворно подѣйствовавшій на него. Это направленіе тотчасъ же выразилось въ литературѣ. Сочувствія къ шляхтѣ ни съ какой стороны не оказалось. Она убѣдилась наконецъ, что въ западномъ краѣ почва подъ нею слишкомъ непрочна, слишкомъ зыбка, чтобы можно было надѣяться найдти въ ней опору при такомъ образѣ дѣйствій. Предпринятая въ предписанной эмиграціею формѣ агитація оказалась очевидно несостоятельною: не достигая никакихъ положительныхъ результатовъ, она вела только къ безплоднымъ жертвамъ. И вотъ агитація вступаетъ въ новый фазисъ: она принимаетъ на себя смиренный видъ и усиливается поддѣлаться подъ жизнь и юридическія формы. Явилась мода на украинфильство. Шляхта стала заявлять вниманіе и уваженіе (конечно на словахъ)

къ украинской народности; псевдо-хлопоманія стала распространяться въ шляхетскихъ кружкахъ и въ стадѣ начали появляться волки въ овечьей шкурѣ (1). Шляхта поздно убѣдилась, что мало надѣлала въ краѣ поляковъ, и съ ревностью и единодушiемъ, которыми отличаются, надо отдать справедливость, всѣ ея дѣйствiя, принялась за работу, непренебрегая ни чѣмъ, что могло только послужить къ успѣшнѣйшему ея ходу. Надо сознаться, что этотъ новый родъ дѣятельности шляхетской пропаганды чреватъ опасностями для спокойствiя края, и нужно полное вниманiе и строгая бдительность со стороны русскаго общества, чтобъ не дать развиться и укорениться злу. Но при всемъ томъ, шляхта очевидно сознаетъ всю трудность этой работы въ виду пробужденнаго вниманiя нашего общества и пробуждающагося сознанiя массы. И вотъ зарождается мысль о новой униі, соответствующей современнымъ понятiямъ и условiямъ жизни, — административной униі западнаго края съ Царствомъ Польскимъ. Провозвѣстникомъ этой идеи явилось подольское дворянство въ извѣстномъ адресѣ своемъ, составленномъ на послѣднихъ выборахъ въ Каменцѣ въ сентябрѣ прошлаго года.

Въ этомъ замѣчательномъ во многихъ отношенiяхъ актѣ, шляхта, напоминая „о торжественномъ и добровольномъ соединенiи Руси съ Польшею люблинскимъ договоромъ и о принятiи цѣлыми поколѣнiями Руси формъ родственной цивилизаціи, завѣряя въ своемъ искреннемъ участiи въ окончательномъ устройствѣ крестьянскаго вопроса, связаннаго будто бы съ вѣковыми усилiями Польши къ расширенiю гражданскаго достоинства и свободы, и отвергая всякую мысль о перевѣсѣ племени или сословія, принципуетъ существующій въ краѣ раздоръ народностей господствующей только въ послѣдніе полулѣтка политикѣ и видитъ исключительное, ведущее къ выходу изъ этого положенiя средство въ восстановленiи административнаго единства. Польши, со включенiемъ въ составъ ея западнаго края, и съ полнымъ уваженiемъ

(1) Желатищихъ ближе ознакомиться съ упоминаемымъ здѣсь явленiемъ въ жизни западнаго края отсылаемъ къ статьѣ: „Что такое хлопоманiя“, помѣщенной въ 5 кн. Вѣстника З. и Ю. З. Россiи.

правъ вызваннаго на поприще общественной дѣятельности мѣстнаго сельскаго населенія. Въ заключеніе свидѣтельствуя о тождественности своихъ потребностей, преданій, понятій о гражданской и религіозной свободѣ съ польскими, проситъ объ униі края съ Царствомъ, принимая свое желаніе, за одно всеобъемлющее желаніе края, и приводитъ въ оправданіе его тотъ доводъ, что шляхта въ общеніи съ Польшею видитъ основаніе дальнѣйшаго саморазвитія какъ польской, такъ и украинской народности“.

Читая это изумительное сплетеніе лжи и софизмовъ, незнаешь, чему больше удивляться, полнѣйшему ли пренебреженію къ исторіи и дѣйствительности, или наивности и поддѣльному простодушію, съ которыми шляхта, „выражая свое всеобъемлющее желаніе края“, старается прикнутъ невиннымъ ребенкомъ, только что вступившимъ въ „сей исполненный хитрости и обмана свѣтъ“.

Что же это? новая бравура или заблужденіе? Хитрость или простодушіе? злая насмѣшка или дальновидная проба силы нашего общественнаго мнѣнія, крѣпости и цѣльности нашего народнаго тѣла? Неужели шляхта серьезно вѣрить въ добровольность акта соединенія и, въ значеніе его въ современной дѣйствительности, въ связь нашего крестьянскаго вопроса съ вѣковыми усиліями Рѣчи Посполитой къ расширенію правъ и свободы шляхетства на счетъ другихъ сословій, въ причину національнаго раздора въ краѣ будтобы вслѣдствіе политики только послѣднихъ 50 лѣтъ? Неужели она серьезно надѣялась, что правительство и общество наше не только повѣрятъ всему этому на ея слово, но и увѣрять въ искренность смиреннаго намѣренія шляхты недумать о перевѣсѣ племени или сословія, въ истинность основанія дальнѣйшаго саморазвитія украинской народности и во всеобъемлющее желаніе края, а увѣровавши во все это, убѣдившись доводами шляхты въ причинахъ болѣзни въ краѣ, такъ таки сейчасъ и приметъ предлагаемый шляхтою способъ леченія? Слишкомъ было бы наивно останавливаться на подобныхъ предположеніяхъ.— „А умисель тутъ былъ нной“. Басня нашего безсмертнаго Крылова повторилась въ широкихъ размѣрахъ въ сферѣ не частной, а общественной жизни. Музыканты-то трудились, что бы плѣнить своимъ искусствомъ сосѣда. „Мы, конечно, хлопочемъ о польской наці-

ональности, но не забываемъ, замѣчай, и украинской народности: общаемъ ей полную свободу развитія, но.... разумѣтся, въ союзѣ съ Польшею. Смотри Украина, какія жертвы мы готовы принести тебѣ! Мы отказываемся отъ всего, чѣмъ доселѣ только и существовали и что завѣщано намъ всею исторіею нашей шляхетской національности: отъ перевѣса нашего племени и сословія, т. е. мы готовы для твоего развитія совершить самоубійство, и за все за это требуемъ только одного ничтожнаго вознагражденія,—**уни съ Польшею**. Не будь же, Украина, такъ эгонистична, подѣлись съ нами своими малоруссами. Зачѣмъ же хочешь сдѣлать изъ южной Руси одну только малороссію и не позволяешь намъ устроить здѣсь хоть немного Польши. Видишь, какъ мы о тебѣ хлопочемъ; не упрямя же и позволь намъ побольше надѣлать поляковъ, чтобы и вамъ не было обидно, и когда мы достигнемъ этого, почувствуемъ подъ собою твердую почву, тогда.... о тогда мы отлично проживемъ и станемъ дружно развивать наши народности“.

Вотъ та сокровенная мысль, которая подвинула шляхту къ составленію этого страннаго и, по видимому, нелѣпаго акта; вотъ гдѣ его квинтъ-эссенція. Юридическія формы, какими она воспользовалась для проведенія адреса, были не богѣе, какъ орудія и средства для преданія ему большей гласности. На офиціальнѣйшій успѣхъ шляхта, конечно, не надѣялась; но рассчитывала на успѣхъ въ извѣстной средѣ своихъ сосѣдей, для обозначенія народности которыхъ уже и изобрѣтенъ ею особенный терминъ, устраняющій различныя раздражительныя воспоминанія. Слово Русь, такъ ненавистное шляхтѣ и звучащее ей вѣчнымъ укоромъ, изгоняется изъ языка ея. Является **украина, украинская народность, украинцы и украинофильство**. Временный географическій терминъ, выработавшійся въ русскомъ языкѣ, какъ обозначеніе извѣстнаго положенія географическихъ границъ, принимается за обозначеніе дѣлаго племени, имѣющаго собственное родовое имя и собственную исторію. Украины Руси и Польши давно уже перемѣнились, перенесены исторіею въ инья, далекія отъ прежнихъ мѣста, и то, что составляло нѣкогда Украину Рѣчи Посполитой, составляетъ теперь живую часть русскаго организма, отъ котораго она не можетъ быть отдѣлена безъ уничтоженія его самаго; но шляхта, живущая

единственно преданіями прошлаго, усиливается возвратить его жоть на основаніи географическаго термина и подчинить послѣднему самую жизнь. Да и въ самомъ дѣлѣ, было бы уже слишкомъ рѣзкимъ противурѣчіемъ прошлому и настоящему, слишкомъ великою несообразностью для польской шляхты въ вызывающемъ сочувствіи у недовѣрчиваго и упрямаго сосѣда актѣ говорить о развитіи русской народности въ единеніи съ шляхетскою Польшею.

Незнаемъ, что чувствовалъ и думалъ сосѣдъ, для котораго разыгрывалась эта музыкальная пѣса. Онъ молчитъ и доселѣ не заявилъ своего мнѣнія объ искусствѣ музыкантовъ, какъ сдѣлалъ это сосѣдъ Крылова; но по нѣкоторымъ признакамъ, искусство ихъ не потрачено даромъ. Оно подѣйствовало на извѣстный болѣзненный нервъ сосѣда и произвело одно изъ грустныхъ явленій шляхетской пропаганды въ западномъ краѣ.

Вскорѣ послѣ адреса въ Кіевѣ появились наклепными въ разныхъ мѣстахъ города пасквили и предостереженія, въ которыхъ отъ имени „тайнаго славянскаго общества 9-ти судей“, подъ угрозой увѣчья и смерти, предписывалось нѣкоторымъ мѣстнымъ дѣятелямъ, принимавшимъ участіе въ обсужденіи польско-русскаго вопроса въ краѣ, „перемѣнить образъ дѣйствій, раздражающій двѣ славянскія народности южнорусскаго края“. Говорятъ, будто это общество составлено изъ трехъ элементовъ—польскаго, малорусскаго и великорусскаго; но какъ оно не открыто и только въ предостереженіяхъ заявило о своемъ существованіи и о своихъ цѣляхъ; то о немъ носятъ въ публикѣ самыя разнообразныя толки, изъ которыхъ нельзя составить себѣ никакого вѣрнаго и опредѣленнаго понятія. Говоря о составѣ общества, мы повторяемъ только общую молву, которая можетъ быть и невѣрна и ошибочна; но самое названіе общества славянскимъ и заявленная имъ цѣль устранять раздраженіе въ краѣ славянскихъ народностей даютъ нѣкоторое основаніе такой молвѣ. Не можетъ однако подлежать сомнѣнію, что подобное явленіе могло возникнуть здѣсь только подъ вліяніемъ польской пропаганды. На это указываютъ самыя средства, избранныя обществомъ для достиженія цѣли. Онѣ одинаковы съ тѣми, которыя приняты тою же пропагандою въ Варшавѣ, съ нѣкоторыми мѣстными оттѣнками. Примѣнять эти сред-

ства здѣсь общество намѣрено нѣсколько гуманнѣе и по степенямъ кодексовъ варварскихъ временъ; сначала увѣче, а потомъ уже, если наказанный несправится,—смерть; предостереженія же составляютъ уступку современнымъ понятіямъ и указываютъ на присутствіе въ тайномъ обществѣ элементовъ, менѣе возбужденныхъ и фанатизированныхъ, чѣмъ польскій.

Намъ нечего распространяться объ этомъ „славянскомъ обществѣ“, противномъ всѣмъ стіхіямъ славянскаго духа. Оно говоритъ само за себя. Мы должны были указать на него, какъ на одно изъ новѣйшихъ мѣстныхъ проявленій польско-русскаго вопроса и какъ на послѣдній фазисъ его развитія. Зараженный польскій элементъ могъ сойтись только съ зараженнымъ элементомъ русскаго организма. Изъ этаго болѣзненнаго соединенія нельзя было ожидать здоровыхъ жизненныхъ явленій. Заявленіемъ средствъ дѣйствія „славянское общество“ само произнесло приговоръ себѣ, хотя провозглашенная имъ цѣль и могла бы заслуживать сочувствія всѣхъ благомыслящихъ людей.

Имѣя въ виду результаты, въ которыхъ пришли революціонная пропаганда шляхетской свободы и послѣдовательное развитіе шляхетскихъ принциповъ въ Царствѣ Польскомъ и въ западномъ краѣ, смѣемъ предложить всѣмъ друзьямъ польско-шляхетской національности вопросъ: могутъ ли они серьезно вѣрить въ жизнённость общества, догматизирующаго убійство, и въ законность принциповъ, поддерживаемыхъ такими средствами? Имѣетъ ли задатки жизни и будущности общество, въ которомъ возможны подобныя противоположенныя явленія, и не есть ли это предсмертныя муки его агоніи?

Но слѣдуетъ ли заключить, что съ гибелью этого общества должна погибнуть и цѣлая польская народность?—Нисколько. Въ органическомъ тѣлѣ, вслѣдствіе извращенія естественныхъ отправленій его, могутъ развиваться уродливыя и болѣзненныя явленія; но если въ этомъ тѣлѣ сила жизни велика, она побѣдитъ болѣзненное разстройство, а польская народность, какъ свидѣтельствуеетъ ея исторія, имѣетъ еще много жизненныхъ силъ, и мы искренно

желаемъ ей возрожденія, котораго она можетъ достигнуть только разорвавши всякую солидарность съ шляхетскими преданіями и обратившись къ тому богатому роднику народныхъ силъ, изъ котораго она черпала свое могущество въ первую половину своего существованія до эпохи окончательнаго торжества въ Польшѣ католическо-аристократическихъ принциповъ; заявляемъ наше глубокое сочувствіе ко всемъ правительственнымъ мѣрамъ, предпринятымъ въ послѣднее время въ цѣли возрожденія Польши, и гуманнымъ дѣйствіямъ власти, не связывающей никакою солидарностью болѣзненнымъ явленіемъ разслабленнаго общества со всемъ, что есть здороваго и жизненнаго въ польской народности. Мы убѣждены, что съ возрожденіемъ ея на присущихъ всему славянскому міру началахъ, исчезнутъ наши недоразумѣнія и несогласія, и антогонизмъ нашъ превратится только въ благородное соревнованіе въ развитіи и поднятій народныхъ массъ изъ того глубокаго паденія, въ которое ввергнулъ ихъ, между прочими несчастными обстоятельствами, и нашъ вѣковой споръ за гегемонію въ славянскомъ мірѣ; исчезнутъ и завоевательныя мечты, питаемыя эмиграціею въ шляхетскомъ обществѣ по поводу различныхъ преданій и событій нашей обочной исторіи (1).

Въ отношеніи къ западному краю разрѣшеніе мучительнаго вопроса представляетъ болѣе затрудненій, чѣмъ въ Царствѣ. Здѣсь предстоятъ еще долгая и трудная борьба народностей, пока умственное и матеріальное развитіе призванной къ жизни массы кореннаго населенія края не рѣшитъ само собою этаго нескончаемаго историческаго спора. Приобрѣтеніе этимъ населеніемъ поземельной собственности, матеріальное благосостояніе и образованіе создастъ изъ него такую силу, съ которою не въ состояніи

(1) Одинъ изъ польскихъ историковъ-патриотовъ, рассказывая легенду о выщербленномъ мечѣ Болеслава, между прочимъ выражаетъ надежду, что онъ появится «въ эпоху возрожденія Польши свободной, независимой и въ своей прежней цѣлости»; а повѣствуя исторію московской папелы, въ которой хранились нѣкоторое время бранные остатки умершаго въ Польшѣ разслабленнаго царя Шуйскаго, и современной картины, изображающей представленіе Шуйскаго королю Сагизмунду, восклицаетъ: «нѣчто не шагаетъ въ воспоминающихъ исторіи и въ памяти поляковъ и придетъ непременно время, когда поляки возьмутъ обратно у Москвы, Петербурга и другихъ городахъ Россіи все, что принадлежитъ имъ!»

будеть бороться никакая шляхетская пропаганда. Этою будущностью кореннаго населенія опредѣляется и будущность мѣстной польской шляхты: ей придется или слиться съ народомъ или, при удержаніи своихъ принциповъ до послѣдняго издыханія, покинуть навсегда негостепріимную территорію и искать себѣ другой обѣтованной земли.

Сама жизнь естественнымъ своимъ развитіемъ указываетъ уже мѣстной шляхтѣ путь къ выходу изъ того ненормальнаго положенія, въ которое она поставлена исторіею. Умственная дѣятельность, возбужденная въ русскомъ обществѣ самосознаніемъ и обращеніемъ къ источникамъ національной жизни, и напряженная послѣднею польскою агитаціею, не осталась безплодною и для шляхетскаго общества. Она заставила его провѣрить свои историческія свѣденія и принятія на вѣру воззрѣнія и понятія, внимательно всмотрѣться въ свое положеніе въ странѣ и отдать себѣ отчетъ въ требованіяхъ, заявлявшихся прежде безсознательно, по праву сильнаго и привычекъ. Послѣдствіемъ этого было появленіе раскола въ шляхетскомъ обществѣ, пропитанномъ крайними аристократическими и ультрамонтанскими тенденціями: изъ него начала выдѣляться демократическая партія молодыхъ и свѣжихъ людей, которые, сознавая свою кровную связь съ южнорусскимъ народомъ, не могли примирить въ своемъ сознаніи и совѣсти родственныхъ чувствъ къ нему съ притязаніями польской шляхты, и дорожа своими убѣжденіями, вынуждены были разорвать съ нею всякую связь. Большинство шляхты, оставшееся вѣрнымъ своимъ преданіямъ, было сильно скандализовано этимъ расколомъ и съ ожесточеніемъ стало преслѣдовать новыхъ раскольниковъ, приписывая имъ самыя опасныя революціонныя идеи и стремленія. Раскольниковъ этихъ шляхта, въ знакъ презрѣнія чувствъ ихъ къ хлопской народности, назвала **хлопоманами**.

Партія истинныхъ, но не мнимыхъ хлопомановъ приняла своимъ девизомъ уваженіе къ народу и его національнымъ интересамъ и содѣйствіе умственному развитію его по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ. Хлопоманы составляютъ передовыхъ людей въ шляхетскомъ обществѣ, уразумѣвшихъ современныя требованія жизни, и они одни изъ этого общества имѣютъ будущность. Все

здоровое въ немъ, непораженное еще въ корнѣ мертвыми принципами шляхетства, сознаетъ жизненность и истину провозглашенной ими идеи и благородство знамени, подъ которое они собираются, и рано или поздно должно, покинувъ пораженный заразою станъ шляхты, стать подъ это знамя и идти туда, куда поведутъ ихъ высшія потребности народа, исторія, нравственный долгъ и общественная совѣсть.

Это—новаго рода унія, выработанная самою жизнью, а не созданная религіознымъ фанатизмомъ и правительственною политикою, подобно брестской уніи, которою Польша хотѣла насильственно привязать къ себѣ Русь. Она не требуетъ никакихъ сдѣлокъ съ совѣстію, никакихъ уступокъ постороннимъ цѣлямъ, никакого насилія ни нравственному чувству, ни жизни. Она сдѣлаетъ себя прозелитовъ, несмущая ихъ совѣсти, а напротивъ возвышая все нравственное существо ихъ, безъ огня, меча и какого-бы то ни было насилія, матеріальнаго или моральнаго, даже безъ страха, заставившаго, по сознанію мѣстнаго польскаго публициста Грабовскаго, южно-русское дворянство перейти въ католичество въ эпоху народнаго возстанія въ южной Руси. Съ партією, располагающею такими живыми нравственными силами, не возможно будетъ бороться шляхтѣ, питающейя принципами, не только отжившими, но уже гвѣющими и могущими сообщить лишь смертельную заразу, а не поддержать жизнь. Слабое развитіе партіи хлопомановъ будетъ служить только доказательствомъ страшнаго, болѣзненнаго пораженія всѣхъ жизненныхъ союзовъ мѣстнаго шляхетскаго общества и крайняго истощенія его силъ. Но отъ хлопомановъ, хранящихъ въ себѣ такіе богатые задатки будущности, нужно тщательно отличать псевдохлопомановъ, которые составляютъ прямыхъ наслѣдниковъ и послѣдователей брестскихъ уніатовъ и пользуются народнымъ костюмомъ и рѣчью только какъ средствомъ къ привитію народу той же заразы, для защиты себя отъ которой онъ пролилъ уже столько крови.

Таковы явленія, которыми сопровождалось развитіе въ западномъ краѣ польско-русскаго вопроса. Указывая ихъ, мы не разъ высказывали убѣжденіе о смертельномъ пораженіи польско-шляхетскаго общества и о его агоніи. Кто имѣлъ случай наблю-

дать эти явленія ближе, надѣмся, придетъ къ сходнымъ съ нашими убѣжденіямъ; неимѣвшіе же такого случая, въ виду извѣстныхъ всѣмъ послѣдствій этой агоніи, не могутъ, конечно, придти къ заключенію, что умирающаго слѣдуетъ оставить въ покоѣ и предоставить покончить съ нимъ самой природѣ; но могутъ подумать, что опасности для живыхъ нѣтъ, и успокоившись на этой, отвѣчающей нашей славянской лѣни, мысли, махнуть рукою — и сказать: „не изъ чего горячиться и ломать стулья.“ Противъ этой-то мысли мы и считаемъ нужнымъ связать еще нѣсколько словъ въ заключеніе къ нашему очерку. Опасность есть такая же, какая существуетъ вообще отъ заразы, распространяемой разлагающимся организмомъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще входятъ съ нимъ въ соприкосновеніе здоровые. Отъ подобныхъ опасностей обыкновенно устраниваются карантинны, требующіе бдительности и внимательности со стороны карантиннаго начальства, но еще въ большей степени отъ самыхъ тѣхъ, кто находится близко отъ заразы. Для этого необходимо предостерегать объ ней всѣхъ, чтобы каждый, зная опасность, прежде всего берегъ самъ себя. Нравственный карантинъ и предостереженія необходимы для всего населенія края, а чтобы эти предостереженія были дѣйствительны, нужно позаботиться объ охраненіи матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ его, чтобы оно побуждалось не извнѣ, а изнутри себя къ самосохраненію; цѣлѣе же русское общество, въ качествѣ карантиннаго начальства, должно съ полнымъ вниманіемъ и бдительностію зорко слѣдить за исполненіемъ карантиннаго устава и не ослабѣвать ни на минуту въ исполненіи своихъ обязанностей.

Самонадѣянный вызовъ сдѣланъ шляхтою нашему обществу; онъ честно принять и слѣдуетъ честно довести бой до конца. Дѣло идетъ о сообщеніи смертельной заразы такой части нашего организма, которая гибельно отзовется во всей его цѣлости.

III.

Но польскимъ вопросомъ, не смотря на всю важность его для края, неисчерпывается еще наша мѣстная общественная жизнь. Въ связи съ этимъ вопросомъ становится на очередь вопросъ малорусскій, остающійся въ тѣни потому только, что все наше вниманіе поглощено первымъ вопросомъ. Большинство нашего общества не вѣрять даже въ существованіе этого вопроса, называетъ его „хохлофильствомъ“ и считаетъ это не болѣе какъ увлеченіемъ нѣсколькихъ энтузіастовъ мѣстнымъ патріотизмомъ и возведеніемъ мѣстныхъ [областныхъ] интересовъ на степень интересовъ народныхъ. Всѣмъ извѣстно, говоритъ это большинство, что есть малорусское племя, малорусское нарѣчіе, малорусскіе обычай и нравы и даже малорусскіе стихи и проза; но какой-же тутъ вопросъ и въ чемъ онъ можетъ состоять? Никто не думаетъ опровергать существованіе всего того, что только зовется малорусскимъ, и препятствовать свободѣ его жизни и развитія; и только распространившаяся у насъ въ послѣднее время страсть изъ всего дѣлать вопросы могла создать въ болѣзненно—настроенномъ воображеніи какой-то несуществующій въ жизни малорусскій вопросъ.

По видимому и здравый смыслъ, и логика, и сама жизнь на сторонѣ большинства; но тѣмъ не менѣе вопросъ существуетъ, поддерживается и развивается меньшинствомъ съ одушевленіемъ, настоятельно напрашивается въ жизнь и волею—неволею занимаетъ въ ней мѣсто; а дѣлаясь явленіемъ жизни, онъ не можетъ и не долженъ быть оставляемъ безъ вниманія, изученія и изслѣдованія.

Мы не беремъ ни изслѣдывать этотъ спорный вопросъ, ни дѣлать попытки къ его разрѣшенію,—это выходило-бы за предѣлы нашего очерка и нашихъ намѣреній; но отдавая себѣ отчетъ въ явленіяхъ нашей мѣстной жизни, мы не могли не указать на него, какъ на дѣйствительный фактъ, и заявленіемъ существованія этого факта опровергнуть заблужденіе большинства.

Большинство, полагая быть безпристрастнымъ и хладнокровно утверждая существованіе малорусскихъ племени, нарѣчія, стиховъ и прозы, въ своей невинности и не подозреваетъ, что имен-

но этимъ утверждениемъ оно само-же и ставитъ тотъ вопросъ, въ существованіе котораго невѣритъ.

Большинство говоритъ: малорусское племя; извините,—не племя, „а народъ,“ возражаютъ ему; малорусское нарѣчіе,—„языкъ,“ поправляютъ его; малорусскіе стихи и проза,—извините, „малорусская литература,“ снова возражаютъ ему. Начинается споръ, приводятся доказательства pro и contra. Предметами спора дѣлаются малорусскій народъ, малорусскій языкъ и малорусская литература. Эти три тезиса становятся источниками горячаго диспута.

Малоруссы, утверждаетъ меньшинство съ запальчивостію, есть не племя только, но народъ въ смыслѣ націи, имѣющей свою особенную отъ общерусской народность, свой характеръ, особенности своеобразнаго быта, свою исторію и свои преданія. Народъ этотъ обладаетъ не нарѣчіемъ только общерусскаго языка, но дѣйствительнымъ малорусскимъ языкомъ, выражающимся какъ въ жизни, такъ и въ особой литературѣ, которая, въ числѣ создавшихъ ее дѣятелей, считаетъ, кромѣ нѣсколькихъ талантливыхъ писателей въ прозѣ, и одного великаго поэта.

Противъ такихъ тезисовъ большинство возражаетъ:

Что малоруссы никогда не были народомъ въ смыслѣ націи, и тѣмъ менѣе теперь могутъ быть имъ. Слово Русь есть собирательное имя тѣхъ славянскихъ племенъ, для которыхъ варяжскій элементъ былъ только историческою завязью, оплодотворяющимъ сѣменемъ, вызвавшимъ къ жизни и развитію эти племена, находившіяся въ состояніи зародышей. Онъ далъ имъ имя, религію, начатки цивилизаціи и сознание племеннаго единства. Подъ оплодотворяющимъ дѣйствіемъ этого элемента всѣ эти племена составили одинъ народъ, который назвался Русью, а обитаемая ими земля стала называться русскою землею, въ противоположность другихъ земель, славянскихъ и не славянскихъ;

Что у этого народа, называющагося съ самаго зарожденія нашей исторіи русскимъ, была и есть не только одна религія, но и одинъ языкъ, сколько бы при этомъ не существовало нарѣчій, поднарѣчій, идиомовъ и жаргоновъ, однѣ преданія и одна исторія, не смотря ни на какія случайности ея, временно разрывавшія единство народной жизни;

Что названія *малая* и *великая Русь* не болѣе, какъ только фикціи, изобрѣтенныя для обозначенія географическаго, историческаго и моральнаго отношенія частей одной и той же русской земли, но никогда эпитеты—*малая* и *великая* не выражали двухъ особенныхъ народностей, такъ какъ не выражали этаго понятія названія той же самой Руси по цвѣтамъ: была красная и бѣлая Русь и въ противоположность имъ явилась черная Русь. Подобныя эпитеты въ свое время, т. е. когда они въ первые стали прилагаться, были не болѣе, какъ качественныя прилагательныя, усвоенныя извѣстнымъ частямъ русской земли вслѣдствіе различныхъ причинъ, потерявшихъ теперь для насъ всякій смыслъ. Такое обозначеніе извѣстными качественными именами земли своей, какъ чего-то цѣлаго, недѣлимаго, составляетъ характеристическую черту русскаго народа и языка и теперь еще мы называемъ нашу Русь „святою, дорогою, матушкою“, и другими подобными качественными именами;

Что названіе *малая Русь*, происшедшее отъ сравненія съ сѣверною Русью, гдѣ жилъ старшій изъ властвовавшихъ въ Руси рода князей и гдѣ была вся ея сила, удержалось только въ извѣстной, сравнительно незначительной части русской земли, возвращенной отъ Польши по московскому миру, а затѣмъ все заднѣпровье и вся Галиція сохранили одно только родовое имя Руси безъ того эпитета, который прежде обозначалъ всѣ эти части Руси, вмѣстѣ съ теперешнею Малороссіею, однимъ словомъ *малой*. Въ современную намъ эпоху, когда родилась мысль о малорусской народности, не могли связать уже прежнимъ эпитетомъ эти части и должны были для этого употребить географическій терминъ, обозначающій извѣстное географическое положеніе единой Руси, и назвать сказанныя части не *малая*, а просто—*Южная Русь*. Здѣсь прилагательное *южный* имѣетъ значеніе не болѣе того, какое имѣли въ свое время названія: *малый*, *бѣлый*, *червоный*, и вся разница только во времени и понятіяхъ: тогда географическое положеніе частей обозначалось цвѣтами и пространствомъ; теперь оно обозначается однимъ географическимъ терминомъ;

Что основывать притязанія на особенную народность на одномъ только случайномъ географическомъ терминѣ есть болѣе не-

жели увлеченіе мѣстнымъ патриотизмомъ, есть крайняя негѣпость и безуміе, ибо не могутъ же серьезно утверждать, что въ подобномъ притязанію существуютъ другія какія либо данныя. Скажутъ: сходство нарѣчія, называемаго малорусскимъ языкомъ, но это все таки не болѣе какъ сходство, которое тѣмъ болѣе теряется, чѣмъ далѣе подвигаемся къ югу и западу отъ Малороссіи, такъ что въ Галиціи и Бѣлоруссіи оно дѣлается только общимъ сходствомъ съ общерусскимъ языкомъ, выработаннымъ общею русскою жизнію;

Что къ подобнымъ натяжкамъ, какъ притязанія на народность, основанная на случайномъ географическомъ терминѣ, можетъ прибѣгать только польская шляхта, которая не имѣетъ возможности опереться ни на что другое, и только въ ея интересахъ, да въ интересахъ іезуитовъ утверждать и доказывать, что Украина есть особенная народность, неизмѣющая ничего общаго съ Сѣвѣрною Русью, которая будто бы сложилась изъ Туранъ, Финновъ, Татаръ и разной другой сволочи, и что хлопскія нарѣчія, которыми говоритъ 9-ти миллионное населеніе западнаго края, суть только поднарѣчія польскаго языка; но со стороны сыновъ Руси, это было бы безуміемъ или преступленіемъ, смотря потому, на сколько въ подобныхъ натяжкахъ участвуетъ сознаніе;

Что у одного русскаго народа есть и долженъ быть одинъ только русскій языкъ, выработанный его трудною исторіею, сложившіяся изъ разныхъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ русскаго организма,—языкъ, къ которому нельзя примѣнить ни одного изъ тѣхъ эпитетовъ, какія прилагались когда бы то ни было къ извѣстнымъ частямъ русской земли, котораго нельзя назвать ни велико, ни мало, ни бѣло, ни красно-русскимъ и въ которомъ теперь никакимъ химическимъ анализомъ невозможно опредѣлить, что и изъ какой именно части русской земли или изъ какого древнеславянскаго племени вошло въ составъ его. Онъ слагался и выработывался вмѣстѣ съ народною жизнію и сдѣлался органомъ выраженія этой жизни и мысли. На немъ говорить и писать все, что только сознаетъ себя русскимъ, неисключая изъ того числа и тѣхъ, кто силится создать особенную малорусскую народность. Имъ выражается умственная, нравственная и общественная жизнь русскаго народа на всемъ необъятномъ пространствѣ, на кото-

ромъ онъ расселился, безъ отношенія къ географическимъ очертаніямъ и этнографическимъ особенностямъ. На немъ есть русская литература и на немъ произнесено великое слово свободы для миллионовъ поработанныхъ массъ. Въ выработкѣ этого слова и этой литературы участвовали всѣ Руссы безъ отношенія къ тому, гдѣ они живутъ—на сѣверѣ или югѣ, востокѣ или западѣ, какими нарѣчіемъ или идиомомъ говорятъ у себя дома и какимъ именуется тамъ эпитетомъ, пространственнымъ или цвѣтнымъ. Въ этомъ общемъ для всей Руси дѣлѣ не принимала, къ сожалѣнію, участія только одна часть русской земли, обозначенная съ первыхъ временъ нашей исторіи цвѣтомъ—красной, и не принимала именно вслѣдствіе насильственного разрыва ея съ цѣлымъ, главною причиною котораго была таже польская шляхта, которая при- выдвигается теперь такъ дружелюбною къ украинской народности, но и тамъ съ развитіемъ народнаго самосознанія лучшая и образованнѣйшая часть народа стремится усвоить себѣ выработанный общерусскомъ жизнію языкъ, видя въ этомъ единственный залогъ своего самостоятельнаго развитія и возстановленія духовнаго единства съ цѣлою Русью, а не съ тою или другою мѣстностію ея, въ которой господствуетъ то или другое нарѣчіе;

Что историческіе памятники слова, дошедшіе до насъ изъ эпохи, предшествовавшей подчиненію южной Руси Польшѣ, не могутъ быть отнесены ни къ одному изъ господствующихъ нынѣ нарѣчій, и подымать теперь споръ, на какомъ нарѣчій написаны Несторова лѣтопись, Русская правда или Слово о полку Игоревомъ,—на велико, мало или бѣло-русскомъ,—было-бы праздною, вздорною рѣчью;

Что подчиненіе южной Руси Польшѣ, принесли горькіе плоды для ея общественной и социальной жизни, не осталось безъ вліянія и на языкъ, который, судя по дошедшимъ до насъ изъ этой эпохи памятникамъ, уже близокъ былъ обратиться въ польскій вмѣстѣ съ обращеніемъ въ поляковъ дворянства и съ униєю духовенства, но былъ удержанъ отъ поглощенія польскимъ языкомъ только крѣпкимъ инстинктомъ народности въ массѣ, тинувшей не туда, куда охотно шли и южнорусское дворянство и козацкая войсковая старшина, а къ сѣверу, гдѣ масса эта, въ равной для

всѣхъ деспотической власти московскихъ царей, видѣла себѣ защиту отъ аристократической олигархіи;

Что съ эпохи подчиненія южной Руси Польшѣ собственно и началась выработка той особенности малорусскаго нарѣчія, которую усиливаются теперь возвестъ до особенности самостоятельнаго языка, но которая однакомъ во все время своего развитія неуспѣла создать ничего сильнаго и оригинальнаго, въ чемъ запечатлѣвалась бы особенность малорусской народности, а выразилась прежде всего въ какой-то вавилонской смѣси нарѣчій, посреди которой очевидно было господство только одного языка — польскаго. Съ той же эпохи дальнѣйшее развитіе русскаго языка и русской народности не могло уже совершаться на югѣ, а должно было перейти на сѣверъ, гдѣ сосредоточилась вся жизненная сила Руси,—и вотъ почему русскій языкъ сблизился съ нарѣчіемъ, господствующимъ на сѣверѣ, а не на югѣ, гдѣ сохранилась еще пассивная сила сопротивленія, упадавшая и ослабѣвавшая отъ постоянного напора польско-аристократической стихіи, но не оказывалось никакихъ организующихъ началъ, которыя сосредоточили бы эту силу, дали ей цѣль и развитіе. Если особенность малорусскаго нарѣчія получила потомъ смыслъ и значеніе, если она и выразилась въ нѣсколькихъ произведеніяхъ переживаемой нами эпохи, въ которыхъ вѣетъ и свѣжестью, и юморомъ, и поэзіе южнорусской природы; то все это явилось уже тогда, когда русскій языкъ и русская литература достигли самобытности при совмѣстномъ дѣйствіи и трудахъ опять таки всѣхъ русскихъ безъ отношенія къ географическимъ и этнографическимъ особенностямъ русской земли;

Что Гоголь, сдѣлавшійся выразителемъ одного изъ важнѣйшихъ моментовъ развитія русской литературы, вышелъ изъ сердца той южной Руси, для которой усииваются теперь создать особенный языкъ и литературу, а онъ никогда небылъ бы тѣмъ Гоголемъ, который дорогъ всѣмъ, въ комъ живетъ русскій духъ, бьется русское сердце и зрѣетъ русская мысль, если бы вздумалъ писать на малорусскомъ нарѣчій. Самъ малорусскій поэтъ Шевченко, изъ котораго изступленные почитатели его сдѣлали себѣ какого-то идола, вышедши изъ среды поработеннаго южнорусска-

го народа, въ своихъ поэтическихъ думахъ, образахъ и картинахъ воспроизводитъ только чувства и преданія его, незаходившія далѣе борьбы народной съ Польшою за независимость, и если стихъ его звучалъ иногда грустнымъ упрекомъ современному разладу нашей жизни, то все же въ этомъ было общее родное намъ всѣмъ чувство, а не свойственное какой-то особенной народности. Тотъ-же Шевченко, выходя изъ области непосредственнаго чувства и поэзіи и обращаясь къ обычному теченію жизни, долженъ былъ употреблять не малорусское нарѣчіе, а русскій языкъ, на которомъ и писалъ свой дневникъ и душевныя письма къ друзьямъ, малороссамъ-же. То-же самое дѣлаютъ и послѣ Шевченка всѣ, обрабатывающіе и развивающіе такъ называемую малороссійскую литературу, и если пишутъ рассказы и повѣсти по малороссійски, то единственно для удовольствія собственнаго и своего кружка, потому-что другихъ потребностей на эти произведенія не оказывается, да надѣмся и не окажется;

Что несмотря на всѣ усилія создать изъ малорусскаго нарѣчія особенный языкъ, оно остается все таки тѣмъ, чѣмъ есть въ сущности, т. е. видоизмѣненіемъ общерусскаго языка,—чему простое и практически наглядное доказательство, не вдаваясь въ филологическія тонкости, можетъ увидѣть всякій, кто потрудится любое изъ стихотвореній Шевченка, въ которомъ восторженные поклонники его видятъ художественныя образцы малорусскаго слова и послѣднюю ступень его развитія, прочесть съ обыкновеннымъ русскимъ произношеніемъ словъ, и тогда къ изумленію своему убѣдится, что цѣлыя страницы этихъ стихотвореній написаны общеупотребительнымъ русскимъ языкомъ съ примѣсью только нѣсколькихъ мѣстныхъ, областныхъ словъ, и все дѣло въ произношеніи, какое придается словамъ;

Что особенная литература на такомъ видоизмѣненіи языка невозможна, когда самъ языкъ еще живетъ полною жизнію, растетъ и крѣпнетъ, дѣлаясь съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе необходимымъ органомъ расширяющагося народнаго сознанія. Да такой литературы и нѣтъ въ дѣйствительности, потому что литература не есть же выраженіе чувствъ, мнѣній и убѣжденій только одной какой-либо партіи образованнаго класса народа, а

выраженіе всей его умственной дѣятельности, какъ исторической индивидуальности. Если въ послѣднее время и появились малороссійскіе стихи и проза; то это не болѣе, какъ частныя проявленія извѣстнаго, пришедшаго извнѣ вліянія на цѣлый образованный классъ у насъ, неимѣющія никакой органической связи съ народною жизнью, несоставляющія нисколько литературы, какъ продукта народной мысли и народнаго творчества, — и только тщеславное желаніе поднять мѣстныя явленія на высоту общихъ историческихъ, заставляетъ энтузіастовъ малорусской народности нѣсколько искръ поэзіи, нѣсколько проблесковъ мѣстныхъ талантовъ посреди кучи самой жалкой посредственности, изошряющей свое малорусское слово въ произведеніяхъ, читаемыхъ только своими авторами, возводить въ достоинство литературы и начинать ся исторію отъ шуточнаго перевода „Энеиды“ Котляревскаго, а въ Квиткѣ, этомъ баринѣ писавшемъ на мужицкомъ языкѣ для потѣхи малороссійскихъ пановъ видѣть родоначальника настоящей современной малорусской литературы, въ Шевченкѣ же — величайшаго генія, имѣющаго міровое значеніе, предъ которымъ должна померкнуть слава не только нашихъ Пушкиныхъ и Гоголей, но и Шекспировъ, Шиллеровъ, Гете и тому подобнхъ. Вотъ до какихъ несообразностей доводитъ энтузіастовъ увлеченіе фальшивымъ патріотизмомъ;

Что не имѣя возможности связать свою псевдо-литературу съ прошлымъ, дать ей историческую почву, и не находя никакихъ питательныхъ соковъ для поддержанія ея въ настоящемъ, энтузіасты всѣ свои надежды возлагаютъ на будущее и съ лихорадочною послѣдностію хлопчуть о распространеніи въ народѣ грамотности на малорусскомъ языкѣ, истощаютъ всѣ свои силы надъ сочиненіями для него нравственныхъ, юмористическихъ, историческихъ и разныхъ другихъ рассказовъ, въ которыхъ можетъ быть и есть многое изъ взглядовъ и убѣжденій партіи, да нѣтъ и признаковъ народныхъ воззрѣній и народнаго пониманія. Въ видахъ своеобразнаго развитія какого-то малорусскаго народа дѣлають складки на учрежденіе конкурса, для составленія учебниковъ на малорусскомъ нарѣччіи къ употребленію народа, и переводятъ на это нарѣчіе Евангеліе. Что-жъ всѣ эти стремленія значать? Къ чему онѣ ведутъ? — Очевидно, къ обосо-

бленію нарѣчія—въ языкъ, къ обособленію племени—въ народъ. А развѣ это обособленіе возможно безъ обособленія политическаго или безъ насильственнаго раздѣленія народнаго тѣла и его смерти? Малороссійскіе энтузіасты считаютъ себя Самсонами, у которыхъ еще не выросли подрѣзанные волосы; но какъ только волосы подрастутъ, то они надѣются имѣть на столько силы, чтобъ потрясти храмъ. Пусть эти энтузіасты не забываютъ, что еслибы имъ и удалось, чего мы впрочемъ никогда не надѣмся, потрясти храмъ, то они же первые погибнуть подъ его развалинами;

Что, наконецъ, энтузіасты эти очень ошибаются, если воображаютъ, что мы желаемъ дать перевѣсъ одному племенному элементу передъ всякимъ другимъ, предоставить ему исключительное господство надъ всѣми прочими съ насиліемъ жизни, съ подавленіемъ ея творческихъ позывовъ и стремленій, съ учрежденіемъ официальной монополіи; напротивъ, мы далеки отъ всего этого, мы желаемъ имъ полнаго простора и свободы, и еслибы за ними оказалось преимущество взыдущей, творческой силы, мы нисколько бы не пожалѣли, когда то, что они называютъ великорусскимъ, обратилось въ малорусское. Мы увидѣли бы въ этомъ только фазисъ нашего историческаго развитія, рѣшеніе и приговоръ жизни, противиться которому не имѣемъ никакихъ побужденій. Да дѣло-то въ томъ, что этой творческой, организующей силы никогда небыло въ южнорусскихъ племенахъ, оттого они и попадали въ зависимость отъ другихъ народовъ. Нѣтъ этой силы и теперь, и несоздать ее энтузіастамъ, волнующимся только и „плѣнной мысли раздраженіемъ;“

И что вся болѣзненная дѣятельность ихъ, въ послѣднемъ результатѣ, можетъ внести только замѣшательство въ жизнь и лишнюю преграду ея свободному развитію, какъ мы это и видимъ уже въ набрасываніи народу малорусской грамоты. Народъ желаетъ и охотно учится общерусской грамотѣ и на навязываніе ему во чтобы-то выстало малорусской грамоты смотритъ какъ на попытки омужичить его; но восторженные энтузіасты увѣряютъ его, что при обученіи ему необходимо мѣстное нарѣчіе, чтобъ лучше понять и легче усвоить себѣ общерусскую грамоту. И вотъ, имѣ-

сто обученія одному языку является обученіе на двухъ языкахъ. На одномъ изъ нихъ не установлена еще азбука и образователи его ведутъ еще споръ между собою, какой слѣдуетъ принять алфавитъ: глаголицу, кирилицу или гражданку, а принявши эту послѣднюю, какъ уловить оттѣнки говора народнаго, и сочиняютъ для этого цѣлыя ноты, разыгрывая ихъ каждый по своему. А между тѣмъ услужливая шляхта составила уже буквари съ латинскимъ алфавитомъ, освященнымъ употребленіемъ столькихъ вѣковъ и у столькихъ народовъ, въ томъ числѣ и славянскаго племени, и обязательно предлагаетъ свои услуги для обученія и нравственнаго развитія народа. И бѣдный народъ, атакуемый со всѣхъ сторонъ, не знаетъ, кому вѣрить и за что взяться. Къ чему же можетъ повести эта путаница? Стройнаго изъ этого ничего не можетъ выйдти, и выйдеть только хаосъ и смута, а шляхтѣ только того и нужно, чтобъ легче было въ мутной водѣ рыбу ловить; да выйдеть еще изъ этого загражденіе народу путей къ умственному развитію; ибо допуская возможное торжество малорусской партіи въ обученіи народа, можно спросить: что въ состояніи она предложить для умственной и нравственной пищи народа со всею такъ громко титулуемою малороссійскою литературою? Неужели она думаетъ докончить все воспитаніе народа на стихахъ Шевченки, да собственнаго издѣлія рассказахъ и подвѣстяхъ,— или надѣется до тѣхъ поръ, пока народъ научится грамотѣ, создать ему собственнаго издѣлія литературу, которая замѣнитъ собою и русскую и польскую, и всякую другію литературу? Да развѣ это возможно? Развѣ усиліями нѣсколькихъ, хотя бы и талантливыхъ людей можетъ быть создано въ два, три года то, что создается вѣками исторической народной жизни? При всей своей самонадѣянности энтузіасты должны бы остыть и отрезвиться отъ своего упоенія передъ положительною невозможностію выполненія такой задачи; но живя только въ мірѣ фантазій, не имѣющемъ ничего общаго съ міромъ дѣйствительности, они не видятъ или нехотятъ видѣть этой невозможности, и волнуются, шумятъ и бесплодно тратятъ молодыя силы, стараясь взвалить себѣ на плечи гору, когда этихъ силъ не хватаетъ, чтобъ поднять одинъ камень на ней. Они находятъ слухъ прозелитовъ, но только между людъ-

ми, питающимися, подобно имъ самымъ, фантазіями, а не дѣйствительными интересами жизни. Весь ничтожный успѣхъ ихъ держится единственно на недоразумѣніи, на темнотѣ и неясности ихъ стремленій, прикрываемыхъ громкими фразами, обоятельно дѣйствующими на молодой, неопытный умъ. Зазрѣнія въ официальнойности, которыя, они щедро бросаютъ на убѣжденія и дѣйствія нашего большинства и которыя, по особеннымъ условіямъ нашего развитія, всегда встрѣчаются съ довѣрчивостію въ общества, служатъ имъ щитомъ, прикрывающимъ ихъ тощія идеи, и вмѣстѣ дающимъ имъ возможность къ самому существованію.

Но всѣми такими возраженіями и доводами меньшинство не колеблется. Съ истинно малорусскимъ упрямствомъ оно настаиваетъ на справедливости своихъ тезисовъ и, задѣтое за живое доводами и обвиненіями большинства въ сепаратическихъ стремленіяхъ, отвѣчаетъ, съ своей стороны обвиненіями его въ стремленіяхъ къ насильственному унитаризму, къ бессмысленной унификаціи, къ монополизированію одного элемента на счетъ другихъ, къ крайней централизаціи и единообразію, производящему только уродство или идіотство, къ бездушной формальности, къ подавленію указными формами всѣхъ силъ и отпрысковъ народной жизни, къ уничтоженію въ самомъ корнѣ ея творческой силы, къ наряженію въ официальный мундиръ вѣрованія, мысли и слова; обвиняетъ большинство въ казенномъ російскомъ патріотизмѣ и, какъ послѣдній аргументъ, приводитъ угрозу обвиненія большинства въ доносѣ. Въ свою очередь, большинство колеблется подъ тяжестью такихъ обвиненій,—и спорящія стороны расходятся съ своими убѣжденіями, вынося изъ спора только взаимное охлажденіе, а черѣдко и раздраженіе.

Но не смотря на то, у спорящихъ сторонъ есть однако пунктъ, на которомъ онѣ сходятся и гдѣ исчезаетъ всякое равномысліе между ними. Пунктъ этотъ—польскій вопросъ въ краѣ. Притязанія шляхты на господство въ немъ, такъ безпременно заявленныя, одинаково возмущаютъ и большинство и меньшинство. Въ чувствѣ отвращенія къ такому господству, общемъ обѣимъ сторонамъ, и въ сознаніи общей опасности лежитъ причина согла-

сія ихъ въ первомъ и важнѣйшемъ интересѣ края, хотя по отношеніямъ къ другимъ интересамъ его, онѣ, повидимому, и расходятся, безъ надежды когда либо покончить свой споръ. Такимъ образомъ и въ послѣднемъ, современномъ намъ фазисѣ своего развитія, польскій вопросъ является для Руси тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для ней въ продолженіи всей ея исторіи, — стимуломъ, движущею силою единенія и сплоченія Руси и поглощенія племенной или мѣстной розни, унаслѣдованной съ самой колыбели нашей исторической жизни. Отрицательное значеніе польскаго аристократическаго элемента въ судьбахъ славянскаго міра еще разъ призвано провидѣніемъ исполнить свою роль. Пожеласмъ искренно и горячо, чтобъ это былъ послѣдній призывъ, но не помянемъ его словомъ вражды и ненависти, не отвѣтимъ проклятіемъ на проклятія, которыя шлетъ намъ шляхта, выполняя свое назначеніе.

Обращаясь къ малорусскому вопросу, предоставляемъ читателю судить, на чьей изъ двухъ спорящихъ сторонъ справедливость и истина. Съ своей стороны, раздѣляя во многомъ убѣжденія большинства, мы однако не можемъ согласиться съ нимъ въ томъ значеніи, какое оно придаетъ этому вопросу. Онъ не выросъ органически изъ жизни, какъ польскій вопросъ, и не имѣетъ въ ней никакихъ корней. Онъ возникъ подъ вліяніемъ той же западной жизни, подъ вліяніемъ которой уже давно совершается наше развитіе. Стремленія къ національности на западѣ отозвались въ нашемъ обществѣ и были источникомъ появленія у насъ, почти одновременнаго, двухъ національныхъ партій: славянофиловъ на сѣверѣ, и украинофиловъ — на югѣ. Обѣ партіи не избѣгли увлеченій: у славянофиловъ были русская наука, гнѣющій западъ и надежды на обновленіе погибающаго міра русскою стихією; у украинофиловъ существуютъ теперь подобныя же надежды, но только въ меньшихъ размѣрахъ. Славянофилы надѣялись обновить русскою стихією цѣлый міръ; украинофилы надѣются малорусскою стихією обновить и переродить сначала русскій организмъ, а потомъ уже и все славянство. Обѣ партіи заявили свое существованіе пристрастіемъ къ прошлому народа и преувеличенными надеждами на его силы, вѣрою въ его великую

будущность и нетерпимостью ко всякимъ другимъ элементамъ развитія, кромѣ тѣхъ, которые сохранены народомъ въ зародышномъ состояніи цѣлыми и неповрежденными отъ самихъ разнообразныхъ внѣшнихъ вліяній, какимъ подвергалась народная жизнь въ продолженіи труднаго процесса сложения и организованія народнаго тѣла; обѣ начались съ моды на народный костюмъ, но скоро отъ поверхности пошли въ глубь народной жизни. Увлеченія славянофиловъ прошли, но въ результатѣ онѣ привели къ плодотворнымъ послѣдствіямъ: къ уразумѣнію смысла и творческихъ позывовъ народной жизни; выработанныя ими понятія и воззрѣнія на эту жизнь сдѣлались достояніемъ нашего общества, увеличившимъ его умственный капиталъ, и освѣтивши темныя мѣста нашей исторіи, указали обществу прямой путь къ дальнѣйшему развитію. Всѣ истинно любящіе свое отечество ждуть и надѣются подобныхъ же результатовъ и отъ малорусской партіи, предполагая въ основѣ ея живую, плодотворную идею о своеобразности народнаго развитія, и на увлеченіе нѣкоторыхъ энтузіастовъ смотреть, какъ на неизбежное послѣдствіе односторонняго развитія идеи.

Обѣ партіи выражаютъ не болѣе, какъ обращеніе образованной и развитой части нашего общества къ народу, сознаніе несостоятельности заимствованныхъ извнѣ и чуждыхъ намъ формъ развитія и знаменательный поворотъ въ немъ къ источникамъ народной жизни, изъ которыхъ только мы и можемъ почерпнуть освѣженіе и укрѣпленіе нашихъ силъ. Фактъ одновременнаго проявленія подобныхъ стремленій на сѣверѣ и югѣ указываетъ только на части нашего организма, въ которыхъ сильно развита жизнь и въ которыхъ поэтому становится виднѣе біеніе жизненнаго пульса. Остается желать простора и свободы жизни и до вѣрчиво покориться ея творческой силѣ. Если этой силы окажется болѣе на югѣ, нежели на сѣверѣ Руси; то нечѣмъ тутъ смущаться: послѣдуетъ только перемѣщеніе силы туда, гдѣ она можетъ плодотворнѣе проявиться; если же на югѣ ея вовсе нѣтъ, какъ полагаютъ большинство, то никакія теоріи и утопіи не создадутъ ее. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ, вмѣстѣ съ большинствомъ, пожелать, чтобы утопіи не употребляли во зло предо-

ставляемый имъ просторъ, не насиловали жизни и не извращали ея
нормальнаго движенія.

А. Воронинъ.

КІЕВЪ.

8 Января 1863 года.

ЗАМѢЧАНІЯ

на Проектъ общаго Устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ
Университетовъ. С. П. б. 1862. Часть 1. страницъ 479,
и Ч. II. стр. 533.

Въ концѣ 1861 года особенная Коммисія при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія составила проектъ новаго устава университетовъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія откровенно, честно и благородно предложило этотъ проектъ разсмотрѣнію публики, и просило всѣхъ, интересующихся этимъ дѣломъ, сказать съ полною свободою свое мнѣніе объ этомъ проектѣ. Многія лица, изъ нашего образованнаго общества, доставили въ Министерство свои *замѣчанія* на проектъ, и вотъ теперь изъана книга, содержащая всѣ эти *замѣчанія*.

Такимъ образомъ—эта объемистая книга, въ двухъ частяхъ, перейдетъ въ потомство, какъ памятникъ того образа мыслей объ университетскомъ образованіи, какой свободно и ясно выразился у насъ во второй половинѣ XIX столѣтія между образованнѣйшими людьми нашего отечества, и вѣсть—какъ новый памятникъ той отрадной истины, что наше славославное духовенство (говоря вообще) всегда стояло и идетъ несравненно выше, по своему просвѣщенію, нежели всѣ свѣтскіе передовые. Оскорбляться за это никому не прилично; но мы всѣ должны еще благодарить за это Бога.

Статья этой книги, принадлежащая преосвященному *Антонию* смоленскому, преосвященному *Макарію* харьковскъ му, протоіерею *Добротворскому*, архимандриту *Іосифу*, архимандриту (нынѣ Епископу) *Савви* и профессорамъ московской духовной академіи, и *духовенству* кievской *старшіи*, по свѣтлости взгляда, по логической послѣдовательности и отчетливости, и по истинному христіанскому богоумію, такъ высоко отстоятъ отъ всѣхъ прочихъ статей, какъ небо отъ земли.—Дѣло идетъ о *преобразованіи университетовъ*, т. е. не болѣе не менѣе, какъ о просвѣщеніи нашего будущаго поколѣнія, и

слѣдовательно о счастьи Россіи; а за исключеніемъ вышепомянутыхъ духовныхъ лицъ, всѣ прочіе вкладчики мнѣній и замѣчаній въ эту книгу, какъ будто напередъ уже согласились между собою и окончательно рѣшили: не требовать отъ университета христіански—нравственнаго воспитанія юношества, а предоставить ему (университету) только преподаваніе наукъ въ современномъ ихъ объемѣ и духѣ, впрочемъ безъ всякаго контроля надъ преподающими и слушающими. Для доказательства нашихъ словъ, не указываемъ на страницы книги, чтобъ не оскорбить чью-либо личность; но всякъ, читавшій внимательно эту книгу, подтвердитъ, что мы говоримъ правду.—Какъ нѣкоторая, извѣстная личность боится ладону, такъ и одно, самое гласное «Замѣчаніе» въ этой книгѣ явно обнаружило свою боязнь и какъ будто ненависть къ богословію, утверждая, что преподаваніе этой науки въ университетѣ есть только «обязательное или необязательное de cogit», а потомъ безъ церемоніи назвало преподаваніе богословія даже „вреднымъ“. Но—благодаря Бога—противъ этого нечестиваго парадокса всѣ возстали, и вмѣсто уничтоженія богословія, всѣ требуютъ усилить преподаваніе онаго чрезъ прибавленіе двухъ или трехъ помощниковъ выѣзшему профессору богословія. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи выскочило одно „мнѣніе“, по наружности кажущееся будто дѣльнымъ и основательнымъ (опять не указываемъ страниць, чтобъ никого не оскорбить), но выкинувшее слѣдующую затѣйливую требовательность, чтобъ нашихъ православныхъ богослововъ, прежде допущенія къ профессорской кафедрѣ въ университетъ посылать за границу, для усовершенствованія въ богословіи, въ католическихъ и протестантскихъ университетахъ... Sat sapienti.

Отстоявши преподаваніе богословія въ университетѣ, казалось бы, надобно было общими силами отстоять и то необходимое требованіе здраваго ума, общественной жизни и пользы государственной, чтобъ университетъ, кромѣ научнаго образованія, старался о нравственномъ образованіи студентовъ. Нѣтъ! Это святое требованіе какъ будто нарочно и преднамѣренно упущено изъ виду. Всѣ вкладчики „замѣчаній“ (повторяемъ), кромѣ духовныхъ лицъ, какъ будто предварительно условились: устроить университетъ именно такъ, чтобъ онъ былъ только учебно-образовательнымъ, но отнюдь не христіанскимъ нравственно-воспитательнымъ заведеніемъ. Нормальный возрастъ студентовъ указанъ, въ прозектѣ и въ замѣчаніяхъ на прозектѣ, отъ 17 лѣтъ. Составители „замѣчаній“

увѣрены, что въ этомъ возрастѣ юноша уже кончилъ свое христіански-нравственное воспитаніе, и въ дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла можетъ свободно быть предоставленъ „самовоспитанію“. Не можетъ быть чтобъ вы, господа, сами никогда не были юношами, и чтобъ вы забыли, что именно около 17-ти лѣтъ человѣческой жизни начинается самый опасный возрастъ страстей и увлеченій, пробуждаются животныя стремленія, и человѣкъ молодой, окруженный со всѣхъ сторонъ соблазнами, стоитъ въ нерѣшимости: чѣмъ ему быть, только ли животнымъ разумнымъ, или и духовно-нравственнымъ существомъ? Это—самое обыкновенное время нравственнаго паденія. И—въ этомъ-то самомъ опасномъ кризисѣ его жизни, вы хотите предоставить его „самовоспитанію“?! Что это такое: вы умышленно смѣтаете надъ человѣчествомъ? Или—вовсе не знаете природы человѣческой?..

Вся забота университетскаго начальства о нравственномъ поведеніи студентовъ ограничивается (по проекту устава и по замѣчаніямъ) только тѣмъ, что пока студенты будутъ находиться въ аудиторіяхъ, въ клиникѣ университетской, въ лабораторіи, въ библіотекѣ, и вообще „въ зданіяхъ университетскихъ“, то проректоръ или инспекторъ, съ его помощниками, будетъ наблюдать, чтобъ они не свистали, не кричали, не буянили, и вообще не безчинствовали,—только! А за стѣнами университета дѣлай они себѣ, что хочешь,—до ихъ поведенія университету нѣтъ никакого дѣла,—на то есть городская полиція. И такъ—городская полиція теперь должна будетъ принять на себя отъ университета всѣ воспитательныя заботы о студентахъ?!. Трудно выдумать насмѣшку надъ студентами и надъ университетомъ, которая была бы злѣе этой насмѣшки... И вѣдь всѣ, кромѣ духовенства, согласились, что этому такъ и должно быть; поспорили только немножко о томъ, кому приличнѣе смотрѣть за поведеніемъ студентовъ въ стѣнахъ университета, одному ли изъ профессоровъ съ именемъ проректора, или особенному чиновнику съ именемъ инспектора: вопросъ, какъ видите, чрезвычайно важный, надъ которымъ стоитъ поломать голову!—Одни съ важностью говорятъ, что эта обязанность должна быть возложена непременно на профессора—проректора, потому что профессоръ всегда можетъ имѣть болѣе нравственнаго вліянія на студентовъ, нежели особенный чиновникъ, называемый инспекторомъ. А другіе, съ неменьшею важностью, утверждаютъ, что „мелкія полицейскія обязанности“ смотрѣнія за поведеніемъ студентовъ въ зданіяхъ университета вовсе неприличны важному званію

профессора, и унизили бы его въ глазахъ студентовъ, и т. п. Чему хочешь, тому и вѣрь,—вотъ таково все наше резонерство, и и бивъ вся наша философія.

Богъ наказалъ насъ, за наши грѣхи, особеннымъ родемъ нравственнаго недуга, состоящаго въ томъ, что мы не умѣемъ различать злоупотребленіе предмета отъ самаго предмета, поворачиваясь къ злоупотребленію, и—вмѣсто истребленія злоупотребленій, истребляемъ самый предметъ, невзирая, но злоупотребленный. По этой логикѣ выходитъ такъ: ежели кто-нибудь застрѣлился изъ пистолета, то непременно надобно уничтожить всѣ пистолеты. Такъ точно мы и дѣлаемъ съ преобразованиемъ нашихъ университетовъ. Не умѣло, или не хотѣло университетское начальство совладать съ корпораціей студентовъ, не умѣло руководить эту юную корпорацію къ добру, къ нравственности, къ христіанству, къ царствію Божію; вотъ и зашумѣла молодая корпорація, и, оставленная собственному произволу, надѣлала множество проказъ... Ну, у насъ сейчасъ готово радикальное средство противъ всего этого: уничтожить корпорацію студентовъ во всѣхъ отношеніяхъ, и даже въ церковномъ отношеніи! Это точь-въ-точь напоминаетъ премудрую манеру Фамусова:

„По—моему, что дѣло, что не дѣло,—

Подписаво, такъ съ рукъ долой!“—

Логично ли это? Справедливо ли, полезно ли это?.. Чтобы уничтожить всякую корпорацію студентовъ, чтобы не допускать ихъ ни до какихъ сходокъ и собраний, мы... уничтожаемъ и студенческой приходъ при университетской церкви въ каждомъ изъ нашихъ университетовъ, кромѣ Дерптскаго университета, отстоявшаго свою церковь и свой приходъ. Странно сказать, мы какъ будто боимся, чтобы студенты не установили свое время; т. е., хотя мы не пишемъ особаго параграфа въ уставѣ о томъ, что студенты не обязаны собираться въ университетскую церковь на богослуженіе, и университетское начальство не обязано смотрѣть за исполненіемъ ими христіанскихъ обязанностей говѣнія и т. п., но по смыслу проекта устава, это именно выходитъ такъ. Вышелъ студентъ изъ аудиторіи,—ну, пускай идетъ себѣ, куда хочетъ, пускай живетъ какъ хочетъ, и ведетъ себя, какъ хочетъ: университетъ предоставилъ ему два дальнѣйшія средства нравственнаго совершенствованія—самообразование и самоуправленіе, и—подобно Палагу, умываетъ свои руки... Ужъ не придется ли закрыть и университетскія церкви? Вѣдь прихожанъ

не будетъ въ этихъ церквахъ, — зачѣмъ же и имъ оставаться? Развѣ для одного „необязательнаго decorum“, какъ изъяснилъ ся нашъ „знаменитый педагогъ“ о преподаваніи богословія въ университетѣ. Вотъ до какого несчастнаго прогресса мы нечувствительно дошли и доходимъ....

Чтобъ отдохнуть отъ этихъ грустныхъ впечатлѣній, производимыхъ проэктомъ новаго устава университетовъ и большинствомъ „Замѣчаній“ на проектъ, заключимъ нашу статью выпискою изъ „Замѣчаній“ нашихъ достойныхъ пастырей церкви.

„Проектъ устава университетовъ упускаетъ изъ виду болѣе важное чѣмъ научное развитіе, средство къ достиженію цѣли высшаго образованія—это нравственно-религіозное воспитаніе учащихся. Истинное высшее образованіе состоитъ не въ одномъ только научномъ развитіи и въ приобрѣтеніи познаний, но и въ образованіи свойствъ, составляющихъ добраго гражданина и христіанина. Университетъ, по новому проекту, совершенно отклоняетъ отъ себя нравственный надзоръ за учащимися, предоставляя его внѣ зданій университета полицейскимъ властямъ (§ 125).—Вѣроятно, такая мѣра вызвана оказавшеюся на опытѣ несостоятельностью подобнаго надзора и затруднительностью его при многочисленности разбѣившихъ по всему городу студентовъ. Но такъ какъ благотворности и пользы нравственнаго надзора вообще (въ принципѣ) отвергать нельзя, то желательно было бы, чтобы коммисія для преобразованія университетовъ прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ такой крайней мѣрѣ, какъ предоставлять полиціи наблюдене за студентами, позаботилась объ изысканіи болѣе дѣйствительныхъ мѣръ нравственнаго надзора, чѣмъ прежнія, не разрывая нравственной связи студентовъ съ университетомъ и внѣ зданій онаго“.

„Проектъ устава университетовъ вмѣняетъ преподавателямъ въ обязанность только „излагать предметъ согласно съ современными требованіемъ науки“ (§ 84).—Въ такомъ предписаніи, кромѣ односторонности (потому что современность есть, конечно, очень важное, но не единственное достоинство преподаванія), заключается и неопредѣленность. Современность не исключаетъ разнообразія и даже противорѣчія въ научныхъ воззрѣніяхъ. Какого же изъ одинаково-современныхъ, но противныхъ между собою воззрѣній обязанъ держаться преподаватель? Имѣетъ ли право, подъ предлогомъ обязательнаго требованія современности, профессоръ Богословія въ университетѣ слѣдовать теоріямъ рационалистовъ? А профессоръ Фило-

софіи—держаться воззрѣній Фейербаха, Мишелота и др.? Профессоръ Права и Политической Экономіи — слѣдовать Прудону и социалистамъ, и т. п? Нельзя не сознаться, что такое неопредѣленное требованіе современности преподаванія, стѣсняя съ одной стороны свободу тѣхъ преподавателей, которые хотѣли бы идти далѣе дапнаго состоянія науки, съ другой, для преподавателя неблагонамѣреннаго можетъ служить предлогомъ, подъ видомъ современныхъ теорій, распространять ученіе, противное цѣли истиннаго, основаннаго на религиозныхъ и нравственныхъ началахъ образованія“.

„Проектъ устава университетовъ не упоминаетъ о необходимости исполненія важнѣйшихъ церковно-христіанскихъ обязанностей, какъ-то: посѣщенія церкви, исповѣди и причащенія св. Таинъ. Въ распредѣленіи неучебнаго времени (§ 22) не назначено даже времени для говѣнія“ (1).

„Въ проектъ устава университетовъ, послѣ понятія объ университетѣ, не указана его цѣль. Опредѣленіе цѣли само собою дало бы твердое основаніе для устава университетскаго, и всѣ положенія, поколику имѣли бы связь и вытекали бы изъ понятія о цѣли, были бы ясны и логичны. Безъ этого, въ проектъ многое представляется недовольно—яснымъ и основательнымъ, но чисто—произвольнымъ, а многого и не достаётъ. Опытъ даетъ новое побужденіе къ тому, чтобы въ самомъ началѣ новаго устава непременно была ясно опредѣлена цѣль университетовъ. Въ последнее время въ университетахъ произошли волненія и столкновенія съ правительствомъ, обнаружившія въ нихъ развитіе духа очень не добраго. Конечно, этимъ университеты показали, что они не знаютъ, или забыли и потеряли изъ виду истинную цѣль своего учрежденія. Почему же при составленіи новаго устава упущено изъ виду, прежде всего, указать то, что забыто или совсѣмъ было незнаемо, а между тѣмъ необходимо?“ (2).

«Въ объяснительной Запискѣ къ проекту устава университетовъ (но все-таки не въ проектъ самаго устава) наконецъ цѣль за университетами признана лишь учебная—„образованіе молодыхъ людей съ серьезнымъ научнымъ направленіемъ“. Достаточно ли этого? Рѣшительно недостаточно. Образованіе науками не есть само по себѣ цѣль, но предполагаетъ цѣль впереди и есть только средство къ цѣли. Слѣовательно

(1) Часть I. стран. 461 и 462.

(2) По самой простой причинѣ: „слова-то я и не примѣтилъ!“

и университеты, если они возьмутъ на себя только образованіе науками молодыхъ людей, хотя бы то и серьезное, они не будутъ доводить до пастоящей цѣли. Претендуя имѣть огромное вліяніе на общество, она непременно должны предположить своею цѣлію образованіе молодыхъ людей именно для этого общества не просто съ серьезнымъ только научнымъ направлениемъ, но съ добрымъ и полезнымъ направлениемъ практическимъ для служенія обществу, должны готовить хорошихъ, умныхъ и полезныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ жизни и службы общественной. Почему же ясно не указать такой цѣли въ уставѣ университетскомъ, съ тѣмъ, чтобы къ этой именно цѣли вели учащіе и шли учащіеся?..

„Весь проэктъ устава развитъ такъ, что опредѣлены правила лишь для учебной части, а о воспитательной почти и помину нѣтъ. Но хорошо ли это? Гдѣ же будетъ воспитываться значительная часть юношества, если университеты не берутъ этого на себя? Полагается, что въ университетъ будутъ поступать 17-лѣтніе юноши: неужели можно думать, что въ 17 лѣтъ юношѣ уже не нужно воспитательное руководство? Едвали это рационально и гуманно. Отцы и матери, отпуская за сотни верстъ дѣтей въ университетъ, находятся въ крайней опасности за нихъ, потому что тамъ нѣтъ никакого попеченія объ ихъ нравственномъ воспитаніи. Опытъ оправдываетъ этотъ страхъ родителей за дѣтей своихъ“.

„Наблюденіе за студентами лежитъ на обязанности университета только въ зданіяхъ и учрежденіяхъ онаго, внѣ же сихъ мѣстъ студенты подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общихъ основаніяхъ. Такое положеніе вытекаетъ естественно изъ ограниченія цѣли университетовъ одною учебною стороною. Но справедливо ли это, и по совѣсти ли университетское начальство сбрасываетъ съ своихъ плечъ попеченіе о студентахъ внѣ стѣнъ университетскихъ, и предоставляетъ ихъ одной полиціи? Конечно, это бремя не легкое, но тѣмъ не менѣе обязательность его такъ очевидна, что отрицать ее невозможно, и, сбрасывая оное съ себя, университетское начальство напрасно будетъ думать, что оно чрезъ то освобождается отъ отвѣтственности предъ Богомъ, предъ правительствомъ и предъ отцами юношей, воспитывающихся въ университетахъ. Какъ! учебное учрежденіе, на которое правительство не жалѣетъ издержекъ и жалованья, ожидая оттолѣ благовоспитанныхъ, добрыхъ и полезныхъ слугъ государству, куда отцы за сотни верстъ отпускаютъ дѣтей, не имѣя возможности сами продолжать тамъ надъ ними свое нравствен-

ное вліяніе, — это учрежденіе торжественно въ своемъ уставѣ отрицается отъ всякаго наблюденія и заботы о своихъ питомцахъ въ стѣнѣ своихъ, и сбрасываетъ оныя на руки полиціи!!.. Отъ чего же Дерптскій университетъ не счелъ себя въ правѣ отказать отъ наблюденія за студентами и за стѣнами своими?.. Какъ угодно, а Дерптскій университетъ справедливѣе и полнѣе сознаетъ свои обязанности къ своимъ воспитанникамъ, и въ семъ отношеніи весьма бы слѣдовало сообразить съ его уставомъ новый общій университетскій уставъ“.

„Дерптскому университету, между прочимъ, предоставляется составлять особый евангелическо-лютеранскій церковный приходъ со всеми правами и обязанностями, установленными для такихъ приходоу. Приходъ этотъ имѣетъ церковь, принадлежащую къ числу зданій университета. Прискорбно видѣть, что въ вѣмецкомъ лютеранскомъ университетѣ не забыли о своей церкви, и нашли нужнымъ въ уставѣ упомянуть объ обязанностяхъ къ ней сословія университетскаго; а русскіе православные университеты и помину о своей церкви не сдѣлали въ проектѣ своего устава, хотя извѣстно, что въ каждомъ университетѣ есть свой храмъ въ самыхъ зданіяхъ университетскихъ. Почему же бы, по примѣру дерптскаго устава, и въ уставѣ русскихъ университетовъ не сказать такъ: „Всѣ православнаго исповѣданія учащіе и учащіеся въ университетъ составляютъ одинъ церковный приходъ, имѣющій свою приходскую церковь въ университетѣ, отъо-сительно которой и исполняютъ всѣ христіанскія обязанности“, и проч... Скажутъ, что это само собою разумѣется. Но дерптскій университетъ не довольствовался же этимъ, что само собою разумѣется, а не лишнимъ нашелъ сказать о томъ въ своемъ уставѣ. Съ другой стороны, очень хорошо извѣстно, какъ на самомъ дѣлѣ худо знаютъ и исполняютъ это само собою разумѣемое. Почему же не напомнить о томъ и въ уставѣ русскихъ университетовъ, и зачѣмъ умолчаніемъ подавать соблазнъ, и внушать мысль, что отношенія къ церкви и учащихъ и учащихся въ университетъ есть дѣло вовсе стороннее и безразличное, что симъ пренебрегаетъ и за ничто считаетъ само начальство университетское и даже правитель-ство, которое должно утвердить новый уставъ университетскій?.. Скажутъ еще, что исполненіе христіанскихъ обязанно-стей и отношеніе каждаго къ своей церкви есть дѣло совѣсти и свободы, и отнюдь не терпитъ принужденія. Кому не из-вѣстна эта стереотипная фраза? Но дѣл. совѣсти и свободы

есть и ученье, однакоже пишутся правила и указываются обязанности и учащимъ и учащимся; однако же для успѣха ученья назначаются экзамены, даются награды успѣвающимъ, предоставляются права успѣшно—кончившимъ ученье, т. е. все дѣлается, чтобы споспѣшествовать ученю и возбуждать болѣе къ нему ревности. Почему же лишать немощную еще совѣсть и свободу юношей, да и не юношей только, но нерѣдко и зрѣлыхъ мужей, въ дѣлѣ религіи, такой необходимой помощи и возбужденія, каковы—напоминаніе о долгѣ, внушеніе, примѣръ, что все отягудь не есть принужденіе для совѣсти и свободы, а только побужденіе, безъ котораго природа наша ни въ чемъ добромъ успѣвать не можетъ? (1).

Довольно выписывать.—Цѣлуемъ мысленно руку святителя, написавшаго эти золотыя строки, и отъ всего сердца желаемъ, чтобы его слова не остались *глаголомъ, вопіющимъ въ пустынь*. Слава Тебѣ, Боже, за наше православное, умное и вѣрное Тебѣ духовенство, умѣющее право править слово Твоея истины!—Теперь, ежели духовенство не отстоитъ правъ нашихъ юношей на христіанское нравственно-воспитательное образованіе въ университетехъ, то мы, отцы, не знаемъ уже, куда посылать нашихъ дѣтей для высшаго образованія...

Одинъ изъ отцовъ.

Р. С. Въ заключеніе всѣхъ „Замѣчаній“ на проектъ новаго устава россійскихъ университетовъ, напечатаны „*мыслия совѣтовъ университетовъ по вопросу о допущеніи лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ лекцій*“, и о томъ, „*могутъ ли женщины быть врачами въ Россіи?*“

Только московскій да дерптскій университеты рѣшились сказать слѣдующее слово въ защиту своихъ студентовъ отъ этого послѣдняго искушенія и соблазна: „*сообща студиентами слушанія профессорскихъ лекцій лицами женскаго пола не должно допускать ни подъ какими предлогами, потому что оно можетъ имѣть вредное вліяніе на успѣшный ходъ занятій молодыхъ людей, обучающихся въ университетѣ*“.

Дай Богъ, чтобы и эти слова не остались *глаголомъ, вопіющимъ въ пустынь!*...

(1) Часть II. стран. 432—443.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

І.

КОШКИ и ОБЕЗЬЯНЫ.

(БАСНЯ).

Былъ лѣсъ вблизи окраины полей.
Въ тотъ лѣсъ издавна Кошки забѣжали,
Порасплодился тамъ, и одичали,
И звали лѣсъ отчиною своей.

А по окраинамъ особая порода
Проказницъ — Обезьянъ жила;
Порода ихъ была такого рода,
Что каждая изъ нихъ сейчасъ переняла
У Кошекъ голосъ ихъ и всѣ кошечьи нравы.
Сперва для шутки и забавы
Мяукать по кошечьи стали,
Потомъ совсѣмъ ихъ говоръ переняли.
И соблюдая интересъ
Филологической науки,

Должны сказать мы, что окраина и лѣсъ
Давно подобные ужъ издавали звуки.—
Черезъ нѣсколько годовъ случилось такъ, что вдругъ
Всѣ Кошки начали бѣситься.
Зачѣмъ и отъ чего такой недугъ,
Никто не могъ добиться,
Но Кошки бѣсятся, метаются, визжать,
И не даютъ черезъ лѣсъ проходу.
Ну, какъ мартышкамъ же унять свою природу,
И бѣшеннымъ Котамъ не подражать?..
Не удержались, и — давай, изъ подражанья,
Выдѣлывать кошечьи всѣ кривлянья,

Кричать, метаться, выть, визжать,
И бѣшенныхъ точь-въ-точь собою представлять.

Безумные! Зачѣмъ же вы дурите?

Да наконецъ скажите:

Чего же вы хотите?—

„Мы автономію хотимъ имѣть“—

Громада Обезьянъ дала отвѣтъ.—

Лѣсничій видя зло, задумалъ крѣпку думу:

Что дѣлать съ Кошками? Изъ лѣса выгнать ихъ!—

И—сколько ни было кривлянья, визга, шуму,

Онъ выгналъ бѣшенныхъ изъ всѣхъ лѣсовъ своихъ:

Не могли оцѣнить добра привольной жизни,

Пошли искать себѣ другой отчизны

Въ лѣсахъ другихъ.—

А съ Обезьянами онъ такъ распорядился:

Чтобъ зло пресѣчь,

Ловить ихъ повелѣлъ и розгами посячь:

Лекарство вѣрное,— весь гомонъ прекратился.

И. К. (1).

(1) Чья это Басня? Въ доставленномъ намъ спискѣ подписано, какъ видите И. К. Подъ этою фирмою печатались прежде въ журналахъ Басни Крылова. И эта Басня ужъ не принадлежит ли покойному дѣдушкѣ Ивану Андреевичу?.. Не имѣя возможности сказать объ этомъ что-либо вѣрное, мы, для уясненія дѣла, готовы этимъ приобрѣтеніемъ подѣлиться съ прочими нашими журналами и газетами, и рады будемъ, ежели какойнибудь журналъ или газета перепечатаютъ у себя эту Басню.

Редакторъ.

ПРИМѢЧАНІЕ НАВОРОЩИКА. Упражняясь съ давняго времени, своимъ—разумѣется—особеннымъ образомъ, въ русской литературѣ, осмѣливаюсь и я сказать мое мнѣніе, что эта Басня едва ли не принадлежитъ нашему незабвенному баснописцу **Ивану Крылову**; по крайней мѣрѣ мнѣ изъ долговременной практики извѣстно, что литературная фирма „И. К.“ всегда означала **Ивана Крылова**.

II. ДВѢ СЕСТРЫ.

(Апологъ).

Родныя сестры двѣ были,
Противнаго совѣзмъ между собою нрава.
Меньшая—горда, величава,
Не слыша подъ собой земли,
По волюшкѣ своей пустилась,
На цѣлый свѣтъ распутствомъ отличилась,
И стала притчею для всѣхъ.
Посмотришь на нее,—и жаль и смѣхъ!
„Погибшее, и ужъ не милое творенье“,—
А горюхъ у нея и тонъ—на заглядывье!...
Другая старшая сестра,
Чернорабочею жила,
И долго у себя не видѣла добра;
Но за ея труды и за ея терпѣнье
Прославилъ Богъ ее на удивленье:
Откуда что взялось,—
Хозяйство у нея на славу разрослось;
Почетъ, богатство, сила,—
Всѣмъ старшая взяла, и горе все забыла.
Вотъ—младшая сестра, собравши духъ,
Испитая, разбитая вся въ пухъ,
До старшей приползла, и старшей въ ноги бухъ!
„Сестрица—матушка! не дай вконецъ загинуть!
Клянусь всѣ шалости покинуть!
Спаси меня; тебя, какъ мать,
Клянусь любить и почитать,
Не выходя по вѣкъ изъ-подъ твоея власти;
Спаси и сохрани отъ всякія напасти!“
Отозвалась въ сестрѣ родная кровь,—
И старшая къ меньшей явила всю любовь:

Ее въ свои объятія заключила,
 Оправила ее, и ободрила,
 И раны всѣ ей залечила.....
 Ну, какъ же младшаа сестра,
 За столько ей нежданнаго добра,
 Сестрицѣ старшей отплатила?..
 Увы... нельзя было и ожидать..
 Едва оправилась сей часъ забушевала!
 Хотѣла у сестры имѣнья часть отнять,
 Противъ сестры всю дворню взбунтовала,
 И въ часъ ночной, подкравшиа какъ тать,
 Давай дѣтей сестры душить и умерщвлять!....

.....
 Ужасная произошла тревога!
 Что дѣлать съ бѣшеннои?.. Вотъ, старшая сестра,
 Какъ ни была добра,
 Рѣшилась наконецъ быть строга:
 Сестру, забывшую и честь и стыдъ и Бога,
 Связала по рукамъ и по ногамъ,
 И отдала въ бедламъ.
 Тамъ голову у ней обрили,
 И на цѣпь бѣшенную посадили.

И. К.

Дружескій совѣтъ г. Редактору Вѣстника юго-западной и западной Россіи.

Уважаая цѣль и характеръ вашего изданія, намъ не хотѣлось бы встрѣчать въ немъ и тѣхъ небольшихъ обмолвокъ, которыя не мѣшатся съ его достоинствомъ и открываютъ иногда критикѣ довольно законный поводъ къ заподозрѣнію самой истины. Мы разумѣемъ въ настоящемъ случаѣ примѣчаніе самаго почтеннаго редактора Вѣстника къ статьѣ г. Еремѣева. „Замѣчанія по поводу“ и проч. (6 я книж. Отд IV, стр. 210, 11, 12), слѣдующую за нею статейку г. И. К - го (стр. 226—231) и „Слово русскаго къ русскимъ“ (стр. 262, 63, 64). Въ первомъ, по нашему мнѣнію, допущены излишнія для дѣла преувеличенія, вторая могла бы и не являться на страницахъ Вѣстника, третье могло бы избавить русскихъ отъ нѣкоторыхъ совѣтовъ своихъ. Вотъ причины, почему мы такъ думаемъ:

1). Г. Редакторъ напрасно думаетъ, что въ 30 годахъ всѣ почти чиновническія мѣста въ Петербургѣ были въ рукахъ поляковъ и лицъ, учившихся въ духовныхъ заведеніяхъ. „Мы знаемъ, что этого *всѣ почти* нельзя доказать ни рационально, ни статистически. Для бѣдныхъ и застѣчивыхъ молодыхъ людей, безъ протекціи, связей, спеціальнаго юридическаго образованія, безъ издержекъ не рѣдко на вояжъ въ столицу и первоначальное въ ней обзаведеніе,—трудно было выдерживать соперничество съ людьми другаго званія, состоянія, развитія и положенія общественнаго. Могло быть такихъ людей въ столицѣ довольно, даже много, но сказать, *почти всѣ* едва ли не будетъ—сказать слишкомъ много. Великое имя Сперанскаго, отъ частаго повторенія, можетъ опрофановаться.

Ни сколько не унижая образованія духовнаго, раздѣляя даже то убѣжденіе г. Редактора Вѣстника, что ни въ одномъ учебномъ заведеніи не развиваютъ такъ мыслящей силы *человѣка*, какъ въ духовно учебныхъ (особенно высшихъ) заведеніяхъ и что изъ этихъ заведеній молодые люди выходятъ способными на все и даже весьма скоро усваиваютъ любую

спеціальность, случайно встрѣтившуюся на колѣхъ ихъ жизни,—мы все-таки находимъ, нѣсколько преувеличеннымъ то мнѣніе почтеннаго Редактора, что „всѣ почти лучшіе профессора разныхъ заведеній были и есть семинаристы, (конечно г. Редакторъ такъ ихъ называетъ по первоначальному образованію,) что рѣдкій изъ директоровъ гимназій не воспитывался въ семинаріи. И мы знаемъ, дѣйствительно многихъ и профессоръ и директоровъ, получившихъ первоначальное образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и мы не прочь отъ того мнѣнія что славою своею и фундаментальною развитію они, быть можетъ, обязаны этимъ заведеніямъ, но все-таки, скажемъ снова, что фраза г. Редактора Вѣстника слишкомъ обобщена. Въ этомъ можно убѣдиться изъ данныхъ, имѣющихся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Сознаемъ, что мы ихъ не провѣрили (это трудъ слишкомъ громоздкой) и что наше сомнѣніе въ показаніи г. Редактора основано на личныхъ нашихъ наблюденіяхъ и свѣденіяхъ.

На счетъ объема и метода обученія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ мы тоже не вполне раздѣляемъ мнѣніе почтеннаго Редактора Вѣстника. Оставляемъ въ сторонѣ усиліе и преимущество приѣмовъ къ развитію *головы* въ этихъ заведеніяхъ и утверждаемъ, что семинарское образованіе ни вътвистѣ, ни окончательнѣе гимназическаго. Правда, въ семинаріяхъ сообщается спеціальность по части Богословія (какъ и должно быть въ специально-теологическомъ заведеніи), которое проходится чуть не поверхностно въ гимназіяхъ, но зато въ послѣднихъ несравненно съ большею полнотою и оконченностію проходятся точныя науки и языкованіе, чѣмъ въ первыхъ. Медицина и агрономія, (просмотрѣвныя и г. Редакторомъ) едвали не по имени только извѣстны въ семинаріяхъ, а изъ философіи въ семинарскомъ курсѣ остались только вспомогательныя науки ея—логика и психологія. Словесность русская не такъ преподается практически, какъ увѣряетъ г. Редакторъ; учебники, указанныя духовно-учебною администраціею, еуществуютъ для всѣхъ предметовъ. Касательно несостоятельности поголовнаго обвиненія современнаго духовенства въ неразвитости, мы вполне согласны съ г. Редакторомъ и торжественно сознаемъ, что мы не на сторонѣ обвиняющихъ.

2). О Герцевѣ нужно было или говорить много, говорить дѣло, или ничего. Это такая личность, авторитетность которой не можетъ быть подорвана тѣми приѣмами полемическими, которыми думалъ настрашать Герцева г. И.—К.—ій.

Ну, что для Герцена *анагема* церковная, эпитеты—*сатанинскій, богомерзскій, антихристъ*? Подобная полемика слишком много даетъ пищи остроумію и кощунству элиста, слишком много предоставляет шансовъ для одержанія побѣды надъ г. К—имъ, сражающимся тѣмъ именно оружіемъ, которое менѣе всего можетъ ранить его противника.

3). Въ „Словѣ русскаго“ можно было бы обойтись безъ приглашенія русскіихъ къ „дѣлежу своихъ наблюденій и открытій съ властію“. Ремесло доносчика,—ремесло не совсѣмъ честное. У власти есть свои средства къ производству наблюденій и открытій; частные лица могутъ впадать въ ошибки и своимъ вмѣшательствомъ въ это дѣло могутъ затруднять иногда и самую власть. II—ъ.

Эта замѣтка прислана въ редакцію Вѣстника при слѣдующемъ письмѣ: „Я удѣлю мое уваженіе къ Вѣстнику, если онъ отведетъ мѣсто на своихъ страницахъ этой замѣткѣ. Прибавлю, что высказанные въ ней резоны раздѣляютъ со мною многіе разумные читатели и почитатели Вѣстника, желающіе, чтобы въ этомъ прекрасномъ изданіи не было ничего, понижающаго его уровень“. Другъ великой и святой идеи Вѣстника II—ъ.

Примѣчаніе Редактора: Благодаря г. П—а за его уваженіе къ Вѣстнику, за лестный о немъ отзывъ и ту довѣренность, которая заявлена въ письмѣ его и замѣткѣ, мы скажемъ въ свою очередь, безъ всякаго жеманства, что Вѣстникъ точно богатъ любовію къ пользамъ нашей народности и что добросовѣстно, безъ заднихъ мыслей, безъ желчи къ личностямъ, высказанное мнѣніе, хоть и противное убѣжденіямъ Вѣстника, всегда найдетъ радушный пріютъ на его страницахъ. Это и потому, что Вѣстникъ ратуетъ за истину, а истина не боится никакихъ противорѣчій. При всемъ, впрочемъ, благородствѣ тона и добросовѣстности намѣреній, которыя заявлены въ замѣткѣ г. П—а, мы не вездѣ и не вполне съ нимъ согласны. Вотъ причины, которыя даютъ намъ право на это разномысліе.

1). Касательно фундаментальности образованія въ духовно учебныхъ заведеніяхъ, г. П—ъ вполне согласенъ съ редакторомъ Вѣстника. Разногласіе у нихъ выходитъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, достовѣрность которыхъ главнымъ образомъ опирается на латинской сентенціи: *penes autorem fides*. Ни та ни другая сторона не закрыла своихъ положеній данными статистическими. То и другое мнѣніе главнымъ об-

разомъ опирается „на личныхъ наблюденіяхъ и свиденіяхъ“ г. П—а съ одной и редактора Вѣстника съ другой стороны. Последній, не имѣя права голословно отрицать убѣжденіи перваго, просить у него на столько же съ своей стороны снисхожденія и къ своему убѣжденію, увѣряя г. П—а, что это убѣжденіе заявлено, по совѣсти, согласно личнымъ наблюденіямъ и увѣренности редактора Вѣстника—и кромѣ того основано на организаціи бывшаго педагогическаго института. Поэтому, если бы Вѣстникъ и погрѣшилъ, при оцѣнкѣ семинарскаго (разумѣя, конечно, подъ именемъ его и академическое) образованія въ отношеніи къ *statu quo*, то онъ погрѣшилъ не умышленно и погрѣшалъ не много, въ отношеніи къ тому времени и мѣсту, въ которыхъ сложились его убѣжденія. Тѣмъ менѣе резонно можно уличить редактора въ намѣреніи обидѣть какое либо другое образованіе, при оцѣнкѣ духовнаго, по крайнему своему убѣжденію. Онъ имѣлъ въ виду одну только сторону медали, избѣгая на сколько то было возможно, разсмотрѣнія обратной ея половины.

2). Если смотрѣть на статейку г. И. К—го подъ угломъ зрѣнія г. П—а, то мнѣніе его объ этой статейкѣ будетъ вполне основательно. Но въ томъ то и дѣло, что на нее можно и должно смотрѣть совсѣмъ иначе. а). Эта статейка не задавалась тенденціей—уничтожить Герцена; скромная ея задача была легкій очеркъ этой личности и бѣглый взглядъ на его ученіе и затѣи. Статейка отдѣльной силы, точно, имѣетъ немного. И редакція Вѣстника ни однимъ словомъ не намекала на то, чтобы этотъ бѣглый очеркъ, рѣшающій вопросъ: „кто такой Герцевъ“?, составлялъ произведеніе особой капитальности, мѣтившее на полное ниспроверженіе широкой теоріи и практики этого силача въ дѣлѣ отрицанія и разрушенія. Этотъ очеркъ явился въ Вѣстникѣ, какъ предисловіе къ статьѣ объ ученіи эгаго авторитета, болѣе широкой и окончательной, какъ характеристика личности, проливающая нѣкоторый свѣтъ на истолкованіе того психическаго явленія, которое поражаетъ вниманіе друзей человечества всякій разъ, какъ только оно устремляется на безпримѣрную испорченность ума и сердца чудовища, болѣе извѣстнаго подъ именемъ, приобрѣвшимъ славу Герострата,—Искандера (1). б). Религіозный взглядъ г. И. К—го на личность, слово и дѣло Герцена мо-

(1). Статья эта помѣщена въ настоящей книжкѣ, отд. IV. подъ заглавіемъ: „Ворона въ соколиныхъ перьяхъ“.

жетъ быть объясненъ или личнымъ настроеніемъ духа автора статейки, или тѣмъ, что Герценъ стоитъ въ болѣе враждебномъ отношеніи къ нашей вѣрѣ, чѣмъ народности, менѣе искривляетъ свое ожесточеніе противъ первой (какъ физически беззащитной), нежели послѣдней,—или потому, наконецъ, что въ западномъ краѣ Россіи польскіе пропагандисты распространяютъ вокругъ себя—и словомъ и дѣломъ—разную скандеровщину и могутъ увлекать иногда въ сѣти погибели тѣхъ людей, для которыхъ религиозное начало составляетъ (какъ и должно быть) авторитетъ непрорѣкаемый, а судъ церкви—приговоръ окончательный, ужасный. с). Редакція Вѣстника, сдѣлавшая своею задачею дѣла религіи—на столько же, какъ и народности, и потому, въ числѣ своихъ читателей и протекторовъ, имѣющая много лицъ духовнаго сословія, не имѣла особыхъ причинъ устранять религиозный взглядъ статейки на дѣло Герцена и браковать тѣ эпитеты, которые напрасно не повредились г. П—у. Герценъ можетъ, пожалуй, глумиться надъ этими эпитетами, но надъ чѣмъ же онъ не глумится? Г. И. К—ій, при составленіи очерка Герцена рѣшительно не имѣлъ въ виду личнаго его мнѣнія объ этомъ очеркѣ, не для него начертаномъ, а рассчитывалъ на отвращеніе къ нему русскихъ православныхъ, и потому клеймилъ его тѣми метками, которыя всего сильнѣе могутъ возбудить въ этихъ людяхъ презрѣніе и негодованіе къ заклейменному. Мы даже позволяемъ себѣ думать, что и г. П—ъ, болѣе по привычкѣ, нежели по убѣжденію, смотритъ слишкомъ легко на *отсѣченіе* гнилаго члена отъ здороваго тѣла Христова, извѣстное подъ именемъ *анаемьи*. Мы даже увѣрены, что и самъ Герценъ не могъ достигнуть такой степени бездушія, чтобы не ощущать боли, при этой грозной, торжественной, соборной, моральной казни. Пусть себѣ на всю Европу хохочетъ онъ надъ слабостію, отсталостію и проч. этой кары; искренности его хохота мы не повѣримъ; мы будемъ слышать въ немъ тогъ адскій хохотъ, который исторгаетъ изъ груди въкоторыхъ несчастныхъ не радость, а невыносимую боль физическую или моральную, и которымъ они хотятъ заглушить или облегчить свои ужасныя страданія.

3). На счетъ открытія *власти* замѣченныхъ патріотомъ (кто бы онъ ни былъ) покушеній на спокойствіе и цѣлость нашего отечества, мы стоимъ съ г. П—мъ на точкахъ зрѣнія радикально другъ другу противоположныхъ. Мы,

признаемъ, не сознаемъ даже ясно, что хочеть сказать г. П—ъ и чѣмъ можетъ быть объяснено его заблужденіе. Если законъ трактуеть, наравнѣ съ преступникомъ, чловѣка, знавшаго о преднамѣренномъ умыслѣ (хотя бы воровствѣ, не говоримъ убійствѣ) противъ какого нибудь частнаго лица и непривлеченнаго зависящихъ отъ него мѣръ къ предотвращенію преступленія; то что сказать о преступности, о виновности предъ закономъ и обществомъ того чловѣка, который, будго на зло своей націи, бережеть про себя тайну открытаго имъ какаго нибудь замысла демагоговъ, не далекаго отъ своего проявленія—въ атрибутахъ всякой смуты—огнѣ, крови, разрушеніи? Не преступите ли онъ, смотрѣвшій на приближеніе общественнаго злосчестія съ самообладаніемъ сторонняго, хладнокровнаго наблюдателя,—не преступнѣ ли, говоримъ, онъ самаго злоумышленнаго, дѣйствующаго, обыкновенно, подъ увлеченіемъ сильной страсти, нерѣдко туманящей самый свѣтлый умъ, искажающей и насилующей добрыя стремленія самой сильной воли? Если всѣ мы, присягая на вѣрность Государю, или точнѣе-отечеству, клялись Богомъ—всемогущимъ доносить кому слѣдуетъ объ открытыхъ нами тайныхъ обществахъ, о подмѣченныхъ вблизи себя злоумышленіяхъ, направленныхъ къ ниспроверженію законнаго порядка вещей; то что сказать о *гражданинѣ*, который ставитъ свое жалкое предубѣжденіе выше самаго законнаго, серьезнаго и святаго обязательства,—то что сказать о христіанинѣ, который готовъ поглумиться надъ правдою всемогущаго *Бога*, лишь бы заявить свою подражательность мнѣніямъ слабоумныхъ и развращенныхъ *людей*, имѣющихъ своеобразныя воззрѣнія на религію и разныя отношенія и обязательства? Мы вполне увѣрены, что г. П—ъ не прослѣдилъ настоящаго вопроса своимъ умомъ, а подхватилъ на счетъ его бродячую сентенцію, не взвѣсивъ ея ародоксальности и злонамѣренности. Теперь наплодилось много людей, которые находятъ для себя удобнымъ строгое викогнито на счетъ ихъ дѣйствій и замысловъ, и которые распространяють свое адское ученіе—невмѣшательства частныхъ лицъ въ ихъ заги. Составивъ какое-то уродливое понятіе о чести (другихъ, а не своей) они говорятъ: „какое вамъ дѣло шпионничать за нами? Это будетъ несообразно съ вашимъ достоинствомъ и званіемъ. Пусть полиція заботится объ открытіи разныхъ злоумышленниковъ“. Если эту теорію поставить яслѣе, она явится въ такомъ видѣ: „Какое вамъ дѣло смотрѣть, какъ мы точимъ мечъ противъ

Россіи? Это дѣло васъ не касается. Отъ полиціи-то мы съумѣемъ спрятаться, а вы должны безусловно ожидать созрѣнія нашихъ плановъ и любоваться тѣми ужасами, которые послѣдуютъ за развитіемъ нашей теоріи. Когда мы готовимся къ сѣванію смуты, къ рѣзнямъ, сепараціямъ, вы трактуите Россію, какъ идею, какъ понятіе отвлеченное. Это пустяки, что, въ примѣненіи мысли къ дѣлу, будутъ послѣ страдать тѣ недѣлимые, изъ которыхъ слагается цѣлость Россіи, будутъ страдать живые люди, въ томъ числѣ и вы, тупо и безучастно относившіеся къ затѣямъ въ то время, когда однимъ движеніемъ пальца и языка можно было остановить ихъ ростъ и осуществленіе. Вы вѣдь люди частные, сторонніе: какое-жъ вамъ дѣло мѣшаться въ затѣи злоумышленниковъ. Иное дѣло наше! Мы хоть тоже люди частные, никѣмъ и ничѣмъ неуполномоченные на нарушеніе цѣлости и спокойствія Россіи, но на васъ никто не смѣетъ обращать вниманія, пока мы не сдѣлаемъ того, что намъ нужно. Пусть только ни одинъ членъ 65-миллионной семьи не перечитъ развитію нашихъ замысловъ, не смѣетъ доносить на насъ своему правительству, и мы поведемъ все это стадо туда, куда намъ угодно и куда оно пойдетъ на погибель самому себѣ,—мы перерѣдимъ въ одиночку всѣхъ недовольныхъ нашими утопіями и демагогіей. Вы слѣдовательно должны держаться глупѣйшаго понятія о чести, вамъ нами вдушеннаго и обезпечивающаго нашу безопасность. Шпіонничать, ковать на васъ цѣпи, собирать шайку почислительнѣе, поразнуданнѣе-дѣло наше, а ваша глупая честь должна сторониться отъ нашего безчестія по дальше, должна уважать наши тайны и не смѣть никому и пикнуть о томъ, что мы затѣваемъ пожары, усобицы, варооломѣвскія ночи, собираемся перерѣзать вашей чести горло. Если бы даже кто либо изъ раскаявшихся злоумышленниковъ явился къ вашей чести и хотѣлъ открыть и предотвратить названные недавно мелочи, толкайте его прочь, съ достоинствомъ вашей чести негодованіемъ, чтобы не имѣть дѣла со шпіономъ, измѣнникомъ; пусть варооломеевскія ночи совершаются безъ помѣхи. Иначе воспровадете вы древнее „слово и дѣло“, иначе вы станете на одну доску съ фискаломъ по службѣ, сплетникомъ по призванію, съ доносчикомъ на взятку секретаря, на волокитство судебного слѣдователя за женой вашего противника, на прижимки квартальнаго, продѣлки становаго и проч. и проч.“

Какова, г. П—ъ, теорія, въ которой Мирославскіе со-

поставлены съ квартальными? А между тѣмъ она очерчена здѣсь слишкомъ блѣдно, развита лишь на половину (1).

Редакторъ Говорскій.

(1) „Слово русскаго къ русскимъ“ и проч. названо изъ разныхъ мѣстъ Россіи пророческимъ. Мы далеки отъ дерзости приписать его къ себѣ въ буквальный его значеніи, а все-таки смѣемъ сказать, что, вслѣдствіе постоянного напряженнаго вниманія, устремляемаго на нашихъ враговъ, мы получили способность видѣть во мракѣ и довольно безошибочно гадать о будущемъ въ сферѣ задачи нашего изданія.

ДУМА

русскаго, при взглядѣ на послѣднія событія въ Царствѣ Польскомъ.

Въ одномъ отрывкѣ, вызванномъ рядомъ польскихъ покушеній, затѣй и злодѣйствъ, очерченныхъ въ VI книжкѣ Вѣстника, мы выразились, между прочимъ, такъ: „кто укажетъ черту, гдѣ остановится польское буйство и притязаніе“. (1) Мы не назовемъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми почитателями Вѣстника словъ этихъ пророческими,—онѣ только результатъ вѣрнаго пониманія тактики и психической патологии польскихъ революціонеровъ, онѣ только слѣдствіе продолжительнаго и серьезнаго изученія характера лицъ и событій, возвысившаго насъ до предчувствія тѣхъ явленій, которыя для равнодушнаго наблюденія казались несбыточными, тѣхъ опасеній, которыя казались для нѣкоторыхъ порожденіемъ пугливой фантазіи и ряслолагали ихъ къ саркастической улыбкѣ и усвоенію намъ названія мечтателей. Мы видѣли, что нашимъ врагомъ израсходованы уже всѣ средства къ моральной съ нами битвѣ, безъ замѣтной пользы для польскаго дѣла; мы видѣли, что у нихъ уже не осталось ничего тайнаго для насъ, мы поняли значеніе тѣхъ передовыхъ выстрѣловъ, которые экзальтиро-

(1) „Слово русскаго къ русскимъ“ и проч. Вѣст. кн. VI, стран. 263.

вали толпу; мы были увѣрены, что моментъ перенесенія битвы изъ міра идей и тенденцій въ міръ явленій—приближался, что всѣ мы стали ближе къ всеобщей вспышкѣ умонаступленныхъ демагоговъ. И вотъ наше предчувствіе воплотилось въ міръ чувствъ, предположеніе обратилось въ фактъ совершившійся.

Мы находимъ теперь излишнимъ и запоздалымъ пускаться въ повтореніе газетныхъ извѣстій о послѣднихъ событіяхъ въ Царствѣ Польскомъ; онѣ не наше дѣло, да мы предполагаемъ ихъ извѣстными нашимъ читателямъ, цѣль настоящей думы совѣмъ иная.

1). Всякому изъ насъ извѣстны тѣ громкія названія, тѣ напыщенные фразы, которыми польскіе революціонеры драпируютъ уродливость своихъ идей, тенденцій и злодѣйствъ; многимъ знакомы тѣ софизмы, экзальтаціи, тѣ богохульные сближенія, которыми злодѣи хотятъ заглушить вопли не совѣмъ уснувшей совѣсти—своей и другихъ. Ни *miłość ojczyzny*, ни *gówność i pierodległość*, ни воображаемое угнетеніе, ни возстановленіе Польши, ни изувѣрское ученіе о законности убійства (1) русскихъ, — ничто, ничто, никакая ватуга мысли и воображенія, никакое историческое сопоставленіе не сдѣлаютъ современнаго остервенѣнія польскихъ мятежниковъ ни менѣе безчестнымъ, ни менѣе незаконнымъ,—это остервенѣіе навѣки пребудетъ образчикомъ буйства противъ самой законной и гуманной власти,—глумленія надъ правами божескими и человѣческими, подражанія дикимъ взрывамъ средневѣковаго изувѣрства,—убійствамъ, извѣстнымъ теперь даже у дварей только по преданію,—характеръ его, говоримъ во всеуслышаніе Европы,—злодѣйство, самое гнусное злодѣйство.

Мы хотѣли отворотить наши взоры отъ тѣхъ ужасовъ, которыми преисполнена катастрофа злодѣяній, душегубствъ, осквернившихъ недавно польскую землю и воздухъ, запятнавшихъ челоуѣчество, заявившихъ звѣрскій протестъ прогивъ европейской цивилизаціи, поглумившихся надъ началами и разума и христіанства; но эти ужасы, какъ голова медузы, невольно приковываютъ къ себѣ наше вниманіе, пугаютъ воображеніе, исторгаютъ изъ очей слезы, изъ груди проклятіе. Мы ищемъ

(1) Смотр. Вѣстн., книжка 5, Отд. IV, стран. 131, 132 съ примѣчаніемъ. Въ этомъ примѣчаніи сказано между прочимъ, что въ одной Варшавѣ издается 3 подземныхъ газеты, возбуждающихъ патриотовъ къ вооруженному возстанію; теперь въ Варшавѣ, за исключеніемъ захваченной газеты *Ruch*, издается еще 5.

въ исторіи стралицъ, болѣ кровавыхъ, болѣ безобразныхъ, и не находимъ. Намъ хотѣлось бы, чтобы изуверство польскихъ демагоговъ было не безпримѣрно, помирило насъ съ настоящимъ, хоть опытами прошедшаго, не ужасало насъ исключительностію злодѣянія, — и желаніе наше напрасно. Нероны и Діоклитіаны были друзья человѣчества, въ сравненіи съ изуверами польскими. Тѣ, по крайней мѣрѣ придавали своимъ поступкамъ нѣкоторый видъ законности, поставляли осуждаемыхъ, какъ государственныхъ преступниковъ, предъ лицомъ суда, оставляли время для христіанскаго приготовленія къ переходу въ жизнь загробную, боролись съ христіанствомъ, какъ началомъ, осуждавшимъ на смерть всѣ элементы языческаго міра; а польскіе христіане, словно одержимые водобоязнію, рынулись на терзаніе неповинныхъ христіанъ, и своимъ зверствомъ превзошли не только всѣхъ дикарей и язычниковъ, но даже всѣхъ животныхъ. Въ генварскихъ ужасахъ польской трагедіи воспроизведены всѣ отвратительныя явленія изъ жизни прошедшаго: въ нихъ вы найдете и образчики автодафе и пытокъ инквизиціи, и варооломеевской ночи, и чудовищнаго вѣшанья челоука на его собственныхъ кишкахъ, и глумленія надъ мертвымъ тѣломъ русскаго героя ⁽¹⁾ и всевозможныхъ самыхъ гнусныхъ, самыхъ изуверскихъ убійствъ, отъ которыхъ не удержали руки убійць ни короткое знакомство, ни дружба, ни полъ, ни возрастъ, ни беззащитное положеніе, ни даже единство вѣры и національности. Да обрушится и месть людей и гнѣвъ Бога правосуднаго на головы злодѣевъ.

И кто же стоялъ въ главѣ изуверовъ Царства Польскаго? Тотъ кто былъ виновникомъ едва ли не всѣхъ изуверствъ, записанныхъ въ исторіи Европы, — католическій (польскій) ксендзь! Онъ и экзальтировалъ польскихъ недорослей и женщинъ разными возмутительными гимнами, процессіями, жалобными службами, символическими предметами, онъ и догматизировалъ (говорятъ за *blogosłowieństwem świętego ojca*) ученіе о всевозможномъ истребленіи русскихъ и всѣхъ тѣхъ, которые не сочувствуютъ варварскимъ тенденціямъ—революціонныхъ—демагоговъ ⁽²⁾, онъ успокаивалъ совѣсть убійць,

(1) Генерала Черкасова, кишки котораго были отосланы въ Варшаву, а трупъ представленъ начальству революціоннаго комитета, въ доказательство точности исполненія его приговоровъ.

(2) Смотр. Вѣстникъ, книж. 5. Отд. IV, стран. 131, 132, съ примѣчаніемъ.

уполномочивалъ ихъ именемъ какой-то религіи на спокойное исполненіе кровавыхъ приговоровъ революціоннаго комитета надъ своими сосѣдями, друзьями и единовѣрцами, онъ возбуждалъ своихъ прихожанъ къ возстанію противъ власти и Россіи, къ ночному убійству военныхъ русскихъ войновъ, онъ обращалъ храмъ Божій въ ружейный заводъ, въ сборище демагоговъ, электризовалъ ихъ изувѣрскими проповѣдями о ядѣ, мечѣ, огнѣ, и съ каеэды стрѣлялъ изъ револьвера въ тѣхъ, которые не могли скрыть своего ужаса и негодованія, вѣрившая этой чудовищной проповѣди въ храмъ христіанскомъ, собственною рукою рѣзалъ невинную женщину—католичку, коротко знакомаго русскаго офицера, оставляя свою паству, чтобы словомъ и дѣломъ поддерживать звѣрскій фанатизмъ и кровожадность мятежническихъ шаекъ, онъ, онъ, но кто исчислятъ всѣ герестратовскіе подвиги, по части истребленія изувѣровъ, извѣстныхъ подъ именемъ ксендзовъ! Это ли представители христіанства, это ли жрецы безкровной жертвы, это ли служители Христа, молившагося на крестѣ за своихъ распятаелей, это ли христіане! Закрыемъ глаза наши; чтобы невидѣть этихъ чудовищъ. Ихъ мѣсто предъ третищемъ Молоха, а не предъ престоломъ незлобиваго Иисуса. Но и самъ Молохъ отаратился бы отъ нихъ съ омерзѣніемъ, еслибъ имѣлъ сознаніе.

Чтожъ это значить? Какъ и чѣмъ объяснить такое звѣрство священниковъ Христовыхъ? Ужели католичество освящаетъ и узаконяетъ все то, что составляетъ исключеніе изъ наблюденій о кровожадности лютыхъ звѣрей, ⁽¹⁾ что называется злодѣйствомъ даже у язычниковъ! Не скорѣе ли нужно допустить ту мысль, что польскій ксендзъ поглумился надъ католичествомъ, привнесъ грязь и смрадь своихъ страстей во святое и умиротворяющее ученіе кроткаго Иисуса? Намъ бы отъ всей полноты души хотѣлось успокоиться на этой послѣдней мысли, намъ бы хотѣлось обвинить людей, а не принципъ; мы даже знаемъ, что въ существѣ этаго принципа нѣтъ ничего грѣшнаго, разрушительнаго, что въ немъ только миръ, истина и жизнь. Но чтожъ это значить, что нѣтъ въ исторіи христіанскихъ народовъ ни одной кровавой страницы, ни одной революціи, содержаніе которой не было бы продиктовано представителями католичества, нѣтъ ужаса, въ главѣ котораго не стоялъ бы съ крестомъ въ одной и съ орудіемъ пытки или

(1) По замѣчанію охотниковъ самое свирѣбое, самое голодное животное, не всегда бросается на соннаго человѣка.

казни въ другой рукѣ патеръ, ксендзъ, какъ гдѣ его называютъ? Что это значить, что католичество никогда не довольствовалось мирнымъ путемъ убѣжденія, кроткимъ снисхожденіемъ къ разновѣрію сосѣда, а всегда навязывало себя всѣмъ съ судорожными ватугами, животнымъ насиліемъ, кровавою расправою, при малѣйшемъ знакъ разномыслія? Не значить ли это того, что съ безгрѣшнымъ ученіемъ Христовымъ творцы католичества хотѣли помирить свой грѣхъ и страсть, идолослуженіе своему и? Не значить ли это того, что къ ученію небесному они привнесли земляныя цѣли, и потому должны преслѣдовать ихъ съ усиліями плоти и крови? Не значить ли это того, что католическое духовенство—прежде всего дипломаты, политики, а уже послѣ всего, *pro forma*, священники Христовы, или точнѣе—*лицедѣи* церковныхъ обрядностей; что преобладаніе внѣшнее, *власть отъ мира сею*, радикально противоположная ученію Кроткаго о смиреніи, должна была повести къ антихристіанскимъ средствамъ, должна была сочинить отвратительное правило: *цѣль оправдываетъ средства*? Чуть ли не такъ! Нужно только замѣтить здѣсь мимоходомъ то, что у представителей католичества и цѣль бываетъ часто грѣховна и средства преступны.

Мы не говоримъ, чтобъ инициатива злодѣйствъ польской революціи, заставившихъ содрогнуться отъ ужаса всѣхъ друзей человѣчества, принадлежала исключительно ксендзу: люди стоящіи въ главѣ настоящаго революціоннаго движенія не имѣютъ никакихъ религіозныхъ убѣжденій, кромѣ отрицательныхъ,—ксендзъ, говоримъ, не всегда и не вездѣ являлся главой возстанія; но та доля участія, та роль, которая заказана ему въ послѣдней драмѣ, выполнена имъ съ такимъ изувѣрствомъ, такою натуральностію бѣшеннаго тигра, которыя превзошли ожиданія самыхъ свирѣпыхъ демагоговъ, и которыя, должно быть, вызвали единодушныя рукоплесканія всего ада. Народъ польскій насколько могъ противился и насиліямъ и обольщеніямъ пана и изувѣрскимъ внушеніямъ и подстреканіямъ ксендза. Едвали можно указать и одинъ образчикъ обдуманнаго, холоднаго убійства, запятнаваго неповинною кровію руки польскаго простолюдина. Въ немъ еще не изсыкла кровь славянина, не уснула совѣсть христіанская, онъ еще не забылъ, что русскіе—его братья по крови христіане, что русское правительство ничего не оказало ему, кромѣ благодѣній. Буржуазія вообразила себя панамъ и, преслѣдуя миражи, указанные ей ксендзомъ и паномъ, увлекались подсказаннымъ ей негодосланіемъ и патриотизмомъ, по случаю

рекрутскаго набора, безъ мысли рынулась въ слѣдъ ихъ на стезю кровавыхъ событій. Даже весьма значительная часть благонамѣренныхъ и благоразумныхъ дворянъ эмигрировала отъ своихъ же собратій, или пріютилась подъ защитой твердынь Варшавы.

И когда же разразились кровавыя событія въ Царствѣ польскомъ! Именно тогда, когда ихъ меньше всего нужно было ожидать; когда русское правительство терялось въ изобрѣтеніи средствъ къ поднятію благополучія Польши, когда она стала на пути гуманныхъ реформъ и административныхъ, и судебныхъ, и этнографическихъ, и сословныхъ, когда она была на одинъ только шагъ отъ полнаго счастья, отъ самой разумной автономіи. А сколько было преподано напрасно злѣйшей и неразумной Польшѣ первоначальныхъ уроковъ враждебности и снисхожденія, сколько было заявлено богоизбраннымъ Королемъ польскимъ и человеколюбивымъ Его Братомъ опытовъ великодушія и забвенія прошедшаго! Сколько было прощено или почти не наказано мятежныхъ и безпокойныхъ головъ, которыя въ другой націи познакомились бы съ картечью или гильотиной! Тогда какъ въ сборѣ крамольниковъ были десятки тысячъ, только 5 человекъ погубило отъ неизбежныхъ въ тѣснотѣ столкновеній съ безоружными возстановителями порядка и общественнаго спокойствія. И фанатизмъ изувѣровъ причислилъ ихъ къ лику мучениковъ! Какъ же теперь назвать тѣхъ, которые были задушены сонные, сожжены живыми, повѣшены на собственныхъ кишкахъ, которыхъ терзали живыми и глумились надъ мертвыми? Предъ этими мучениками погибшіе въ варшавскомъ столкновеніи не болѣе, какъ уличные крамольники, весьма естественно подвергшіеся той участи, которой они сами искали. Еслибъ они были даже казнены, ихъ смерть была бы нормальною карою преступниковъ.

2). Когда Апостолъ Петръ отсекъ мечемъ ухо архіерейскому Малху, возлюбивый Спаситель міра сказалъ ему: *возврати мечъ твой въ его мѣсто, и прибавилъ: ибо всѣ взявшіе мечъ мечемъ погибнутъ* (Мѣ. XXVI, 51, 52). Апостолъ Петръ могъ увлечься, но не могъ не исполнить воли Господа. Пользуясь этимъ мѣстомъ божественнаго Писанія, мы не думали укорять гордящихся преемственнымъ наслѣдіемъ власти и званія Первоверховнаго за то, что изъ высокихъ добродѣтелей Петра, его наслѣдники воспользовались едвали не однимъ его поступкомъ съ Малхомъ, что изъ богатаго наслѣдія Петрова имъ едвали не достался одинъ его мечъ,—мы обра-

тили вниманіе на это обстоятельство въ жизни апостола Петра потому, что оно вѣрно характеризуетъ послѣднія событія въ странѣ убійствъ и противленій. Въ словахъ Иисуса Христа, укротившихъ ревность не по разуму одного изъ учениковъ Его, случайная заповѣдь соединилась съ пророчествомъ или лучше истолкованіемъ нормальнаго исхода явленія,—основанною на опытѣ и законѣ возмездія оцѣнкою поступка Петрова и естественныхъ его послѣдствій. Что сказалъ Спаситель Петру, то относится и ко всѣмъ христіанамъ—не по одному имени: и къ настоящимъ врагамъ нашимъ Онъ вопіетъ: возвратите мечи свои въ ихъ мѣсто! Но враги наши враги Христа не наследовали послушанія Петрова,—они глумятся надъ Его волею; умножаются, обагрываютъ новою кровію неповинныхъ христіанъ (не Малховъ, не забудьте!..), и надъ ними конечно, исполнятся пророчество Христово,—рано ли поздно ли, взявшіе мечъ, мечемъ погибнуть, — погибнуть, какъ сами вызвавшіе мечъ на свои головы, погибнуть даже не вопреки мысли незлобиваго, небеснаго Учителя и гибель ихъ не будетъ со стороны нашей ни жестокостью, ни нечестіемъ, а нормальнымъ слѣдствіемъ самозащиты и возмездія.

Но единовременнаго обузданія буйства и варварствъ, запятвавшихъ въ послѣднее время землю польскую, слишкомъ мало для того, чтобы положить на будущее время конецъ смутамъ и кровопролитіямъ. Опытъ доказалъ, что ни системою суровости и возмездія, ни мѣрами гуманности и великодушія нельзя образумить польскихъ патриотовъ, нельзя сдѣлать ихъ ни миролюбивѣе, ни благодарнѣе, ни разумнѣе, ни послушнѣе. Кромѣ безчисленныхъ конфедерацій, усмирненныхъ въ концѣ прошлаго столѣтія русскими войсками, въ теченіи 70 лѣтъ поляки 3 раза подымали оружіе противъ русскихъ, три раза бились въ рядахъ непріятелей Россіи, произвели 3 варшавскихъ вояжи, совершили безчисленное множество частныхъ варварскихъ убійствъ, мѣстныхъ смуть, происковъ и нестроений. И чѣмъ больше благодѣтельствовала Россія Польшѣ, чѣмъ гуманнѣе, прогресивнѣе и христіаннѣе относилось къ ней русское протекторство, тѣмъ менѣе она была благодарною, менѣе способна была цѣнить великодушіе людей, ни къ чѣмъ и ничѣмъ къ ней не обязанныхъ, кромѣ любви христіанской, тѣмъ наглѣе становились ея притязанія, коварнѣе, буйнѣе и заядлѣе отношенія къ своей благодѣтельницѣ. 31-й 61—63 годы наглядно доказали, что ни благость Александра I, ни гуманность Александра II не сдѣлали поляковъ ни разумнѣе, ни дружелюбнѣе, что по мѣрѣ умноженія къ нимъ люб-

ви и незлобія со стороны Россіи они увеличивали свою злобу къ ней и безпричинное ожесточеніе, что только мѣры Николая I могли бы удерживать на нѣкоторое время буйство польской шляхты въ предѣлахъ порядка и спокойствія края. Но такъ какъ мѣры сжимательныя—мѣры не рациональныя, такъ какъ закладывать отверстие волкана, значитъ только увеличивать разрушительную силу горячихъ веществъ, пожирающихъ внутренность сопки, отсрочить зло только на время, сдѣлать гибельнѣе и обильнѣе выбухновеніе лавы; такъ какъ мѣры сжимательныя возбуждаютъ напряженность отношеній, ведущихъ только къ ожесточенію и скрытію зла во внутрь съ одной, и къ судорожнымъ натугамъ и поминутнымъ опасеніямъ—съ другой стороны, то во имя непобѣдимой послѣдовательности, закрѣпленной длиннымъ рядомъ фактовъ весьма яснаго характера, нужно положить однажды навсегда конецъ выбухновенію волкановъ на русскую почву изъ сопки, извѣстной подъ именемъ Царства Польскаго.

Нельзя ли достигнуть этой цѣли, даровавъ Польшѣ самобытное существованіе? Нужно быть такими мечтателями, какъ творцы матажей польскихъ, нужно быть увлеченными страстью до умопомраченія, чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ положительно. У Польши нѣтъ *ровно никакихъ* элементовъ для жизни самобытной, тогда какъ ихъ болѣе чѣмъ нужно и для саморазрушенія и для произведенія смутъ въ окраинахъ. И въ какихъ границахъ вы возстановите ее? 1815 года? Но это будетъ цѣлое безъ частей, государство безъ границъ, безъ матеріальныхъ средствъ къ существованію, общество безъ народа и гарантіи своего спокойствія, единодушія и счастья, территория безсвязно торчащая, словно лягушка въ скалѣ, между тремя великими державами. Не возстановить ли Польшу въ границахъ 1772 года? Для кого—не лучше ли? Для Польши? *Можетъ быть* для нея это было бы и лучше, да вадолго ли, да не будетъ ли это—сдѣлать слишкомъ много чести для Польши? Стоитъ ли она уступки со стороны Россіи любезной сосѣдки современныхъ введенію въ ней христіанства областей русскихъ, временно подпавшихъ было подъ иго польское? Не поведетъ ли это къ такимъ ломкамъ, отъ которыхъ затрещитъ Европа, прольются рѣвки крови, въ которыхъ легче всего могутъ утонуть сильнѣйшіе? И изъ-за чего все эти ужасы? Чтобы возстановить гнѣздо революцій, шляхетское самоволіе, изувѣрство фаватиковъ, прессыровку холопа, чтобы воздвигнуть съ подсолони крѣпостей по окраинамъ безпокойной сосѣдки и обуздывать

ея задоръ и навады 300,000 арміи? Безъ боя, безъ утраты чести и имени Россія не можетъ, вѣдь, уступить Польшѣ своихъ родныхъ, отъ временъ до-историческихъ, областей; безъ миллионной арміи и Польша не можетъ удержать въ своей зависимости этихъ областей и не допустить хозяина къ отобранію своей собственности. А Польшѣ ли тягаться съ Россією въ какихъ бы мечтательныхъ границахъ не улеглась первая? Есть еще возможныя для Польши границы,—это границы 1795 года. Но исторія доказала, что и онѣ для нея неудобны. Хотя эти границы и уже предыдущихъ, но затрудненія Польши, при восстановленіи ихъ, усложняются. Если онѣ будутъ восстановлены вооруженною рукою, то крошечная Польша объявитъ вѣчную войну—ни больше—ни меньше—какъ тремъ великанамъ—сосѣдкамъ. Въ этихъ границахъ она могла просуществовать только 20 лѣтъ, а при настоящихъ своихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, при разладѣ мирной цивилизаціи Европы съ дѣйствіями—очертя голову—Польши, она не просуществуетъ въ нихъ беззаботно и одного года. Вообще—какія бы границы ни установились для самобытія Польши, онѣ будутъ слишкомъ *прошедши*, слишкомъ *подвижны*, *незаконны*, *опасны*, *воображаемы*. Вотъ, въ какихъ отношеніяхъ всегда находится мечта къ дѣйствительности!

За тѣмъ въ силу тойже послѣдовательности, закрѣпленной ясными фактами, остается одно средство къ погашенію вѣчныхъ смуть, разгоряющихся въ Польшѣ и разливающихся во вѣкъ ея,—это средство то самое, которое, по великодушію Умиротворителя Европы въ началѣ настоящаго вѣка, опоздало цѣлымъ полвѣкомъ, то самое, которое предложено было Благословенному въ 1815 году Европой, но отъ котораго онъ отказался, со сродною ему благостію и не памятозлобіемъ,—это праведная казнь предводителей возмудевія, изгнаніе изъ Европы шляхты, взятой съ оружіемъ въ рукахъ, конфискація вѣнній всѣхъ политическихъ преступниковъ и злѣтѣмъ—созваніе конгресса въ Петербургъ изъ представителей 5 великихъ державъ и уничтоженіе на картѣ Европы словъ: *Царство Польское*, безъ которыхъ никто ничего не прибрѣтетъ, ничего не потеряетъ, особенно народъ польскій и благонамренное дворянство Польши. Другаго средства для упроченія международнаго спокойствія, для наказанія варваровъ, поправшихъ недавно все святое и законное,—нѣтъ, Еслибъ у польскихъ демагоговъ былъ одинъ только мѣсяць жизни—январь 1863 го-

да, и тогда эта мѣра была бы справедливою и благоразумною, но отнюдь не жестокою.

3). Россія увѣрена, что взглядъ Европы на дѣло польское не долженъ расходиться съ ея взглядомъ. Европа должна видѣть въ немъ проявленіе самаго варварскаго буйства демагогіи, вопиющаго о самыхъ рѣшительныхъ и окончательныхъ мѣрахъ обузданія и вразумленія. Она должна видѣть не возстаніе польское противъ власти законной, а выраженіе протеста революціоннаго начала противъ *status quo* всей Европы, объявленіе демагогіей войны противъ всего законнаго, святаго, спокойнаго, разумнаго, борьбу разнузданности съ порядкомъ, сильныхъ страстей съ разумомъ. Относится Европѣ къ подобному явленію равнодушно значитъ слишкомъ мало дорожить своимъ благосостояніемъ, слишкомъ легко цѣнить международныя права и отношенія, слишкомъ рискованно затѣять игру для человѣчества. На территоріи польской могутъ сгруппироваться все, кому терять нечего, все искатели приключеній, все продажныя руки и души, враги нормальнаго строя европейскихъ обществъ, все любители атрибутовъ разрушенія, и, если ихъ истребительной силѣ все друзья мира и человѣчества не противопоставятъ силы обуздывающей, умеротворяющей, созидающей, кто знаетъ, какъ далеко, какъ широко, можетъ шагнуть буйство демагогіи! На дѣло Россіи съ Польшею Европа должна смотрѣть, не какъ на дѣло чужое, а какъ на свое собственное дѣло. Нѣтъ факта въ исторіи, который доказалъ бы, что человѣкъ, отуманенный сильною страстію можетъ остановиться на полдорогѣ и сказать: довольно! Страсть только можетъ кричать впередъ, впередъ, пока не достигнетъ своего самонравленія, можетъ только катиться быстро на крутой покатоги пока не рухнетъ въ бездну. Ужели Европа и доселѣ не убилась въ той истинѣ, что Россія не подада Польшѣ никакого повода къ жесточенію, что все плаксивыя жалобы предъ Европой послѣдней на первую были не болѣе выполненія сценической роли, что въ заявленіи фактовъ, которыми она хотѣла обвинить Россію въ жестокости—или звонкія и пустыя фразы, общія мѣста, или ложь и клевета, отъ перваго слова до послѣдняго, что все придиранья и притязанія Польши къ Россіи лишены всякаго основанія, стоятъ внѣ всякаго права и даже условія здраваго смысла и что и коонецъ, послѣднія событія въ Царствѣ Польскомъ такого свойства, что нужно не имѣть ни ума, ни сердца, нужно не имѣть никакихъ правъ на человѣческое достоинство тому, кто не отвернется съ негодованіемъ отъ

польских изувѣровъ, внесенныхъ въ страницы европейской исторіи 60 годовъ XIX столѣтія такія явленія, которыя были бы варварскими и въ XV, и на островѣ Таити, на берегахъ Ореоко.

Мы даже не думаемъ, чтобы заявленные въ нѣкоторыхъ заграничныхъ прессахъ отзывы въ пользу частныхъ или общности польскихъ движеній, были голосомъ націй, выраженіемъ общественнаго мнѣнія; иначе эти націизаставили бы насъ усумниться въ ихъ честности, миролюбіи и безпристрастїи. Въ этихъ отзывахъ, весьма сомнительнаго происхожденія, такъ много натяжекъ, грубыхъ историческихъ и дипломатическихъ невѣрностей, тонъ ихъ такъ раздражителенъ, такъ невѣренъ дѣйствительности явленій, что мы видимъ (въ нихъ не гласъ народа, а враждебные правому дѣлу и нормальному строю Европы отрывочные звуки не многихъ дамагоговъ, стоящихъ въ личныхъ интимныхъ отношеніяхъ къ польскимъ агитаторамъ, или въ одинаковомъ съ ними, демагогическомъ настроеніи мыслей и желаній. Мы не исчисляемъ здѣсь тѣхъ заблужденій, въ которыя волей-неволей вовлечена была европейская публика касательно характера польско-русскихъ отношеній—прошедшихъ и настоящихъ. Если Европа потрудится провѣрить изуродованные злостію, легковѣріемъ и коварствомъ польскихъ революціонеровъ факты изъ источниковъ болѣе чистыхъ и достовѣрныхъ, нежели польскіе, она скоро убѣдится, что ее обманывали самымъ наглымъ, самымъ безчестнымъ образомъ. И въ нашемъ изданіи указано много образчиковъ нелѣпыхъ притязаній, лжи и клеветы, разчитывавшей на легковѣріе, обманъ и сочувствіе польскому дѣлу Европы. Не угодно ли Европѣ, для вѣрной оцѣнки современныхъ явленій Царства Польскаго, хоть вообразить среди себя отношенія подвластныхъ ей областей, подобныя тѣмъ въ какихъ теперь находится Польша къ Россіи, не угодно ли ей поставить себя на мѣсто Россіи и сказать, по совѣсти, какъ бы она отвеслась къ подобнымъ явленіямъ? Не думаемъ, чтобы она отказалась отъ Индіи, Алжира, тѣмъ болѣе Шотландіи, Ирландіи, Бретаніи, Савоии и проч. и проч. потому только, что тамъ увеличилось *crescendo* мятежное настроеніе противъ *status quo*, убито нѣсколько начальниковъ, невинныхъ гражданъ, заявлено нѣсколько неосновательныхъ и дерзкихъ адресовъ, организована революціонная шайка, выросшая въ толпу изъ десятковъ тысячъ, унизавшаяся до варооломеевской ночи и невѣроятныхъ злодѣяній. А чего не желаешь себѣ, того не желай и другому.

Если Европа подумает, что указанные выше, радикальныя мѣры къ предотвращенію польскихъ революцій на будущее время, могутъ угрожать ея равновѣсію, то она обнаружитъ незнаніе Россіи и легковерно поддастся навѣянному ей со стороны опасенію. Равновѣсія въ Европѣ, понимаемаго въ обширномъ смыслѣ, никогда не было съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Россія, а между тѣмъ кто болѣе страдалъ отъ кого,—Европа ли отъ Россіи, или Россія отъ Европы? Вотъ ужъ полвѣка территория Россіи превышаетъ 20,000 квадратныхъ миль территорию остальной Европы, а народонаселеніе первой чуть-чуть не равняется третей части народонаселенія послѣдней, а между тѣмъ, подала ли Россія хоть однажды серьезныя опасенія на счетъ утраты равновѣсія Европы? Въ теченіи этого времени она только два раза отбивалась отъ чуждыхъ притязаній, да нѣсколько разъ отмстила свою обиду, отстаивала честь, защитила православіе, укротила одно буйство и на 14 лѣтъ отсрочила другое. Панславянизмъ, завоевательныя виды Россіи—суть утопіи, подсказанныя Европѣ клеветниками Россіи. Завоеванія радикально противорѣчатъ обширности русскихъ владѣній, характеру русской народности и православія. Девизъ Россіи—миръ и спокойное наслажденіе дарами Провидѣнія. Это нація земледѣльцевъ, въ умѣ и сердцахъ которой никогда не западали и не западутъ разрушительныя тенденціи. У нея довольно счастья реальнаго для того, чтобы не гоняться за фантастическимъ, довольно своихъ дѣлъ, чтобы не мѣшаться въ сосѣднія, довольно своего добра, чтобы не желать чужаго. Вся исторія Россіи доказываетъ, что она врагъ завоеваній, что съ нѣкоторыхъ сторонъ приро ли къ ней незначительныя области отъ случайностей, инициатива которыхъ была внѣ завоевательныхъ тенденцій со стороны Россіи и что съ одной стороны она и доселѣ недосчитывается одной, своей родной, прекрасной области и не домогается ея. (1).

¹⁾ По мнѣнію нѣкоторыхъ заграничныхъ органовъ, Россія поступила незаконно въ отношеніи къ Польшѣ и вызвала ее къ настоящему буйству своимъ незаконнымъ рекрутскимъ наборомъ, отяготѣвшимъ на одной шахтѣ (однодворцахъ) и буржуазіи. Раздѣляя вполнѣ убѣжденія *Journal de St. Petersburg*, высказанныя имъ по поводу этого обвиненія, мы прибавимъ отъ себя только то, что характеръ польскаго, рекрутскаго набора былъ со стороны русскаго правительства такою мѣрою, которая бы съ одной стороны парализовала дѣйствія революціонеровъ и сократила число ихъ, а съ другой дала возможность доброму нашему, из-

Извѣстіе изъ Ниццы.

Намъ пишутъ изъ Ниццы, что нѣкоторые члены русскаго общества, до 30 особъ обоего пола, дали тамъ 6-го февраля н. с. обѣдъ Г. М. Семену Николаевичу Сулиму, въ изъявленіе сочувствія какъ къ патріотическимъ литературнымъ трудамъ его ¹⁾, такъ и къ установившимся отношеніямъ между нимъ и кievскою археографическою комиссіею, избравшею его своимъ членомъ. Обѣдъ этотъ былъ данъ въ залѣ Hôtel de la Grande Bretagne. Почти всѣ русскіе, находящіеся въ Ниццѣ, желали принять въ немъ участіе; но онъ былъ ограниченъ только дружескимъ кружкомъ близко знакомыхъ г. Сулимы, чтобъ не дать ему характера политическаго. Не смотря, однакожь, на это, тамошнее польское общество нашло нужнымъ взволноваться, какъ смѣютъ des aristocrates moscovites давать обѣдъ à l'Ukrainien, и распространили слухи о польской демонстраціи. На это, разумѣется, русскіе не обратили никакого вниманія и обѣдъ состоялся. Хотя онъ былъ вызванъ всего болѣе чувствомъ русскаго народнаго единства, но о полякахъ и политикѣ на немъ не было ни слова, а были сказаны рѣчи: В. В. С-мъ, о значеніи въ обществѣ и роднѣ русскихъ женщинъ (главныхъ виновницъ обѣда) и М. Н. К-мъ, землякомъ

гнанному и забитому царскимъ деспотизмомъ народу отдохнуть и оправиться въ объятіяхъ свободы отъ прежнихъ насилій и полнѣй убѣдить ея въ любви къ нему и попечительности русскаго правительства.

¹⁾ С. Н. Сулима писалъ въ Nord'ѣ подъ именемъ Ukrainien и Petit Russien, и издалъ нѣсколько брошюръ на французскомъ языкѣ по русско-польскому вопросу. Теперь онъ принялъ на себя знакомый иностранную публлку съ изслѣдованіями кievской археографической комиссіи.

Украинца, въ которой онъ благодарилъ его за труды, а собраніе за сочувствіе къ Западной Руси. Послѣ обѣда, по вызову одной дамы (гр. А. В. А-ной), все общество поѣхало къ В. В. С-ну и по щедрому примѣру той-же дамы, сдѣлало подписку „въ пользу вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ смерти воиновъ, падшихъ подъ ножемъ убійць.“ Было собрано тутъ-же болѣе 2000 фр.; въ слѣдъ за тѣмъ почти на столько же подписались русскіе, не бывшіе на обѣдѣ, и подписка, при отправленіи въ Кіевъ письма, еще продолжалась. Предположено, по окончаніи подписки, деньги отправить прямо къ военному министру.

Дѣлясь съ нашей публичкой этимъ извѣстіемъ, мы позволяемъ себѣ присоединить и свой голосъ къ голосу земляка нашего М. Н. К-го, чтобъ поблагодарить отъ души нашихъ сестеръ и братьевъ, за выраженное къ намъ сочувствіе, не потому, чтобы оно, какъ семейное чувство, нуждалось для насъ самихъ въ какомъ нибудь замѣненіи, а потому, что чужіе, не знающіе насъ и слушающіе нашихъ враговъ, ожидаютъ отъ насъ разъясненія, въ которомъ мы не въ правѣ имъ отказывать. Какъ ни неизбежны связи нашего народнаго единства, какъ ни скрѣплены онѣ исторіей, географическимъ положеніемъ и нравственными началами, а все же не саѣдутъ намъ пренебрегать общимъ мнѣніемъ Европы, извращаемымъ нашими врагами, и въ этомъ отношеніи, живыя заявленія русскихъ за границей, подобныя здѣсь описанному, могли бы служить самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на наглую ложь всѣхъ пановъ Духинскихъ передъ публичкой, для которой наша Русь пока все еще terra incognita.

Кіевлянинъ.

16 февраля 1863 г. Кіевъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ КАМЕНЦА ПОДОЛЯНИНА.

Благодаря юго-западному Вѣстнику, мы достаточно познакомились съ преславленнымъ адресомъ подольскаго магнатства, гдѣ высказалась вся мудрость и ученость нашей доморощенной аристократіи, помноженной всѣхъ на одну голову. Чего тамъ не

было высказано, Создатель ты мой!., и все это какъ будто бы хитро и мудро... Прочитавъ этотъ адресъ, мной, пожалуй, не зная, что дѣлается въ нашей благословенной Подолѣ, могъ бы подумать, что тамъ стоитъ только крикнуть изъ за угла какому нибудь шляхтичу: „вгасіа! рѳјдзіему на шовкалѳв,“—и весь подольскій народъ — отъ мада до велика—готовъ бы послушаться этого голоса, чтобы русскій подольскій край переродить въ Польшу, о которой и слышать мы не хотимъ, а вмѣсто двухглаваго русскаго орла, поставитъ одноглавыи бѣлый польскій, при представленіи котораго поднимается въ душѣ, каждый разъ, такъ много безотрадныхъ и мрачныхъ воспоминаній... Мы говоримъ, что мной могъ бы подумать... да и какъ тутъ не подумать чего нибудь подобнаго? Въ адресѣ на Высочайшее имя, такъ сказать, всѣмъ подольскимъ дворянствомъ (шутка ли это!) сказано было, что желаніе присоединить подольскій край къ Польшѣ и ввести въ этомъ крайъ законы и правленіе, разумѣется, сеймовой конституціи „есть всеобъемлющее желаніе края.“ Согласитесь, господа, что ложь въ подобнаго рода адресахъ не только невозможна, но даже и не мыслима: лгать на самаго себя, обманывать другихъ для какихъ бы то ни было цѣлей,—пошлинскихъ или высочинскихъ, можетъ каждый, кто чувствуетъ въ себѣ къ этому призванію и находитъ себя способнымъ; но лгать на цѣлую народность предъ лицомъ всей цивилизованной Европы, это больше чѣмъ сплетня,—пусть себѣ каждый наречетъ этотъ поступокъ такимъ именемъ, какое найдетъ болѣе приличнымъ и характернымъ для паньскаго гонѳру. Сказать такую неправду на весь подольскій народъ было вамъ весьма легко, гг. польскіе магнаты, но почему вы, прежде, чѣмъ задумали написать это, не прислушались къ дѣйствительному желанію народа, къ его стремленіямъ и его взгляду на васъ? Нашъ народъ вотъ какъ смотритъ на васъ: „съ паномъ говори, а за пазухою камінь держи.“ Еслибы вы были поближе къ нашему народу, еслибы вамъ, хоть когда нибудь на досугѣ вашей праздной жизни, пришла мысль въ голову ознакомиться съ жизнью подольскаго народа, надъ которымъ столько лѣтъ господствовали наши отцы и дѣды, вы никогда бы ничего подобнаго не сказали. Да, не любить насъ подольскій народъ

и ему даже въ голову какъ прежде, такъ и теперь, никогда не приходитъ того мечтательнаго желанія, которое всплыло и теперь еще такъ сильно бродитъ только въ головахъ пановъ, говоровыхъ поляковъ и безпардонной шляхты. Высказанное въ нашемъ адрессѣ настолько же имѣетъ въ себѣ нравственности, какъ тѣ устныя индульгенціи, которыя, будто бы бесплатно раздаются ксендзами на исповѣди, и именно, что каждый полякъ, убившій одного русскаго, получаетъ прошеніе всѣхъ грѣховъ на пять лѣтъ. Мы не хотимъ и не думаемъ даже вѣрить въ этотъ безчеловѣчный обманъ, но только высказали его кстати, какъ ходячее у насъ мнѣніе, которое можетъ напугать и пугаетъ не одного.

Нашъ простолюдинъ, когда узналъ теперь о польскихъ движеніяхъ, онъ вскипаетъ гнѣвомъ при одномъ имени ляха и желаетъ какъ бы ему, хоть на время, сдѣлаться козакомъ, чтобы при этомъ удобномъ случаѣ отплатить своему недругу,—вѣдь на его спицѣ не зажили еще рубцы, безчеловѣчно проведенныя панскими нагайками. Такую же любовь питаетъ ко всѣмъ полякамъ и подольскимъ панамъ и все наше мѣщанство. Желанное сочувствіе ихъ мечтаемъ и всеобъемлющему quasi-желанію нашего народа, какъ разъ и кстати и въ пору было высказано обществомъ каменецкаго мѣщанства и русскимъ мѣщанствомъ 9-го февраля 1863 года. Вѣсти, сообщаемыя теперь въ газетахъ о польскихъ дѣлахъ, интересуютъ важдаго какъ грамотнаго, такъ и неграмотнаго и нашъ Каменецъ, въ послѣднее время, только и говоритъ, что о полякахъ, да о польскихъ дѣлахъ, а новости, негизетныя, а мѣстныя, самородныя, выростають иногда въ самыхъ чудовищныхъ образахъ пугалищъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Многіе, вслѣдствіе разнесшагося у насъ слуха о пожарѣ, который долженъ быть непремѣнно въ половинѣ февраля, объ огромнѣйшей шайкѣ поляковъ, которые будтобы думаютъ уже скоро перешагнуть австрійскую границу; перетруснули не на шутку. Да, трудно сказать, какъ тутъ не бояться, когда люди дѣйствуютъ какъ-то изъ за угла, именно какъ разбойники. Ихъ образъ дѣйствіанія можетъ наплодить много мошенниковъ, подъ именовемъ поляковъ, домогающихся вольности... Но я ужъ слыш-

комъ заговорился и кинулъ то, о чемъ началъ. Последнія извѣстія о дѣйствіяхъ поляковъ въ Польшѣ, гдѣ высказалось столько безчеловѣчной средневѣковой жестокости католика къ православному и русскому войску, возбудили искреннее и пламенное желаніе у каменецкаго мѣщанства и купечества, чтобы отслужена была панихида за всѣхъ невинно убитыхъ въ Польшѣ православныхъ воиновъ. Обратившись къ городскому головѣ, они просили его, чтобы онъ предложилъ преосвященному отслужить такую панихиду. Въ субботу 9-го февраля, въ присутствіи многочисленнаго собранія народа всѣхъ сословій, всего мѣщанства и купечества, были отпѣты мѣстнымъ архіереемъ сначала благодарственный молебенъ Господу Богу съ колѣноприклоненіемъ, а потомъ панихида и пропѣта вѣчная память „за всѣхъ невинно пострадавшихъ русскихъ воиновъ отъ неистовства польскихъ мятежниковъ.“ Мы отъ души радуемся этому явленію и передаемъ это извѣстіе какъ доказательство, что въ нашемъ народѣ полякъ никогда не найдетъ себѣ сочувствія для осуществленія задуманныхъ имъ плановъ. Вы не можете сказать, гг. поляки, что нашъ народъ радуется успѣхамъ русскаго воинства, молится и желаетъ имъ успѣха въ будущемъ и считаетъ васъ своими врагами, по приказанію сверху,—нѣтъ, это онъ дѣлаетъ самъ, по своему внутреннему убѣжденію и по крайнему своему несочувствію къ вамъ. Видно, нашъ простой народъ лучше васъ пановъ знаетъ, по преданію, исторію своего края, помнитъ хорошо ваши прежнія отношенія къ нему, когда у каждаго, даже бездомовнаго, бурковаго шляхтича, только и было на устахъ, что *wolność da nie rozwałam*, а на самомъ то дѣлѣ, выступалъ одинъ деспотизмъ и буйство распущеннаго панства, которое не можетъ смыслить себя безъ хлостства,—видно нашъ народъ знаетъ, что подольскій край никогда не былъ польскимъ и не можетъ быть такимъ!!!!.....

М. февраль. Каменецъ-Подольскъ.

Подольскіиъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ

Редакціи «Вѣстника югозападной и западной Россіи.»

Редакція Вѣстника не разъ уже была обвиняема и ясно и намеками, и на словахъ и въ печати за то, что она будто бы есть органъ правительства. Одинъ изъ литературныхъ паяцовъ назвалъ даже редактора-издателя Вѣстника *сыщикомъ*. Теперь мы сочли нужнымъ объясниться съ нашими читателями, по поводу этого крайне несправедливаго обвиненія и отвѣтить на два вопроса: на сколько оно состоятельно въ своей идеѣ, и въ какомъ оно стоитъ отношеніи къ Вѣстнику.

I.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ среди насъ возникло странное мнѣніе, что думать согласно съ правительствомъ значитъ ошибаться, значитъ желать Россіи не того, что для нея полезно,—идти путемъ ретрограднымъ. Мысль эта, скажемъ съ обычною намъ ясностію, лишена всякаго основанія и даже смысла. Чтобъ она не была софизмомъ, нужно предположить или то, что правительство желаетъ Россіи одного зла, или то, что оно постоянно ошибается въ выборѣ средствъ къ устроенію ея блага. Не думаемъ, чтобы оппозиція нашего правительства въ состояніи была доказать какъ первую посылку этой дилеммы, такъ и послѣднюю. Въ любви истинной, святой къ Россіи русскаго правительства можетъ сомнѣваться только тотъ, кто судить о немъ по себѣ, кто неспособенъ предположить въ другомъ ни искренности убѣжденій, ни безкорыстія дѣйствій, ни благородства стремленій, кто желалъ бы, чтобы правительство менѣе любило Россію,

оставило ее на время въ своей родственной опеки и предоставило ее на произволъ тѣхъ людей, любовь которыхъ хуже ненависти и которые, при искренности даже убѣжденій и безкорыстимъ тенденцій, могли бы оказать Россіи услугу не лучше той, какую оказалъ пустынный Мишенька, согнавшій муху у друга ударомъ въ лобъ булыжникомъ, со всего размаху могучей лапы. Это сближеніе привело насъ къ второй послылкѣ нашей дилеммы,—оно наглядно убѣждаетъ насъ въ томъ, что люди берущіеся поправлять quasi ошибки правительства, обвиняющіе его въ ненормальности средствъ къ благополучію Россіи, берутся за дѣло для нихъ темное, не безъ эгонистическихъ, а порой и демагогическихъ тенденцій. Мы не говоримъ, чтобы правительство было рѣшительно всеобъемлюще и непогрѣшимо, чтобы корпорація, состоящая изъ людей никогда не сдѣлала ни одной ошибки; а только увѣраемъ, что она способна дѣлать ошибки слишкомъ рѣдко, менѣе каждаго изъ насъ порознь и даже въ совокупности, что, въ дѣлѣ созиданія блага Россіи, ошибки со стороны правительства—исключеніе, а со стороны частныхъ лицъ—правило. Это весьма естественно. Правительство есть спеціальность, вполне изучившій средства къ достиженію въ данный моментъ возможнаго счастья Россіи. Оно относится къ дѣлу спокойно, безстрастно, разумно. Оно слагается изъ людей, стоящихъ во главѣ интеллигенціи; оно дѣйствуетъ въ коалиціи, и ошибки одного недѣлимаго замѣчаются и поправляются другимъ, оно можетъ впасть въ прегрѣшенія только невольныя ¹⁾). Совсѣмъ инымъ характеромъ бывають запечатлѣны ошибки частныхъ лицъ! Онѣ весьма часто суть порожденія страстей, результатъ осязательнаго невѣжества, тщеславнаго желанія прапорщикова, критикующихъ Наполеона, или мухи, утѣвшейся на рогахъ вола и воображающей, что „и онъ пахалъ;“ онѣ большею частію — промахи вразсыпную, взаимно уничтожающіе сами себя. И тутъ мы не обобщаемъ нашей мысли. И частныя лица могутъ скромно и разумно заявлять свои мнѣнія,

¹⁾ Мы здѣсь отличаемъ ошибки правительства отъ прегрѣшеній администраціи, которая поминутно старается устранять правительство.

разногласія съ тою или другою мѣрою правительственной, и мнѣнія эти могутъ быть весьма основательны, и правительство настолько прогрессивно, что не просмотритъ резоннаго взгляда на дѣло развитыхъ и добросовѣстныхъ членовъ общества и настолько честно, что отказывается нерѣдко отъ своего намѣренія, когда замѣчаетъ, что истина не на его сторонѣ. Слѣдовательно тотъ парадоксъ, что убѣжденія частныхъ лицъ не смѣютъ сходиться съ убѣжденіями правительства, подсказанъ нѣкоторой части нашей публики или революціоннымъ направлениемъ или слабоуміемъ.

Предположимъ, что правительство путемъ логики и опыта пришло къ извѣстному заключенію и что въ этомъ заключеніи неодолима истина: я тѣмъ же путемъ, независимо отъ мнѣнія правительства, не имѣя даже понятія объ его убѣжденіи, мѣрѣ, прицелъ къ той же истинѣ; чтожь, ужели я долженъ отказаться отъ вопиющей истины потому только, что она можетъ быть истинной и по мысли правительства? Правительство, напр., убѣждено, что религія есть душа народа, что до тѣхъ поръ, пока религіозный элементъ проникаетъ жизнь народа, онъ могучъ, счастливъ, долговѣченъ; ужели я долженъ думать иначе, чтобы не имѣть несчастія сойтись въ убѣжденіяхъ съ правительствомъ? Правительство думаетъ, что послѣднія событія въ Царствѣ Польскомъ запечатлѣны характеромъ самаго варварскаго буйства, самаго звѣрскаго остервенѣнія, ужели я не могу думать объ этихъ событіяхъ также? Да куда же мы зайдемъ, если захочемъ идти вровень съ правительствомъ и установимъ правило не сходиться съ нимъ въ убѣжденіяхъ даже случайно? Ни болѣе ни менѣе какъ въ бездну самаго разрушительнаго цигилизма, въ отрицаніе всего разумнаго, честнаго, законнаго, святаго.

II.

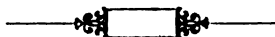
Но сходиться съ правительствомъ въ убѣжденіяхъ теоретическихъ и практическихъ, еще не значитъ быть органомъ правительства. Мы указали и доказали естественность этой гармоніи въ мнѣніяхъ, внѣ всякихъ заднихъ мыслей и меркантильныхъ побужденій. Мы даже гордимся, если наши мнѣнія такъ совпали съ мнѣніями правительства, что люди близорукие, неспо-

собные возвышаться до честнаго отношенія къ истинѣ и добру, считаютъ насъ эхомъ правительства. Мы еще не такъ испорчены умомъ и сердцемъ, чтобы разногласіе съ правительствомъ считать безусловною нормою рациональности убѣжденій и противорѣчіе истинѣ, высказанной правительствомъ, девизомъ литературной дѣятельности. Торжественно заявляемъ, что мы свободные ратники за правое дѣло, хоть и не своевольные, что мы отстаиваемъ принципы, внушенные намъ собственною нашею совѣстію, независимымъ ни отъ кого, кромѣ чести и истины, умомъ и чувствомъ, что нашему девизу—истина мы можемъ измѣнить только по недоразумѣнію, но не съ умысломъ, подъ стимуломъ задней мысли, сторонняго вліянія.

Если какое угодно убѣжденіе можетъ имѣть свой органъ, если разныя либеральныя партіи группируются возлѣ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, ужели одно наше правительство не имѣетъ права на то, на что имѣетъ его всякій, одно оно должно быть лишено средствъ къ самозащитенію, когда ему нужно защищаться и защищать отъ оппозиціи противъ истинъ и правилъ, на которыхъ оно старается создать возможно большое благо общества? Смотри на вопросъ этотъ съ нормальной точки зрѣнія, нужно даже согласиться, что только органъ правительства, какъ выраженіе идеи порядка и благоустройства общественнаго, и есть тотъ единственный органъ, которому безусловно должны сочувствовать всѣ друзья истины и счастья, съ которымъ соглашаться весьма естественно и благородно и съ которыми расходиться,—значить быть врозь съ тѣми благородными стремленіями, съ тѣми резонными убѣжденіями, которыя протезируетъ для нашего блага заботливое правительство, Такимъ образомъ, быть органомъ правительства, значить быть органомъ самыхъ рациональныхъ убѣжденій, самыхъ законныхъ тенденцій; такимъ образомъ изданіе, которому правительство, или точнѣе друзья порядка и защитники истины—сдѣлаютъ честь выбора своимъ органомъ, можно только гордиться этой честью, а не отрекаться отъ нея изъ угожденія какому-то модному, хоть и бессмысленному, если не злонамѣренному софизму. Но, къ сожалѣнію, нашъ журналъ не удостоенъ этой чести и мы, во имя святой истины, еще разъ торжественно

заявляемъ нашимъ читателямъ, что издаемъ его съ полною самостоятельностью и независимостию не только отъ правительства, но и отъ всякихъ другихъ вліаній, задачу его развиваемъ съ полною свободою, на основаніи только нашихъ собственныхъ убѣжденій—быть можетъ и согласныхъ съ убѣжденіями правительства и частныхъ благомыслящихъ лицъ (которыхъ, слава Богу, въ Россіи огромное большинство), и наконецъ матеріальныя средства къ изданію имѣемъ только отъ однихъ многочисленныхъ нашихъ подписчиковъ.

Редакторъ.

ВОРОНА

ВЪ

СОКОЛИНЫХЪ ПЕРЬЯХЪ.

(Посвящается птенцамъ изъ Герценовскаго гнѣзда.)

Въ наше время,—если мы имѣемъ право назвать нашимъ временемъ ту эпоху, съ которой Россія вступила въ новый періодъ своей исторической жизни,—выдвинулась впередъ *шантская* личность, подобія которой напрасно было бы искать не только между знаменитѣйшими людьми XIX вѣка, столь богатаго событіями, явленіями, изобрѣтеніями, вызванными на свѣтъ Божій гениемъ этихъ людей, но даже между сказочными героями древняго міра, на которыхъ съ недоувѣрчивымъ удивленіемъ взиралъ безконечный рядъ нисходящихъ поколѣній.

Личность эта есть никто иной, какъ извѣстный Русской пупликѣ псевдо-либераль, псевдо-патріотъ, псевдо-русскій Александръ Ивановичъ Герценъ, законный родо-начальникъ столь же извѣстной и знаменитой партіи яковинцевъ, называющихся „Молодая Россія.“

Какъ въ природѣ встрѣчаются явленія, причины которыхъ опредѣлить и изслѣдовать мы еще пока не можемъ, какъ причины почему данный предметъ въ природѣ названъ однимъ именемъ, а не другимъ, такъ точно мы не имѣемъ еще возможности объяснить, почему г. Герценъ почитается русскимъ человѣкомъ—по происхожденію, русскимъ патріотомъ по дѣйствіямъ и честнымъ человѣкомъ—по правиламъ.

По имени,—г. Герценъ—нѣмецъ; по мѣсту жительства и спискамъ,—Герценъ—агличанинъ; по своимъ дѣйствіямъ въ отношеніи Россіи и общества г. Герцену—нѣтъ имени.

Печальное и грустное явленіе представляетъ собою г. Герценъ въ настоящее время, но со временемъ, безъ всякаго

сомнѣнія, онъ будетъ собою представлять явленіе вполне назидательное.

Какъ бы то ни было, рѣшаясь говорить о такой знаменитой личности, необходимо сперва опредѣлить, что такое г. Герценъ; но какъ путемъ анализа довольно трудно разрѣшить эту задачу, то мы рѣшаемся избрать систему уподобленій, для чего возвратимся опять таки къ природѣ, представляющей намъ богатый для того источникъ. И такъ—

Когда въ знойное лѣтнее время атмосфера преполяется тяжелыми испареніями и воздухъ становится удушливымъ, то тучи, заслоняющія собою солнце, раздражаются отъ накопившагося въ нихъ электричества: отсюда молнія и громъ въ воздухѣ, а на землѣ часто пожаръ и смерть.

Когда въ какой-нибудь мѣстности нарушается законная пропорція между составными частями воздуха, и въ его массу проникаютъ вредныя для органической жизни испаренія и газы, тогда между населеніемъ, водвореннымъ на такой мѣстности обнаруживается чума, холера и разныя другія смертоносныя болѣзни.

Когда въ организмъ челоуѣка кровь сгущается и приобретаетъ остроту, вслѣдствіе-ли употребленія несвойственныхъ его природѣ питательныхъ веществъ, либо сидячей жизни, сырѣй и темной квартиры, и другихъ причинъ, тогда органъ кожи воспаляется, покрывается сынью и вередями.

Накопленія въ государственныхъ кабинетахъ разнаго рода шекотливыхъ вопросовъ, недоумѣній, честолюбивыхъ замысловъ, экономическихъ и политическихъ соображеній, вызываетъ войну и проч. и проч.

Такимъ образомъ, громъ и молнія, чума, холера, война, сырь и вереда суть естественныя послѣдствія *препоженія* составляющаго крайнюю и неизбѣжную точку при поворотѣ къ нормальному положенію; а всѣ эти явленія, вмѣстѣ взятая, могутъ быть опредѣлены однимъ словомъ—*«изверженность.»*

Теперь будетъ весьма понятно, что Россія *препоженная*, вслѣдствіе продолжительнаго застоя, разнаго рода вредными для ея организма началами и элементами, въ смѣломъ и крутомъ поворотѣ къ новой, лучшей жизни, должна была выдержать обыкновенный въ этомъ случаѣ кризисъ и выдѣлать продуктъ, который названъ нами *«изверженностію;»* вмѣстѣ съ тѣмъ, по естественному порядку вещей, небывалое по своей громадной величинѣ и могучему складу государство, должно

было произвести и чудовищную по своей формѣ и свойству изверженность.

И такъ, отыскивая соответственное для г. Герцена опредѣленіе и разсматривая характеръ дѣятельности этой личности, нельзя несогласится, что г. Герценъ со всѣми своими доблестными сотрудниками, и въ качествѣ родоначальника шайки поджигателей и разбойниковъ, именуемой „Молодая Россія“ есть ничто иное, какъ безобразная и злокачественная *изверженность* Русской земли.

Но къ несчастію, далеко не въ такомъ видѣ представляется гигантская личность г. Герцена въ воображеніи тѣхъ злополучныхъ людей, у которыхъ вся нравственная жизнь, какъ вообще у всѣхъ восточныхъ народовъ, выражается въ формѣ воображенія: фантазіи, лишеной всякаго разумнаго соображенія. Они даже и не подозреваютъ, что г. Герценъ кажется великъ, честенъ и благороденъ только потому, что онъ за моремъ, и что если звукъ его „Колокола“ хорошъ, то это кажется потому только, что онъ долетаетъ до нихъ въ невнятныхъ тонахъ, гармонія которыхъ получаетъ совершенно иной смыслъ отъ соприкосновенія честнаго и строгаго критическаго разбора; что листки этого журнала приобрѣтаютъ особенную для нихъ прелесть только потому, что они составляютъ запрещенный плодъ, нѣчто въ родѣ контрабанднаго товара, неочищеннаго пошлюною цензуры. Но и бубны хороши за горами, и тотъ, кому они не поразили слуховой перепонки на близкомъ разстояніи, останется, пожалуй, въ пріятномъ заблужденіи, что звукъ ихъ также плѣнительнъ, какъ свирѣль пастушка въ зеленыхъ рощицахъ Аркадіи счастливой.

Впрочемъ есть много людей, которые, придерживаясь благоразумной середины и поддѣлываясь поочередно, то подѣ ладъ послѣдователей новой школы, то подѣ тонъ охранителей стараго порядка, говорятъ, что г. Герценъ есть ничто иное, какъ неисправимый радикалъ, Впрочемъ добрый малый, нѣскольکو желчный, это правда, но тѣмъ не менѣе горячо предавший дѣлу своей родины, для блага которой онъ набралъ, конечно, путь нѣсколько странный и не совсѣмъ правильный, но во всякомъ случаѣ ясный и опредѣлительный.

Эта „граммада словъ въ пустинѣ мысли“—какъ-бы сказалъ непремѣнно всякій дипломатъ-царедворецъ восточныхъ странъ въ отвѣтъ на подобнаго рода опредѣленіе,—есть ничто иное, какъ форма, въ которую облакается легкомысліе и невѣжество, скользящее по одной только поверхности всѣхъ важ-

*

нѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ, а какъ подобнаго рода сужденія и фразы усыпляютъ только бдительность общества и приучаютъ безопасно глядѣть на приближающуюся опасность, то такое легкомысленное заключеніе дѣлается равносильнымъ преступленію.

Г. Герценъ слишкомъ уменъ, слишкомъ свѣдуць, чтобы не понимать всю несообразность проповѣдуемыхъ имъ идей. Онъ знаетъ очень хорошо, что государство, слагавшееся въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія въ формѣ монархической неограниченной, не можетъ такъ же произвольно, легко и своевольно разставаться съ своими историческими преданіями, и мѣнять форму правленія, какъ мѣняетъ постройку своей одежды парижскій фронтъ, слѣдящій за малѣйшими видоизмѣненіями вѣтренной моды.

Г. Герцену очень хорошо извѣстно, что съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Россія, всѣ вожатая бывшихъ безпорядковъ и усобицъ дѣйствовали на чернь именемъ царя, зная, какое магическое дѣйствіе слово это производитъ на народныя массы. Воля, власть, и особа царя были всегда священы для русскаго народа, и безъ всякаго сомнѣнія, останутся такими навсегда. Вѣра Православная, Бѣлый Царь и Русь Святая будутъ всегда для насъ родными звуками и призывнымъ сигналомъ,

Впрочемъ утопіи г. Герцена насъ весьма мало интересуютъ, а потому почитаемъ излишнимъ распространяться надъ ними; скажемъ только, что мы слишкомъ хорошаго мнѣнія объ умѣ и образованіи г. Герцена, что бы хоть одну минуту сомнѣваться въ томъ, что онъ нисколько неубѣжденъ въ непреложности проповѣдуемыхъ имъ идей, и что онъ не пишетъ для тѣхъ, которые имѣютъ свое убѣжденіе, какое-бы оно ни было, и въ чемъ бы оно ни было; а потому, по всей вѣроятности, сочиненія его предназначаются исключительно: либо для дѣтей малолѣтнихъ, либо для дѣтей совершеннолѣтнихъ; однимъ словомъ, онъ какъ видно, поставляетъ свой товаръ на тотъ возрастъ, когда еще человѣкъ не можетъ остановиться для разсужденій, и на такія натуры, которыя, остановившись даже, разсуждать не въ состояніи.

Сознаемся чистосердечно, что намъ неостанетъ ни знанія, ни умѣнья, что бы достойнымъ образомъ изобразить подвиги нашего новаго Палладія, храбро ратующаго перомъ для блага, процвѣтанія и славы обожаемой имъ родины; но долгъ гражданина, рѣшившагося вызвать признательность современ-

никовъ къ скромному труженнику, какимъ, вѣроятно, хочетъ прослыть нашъ заморскій патриотъ, побуждаетъ насъ сложить хоть крошечный камешекъ къ подножію монумента, долженствующаго обезсмертить его славное имя.

Между тѣмъ, да позволено намъ будетъ, въ видѣ предисловія, рассказать одинъ случай, котораго мы были когда-то очевидцами.

Въ глухомъ закаулкѣ одной изъ нашихъ степныхъ губерній жилъ былъ богатый бояринъ. Управляя лично своимъ громаднымъ имѣніемъ, по заведенному предками обычаю и порядку, онъ довелъ его до возможнаго благоустройства. Славился онъ своимъ благочестіемъ, вполне славянскимъ гостеприимствомъ, строгостію правилъ, а крестьянъ своихъ, съ которыми обращался честно, справедливо и по отцовки, онъ никому не давалъ въ обиду; богатство ихъ у сосѣдей сдѣлалось пословицей, и всѣ завидовали имъ и дивились такой благодати.

Но у боярина этого былъ сынокъ; и не походилъ онъ ни на батюшку, ни на матушку, ни на дѣдушку, ни на своихъ братьевъ, даже на русскаго человѣка не былъ похожъ, даромъ что родился въ Россіи,—такъ себѣ вышелъ онъ какой-то выродокъ, дрянцо-человѣкъ, какъ говорятъ на Руси. Пока былъ малъ, еще ничего, а какъ сталъ входить въ лѣта, то хоть заборъ подпирай. Товарищи его прозвали: кто—„лсій хвостъ.“ кто—„волчій зубъ,“ а кто просто „кошкой;“ каждое изъ этихъ прозвищъ вполне соотвѣтствовало наклонностямъ его натуры.

Пришло время,—снарядили кошку на службу въ столицу; тамъ-то стало ему привольнѣе; шире: отца не было,—значитъ смотрѣть-то за молодымъ было не кому, а ему не кого было бояться. Таскаясь съ утра до ночи по трактирамъ, театрамъ и разнаго рода увеселительнымъ заведеніямъ, завелъ онъ тѣсную дружбу съ людьми, которые въ обществѣ составляютъ грязный отстой, нѣчто въ родѣ чужеродныхъ растеній, живущихъ на счетъ другихъ породъ растительнаго царства.

Широкая его натура требовала громадныхъ средствъ, а отецъ, какъ бы предчувствуя, что сынокъ его способенъ загуливаться, присылалъ ему лишь крайне необходимое для приличной жизни молодому человѣку, который, по своему происхожденію и связямъ, принадлежитъ къ высшему обществу.

Однажды, находясь, какъ говорятъ моряки, „на экваторѣ,“ т. е. безъ копѣйки денегъ, онъ рассказывалъ одному изъ самыхъ задушевныхъ своихъ пріятелей образъ жизни, какой ведетъ его отецъ въ деревнѣ, обычай, порядки, заведенные въ

домъ, и нравы домохозяевъ, исчисляя при томъ огромныя богатства и капиталы, которыми владѣетъ старикъ; наконецъ, изобразивъ въ самыхъ заманчивыхъ формахъ жизнь, какую бы они могли вести въ столицѣ, располагая хотя бы сотую частію такого громаднаго состоянія, онъ присовокупилъ, что всякій ловкій, рѣшительный и предприимчивый человѣкъ дороговъ бы ему далъ за то, чтобы получить отъ него нѣкоторыя указанія, приложение которыхъ въ дѣлѣ осуществленія идей извѣстнаго коммуниста „Бриссона“ надъ его батюшкой могло-бы увѣнчаться блестящимъ успѣхомъ.

Вообрази себѣ, любезный другъ, говорилъ „кошка“, въдъ я съизмала изучилъ скрипъ каждой двери и наркетной доски въ родительскомъ домѣ, время когда все засыпаетъ, продолжительность и даже твердость сна батюшки, мѣсто, гдѣ кладеть онъ на ночь свои ключи, перегородки, ящики и полки въ шкафахъ и сундукахъ, гдѣ хранятся его сокровища, даже глупо-добродѣтельную натуру всѣхъ домохозяевъ, которые скорѣе допустили бы мысль и повѣрили, что барскіе деньжонки пощипалъ какой-нибудь дѣшій или домовый, чѣмъ *баринъ во фракъ и въ лайковыхъ перчаткахъ*, и къ тому же-чтобы такой казусъ произошелъ подъ ближайшимъ руководствомъ законнаго наследника — сына, во имя какой-то науки, проповѣдующей пользу равномѣрнаго распределенія богатства и всѣхъ благъ земныхъ.

Лукаво и обдуманно брошенное зерно, унавши на богатую почву, не замедлило принести обильный плодъ. Другъ молодого барчука оказался именно такимъ человѣкомъ, какой былъ нуженъ для осуществленія великаго плана, -- и вотъ, снарядившись въ путь, они оба отправились въ деревню старика-отца, и тамъ, подъ руководствомъ „звѣзды путеводительницы“, какъ на этотъ разъ прозвалъ кошку его пріятель, все было улажено какъ по писаному; но когда *дорогіе* гости, по прошествіи нѣсколькихъ дней, сѣдлись въ экипажъ, чтобы съ нагрѣтымъ добромъ возвратиться назадъ въ столицу, то другъ кошки, при видѣ почтеннаго старца, напутствовавшаго сына молитвами и крестнымъ знаменіемъ, слыша вопль сѣжавшейся со всѣхъ угловъ обширнаго барскаго дома челяди, нянюшекъ и мамушекъ молодого барина, чуть чуть и самъ не прослезился, за что кошка обозвалъ его бибеею и сказалъ, что во характеру ему было бы приличнѣе проповѣдывать поученія въ родѣ масильоновскихъ, чѣмъ мужественно бороться съ предрасудками общества и дѣйствовать къ ниспроверженію

варварскаго права собственности, и всѣхъ порядковъ и идей, которыми оно поддерживается.

Не станемъ распространяться о послѣдствіяхъ этого знаменитаго подвига, рассказывать, какъ по прошествіи нѣкотораго времени, когда покража была замѣчена, заподозрѣнные въ воровствѣ люди, одни сгнили въ тюрьмѣ, а другіе были сосланы на поселеніе,—какъ потомъ старикъ отецъ умеръ, а громадное состояніе, перейдя въ руки безпутнаго сына, было растрчено; скажу въ заключеніе, что когда послѣдняя копейка пошла на карту, кошка обратился въ волка, завербовался въ ополченіе и сложилъ гдѣ-то свою буйную голову въ послѣднюю компанію. Въ этой исторіи замѣчательно одно обстоятельство, что не смотря на то, что такъ много безвинныхъ людей пострадало по случаю украденныхъ денегъ, ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бросить тѣнь подозрѣнія на фракъ и желтыя перчатки.

Признаемся, что всякій разъ, когда встрѣчается гдѣ-либо имя ваше, г. Герценъ, невольно приходитъ на умъ герой нашего разсказа, и такъ и хочется спросить: ужъ не вы ли то самое лицо, о которомъ шла рѣчь? Но нѣтъ, вы во стократъ хуже этой отверженной обществомъ личности, потому что она искупила заблужденія и преступления своей молодости смертію героя за дѣло своей родины, на что вы по малодушію вашему никогда не будете въ состояніи рѣшиться. Нашъ молодецъ обокралъ своего роднаго отца, а вы, г. Герценъ, обкрадываете честь, славу и доброе имя родины вашей, что несравненно и хуже и преступнѣе,—а какъ, сверхъ того, вы находитесь за моремъ, въ совершенно безопасномъ мѣстѣ и распространяя свои идеи и правила, посредственно загребаετε такимъ образомъ жаръ чужими руками, то и въ этомъ отношеніи вы гораздо ниже представленной нами личности, которая хотя и не дѣйствовала лично, но тѣмъ не менѣе подвергалась опасности, попасть въ руки правосудія; наконецъ, для совершенія даже и такого гнуснаго дѣла, надо обладать нѣкотораго рода безстрашіемъ, чтобы равнодушно смотрѣть на казнь, висѣлицу, рисующіяся въ перспективѣ, но въ васъ мы не замѣчаемъ даже и этой позорнаго свойства отваги.—При томъ, какъ видно, вамъ и горя мало; сѣмяна разврата, цинизма, анархизма и безбожія, вами разсыпаемыя, заразили цѣлое поколѣніе молодыхъ и пылакихъ людей, и они рискуютъ ежечасно искупить позорною смертію, ссылкой, либо заточеніемъ зло и вредъ, приписанные ими обществу! Для достиженія вашей цѣли вы

не слишком разборчивы въ выборѣ средствъ. Вамъ необходимъ высокій пьедесталъ, громкое имя, слава, удивленіе толпы, популярность,—и вотъ, вы готовы идти по слѣдамъ Стеньки Разина и Пугачева, лишь бы натѣшиться удивленіемъ одураченнаго вами общества и подъ конецъ попасть на страницы исторіи, а до того времени заставить правительство бояться васъ, какъ грознаго и опаснаго врага!* Но будьте покойны и радуйтесь: исторія найдетъ для васъ мѣсто на своихъ страницахъ, какъ всякое благоустроенное общество находитъ помѣщеніе для своихъ членовъ, зараженныхъ прилипчивыми болѣзнями и нравственными недугами; что же касается правительства, то оно хотя и боится васъ, это правда, но на столько и въ такой степени, на сколько долженъ бояться всякій честный семьянинъ безнравственной женщины, покушающейся войти въ его домъ.

Ужъ не для того ли, чего добраго, вы такъ сильно хлопочите и суетитесь, чтобы прослыть патриотомъ въ родѣ Минина, Пожарскаго, Дмитрія Донскаго? Но позвольте вамъ замѣтить, что люди, сняскавшіе себѣ право на это званіе, трудившіе всю жизнь не для своей славы, а для блага и славы своего отечества; что же вы такое сдѣлали для того, чтобы считать васъ патриотомъ?

Если бы вы только изобличали злоупотребленія частныхъ и правительственныхъ лицъ, несостоятельность административной системы, указывали на несообразности и ошибки дѣлаемыя вѣдомствами и учрежденіями,—однимъ словомъ, если бы вы такъ писали, какъ пишутъ граждане того государства, гдѣ нѣтъ цензуры правительства, а есть цензура чести, совѣсти и долга, тогда никто бы не рѣшился ни порицать, ни укорять васъ; напротивъ, вы могли бы себѣ составить сильную и многочисленную партію въ средѣ порядочныхъ и честныхъ людей, а не въ тѣхъ массахъ, которыя названы нами изверженностью. Свобода слова и печати нигдѣ не развита въ такой сильной степени, какъ въ Англии, а между тѣмъ, не смотря на громадное населеніе этого государства, представляющаго собою самую разнообразную смѣсь людей противоположныхъ направленій, не нашелся однакоже до сихъ поръ ни одинъ человекъ, который бы рѣшился въ такомъ оскорбительномъ тонѣ писать объ Англии и обо всемъ томъ, что составляетъ для англійскаго гражданина отъ лорда до пролетарія предметъ народной святыни, отъ того что такого, который бы дерзнулъ неокззать должнаго уваженія высшнимъ

народной чести, чернь растерзала бы на улицахъ и закидала грязью.

Вы посвятили очень много времени и труда на то, что бы изучить отечество ваше—землю Русскую, но ученые изслѣдованія ваши принесли такую же пользу родной землѣ вашей, какую для родительскаго дома принесли свѣдѣнія приведеннаго нами выше сына, который приобрѣлъ ихъ въ то время, когда былъ еще ребенкомъ и нуждался въ попеченіяхъ родителей и нянюшекъ. Вы дѣйствительно изучили всѣ слабыя стороны, наболѣвшія мѣста, всѣ незакрывшіяся еще язвы злополучной родины вашей, и теперь, скрывшіеся въ безопасное мѣсто отъ преслѣдованія правосудія, вы, какъ тотъ отверженный Богомъ и людьми сынъ, указываете на эти язвы врагамъ нашимъ! „Вотъ наболѣвшее мѣсто,“ говорите вы, — „устремляйте въ эту точку ваши ураны; вы ее пройдете до живаго, до слезъ: она не выдержитъ, застонетъ болѣзненно и рухнетъ въ прахъ, а тогда-бейте ее по головѣ, колите ее въ глаза, жгите ее огнемъ!“. И послѣ того, вы думаете еще называть себя русскимъ патриотомъ, благороднымъ и честнымъ человекомъ! Вы для насъ русскихъ тоже самое, что больная овца для стада, тоже самое чѣмъ былъ для родной семьи Хамъ издѣвавшійся надъ своимъ отцемъ, и для цѣлаго рода, человеческаго Каинъ, рѣшившійся поднять руку, нанести смертельный ударъ родному брату и впервые обогреть землю человѣческою кровью.

Вы въ вашемъ журналѣ № 146 храбро вызываете къ правительству, и въ третій разъ заявляете свое домогательство что бы оно представило на судъ общества, открытія, сдѣланная Коммисією по дѣлу о зажигательствахъ въ Петербургѣ, при чемъ корчите видъ, что событіе это возмущаетъ васъ.

Возбуждая этотъ вопросъ, вы дѣйствуете, какъ ловкій дипломатъ, который смѣлымъ и гласнымъ заявленіемъ какойнибудь задушевной идеи, устраиваетъ всякое подозрѣніе и своихъ соперниковъ на счетъ степени значенія, какую эта идея имѣетъ для него въ дѣйствительности.

Позвольте васъ спросить, кому, какъ не вамъ, г. Герценъ, принадлежитъ честь инициативы этого подвига? Не вы ли родоначальникъ пораженнаго проказою общества, которое такъ нахально дерзко прозвало себя Молодою Россією? Не вы ли, кидая грязью и брызгами вашей ядовитой слюны во все то, что искони было такъ дорого, такъ священо для русскаго человѣка, во все то, чѣмъ гордилась и чѣмъ гордит-

ся земля русская, растляли умъ и сердце молодаго поколѣнія, приучили его ничему не вѣрить и надъ всѣмъ издѣваться, и вотъ оно, какъ младшее, и потому болѣе энергичное и впечатлительное, вдругъ опередило своего учителя и стало бѣшено проповѣдывать безначаліе, смерть, грабежи, поджоги! Все это идетъ съ вашей легкой руки, доблестный мужъ, надежа русской земли. Въ этомъ дѣлѣ честь, слава и признательность общества вамъ принадлежитъ безспорно. Взгляните на эту нищету и слезы, на пепель и обгорѣвшія стѣны десятковъ тысячъ жилищъ! Вслушайтесь въ эти проклятія, вопли къ правосудію Всевышняго, и порадитесь въ душѣ, потому что все видѣнное вами, есть дѣло рукъ вашихъ, вашихъ словъ и мысли.

Надо, однакоже, отдать вамъ полную справедливость, г. Герценъ, что выступая на это созданное вами поприще гражданской дѣятельности, вы набрали достойныхъ себя сподвижниковъ, но только ваша шайка, разумѣется, составлена на новыхъ началахъ и въ новой облагороженной формѣ. Въ числѣ ея членовъ, есть много людей благовоспитанныхъ, въ шатыхъ мундирахъ, фракахъ, лайковыхъ перчаткахъ, съ изящными манерами. Предки ваши по ремеслу, вооружались ножами, кистенями, топорами и, за неизмѣнимъ болѣе благороднаго оружія, простыми дубинами. Дѣды эти также точно, какъ и вы съ сонмомъ вашихъ сотрудниковъ, разбросанныхъ въ разныхъ государствахъ, боялись дневнаго свѣта, полиціи закона, висѣлицы и плахи; они также, какъ и вы, не помышляли и не заботились о томъ, что бы строить, слагать, создавать, обогащать, благоустроить: это видите, какъ дѣло трудное, не входило въ программу ихъ дѣйствій. Вы же, господа, слѣдуя по той же самой стезѣ, какъ достойные сыны XIX-го столѣтія, отбросили съ презрѣніемъ оружіе вашихъ предковъ и сочли болѣе приличнымъ замѣнить его прокламаціями о прогрессѣ, о либеральности, равноправности, гуманности, толерантности и проч.: странно только, что эти благородныя слова въ своихъ результатахъ ничѣмъ не отличаются отъ дѣйствія кистеней, бердышей и пожарныхъ факеловъ предковъ вашихъ!

И такъ, съ какой точки ни станемъ разсматривать вашу печальную личность, еще больше утверждаемся въ этомъ убѣжденіи, что съ нашей стороны нѣтъ ни малѣйшаго пристрастія въ признаніи за вами неостыжлагаго права именоваться безобразною изверженностью русской земли; но когда подумаешь о числѣ

тельности вашей партіи, о фанатизмъ вашихъ адептовъ, невольно сокрушаешь объ участи злополучныхъ семействъ, куда вы вносите нравственное растлѣніе и начала самаго безотраднaго, грубаго эгоизма! Печальна судьба твоя и страшенъ открывающійся тебѣ путь жизни, молодое поколѣніе! Какая сила, кромѣ Бога, можетъ оградить тебя отъ тлетворнаго дыханія нашихъ доблестныхъ патриотовъ, посленныхъ внѣ предѣловъ нашего государства! Можно ли ручаться, что этотъ залогъ будущей жизни и силъ нашего отечества, это молодое поколѣніе, которое во всѣхъ другихъ государствахъ поддерживало славу народнаго имени, сражаясь за цѣлость, независимость и благосостояніе своей родины и пріорѣтало глубокую признательность соотечественниковъ, что это молодое поколѣніе по своей неопытности, безпечности, и легкомыслію, устремляясь въ отъвертыя врата общественной жизни, не попадетъ въ искусно разставленныя вами сѣти, и послѣ разомъ, вдругъ обѣими ногами вступитъ въ среду, составляющую безобразную и громадную изверженность земли русскія, и мудрено ли что тогда еще болѣе усилится справедливая жалоба на то, что молодежь наша не можетъ приносить никакой пользы обществу, потому что бо большей части вся она сильно проникнута дурнымъ духомъ и вредными идеями!

Экое твое горе, мать ты наша-земля Русская! Видно такова ужъ судьба твоя, что на почвѣ твоей ни одинъ талантъ, ни одна даровитая натура не сложится въ прокъ, и не созрѣетъ безъ какого либо изъяна! Человѣкъ твой рождается чудо богатыремъ, но въ послѣдствіи то сопьется съ кругомъ, то заруляется на смерть, то собьется съ пути истиннаго, то вдругъ понесетъ такую околесную, что уши вянутъ слушая. Да и не только съ людьми твоими такая притча дѣлается, но даже съ брошеннымъ на твои нивы зерномъ, которое, благодаря твоему тучному чернозему, другой разъ подымется въ листь да стебель, и выгонитъ траву что твое дерево, а между тѣмъ отъ нея бѣдному земледѣльцу больше хлопотъ и горя, чѣмъ проку бываетъ!

Тоже самое и на васъ мы видимъ, г-нъ Герценъ! Между тѣмъ, при вашемъ громадномъ талантѣ, всестороннихъ свѣдѣніяхъ, блестящихъ способностяхъ и желѣзной энергіи, если бы по меньше было сѣби, заносчивости, гордости, и по больше тѣхъ качествъ, которыя называются гражданскими доблестями, сколько вы могли бы сдѣлать добра и пользы вашему отечеству, вашей родинѣ! Если бы вы любили рус-

скую землю, не такъ, какъ Сатурнъ любилъ своихъ дѣтей; какъ волкъ любить овечку, и какъ почтительный сынъ любить своихъ родителей, не ужели бы вы несодрогнулись при мысли проповѣдывать реформы, съ факелами пожаровъ и ножами убійцъ въ рукахъ? Будь въ вашемъ сердцѣ одна только любовь къ истинѣ и стремленіе къ пользѣ, добру, а патриотизмъ вашъ безъ всякой примѣси личныхъ интересовъ, ненависти, злобы и желанія вредить правительству, вы, принимаясь проповѣдывать реформы, не могли бы изгнать изъ вашего сердца и ума, того чувства весьма понятной робости и осторожности, какими проникнуты бывають родители, поднося своему ребенку лѣкарство, которое, хотя можетъ спасти его жизнь, но въ тоже самое время и убить его, пропорція входящихъ въ него веществъ, неудачно составлена. Вы же какъ поступаете, проповѣдуя новыя идеи и реформы, стремясь разрушить тѣ порядки и понятія, которые медленно и безпрепятственно слагались въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія? Вы дѣйствуете какъ цыганъ коноваль на ярмаркѣ, безтрепетно берущій въ руку шниперъ, что бы выпустить ведро крови изъ бѣднаго животнаго, которое потому только опустило голову и отказалось отъ жеванія корма, что тяжкій трудъ изнурилъ его силы, для возобновленія которыхъ необходимы только одно спокойствіе и отдыхъ, а не кровопусканія.

Но вы, г: Герценъ, какъ человекъ умный и расчетливый разомъ сообразили, что такого рода трудъ и служба, какую несутъ многія тысячи достойныхъ и честныхъ соотечественниковъ вашихъ, не принесетъ вамъ тѣхъ преимуществъ, какими бы вы желали пользоваться,—и вотъ вы, нацѣпивши себѣ на шею колокольчикъ, предпочли бѣжать за блестящею колесницею англійской конституціи, въ качествѣ шаловливаго жеребенка, лягаясь и брызгая грязью въ проходящихъ, предоставлявъ на долю соотечественниковъ вашихъ тянуть въ потъ лица нѣсколько тяжелую, это правда, но все таки свою, родную, телегу государственной администраціи, и только издали наслаждаться картиною вашей рыаной побѣжки и звуками бубенчика вашего. Разумѣется, вамъ, гг. реформаторы, наша скромная жизнь будетъ всегда не понутру, потому что для васъ, кромѣ славы, могущей польстить вашему самолюбію, и которую едва ли бы вы могли снискать, живя на почвѣ вашей родины, есть еще и другое побужденіе вполне возвышенное и благородное, заставляющее васъ неукоснительно слѣдовать избранному однажды путемъ. Побужденіе это, есть-чувство

ненависти, а вслѣдствіе того и жажда-истить русскому правительству, которое во время оно преслѣдовало васъ за ваши юродства и проповѣдываемые вами анархическія начала,—и что же мы видимъ? Убѣдившись въ невозможности отдѣлать правительство отъ государства и дѣйствовать въ ущербъ интересовъ одного, не причиняя вреда другому, вы махнули рукою и безъ оглядки повели вашу работу, усердно подкапывая двѣ силы и двѣ жизни, отечества и правительства вмѣстѣ, и, не смотря на полное сознаніе безобразія вашей работы, вы не можете лишиться себя высокаго наслажденія—удовлетворить вашему тщеславію, хотя бы для того надо было принести въ жертву сотни тысячъ семействъ съ ихъ имуществами. Мы очень хорошо понимаемъ всѣ преимущества и удобства вашего настоящаго положенія. Личная свобода ваша застрахована вполне удовлетворительно, а вы сами, вмѣсто того чтобы добросовѣстнымъ и положительнымъ трудомъ приложить къ общему итогу дѣятельности вашихъ соотечественниковъ свою жертву для блага общаго, вы, метаясь бѣшено на свободѣ, подняли пылъ до облаковъ, а легкомысліе и легковѣріе приняло столбъ взвитой вами пыли за гранитную гору, воздвигнутую на прочныхъ и незыблемыхъ основаніяхъ; но когда придетъ время подвергнуть строгому суду обѣ стороны причастныя дѣлу, то когѣ, по вашему мнѣнію, общество будетъ казнить и клеймить позоромъ? Тѣхъ ли, которые ввали въ заблужденіе, принявъ миражъ за существенность,—или тѣхъ, которые съ преступною цѣлью устроили этотъ миражъ и, какъ говорить русская пословица, напустили туману въ глаза?

Надо полагать, что успѣхъ, какой до сихъ поръ сопровождалъ стремленія ваши—сдѣлаться кумиромъ всей партіи несостоятельныхъ должниковъ правительства и государства, развилъ въ васъ самоувѣренность и нахальство въ такой сильной степени, какая устанавливается только въ натурахъ, вполне обиженныхъ природою; и вотъ, въ пароксизмъ этого нравственнаго педуга, набросившаго какъ бы повязку на ваше зрѣніе и на вашу проницательность, вы увѣнчали цѣлый рядъ сумасбродныхъ теорій, проповѣдуемыхъ вами, помѣстивъ въ томъ-же 146 № издаваемого вами журнала, объявленіе „отъ центрального, народнаго, польскаго комитета въ Варшавѣ.“ Въ объявленіи этомъ „Рыбаки“ Варшавскіе, завидя издаелека „своихъ“, и говорятъ „Рыбакамъ“ русскимъ, поселившимся въ Лондонѣ, что-де они считаютъ священной для себя обязанностию, *вести русскую публику изъ заблужденія на счетъ стремленій*

и цѣлей Польши, и потому увѣряютъ *честно*, что стремленія эти чисто либеральныя, что-де въ нихъ, полякахъ, нѣтъ уже ни тѣни шляхетскаго консерватизма,—что, напротивъ, они стремятся къ уничтоженію сословныхъ различій,—что цѣль ихъ есть: а) освобожденіе крестьянъ?! б) возстановленіе Польши въ древнихъ предѣлахъ, в) предоставленіе равноправности, самоправности, свободы совѣсти, и проч. За тѣмъ, объясняя категорически, почету русскіе, для собственнаго своего блага, славы и могущества, должны всѣми силами содѣйствовать имъ, полякамъ, къ осуществленію ихъ плана, рыбаки эти говорятъ намъ, русскимъ: „вы, молъ, за то, что мы такъ добросовѣтны, заключите съ нами вѣчный союзъ и отдайте намъ Литву, Вѣлоруссію, Украину, а мы, въ свою очередь, клянемся и обѣщаемъ, что съ вами, *рускими*, на *нашей польской землѣ*, будемъ жить дружно и мирно и проч.

И вотъ, г. Герценъ по прочтеніи этой ноты, въ порывѣ благороднаго патриотизма, проливая слезы умиленія, какъ нѣжный отецъ, завидѣвшій блуднаго сына, возвращающагося въ родительскій домъ, громовымъ голосомъ призываетъ къ Россіи (молодой,) и повелѣваетъ ей немедленно-же отдать Польшу всѣ русскія области между Днѣпромъ и Двиною! Полякая, что для него области эти во все ненужны, что дружескій союзъ съ Польшею, а въ особенности съ „центральныймъ польскимъ комитетомъ въ Варшавѣ,“ онъ признаетъ для себя слышкомъ выгоднымъ и лѣстнымъ, чтобы спорить и торговаться съ такихъ пустякахъ,—въ заключеніе, вѣроятно для сообщенія своей грозной нотѣ нѣкоторой устойчивости и кредита, г. Герценъ обращается къ русскому народу и говоритъ: кто и на этихъ столь выгодныхъ и блестящихъ условіяхъ, не подастъ руки дружбы полякамъ, тотъ не любитъ ни свободы, ни его, Герцена?

Неужели и эта шутовская выходка со стороны г. Герцена не исполнитъ мѣру долготерпѣнія русскаго общества, и оно не отведетъ сочиненіямъ его приличное почтеніе въ архивахъ желтаго дома, вмѣстѣ съ скорбными листами, тамъ хранящимися? Чтоже такое значить это объявленіе? Неужели и эту ноту его варшавскихъ друзей, съ собственнымъ комментариемъ, г. Герценъ со временемъ прикажетъ признавать только за „Ноздревскую родомонтаду,“ какъ онъ назвалъ (послѣ Шедоферотьевскаго разгрома) письмо свое къ російскому послу въ Лондонѣ, барону Брунову.

Всѣмъ извѣстно, что г. Герценъ—„либераль“ какихъ свѣтъ

не видѣлъ,—что для устройства дѣлъ своей „обожаемой“ Россіи, не пощадилъ бы своего живота,—что, имѣя въ виду благо той же Россіи, онъ бѣжалъ за границу, не столько для огражденія своей личности отъ придирокъ полицейскихъ чиновниковъ, сколько для того, чтобы имѣть возможность входить во всякое время въ непосредственныя соотношенія со всеми государственными людьми Европы и вмѣстѣ съ ними обсуждать мѣры, для лучшаго устройства Россіи,—что онъ, Герценъ за дѣло народной равноправности и свободы, готовъ сложить на плахѣ свою голову,—а между тѣмъ вдругъ,—ни съ того ни съ сего, а просто вслѣдствіе отзыва центрального народнаго польскаго комитета въ Варшавѣ,—онъ даритъ Польшѣ громадной величины область съ десятью милліонами Русскихъ, не спросясь, угодно ли имъ примкнуть къ той самой Польшѣ, съ которою они пять столѣтій вели самую упорную и ожесточенную борьбу отстаивая свою вѣру, народность, собственность и права!

Фактъ этотъ можетъ быть объясненъ троякимъ образомъ: или г. Герцена *провели* самымъ безстыднымъ образомъ; и онъ, бѣдняжка, какъ всякій благородный и честный человекъ, не подозрѣвая, что на свѣтѣ есть люди, способные при случаѣ провести ближняго, чтобы потомъ потѣшиться на его счетъ, попалъ въ расставленные ему силки,—или онъ пустилъ въ свѣтѣ это объявленіе, какъ „дипломатическую утку“ для какихъ нибудь невѣдомыхъ намъ цѣлей и осуществленія высшихъ политическихъ комбинацій,—или же, наконецъ, онъ напечаталъ это объявленіе, изъ страха навлечь на себя негодованіе и месть членовъ польскаго комитета, который могъ-бы лишить его дружбы и зачислить въ ряды консервативной партіи.

Допустить первое предположеніе мы признаемъ совершенно несообразнымъ; г. Герценъ слишкомъ свѣдущъ, и слишкомъ опытенъ въ житейскихъ дѣлахъ, чтобы вдругъ ни съ того ни съ другаго, повѣрить безусловно заявленіямъ какого-то комитета, который вовсе и не существуетъ, а что онъ не существуетъ, въ томъ насъ увѣряетъ и принимаектъ на себя поручительство и отвѣтственность почтенный редакторъ краковскаго „Часа,“ почти въ каждомъ № издаваемой имъ газеты, кредитъ которой у поляковъ такъ же великъ, какъ у магометанъ стихъ изъ корана; къ тому же, почти всѣ корреспонденты означенной газеты признають даже оскорбительнымъ для народной чести Польши всякое предположеніе о существованіи такого комитета, увѣряя, что совершающимся въ насто-

ящее время революціоннымъ и анархическимъ движеніемъ въ Польшу управляетъ одинъ только общій всенародный инстинктъ, основанный на историческихъ преданіяхъ и чувствахъ патріотизма. Здѣсь какъ надо догадываться, одно изъ двухъ: или отзывъ польскаго народнаго комитета къ русскому Коріолану есть какая нибудь дерзкая и неумѣстная штука школьника—гимназиста, желавшаго подтрунить надъ г. Герценомъ, котораго онъ таки и поймалъ на удочку,—или, наконецъ, комитетъ дѣйствительно существуетъ, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ, принимая въ соображеніе энергическія протестаціи „Часа.“ признающаго подобнаго рода „сборища и шайки“ недостойными польской націи и оскорбительными для ея чести, члены этого комитета, въ отношеніи Польши представляютъ собою ничто иное какъ „польскую изверженность“, такого же свойства, какъ и продукція русской земли того-же наименованія, смыслъ и значеніе которой мы опредѣлили выше.

Нѣтъ, г. Герцень! Чѣмъ ближе всматриваемся въ это дѣло, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ томъ, что оно не совсѣмъ чистое и честное и что едва-ли въ этой выходкѣ вашей не кроются какія нибудь темныя политическія комбинаціи, пока еще вамъ однимъ извѣстныя. Но вы горько ошиблись, г. Герцень, въ вашихъ расчетахъ! Неужели вы полагаете, что мы до такой степени ограничены и недалководивны, что сей частки, развѣсивъ уши, и повѣримъ тому, что говоритъ вамъ польскій комитетъ, а его систему, составленную для *блага Россіи*, примемъ къ руководству, да еще скажемъ спасибо! Нѣтъ, г. Герцень; если вы не знали до сихъ поръ, то узнайте, что мы твердо убѣждены въ томъ, что общество, развивавшееся при такихъ условіяхъ, какъ польское, въ теченіи почти дѣсяти вѣковъ, не можетъ вдругъ переродиться, отказаться въ 1862-мъ году, отъ тѣхъ возрѣвнй, идей и стремленій, которыя такъ еще были ему по сердцу въ началѣ 1861-го года, которыя проникли въ кровь и плоть, и всосаны съ материнскимъ молокомъ. Повѣрить въ возможность такого крутаго и не бывалаго певеворота въ цѣломъ народѣ, или лучше сказать въ цѣломъ сословіи, сословіи шляхетскомъ, можно было бы въ такомъ только случаѣ, если бы была возможность пересоздавать природы по произволу и дѣлать флегматикомъ—итальянца, осѣдлымъ—цыгана, восторженнымъ—лапландца, апатичнымъ—испанца, вѣтренымъ и рѣзвымъ—голландца, толерантнымъ и уважающимъ личность и законы—польскаго шляхтича, честнымъ—человѣка рѣшившагося присвоить чужія деньги и

бѣжавшаго съ ними за границу, чтобы оттуда проповѣдывать безкорыстіе и гражданскіе доблести.

Вы провозглашаете равенство, свободу, предлагаете Россіи учредить конституцію на самыхъ широкихъ основаніяхъ и хотите изъ нея сдѣлать демократическую республику въ родѣ сѣверо-американскихъ штатовъ! Но вы кажется, не хотите себя припомнить, во сколько обошлась Франціи подобнаго рода попытка въ 789-мъ году, и умалчиваете о томъ, какого свойства была эта пресловутая свобода въ первой республикѣ, когда главными дѣятелями были подобные вамъ либералы и равноправники! Имена этихъ дѣтелей такое же кровавое и грязное пятно на страницахъ французской исторіи, какое въ русской исторіи будетъ современемъ составлять сочетаніе именъ Пугачева, Стеньки Разина, ваше, и всей честной компаніи, которой вы имѣете честь быть представителемъ и родоначальникомъ; разница между вами и всѣми клеветами вашими, и какимъ нибудь Маратомъ и Робеспьеромъ, есть та, что при всемъ безобразіи и безнравственности этихъ личностей, они все таки не дерзали во имя свободы проповѣдывать раздробленіе Франціи и отчуждать какую нибудь Бретань въ пользу Англичанъ, во вниманіе того и на томъ основаніи, что тамъ поселилось искони нѣсколько англійскихъ семействъ, горланившихъ и домогающихся возстановленія англійскаго правительства, потому что малѣйшій намекъ былъ бы сигналомъ для разъяренной черни, и она закидала бы ихъ грязью и камнями, какъ предателей отечества! Но вы какъ человекъ великодушный, дѣйствующій во второй половинѣ XIX-го вѣка, однимъ почеркомъ пера вдругъ отдѣляете отъ Россіи наслѣдіе Богдана и всѣхъ славныхъ дѣтелей въ исторіи освобожденія западной Россіи отъ польскаго ига; вы хотите попрасть славу и разрушить дѣла этихъ доблестныхъ и великихъ людей, повергнуть ихъ въ прахъ и низвести къ уровню разбойниковъ и бунтовщиковъ, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы скромно стать на ихъ мѣсто! Можно ли послѣ того не сопричислить васъ къ лику народныхъ героевъ, чудо-богатырей, Фарлафъ вы этакой новѣйшаго времени!

Возвращаясь къ злополучному 146 № вашего журнала, въ которомъ вы помѣстили объявленіе «центрального польскаго комитета, „позвольте замѣтить вамъ г. Герценъ, что вы какъ видно, не приняли даже на себя труда выикнуть внимательно въ содержаніе этого документа, свидѣтельствующаго, что Богъ помрачаетъ иногда разумъ гордецовъ, не смотря на то, что

они дѣйствуютъ по хитро и зрѣло обдуманнѣмъ планамъ. Вчитавшись хорошенько въ этотъ замѣчательный документъ, вы не могли бы не замѣтить грубыя протѣвурчія, встречающіяся тамъ на каждомъ шагу. Такъ на прим., въ одномъ мѣстѣ члены этого комитета говорятъ: „для насъ нѣтъ Польши раздѣленной, для насъ Польша единая, та, которая состоитъ въ соединеніи Польши, Литвы, и *Руси*..“ Значитъ, комитетъ раздѣленіе Польши считаетъ для себя невыгоднымъ, а для интересовъ государства не возможнымъ, и во все не принимаетъ въ соображеніе того, что и намъ, русскимъ, не совсѣмъ выгодно подчиниться тѣмъ же условіямъ и видѣть *Русь* отдѣленную отъ *Россіи*. Вслѣдъ за тѣмъ, вѣроятно что бы замылить намъ глаза и сообщить своей нотѣ *либеральный* колоритъ, комитетъ присовокупляетъ, что „впрочемъ, Литва и *Руси*, будетъ *предоставлена* полная свобода (какое великодушіе!) распорядиться собою, согласно собственной ихъ волѣ,“ — то есть — примкнуть, пожалуй, къ Австріи, Пруссіи, Россіи, не такъ ли? Слѣдовательно, опять таки допускается возможность существованія Польши безъ Литвы и *Руси*?! Дальше встречается снова фраза загадочнаго и темнаго смысла, въ которой „члены комитета“ говорятъ, что они надѣются на „братскій союзъ русскихъ и поляковъ на *нашей польской землѣ*,“ — стало быть, по вашему, мы, 10-ть милліон. русскихъ, или какъ насъ называютъ австрійцы и поляки, „русины,“ живемъ на *землѣ польской* Христа ради, какъ пришлецы, какъ гости, какъ колонисты, а потому и выгнать насъ можно въ случаѣ надобности, не такъ ли? Какъ тутъ не вспомнить, что „писано бо есть, погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергу,“.

При совершающихся въ настоящее время событіяхъ смѣшно, право, когда подумаешь, что претензіи Польши на западную Россію опираются главнѣйше на жалкомъ актѣ Люблинскаго сейма 1569 года. Кто сколько нибудь знаетъ исторію, тотъ не рѣшится оспаривать, что люблинская унія между Литвою и Польшею, унія, которую подписало добровольно только нѣсколько семействъ шляхты польской и ополячившейся русской, есть ни что иное, какъ блѣдная и туманная тѣнь уній американскихъ штатовъ, — а между тѣмъ, какіе-же мы видимъ результаты въ настоящее время, когда интересы южанъ столкнулись съ интересами сѣверянъ? Въ свою очередь, врядъ ли найдется кто нибудь изъ людей, знающихъ исторію и этнографію двугъ этихъ государствъ, который бы не призналъ

что между съверянами и южанами американскихъ штатовъ гораздо менѣе оттънковъ и особенностей, затрудняющихъ взаимную связь и согласіе, какъ между русскими западнаго края и поляками,—и наконецъ, всякій наблюдатель, слѣдящій за ходомъ событій въ тѣхъ же самыхъ двухъ государствахъ, не станетъ отвергать справедливость того факта, что свобода, проповѣдуемая поляками, такая же точно по своему характеру, какъ и та, за которую воюютъ сепаратисты, т. е. свобода дѣйствовать по праву сильного, свобода обливаться сѣрною кислотою тѣхъ, кто не носить траура, свобода оскорблять русскихъ женъ и дѣвцъ, и вообще женщинъ другой народности, не подчиняющихся правиламъ и порядкамъ, установленнымъ анархическою партіею:—однимъ словомъ такая свобода, какую вкушали нѣкогда русскіе, находившіеся подъ владычествомъ польши.

Впрочемъ надо сказать правду, что польша съ начала 1861 года совершенно переродилась, и въ ней нѣтъ и тѣни той польши, какою она была въ 1860 году, и прежде. Самъ „Комитетъ“ въ нотѣ своей къ г. Герцену говоритъ какъ объ этомъ было сказано выше, что въ насъ уже нѣтъ ни тѣни шляхетскаго консерватизма, что польша стремится къ уничтоженію сословныхъ различій, къ полной свободѣ, вѣротерпимости“ и проч. и проч.

Что поляки „стремятся“, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но куда и къ чему,—про то знаетъ одинъ Богъ; что же касается системы ихъ дѣйствій въ настоящій моментъ, то она, какъ слѣдствіе лихорадочнаго, напряженнаго состоянія, никакимъ образомъ не можетъ представлять собою прочнаго залога къ дальнѣйшему ходу дѣлъ потому же пути, ибо въ минуту народнаго движенія, каждая партія старается порисоваться предъ міромъ, сообщить своимъ стремленіямъ характеръ благородства, облечь свои дѣйствія мантиею героизма и такимъ образомъ возбудить къ себѣ сочувствіе народовъ слѣдящихъ за всѣми движеніями издали, въ качествѣ постороннихъ зрителей; такъ и въ настоящей прокламаціи центрального польскаго комитета указывается, между прочимъ, на рѣшительное и твердое намѣреніе комитета приступить „къ освобожденію крестьянъ съ землею,“—мысль, безспорно, счастливая, замѣчательная и въ высшей степени благородная,—жалъ только, что она не пришла въ голову членамъ комитета 12 лѣтъ тому назадъ: тогда бы онъ былъ на столько впереди правительства русскаго, на сколько это правительство стоитъ

теперь впереди комитета; къ тому же и честь инициативы была бы тоже на его сторонѣ. Впрочемъ, объ этихъ вспышкахъ гражданскихъ доблестей и говорить не стоить, потому что въ жизни народовъ, какъ и въ жизни человека, бываютъ обстоятельства, когда онъ, такъ сказать, отрывается отъ своей природы; доказательствомъ того могутъ быть случаи, когда трусъ, въ минуту опасности, защищается иногда какъ герой.

Жаль, очень жаль, г. Герценъ, что рѣшаясь печатать вашъ манифестъ, въ которомъ повелѣваете намъ принять безусловно ультиматумъ покровительствуемаго вами комитета, не сдѣлали вы про себя этихъ соображеній и не порылись въ новѣйшей исторіи, чтобы навести справку, нѣтъ ли тамъ какихъ-нибудь фактовъ, для подкрѣпленія кредита вашихъ комитетскихъ друзей, и предлагаемыхъ ими условій; но какъ этого вы не сдѣлали, то позвольте мнѣ указать вамъ на одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ.

Когда въ послѣднюю восточную войну большая половина Европы ополчилась на Россію, и она, напрягая всѣ свои усилія, съ трудомъ отбивалась отъ совокупныхъ и дружныхъ натисковъ своихъ могущественныхъ враговъ, Польша, въ надеждѣ, что наконецъ приближается давно желанный часъ ея возрожденія, встрепенулась на всемъ своемъ пространствѣ и вновь устремила свои жадные взоры на русскія области, находившіяся нѣкогда подъ ея владычествомъ. Желая воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи, какъ самымъ благоприятнымъ моментомъ для осуществленія своихъ плановъ, польская эмиграція предложила Портѣ свое содѣйствіе и домогалась о предоставленіи ей права формировать польскіе легіоны; но какъ учрежденіе этихъ легіоновъ угрожало Австріи тѣмъ, что оно могло вызвать народное волненіе въ Галиціи, то она, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, отстранила отъ себя эту грозу; такимъ образомъ, вмѣсто предполагаемыхъ легіоновъ, эмиграція польская должна была ограничиться разрѣшеніемъ Порты—составить въ Добруджѣ три казачьихъ полка изъ людей всякаго званія, населяющихъ этотъ край, подъ главнымъ начальствомъ Садикъ-Паши (ренегата Чайковскаго). Само собою разумѣется, что всѣ офицеры и полковые командиры набраны были изъ членовъ польской эмиграціи, преимущественно изъ партіи князя Чарторижскаго, сынъ котораго командовалъ однимъ изъ этихъ полковъ,—слѣдовательно въ отрядѣ этомъ вліяніе и кредитъ Чарторижскихъ были весьма значительны.

Казалось бы, что въ такой торжественный моментъ, когда часто самое ничтожное обстоятельство рѣшаетъ судьбу государства, когда Польша болѣе, чѣмъ во всякое другое время, могла ожидать благоприятнаго поворота въ дѣлѣ возстановленія своей независимости, необходимо было бы преодолѣть всѣ свои врожденныя наклонности и, для поддержанія своего кредита, оставить Европу въ томъ убѣжденіи, что проповѣдуемая ею либеральныя идеи сроднились вполнѣ съ ея природою, и что слова: равноправность, вѣротерпимость, и проч. не суть одни только пустыя звуки въ устахъ польскихъ бродячихъ патріотовъ. И что же? Члены польской эмиграціи, пользуясь удобнымъ случаемъ, своею властію и досужимъ временемъ, приступили къ обращенію служившихъ въ этихъ полкахъ *некрасовцевъ* и другихъ инновѣрцевъ, въ католическую вѣру,— и если бы не вмѣшательство въ это дѣло англійскаго посланника лорда Каннинга, вслѣдствіе представленія нѣкоторыхъ членовъ враждебной Чарторижскому партіи, то безчинства эти вызвали бы непременно кровавыя распри (Смотри «*Udział polaków w wojnie wschodniej*» Милковского стр. 167, 168 и 169-я).

И вы, г. Герценъ, дерзаете послѣ того предлагать намъ, 10 м. русскихъ, поселенныхъ на родной почвѣ нашихъ западныхъ губерній условія какого-то невѣдомаго, невиданнаго комитета, гарантируя вашимъ именемъ исполненіе принятыхъ имъ на себя обязательствъ! Подумали-ль вы объ этомъ, что такого рода посулки, какъ свобода, собственность, равноправность, вѣротерпимость, автономія, бывають иногда неосуществимы даже и въ такомъ случаѣ, когда они предлагаются народу могущественнымъ и стройнымъ правительствомъ, потому что тотъ народъ, у котораго были связаны ноги и руки, и была повязка на глазахъ въ теченіи многихъ столѣтій, не въ силахъ и не въ состояніи вдругъ, безъ всякихъ приготовленій, дѣлать прыжки и кувыркаться какъ прыгаютъ и кувыркаются эквилибристы и балетчики, упражнявшіеся въ этихъ движеніяхъ съ измала! Не грѣхъ ли же вамъ такъ издѣваться надъ нами и позорить насъ передъ глазами Европы, которая по неволѣ составитъ о насъ самое грустное заключеніе, принявъ опубликованный вами документъ за образчикъ тѣхъ недѣльностей, которыми можно еще дурачить насъ, русскихъ, и которыми въ другихъ государствахъ можно только морочить дѣтей и слабоумныхъ! Вѣдь сознайтесь по совѣсти, если-бы этотъ незримый комитетъ, вмѣсто того, что бы домогаться о

напечатаніи въ вашемъ „колоколь“ его ультиматума, попросилъ бы у васъ взаймы сотню-другую фунтовъ стерлинговъ то, не смотря, что вы владѣете значительными капиталами, вывезенными вами изъ Россіи, что вы, подражая Гарибальди заявляете готовность жертвовать вашимъ благосостояніемъ за дѣло освобожденія народовъ,—все таки вы не ссудили бы вашимъ «друзьямъ» этихъ денегъ! Какъ же послѣ того вы рѣшились требовать отъ насъ, чтобы мы ввѣрили и судьбу нашу, и благосостояніе, и жизнь, и честь, и судьбу нашей родины въ руки комитета, которому вы не рѣшились бы ссудить какую-нибудь тысячу рублей, и который если бы и вздумалъ продать на биржѣ свои акціи, то онѣ могли бы только быть предложены въ качествѣ и цѣнѣ той бумаги, какую порядочные люди употребляютъ для.... оклейки своихъ комнатъ подъ обои.

Право, какъ ни разсуждай, какъ ни поворачивай эту,—какъ вы сами называете отливаемые вами пули,—„Поздравскую Родомонтаду,“ а все таки въ толкъ невозмешь, какимъ чудомъ Герценъ, Алексеандръ Ивановичъ, Искандеръ, человекъ не вѣрящій ни въ Бога, ни въ людей, ни въ правительства, скептикъ, атеистъ и разныхъ либеральныхъ идей проповѣдникъ, повѣрилъ безусловно въ заявленіе какого-то комитета и требуетъ, что бы и мы въ свою очередь повѣрили ему безъ всякаго залога и гарантіи.

Теперь необходимо мнѣ сказать вамъ въ заключеніе послѣднее слово. Въ припискѣ вашей подъ ультиматумомъ покровительствуемаго вами комитета, который, въ своей чисто-сердечной отеческой заботливости о благѣ и чести Россіи, требуетъ отмежеванія отъ нея западныхъ областей, того широкаго кладбища, гдѣ покоятся кости святыхъ угодольниковъ, князей, героевъ и всѣхъ людей русскихъ—предковъ нашихъ,—той земли, гдѣ зрѣютъ сѣмена нашей новой жизни,—вы, г. Герценъ, говорите, что: „тотъ русскій, который и на этихъ основаніяхъ не подастъ руки дружбы полякамъ, тотъ не любитъ свободы.“

Позвольте вамъ еще разъ напомнить, г. Герценъ, что мы люди и граждане, по этому имѣемъ полное право требовать, что бы съ нами вы обращались, какъ съ людьми и гражданами,—а между тѣмъ, въ порывѣ вашего эгонизма, вы до того забылись, что дерзаете предлагать намъ свободу такого рода и свойства, которую приличнѣе было бы назвать телячьей, овечьей, но ужъ ни въ какомъ случаѣ человѣческой, гражд-

данскою. Быть можетъ, что для васъ и поборниковъ вашего дѣла, точно также какъ и для поименованныхъ четвероногихъ все равно, живете ли вы на англійской, на французской, либо на итальянской почвѣ, лишь бы только вамъ было сытно, тепло да просторно; но мы гордимся именемъ русскихъ, признаемъ главнымъ условіемъ счастья жить на почвѣ нашей родины и дорожимъ честью нашего отечества, — а потому предпочтемъ всегда оставаться подъ собственнымъ своимъ русскимъ правительствомъ, какіе бы ни были его недостатки, трудиться въ потъ лица надъ введеніемъ въ жизнь дарованныхъ намъ разныхъ полезныхъ учрежденій и новыхъ порядковъ, выжидая терпѣливо улучшеній многое число лѣтъ, чѣмъ подъ чужимъ скипетромъ, подъ чужимъ именемъ вкушать хваленую вами свободу, купленную цѣною чести русской земли и русскаго человѣка; и если вы такую свободу ставите выше всего, что хорого гражданину и всякому человѣку, любящему свое отечество, то оставайтесь себѣ съ друзьями вашими въ Лондонѣ, а объ насъ не беспокойтесь, не хлопчите, и не трудитесь предлагать совѣты въ такомъ родѣ, какіе въ баснѣ Крылова, даетъ своимъ подругамъ, — лисица безъ хвоста.

Александръ Горошковскій.

Одобрено Цензурою 18 Января 1863 г. Въ тип. А. М. и Федорова.

СОДЕРЖАНІЕ VII КН. ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ I.

- № 21. МАТЕРІАЛЫ для исторіи гоненія православныхъ въ бывшихъ подъ властію Польши русскихъ областяхъ.—Стр. 1.
- № 22. МАТЕРІАЛЫ для исторіи раздѣленія Польши.—Декларация русскаго двора 1792 г. Мая 23,—Стр. 2
- № 23. МАТЕРІАЛЫ для исторіи Польши въ царствованіе Импер. Николая 1-го. **Вѣчь** Императора, произнесенная Имъ въ Варшавѣ, въ Лазарковомъ дворцѣ 4/10 Октября 1835 г., по случаю аудіенціи польскихъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій города.—Стр. 9.
- № 24. ЖАЛОВАННАЯ подтвердительная грамота короля Сигизмунда 1-го городу Витебску на права и вольности.... 1509 г.—Стр. 12.

ОТДѢЛЪ II.

- ХАРАКТЕРЪ церковнаго управленія въ югозападной и западной Россіи предъ брестскою униєю (окончаніе). Д. СИНИЦКАГО.—Стр. 1—3 9.
- ГОЛОСЪ служиваго царствованія Императора Николая 1-го. Г. НОВИЦКАГО. Стр. 1—27
- ПОСЛѢДНЕЕ пятидесятилѣтіе Польши, съ 1764 по 1814 годъ (Краткій историческій очеркъ) И. КУЛЖИНСКАГО.—Стр. 1—23.
- ПАДЕНІЕ шляхетскаго господства въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, въ XVII вѣкѣ. (Продолженіе) П. КУЛИША.—Стр. 1.

ОТДѢЛЪ III.

- УСТАВЪ національнаго революціоннаго союза и польская народность въ европейскомъ равновѣсіи. Соч. Людвика Мирославскаго. 1856 г. П. САКОВИЧА. Стр. 1.
- ЗАМѢТКА на замѣтку: «О церковно-приходскихъ училищахъ Кіевской епархіи, помѣщенную въ 238 № С. Итер. Вѣдомостей 1862 г.—Стр. 20.

ОТДѢЛЪ IV.

- ХАРАКТЕРИСТИКА церковныхъ православныхъ братствъ. М. ЮЗЕФОВИЧА.—Стр. 1.
- ВОВЕДА Волчій Хвостъ. Повѣсть красная времь великихъ князей Святослава и сына его Володиміра (продолженіе).—Стр. 7.
- МѢСТНЫЕ вопросы. А. ВОРОНИНА.—Стр. 22.
- ЗАМѢЧАНІЯ на Проектъ общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ. Стр. 73.
- СТИХОТВОРЕНІЯ. I. Кошки и Обезьяны (Басня). II. Двѣ сестры (Апология). И. К. Стр. 82.
- ДРУЖЕСКІЙ совѣтъ г. Редактору Вѣстника юго-западной и западной Россіи и **Прзвѣчаніе** Редактору.—Стр. 86.
- ДУМА русскаго при взглядѣ на послѣднія событія въ царствѣ Польскомъ.—Стр. 93.
- ИЗВѢСТІЕ изъ Ниццы.—Стр. 103.
- ГОЛОСЪ изъ Каменца. Подоланна—Стр. 106.
- ЗАЯВЛЕНІЕ редакціи Вѣстника юго-западной и западной Россіи.—Стр. 110.
- ВОРОНА въ соколиныхъ перьяхъ. (Посвящается штенцамъ изъ герценовскаго гнѣзда). А. ГОРОШКОВСКАГО. (Приложеніе къ Вѣстнику).—

